

Д.П.Урсу

**ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ АФРИКИ**

Д.П. Урсу

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ АФРИКИ

*Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебного пособия для студентов вузов,
обучающихся по специальности «История»*

Scan by Skorpion Professional

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1990

ББК 63.3(0)53

У 72

Рецензенты:

кафедра африканистики Ленинградского государственного университета (зав. кафедрой проф. А.А. Жуков); д-р ист. наук, проф. В.В. Наумкин (Институт востоковедения АН СССР)

У $\frac{0502000000(4309000000) - 189}{001(01) - 90}$ 8 - 90

ISBN 5-06-000580-1

© Д.П. Урсу, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Африка — колыбель человечества, именно здесь обнаружены древнейшие остатки современного человека, орудия труда и следы его жизнедеятельности. Между тем этот континент наименее изучен, его прошлое покрыто густым покровом тайн. История Африки, особенно ее центральной части, еще сегодня изобилует многочисленными «белыми пятнами», хотя ученые африканских стран и других континентов все глубже и шире исследуют прошлое и настоящее народов Африки.

До недавних пор считалось, что Африка не имеет своей собственной истории, так как о ней писали представители неафриканских стран, главным образом европейских, начиная с Геродота и других античных авторов. Почти двести лет назад выдающийся философ Гегель говорил об африканцах как о народах «без истории». Впоследствии ученые доказали, что африканцы, напротив, сохраняли память о прошлом как в устной, так и в письменной форме, следовательно, имели историю и историков, многие имена которых затерялись в глубине веков. Однако научное описание прошлого Африки — и это надо признать — появилось в более развитых странах Западной Европы, у африканцев же историография возникла много позже: в Египте лишь с конца XIX в., а в странах Тропической Африки — полвека спустя.

К настоящему времени научная литература об Африке насчитывает тысячи книг, десятки тысяч статей, изданных как на самом Африканском континенте, так и в различных уголках нашей планеты. Африканистика, одна из самых молодых комплексных наук, приобрела действительно всемирный характер: история, этнография, языки, литература, социально-экономические и политические проблемы африканских народов изучаются в научных центрах СССР и социалистических стран, в Западной Европе и США, в Японии и Бразилии, в Индии и Израиле.

Особенно много публикаций и в Африке, и за ее пределами выходит по истории. Обильный эмпирический материал, накопленный в исторической африканистике, настоятельно требует своей систематизации и

критического осмысления. Историографическое обобщение изучения тех или иных проблем африканского прошлого не только призвано подытожить сделанное (в этом выражается интегративная функция историографии), но и определить новые перспективные направления дальнейших изысканий. Изучение историографии истории Африки даст возможность проследить развитие знаний о прошлом африканских народов на протяжении тысячелетий и позволит, таким образом, привести разрозненные знания об отдельных странах и периодах в стройную систему. Другими словами, мы приступаем к изучению прошлого Африки на более высоком уровне обобщения, историография – это история как бы во второй степени, в квадрате.

Историографический путь познания, как это показал С.А. Токарев в замечательном учебном пособии для студентов-историков «История зарубежной этнографии» (М., 1978), имеет большие преимущества перед двумя другими: конкретно-индуктивным и дедуктивно-систематическим. Этот путь ставит перед нами следующие задачи: «...постараться проследить шаг за шагом, как складывалась постепенно сама наука, как нарастали, начиная с древности, фактические знания в данной области и как на основе достигнутого возникали различные обобщения, строились и сменяли друг друга общие концепции».

Такой подход к познанию истории Африки соответствует ленинскому принципу историзма – рассмотрению любого явления в движении, в развитии. Именно историография и позволит нам увидеть историческую африканистику не как свод изложенных в учебнике истории неподвижных положений и готовых выводов, а как динамичную систему, находящуюся в постоянном движении под воздействием внутренних противоречий. Идеино-теоретическая борьба различных методологических течений, направлений и школ является характерной чертой существования всех обществоведческих наук, в том числе африканской историографии, особенно на современном этапе ее развития.

Другая ее особенность – возрастающее участие в историографическом процессе ученых-африканцев. Прежние «народы без истории», бывшие на протяжении веков угнетенными и бессловесными объектами истории, сегодня превратились в активных субъектов, которые творят свою собственную историю не только в абстрактно-социологическом, но и в буквальном смысле слова. Дети этих народов изучают, пишут, творят историю как науку. Они ищут в прошлом пути решения острейших вопросов современности, пытаются извлечь уроки на будущее. В странах Африки к опыту истории апеллируют представители различных классов и социальных групп. Ожесточенная идейная борьба по вопросу о путях развития, об идеалах будущего общественного устройства сопровождается бурными спорами о прошлом. Историография, словно чуткий сейсмограф, регистрирует колебания социального фундамента и идеологической надстройки африканских стран. Ее изучение поэтому поможет полнее увидеть и понять современный этап общественного и культурного развития Африки во всей его сложности и противоречиях.

Историография, образно говоря, есть наука о людях, книгах, научных теориях. В центре ее стоят ученые-историки, у каждого своя особая судьба, свое видение мира, свои пристрастия, сильные и слабые стороны. На страницах настоящей книги мы познакомимся с жизнью и научной деятельностью многих видных историков, посвятивших себя изучению прошлого народов Африканского континента. Такой интерес к личности историков-африканистов вполне оправдан, ведь именно ученый в конечном счете – главный двигатель историографического процесса. Нельзя забывать мудрый совет: «Прежде чем изучать историю, изучите историка».

К оценке научного вклада отдельных ученых мы будем подходить дифференцированно, учитывая не только их общефилософские и исторические воззрения, но и политическую деятельность. Это особенно важно при изучении историков африканских стран, принимающих активное участие в политической борьбе (некоторые из них занимают высокие государственные посты); важно определить и тенденции их идейной эволюции. Вместе с тем мы должны помнить ленинскую мысль: судить исторических деятелей по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками. Это в полной мере относится и к оценке научного вклада отдельных историков-африканистов.

Индивидуальный подход к анализу деятельности каждого ученого не исключает их объединения в большие группы по наиболее важным общим признакам. Историков, изучающих прошлое Африки, сегодня в мире тысячи, и нам важно не только познакомиться с наиболее авторитетными из них, но и узнать, по каким принципиальным вопросам они расходятся, а по каким – объединяются. Этому поможет их классификация по идейно-методологическим течениям, направлениям и школам. Главный водораздел здесь идет между марксистской и немарксистской историографией. Вместе с тем следует иметь в виду, что немарксистская историография не является монолитной, она в свою очередь делится на три главных направления: консервативное, либеральное и демократическое. Понятно, конечно, что в каждой национальной исторической науке имеются свои особенности, своя специфика: например, в некоторых странах есть сильное леворадикальное течение, во многих других оно отсутствует. Или другой пример: в наиболее отсталых странах Тропической Африки марксистское течение в историографии еще не сложилось, хотя имеются отдельные историки-марксисты.

Настоящее учебное пособие посвящено историографии истории Африки с древнейших времен до наших дней. За его пределами остается отечественная историография, являющаяся большой, самостоятельной частью мировой исторической африканистики. Знакомство с Африкой в России восходит к временам Киевской Руси; позже русская, а затем советская наука внесла огромный вклад в изучение прошлого и настоящего народов Африканского континента. Этот материал не вошел в книгу в силу ограниченности ее объема. Автор надеется восполнить пробел подготовкой другого учебного пособия «Русская и советская историография истории Африки».

Эта книга, таким образом, знакомит только с зарубежной историографией; она распадается на две части: а) изучение истории Африки в самой Африке и б) изучение истории Африки в неафриканских странах. Африканская историография начинается с древнеегипетского историка Манефона, неафриканская (европейская) — с «Истории» Геродота. Эти две линии идут, пересекаясь, на протяжении тысячелетий, обогащая общечеловеческую культуру знаниями об одном из самых интересных континентов земного шара. Только в современную эпоху благодаря интеграции знаний об Африке в общую научно-информационную систему возникла единая мировая историческая африканистика.

Сегодня Африка, как известно, состоит из 50 независимых государств, и, хотя в каждом из них имеются научные центры исторического профиля, выходят научные журналы и работают ученые-историки, изучать историографию по страновому признаку, в каждой стране отдельно, было бы большой ошибкой. В случае такого дробления мы бы имели мозаику ученых, книг, идей, но не было бы общей картины и общего понимания историографии как системного знания о прошлом. Более оправданным как в методологическом, так и в дидактическом отношении нам представляется объединение стран Африки в историографические зоны с общей исторической судьбой, культурно-религиозной и языковой общностью. Наиболее однородной историографической зоной является Северная Африка, где историописание развивалось на базе единой языковой и культурной традиции.

Вторая зона — Тропическая Африка — лишь на первый взгляд представляет собой регион не связанных между собой стран, народов, языков, религий; если взглянуть пристальней и глубже, то мы обнаружим и здесь определенную историческую и культурную общность. Прежде всего отметим, что нынешняя территориально-политическая пестрота появилась недавно, в последние сто лет, в результате колониального раздела; до этого народы Тропической Африки имели гораздо более обширные государственные объединения и тесные торговые и культурные контакты. На востоке региона язык суахили, а на западе — хауса играли роль языков межэтнического общения, да и языки банту в значительной степени взаимопонимаемы. Так что и в языковом отношении народы Тропической Африки не столь раздроблены, как это многим кажется. Общим для всех народов этого региона было существование исторической мысли в устной форме. Даже Эфиопия, несколько обособленная в этой историографической зоне и имеющая древнюю письменную культуру, сохранила мощный пласт устной исторической традиции. И сегодня центристские силы в научной и культурной жизни стран Тропической Африки преобладают над центробежными; фактором объединения является, среди других, государственный язык, оставшийся от колонизаторов. Почти четыре десятка стран говорят на трех европейских языках: английском, французском, португальском.

Третья историографическая зона — Южная Африка и Мадагаскар. В этой зоне общественное сознание и историческая мысль, а позже исто-

риография возникли в сложных условиях миграции различных рас и народов, причем их смешение только на Мадагаскаре дало в результате новую языковую и культурную общность. Живучесть колониализма (Зимбабве стало независимым только в 1980 г.), расовое угнетение и апартеид в ЮАР наложили особый отпечаток на возникновение и развитие историографии в Южной Африке.

Нельзя не признать, разумеется, определенных страновых различий историографии в пределах каждой из выделенных нами зон: научные труды историка в Египте отличаются от тех же работ ученого из Алжира, а историк Сенегала не похож на историка из Танзании. Это несомненно, однако следует заметить, что общие черты, объединяющие этих ученых, преобладают над различиями. Не менее важно и то, что по мере усиления в Африке социальных антагонизмов и идеологической борьбы на первый план все больше будут выходить критерии идейно-теоретической классификации. Размежевание пойдет не по стране или зоне, где проживает тот или иной африканский историк, и не по языку, на котором он пишет свои труды, а прежде всего по его методологической платформе, мировоззренческим и научным установкам.

Применяемое в нашей книге понятие «африканская историография» означает научную литературу (книги, статьи, диссертации, учебники), авторами которой являются уроженцы Африки или очень редкие европейские ученые, для которых Африка стала второй родиной (например, семья известных археологов Лики). Этот термин следует отличать от словосочетания «историография Африки»: последний означает вообще все труды по истории Африки, написанные авторами безотносительно к их происхождению, живут ли они в Африке, Европе, Америке или СССР. В настоящем учебном пособии мы изучим всю зарубежную (т.е. за исключением русской и советской) историографию истории Африки, поэтому африканская историография составляет только ее часть, хотя и самую существенную.

Историографию истории Африки можно назвать историей мировой исторической африканистики, потому что из всего комплекса знаний об Африке, каким является африканистика, мы выделяем лишь историю. Однако это сделать нелегко, так как в древности и средневековье, на донаучной стадии развития знаний об Африке, история была теснейшими узлами связана с этнографией, географией, богословием, литературой и отчасти растворялась в них. Знания носили нерасчлененный, энциклопедический характер, что особенно хорошо проявилось в трудах средневековых арабских авторов. Только в XVIII—XIX вв., в эпоху формирования науки как таковой, история обрела определенность и самостоятельность. Поэтому при изучении настоящего учебного пособия читатель не должен удивляться, что он познакомится со многими сведениями, лишь косвенно относящимися к истории; в этом, думается, нет ничего плохого. Наоборот, прошлое и настоящее Африки нам знакомо мало, поэтому любая новая информация лишь усилит интерес к этому континенту.

Приступая к изучению зарубежной исторической африканистики, надо иметь в виду еще один момент: исторические знания и в самой Африке, и за ее пределами развивались крайне неравномерно как в географическом (пространственном), так и в хронологическом (временном) отношениях. В глубокой древности из всех стран Африки был хорошо известен лишь Египет, гораздо хуже Эфиопия; другие части континента были совершенно неведомы человечеству. Наступило затем время, когда история Эфиопии в странах Западной Европы вышла на первый план, и не случайно именно эфиопистика первой оформилась в качестве научной дисциплины. Вскоре возникла египтология как наука о Древнем Египте, хотя средневековую и новую историю этой страны почти не изучали. Современная научная историография впервые сложилась в двух странах на противоположных концах Африканского континента — в Египте и Южной Африке. До сегодняшнего дня развитие исторических знаний в Африке носит очаговый характер: научные центры, университеты, издательская база, наконец, сами ученые-историки распределены крайне неравномерно. Такое же положение и в неафриканских странах: историческая африканистика имеет прочные традиции в Англии, Франции, Германии, а также отчасти в Италии (эфиопистика), Голландии (арабистика), Португалии (тоже эфиопистика). Новой, но быстро развивающейся отраслью науки стала она и в США и Японии.

Несмотря на подобную неравномерность, африканистика вообще, и историческая африканистика в частности, сегодня получила всеобщее признание и заняла прочное место в качестве составной части мировой исторической науки. Показателем ее зрелости стало появление историографических трудов, которые выражают ее самосознание. Таких обобщающих работ, правда, еще немного, носят они по преимуществу не аналитический, а обзорный характер. Тем не менее при изучении настоящего учебного пособия эти историографические книги и статьи принесут большую пользу (их список дан в конце пособия). Из них отметим изданный редакцией А.Б. Давидсона сборник статей «Историческая наука в странах Африки» (1979) и сборник «Изучение истории Африки» (1985; редакторы Б.Б. Пиотровский, Б.М. Туполев). Из вышедших за границей историографических работ следует выделить книгу африканских ученых А.Тему и Б.Сваи «Историки и африканская история» (1981), в которой с демократических позиций дан критический анализ буржуазной исторической литературы, а также сборник статей «Африканские историографии» (1986) и книгу Кэролайн Нил «Африканская историография, 1960–1980» (1985). Последние две публикации вышли в США и отражают взгляды ученых различных идейно-политических воззрений, причем работа К.Нил не отличается ни высоким теоретическим уровнем, ни охватом фактического материала. Она интересна другим — неприкрытым желанием принизить влияние марксистской методологии на историческую африканистику, доказать ее неприменимость для особых якобы условий Африки. Эта книга является, таким образом, ярким образцом распространенной на Западе литературы, написанной в защиту

концепции «особого», «исключительного» исторического пути африканских народов.

Глубокое усвоение материала настоящего учебника невозможно без самостоятельного изучения историографических источников – трудов по истории Африки, написанных различными авторами с древнейших времен. Большинство из них вполне доступны студентам, так как переведены на русский язык. Особо хочется рекомендовать три тома арабских источников по истории стран Африки к югу от Сахары (1960, 1965, 1985), которые выпустили с обширными комментариями В.В. Матвеев и Л.Е. Куббель, а также эфиопские и суданские хроники. Эфиопские средневековые хроники стал издавать Б.А. Тураев (1936), продолжил С.Б. Чернецов (1984, 1989), а исторические хроники Западного Судана перевел и выпустил Л.Е. Куббель (1984). С большой пользой может быть использован вышедший недавно двухтомный энциклопедический справочник «Африка», особенно статьи «Историческая наука», «Африканистика» (1-й том), «Эфиопистика» (2-й том), многочисленные биографические заметки о современных историках Африки.

В заключение автору остается добавить, что настоящее учебное пособие выросло из спецкурса, читаемого в продолжение десяти лет на исторических факультетах Одесского и Симферопольского университетов. Оно предназначено в первую очередь студентам исторических и востоковедных факультетов университетов и педагогических институтов. На его основе можно разработать спецкурс как для советских студентов, так и для студентов из стран Африки; кроме того, оно может использоваться при самостоятельном углубленном изучении общего курса истории стран Азии и Африки. Автор надеется, что эта книга будет полезна студентам других гуманитарных специальностей (филологам, философам, экономистам), проявляющим интерес к прошлому Африки, к социокультурной обстановке сегодняшнего дня. Наконец, в условиях огромного интереса советских людей к истории своей страны и других народов мира прошлое Африки не может не вызвать интереса у специалистов различного профиля, у широких читательских кругов. Готовя эту книгу, автор думал не только о профессионалах-историках; он стремился сделать ее доступной для каждого, кто увлечен прошлым и настоящим Африки.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗНАНИЙ О ПРОШЛОМ НАРОДОВ АФРИКИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1. Сведения об Африке в древности

Исторические знания африканских народов уходят своими корнями в глубокую древность. Первые свидетельства об интересе к прошлому и о стремлении передать память о нем будущим поколениям запечатлены в иероглифических надписях Древнего Египта, представляющих собой преимущественно погодные записи о различных событиях. Первая из подобных летописей, дошедшая до нас в виде крупного обломка и хранящаяся в музее города Палермо на Сицилии, получила название Палермский камень. На нем высечены имена царей, а рядом — фигура сидящего человека в короне царя Нижнего Египта. От древнейшего периода сохранились также таблички из слоновой кости с краткими записями о наиболее примечательных событиях. Гораздо позже появляются документы различного содержания на папирусе.

Эпоха Нового царства запечатлела свою историю в камнеписных анналах фараона Тутмоса III, выбитых на стенах Карнакского храма. В них перечисляются походы царя с указанием года и полученной дани с покоренных народов. Примерно к этому же времени (конец XVI в. до н.э.) относится сохранившееся повествование о походе египтян в страну Пунт в эпоху правления царицы Хатшепсут. Эта страна, по-видимому, располагалась в районе Африканского Рога. Довольно пространные надписи, высеченные на стенах храма в окрестностях Фив, рассказывают о морской экспедиции на юг, перечисляются полученные там дары (золото, благовония, эбенное дерево, слоновая кость, пленники), причем все это сопровождается рельефными изображениями описываемых событий. В надписи упоминается и страна Куш, что указывает на широкие связи Древнего Египта с лежащими к югу африканскими странами.

До нас дошли и памятники исторической мысли жителей Куша, прежде всего стела царя Аспелты, правившего в первой половине VI в. до н.э. По своему стилю эта обширная надпись похожа на те, что остались от египетских фараонов. Такое сходство не удивительно, поскольку представители кушитской династии владели в течение почти ста лет короной Египта (XXV Эфиопская династия). Надпись повествует о такой особенности государственного строя древнего Куша, как избрание царя собранием воинов.

Известия об истории африканских стран с древнейших времен стали распространяться у народов, населявших Грецию и Ближний Восток. Уже

у легендарного Гомера в «Илиаде» и «Одиссее» упоминаются эфиопы. К эфиопам, которые названы «совершенными», Зевс умчался пировать на берегах Океана, говорится в «Илиаде». В «Одиссее» они изображены как самые удаленные жители земли, именно к ним ушел обиженный морской бог Посейдон. В другом месте гомеровской поэмы говорится, что одни эфиопы обитают там, «куда Гиперион (солнце) уходит спать», другие же — там, «откуда он встает». Неоднократно упоминается у Гомера и Египет, причем в двух значениях: это и река Нил, и страна на его берегах. Названия «Нил» Гомер еще не знает, оно пришло в древнегреческий язык много позже.

В табличках крито-микенской эпохи (примерно XV в. до н.э.) упоминаются этнонимы «египтянин» (айгуптиос) и «эфиоп» (айтиопус), однако данных о связях древних греков со странами Африки обнаружено еще немного.

Первым из греков, побывавшим в Египте и оставившим его подробное описание, был Геродот (V в. до н.э.). Он пробыл там три с половиной месяца; за это время побывал в Нижнем и Верхнем Египте, поднялся по Нилу до города Элефантина, на границе с Кушем, беседовал со жрецами храмов Мемфиса и Карнака. В своей работе, получившей название «История», Геродот посвятил большой раздел описанию истории, хозяйства, государственного строя и религии Египта (книга вторая «Евтерпа»); в третьей книге он описывает жизнь и обычаи эфиопов, а в четвертой — ливийцев, обитавших на Средиземноморском побережье к западу от Египта.

У Геродота мы впервые встречаем объяснение слову «эфиоп»; он пишет, что к югу от Египта живут люди, черные от действия сильного зноя. Вообще же эфиопы, отмечает «отец истории», «...самые рослые и красивые люди на свете», они живут до 120 лет, ненавидят ложь и несправедливость. Следует иметь в виду, что Геродот, как и другие античные авторы (Аристотель, Лукреций, Овидий, Плиний, Сенека), под термином «эфиоп» подразумевал всех темнокожих жителей Африки в соответствии с этимологией древнегреческого слова «айтиопус» — «человек с лицом, обожженным солнцем». Под Эфиопией понимали тогда обширные территории к югу от Египта без различных границ, которые древние египтяне называли страной Куш. В более расширенном смысле Эфиопия означала всю Африку, за исключением ее северо-восточной части (Египта). Слово же «Африка» появилось довольно поздно, уже в римские времена; к нему мы вскоре вернемся.

Кроме Геродота о Древнем Египте и его южных и западных соседях писали греческие авторы Диодор в «Исторической библиотеке» (I в. до н.э.) и Страбон в «Географии» (живший на рубеже нашей эры). О событиях в Египте упоминается в сочинениях Фукидида, Исократа, Платона, Аристотеля, Аристофана. Вообще надо иметь в виду, что Египет оказал на раннюю греческую культуру сильное влияние. Советский ученый-античник В.Г. Борухович в специальной работе «Греки в Египте» (1966) пишет: «Для греческих ученых раннего периода, а также и более позд-

него периода, путешествие в Египет было тем же, чем стало впоследствии для римских литераторов и ученых путешествие в Афины. Египет был для греков страной глубочайших и таинственных знаний: о мудрости египетских жрецов рассказывали легенды, а египетские врачи считались искуснейшими в мире. Одним из первых посетил Египет Солон, затем Фалес Милетский, Пифагор, Демокрит, Платон».

Значительный интерес представляют описания африканских народов в Библии. В Ветхом завете даются ценные сведения о взаимоотношениях царств Израиля и Иудеи с Египтом и Эфиопией: о войнах, торговых и дипломатических сношениях, повествуется об отдельных событиях. Книга «Исход» почти полностью посвящена фараоновскому Египту, захватившему народ Израиля в рабство. Много отрывочных сведений приводится об Эфиопии и эфиопах; эти слова в Библии упоминаются более 30 раз. Следует иметь в виду, что Библия является сводом разнохарактерных сочинений (мифы, исторические повествования, нормы морали, любовная лирика и др.) и составлялась она на протяжении очень длительного периода (VIII в. до н.э. — II в. н.э.), поэтому описанные в ней события в Египте и Эфиопии датируются с большим трудом.

Особое место в древней историографии истории Египта занимает сочинение египетского жреца Манефона (вторая половина IV — начало III в. до н.э.). «Египетская история» Манефона написана на греческом языке на основе изучения большого круга достоверных источников. В.В. Струве, написавший о Манефоне обстоятельное исследование (1928—1930), считает, что он читал подлинные древнеегипетские летописи, а также списки фараонов с указанием продолжительности их царствования. В своей работе Манефон повествует о прошлом Египта от мифических времен до его завоевания Александром Македонским в 332 г. до н.э.

Первый исторический труд египетского автора дошел до нас лишь в виде отдельных цитат и отрывков у позднейших историков. Предполагают, что он хранился в единственном экземпляре в Александрийской библиотеке, полностью никогда не переписывался и впоследствии погиб. Манефон впервые разделил многовековую историю Египта на 30 династий, дав в руки ученых ключ к точной датировке важнейших событий прошлого. В.В. Струве высоко оценил работу древнеегипетского историка: «Начиная эпоху Нового царства с 1584 г. до н.э., Манефон становится бесспорно самым надежным руководством в сложных вопросах хронологии Египта». По сохранившимся фрагментам можно сделать вывод о том, что «Египетская история» состояла из трех томов: первый содержал рассказ о ранних двенадцати династиях фараонов; второй — о следующих семи, последний — об одиннадцати поздних династиях. От Манефона, видимо, идут и названия династий — Мемфисская, Элефантинская, Эфиопская и т.д.

Признавая труд Манефона выдающимся памятником египетской историографии, следует вместе с тем иметь в виду, что он принципиально отличается от подлинно научной истории. Это сказалось прежде всего

и объяснении причин тех или иных исторических событий действием божественных сил, отсутствии критики источников, хроникальной организации материала. Тем не менее он не потерял своего значения до наших дней.

Много важных сведений об истории и современном положении африканских народов содержится в книгах римских авторов, главным образом у Плиния Старшего и Тацита. Сочинение Плиния «Естественная история» завершено к 77 г. н.э. и представляет собой обширный энциклопедический свод разнообразных знаний, разделенный на 37 книг. Пятая и шестая книги посвящены описанию Африки, причем интересно отметить, что Плиний называет авторов книг, откуда он черпал материал для своей компиляции. Так, при написании пятой книги, повествующей о народах Северной Африки, он поименно называет 46 греческих и 14 латинских авторов; в шестую книгу, повествующую о землях эфиопов, он включил описания 37 греческих и 16 латинских писателей. Пятую книгу Плиний начинает следующими словами: «Африку греки называли Ливией, и море перед ней Ливийским; она оканчивается у Египта...»

Такое определение Африки не должно нас удивлять: к временам Плиния уже в продолжение двухсот лет (с 146 г. до н.э.) существовала римская провинция Африка на месте разрушенного Карфагена, названная так по имени ливийского племени афров. Как видно из приведенной выше цитаты, Африкой позже стали именовать всю северную часть континента, за исключением Египта. Южная же часть, как и прежде, называлась Эфиопией. Внутренние территории континента были Плинию мало знакомы; именно здесь он помещает различные эфиопские племена, в том числе «белых эфиопов», о которых со слов древних авторов рассказывает различные небылицы.

С IV в. н.э. начинается быстрое возвышение Аксумского царства, расположенного на территории Северной Эфиопии, которое достигло своего могущества в следующем веке. Аксумские правители вели многочисленные войны против соседей, соперничали с Византией и Ираном за обладание Аравией и за господство на Красном море. О периоде IV–V вв. рассказывает камнеписная историография, сохранившая сведения о государственном устройстве страны, о завоевательных походах против соседних народов. Особенно много вырезанных на камне победных рельефов оставил царь Эзана, хотя они и были частично повреждены. Эти материалы позволяют восстановить историю высокоразвитого африканского государства Аксум, просуществовавшего до XI в.

Распространение с IV в. христианства в Аксумском государстве вызвало особый интерес к Эфиопии многих христианских народов — византийцев, армян, позже итальянцев, португальцев. Византийский автор Косма по прозвищу Индикоплов (точнее, Индикоплевст, т.е. «плаватель в Индию») в середине VI в. написал книгу «Христианская топография». О его жизни мы мало знаем; большую часть ее он провел в Египте, в Александрии, занимался торговлей, побывал в Африке, Индии, на

Цейлоне (Шри Ланка), потом ушел в монастырь, где и написал свою книгу. Косма посетил страну Аксум, был в ее главном торговом городе Адуле, где видел замечательный трон царя и стелу со старинными надписями, которые любознательный путешественник списал и привел в своей книге. Большой интерес имеет рассказ Космы о торговле аксумитов с жителями богатой золотом страны Сасу, расположенной где-то на крайнем юго-западе современной Эфиопии. Вместе с достоверными сведениями о жизни, хозяйстве и обычаях различных африканских народов «Христианская топография» содержит немало вымыслов, как, например, восходящий к библейскому рассказ о расселении различных народов, потомков Хама и его детей Куша и Месраима, от которых якобы пошли эфиопы и египтяне.

Эфиопия издавна привлекала интерес окружающих народов, ей посвящались не только описания путешественников, но и художественные произведения. В этом отношении показательна книга «Эфиопика» уроженца Финикии по имени Гелиодор (III в. н.э.). «Эфиопика» означает «эфиопские» (подразумевается: дела или события). В сущности, перед нами роман о приключениях эфиопской принцессы, имевшей несчастье родиться белой. Сюжет разворачивается на фоне подробного описания жизни и обычаев местных жителей, которое представляет большую ценность для познания прошлого Эфиопии.

Кроме греков, византийцев, евреев, финикиян странами Северо-Восточной Африки издавна интересовались арабы, имевшие с эфиопами торговые и культурные связи, установившиеся еще в доисламские времена. Следует иметь в виду, что Аксуму некоторое время подчинялось Химьяритское царство в Южной Аравии. В первой четверти VII в. в Эфиопию переселилась часть последователей основателя ислама Мухаммеда, когда на них обрушились гонения их врагов. В 40-х годах того же века арабы завоевали Египет, а затем всю Северную Африку.

Отныне арабо-мусульманская историография становится единственным выражением исторической мысли народов Северной Африки. В Эфиопии возникает и крепнет местная историографическая традиция. Завершая обзор развития знаний об Африке в древности, следует обратить внимание на немаловажный момент: в древности отсутствовали расовые предубеждения по отношению к чернокожим африканцам. Напротив, «обожженные солнцем эфиопы» казались грекам и римлянам весьма привлекательными. В античной литературе, в Библии, в других книгах, где описываются жители Африки, мы встретим много ошибок, выдумок, фантастических рассказов, но нет ни малейшего намека на умственную или моральную неполноценность, связанную с черным цветом кожи. Можно, таким образом, сказать, что расизм и связанное с ним пренебрежительное отношение к африканцам возникли в другую эпоху.

2. Европейское средневековье и Африка

На рубеже античности и раннего средневековья, когда североафриканские города стали центрами христианского богословия, епископ из Гиппона Августин Блаженный создал философско-историческую концепцию, оказавшую значительное влияние на последующую западноевропейскую историографию. Его трактат «О граде божием», написанный под впечатлением взятия Рима войсками готов (410), содержит резкую критику позднеантичной рабовладельческой цивилизации, эгоизма римлян, грабивших чужие города и жаловавшихся, когда то же самое сделали с их родным городом. Идеалом Августина стал «град божий», под которым он понимает духовную общность людей, основанную «на любви к богу, доведенной до презрения к себе». Очень важно отметить, что Августин решительно выступает против всякого насилия и что он впервые определяет государство как «организованную большую шайку разбойников». Но в силу греховности человека основанное на насилии государство не исчезнет.

В средние века, особенно до XII в., мистически осмысленная диалектика истории, сформулированная Августином и получившая название августинианства, была единственной господствующей теорией католической церкви. Деятельность Августина в Северной Африке, как и ранее другого «отца церкви» Тертуллиана, привела к тому, что вклад Африки в культуру западноевропейского средневековья постоянно признавался весьма высоким. Правда, после арабского завоевания Африканского побережья Средиземного моря связи его населения с христианским миром значительно ослабли, но не прерывались.

Интерес к этому региону, а также к Эфиопии вновь возрос во время крестовых походов. О странах Востока и Африки, в частности, распространялись всевозможные полуфантастические рассказы о невероятных событиях, чудесах, сказочных богатствах, удивительных народах и т.п. Современный бенинский историк Франсуа де Медейрос опубликовал содержательную книгу «Запад и Африка в XIII–XV вв.» (1985), в которой собрал богатейший материал о том, как в средние века представлялся образ Африки и африканцев в культуре Западной Европы. Он, например, приводит любопытный рассказ о жизни врача из Салерно (Южная Италия) по имени Константин Африканец, родившегося в 1015 г. в Тунисе (бывший Карфаген). Этот беспокойный человек много путешествовал по Востоку, побывал в Каире и Багдаде, добрался якобы до Эфиопии и Индии. Описания этих неведомых земель, данные Константином, часто цитировались в рукописях XII–XIII вв. Однако, как установил современный историк, все сочинения врача из Салерно представляют собой переводы работ арабских авторов, которые он себе присвоил.

Поскольку прямой контакт европейцев с народами Африки к югу от Сахары прекратился после арабских завоеваний, то географические и исторические знания об Африке в значительной степени были утрачены. В Западной Европе, например, широко было распространено мнение, что

Нил вытекает прямо из рая. Об этом говорили такие авторитеты, как Роджер Бэкон и Альберт Великий (XIII в.). Последний, правда, выдвинул гипотезу, которая оправдалась через 500 лет, что Нил берет начало где-то в глубинах Африки, на экваторе, проходит сквозь Эфиопию и достигает моря в Египте. Эта мысль была ему подсказана, как можно предполагать, трудами арабских историков и географов, с которыми Альберт Великий был хорошо знаком.

Первым представителем Западной Европы, увидевшим собственными глазами чудеса Африки, был Марко Поло (конец XIII в.), посетивший на обратном пути из Китая Мадагаскар, Занзибар и, по-видимому, побережье Эфиопии. Три главы его книги «Путешествие», получившей такое название впоследствии, а при ее составлении названной просто «Книга», повествуют о странах Восточной Африки. Глава 191 посвящена великому африканскому острову Мадагаскар; народ здесь торговый и ремесленный, но нет, как замечает автор, ни слонов, ни медведей. Следующая глава повествует о Занзибаре, это «большой и славный остров». Много материала об Эфиопии приводит Марко Поло в главе 193; эту страну он называет Абасия (Абиссиния, от арабского слова «хабеш» — черный). Абасия, говорит автор, это большая область в средней Индии, король страны сильный, он христианин и постоянно воюет с сарацинами (мусульманами). Следует обратить внимание на следующее восклицание автора: «Знайте по истинной правде, что в Абасии много городов и замков, и купцы торгуют тут много». Любопытно и такое наблюдение: у жителей этой страны есть куры, самые красивые на свете, а также большие страусы, не меньше осла.

В средневековой Европе постоянный интерес к Эфиопии начиная с XII в. подогревался крестовыми походами и стремлением привлечь в качестве союзника в борьбе с мусульманами могущественного христианского повелителя легендарного «Царства священника Иоанна». Центрами сбора разнообразной информации об Эфиопии стали Иерусалим и Рим, где имелись эфиопские монастыри, а также Каир — крупнейший торговый центр того времени.

Африка заняла определенное место в творчестве одного из самых замечательных умов средневековья, испанского философа-энциклопедиста Раймунда Луллия (1235—1315). От него осталось около трехсот сочинений по различным отраслям знания — философии, богословию, алхимии. Он занимает почетное место в ряду знаменитых математиков всех времен как предшественник математической логики, без которой не могла бы возникнуть кибернетика. Его труды написаны в основном на арабском языке, которым он владел безукоризненно, но дошли до нас большей частью в латинских переводах.

Будучи молодым придворным поэтом, Луллий вступил в монашеский Орден францисканцев и начал проповедническую деятельность среди мусульман Северной Африки; в Тунисе он и погиб, приняв, по легенде, мученическую смерть за веру. Луллий является первым крупнейшим знатоком мусульманского богословия в Западной Европе,

исследователем Корана и богословских иудейских книг, поэтому его можно считать одним из провозвестников научного изучения арабской культуры, идеологии и религии.

Развитие научной арабистики продолжили в Италии Лев Африканский, араб по происхождению, и Паоло Джовио. Лев Африканский (ок. 1489 — после 1528) был захвачен в 1519 г. итальянскими пиратами и привезен сначала в Неаполь, а затем в Рим, где был крещен папой Львом X и получил христианское имя и фамилию. Примерно в 1528 г. он был отпущен на волю и вернулся в Тунис, где его след терется.

Основной труд Льва Африканского называется «Африка — третья часть света» с подзаголовком «Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть» (рус. перевод 1983) был написан на арабском языке и переведен самим автором на итальянский (опубликован в Венеции в 1550 г.). Как и его предшественник Луллий, Лев Африканский был живым воплощением синтеза двух культур: арабо-мусульманской и европейско-христианской, только он шел противоположным путем — от Востока на Запад, в то время как Луллий совершил идейную эволюцию с Запада на Восток. В обоих случаях синтез культур обогатил творческую палитру ученых, позволил им преодолеть национальную и религиозную ограниченность. Остается добавить, что книга Льва Африканского в течение нескольких столетий служила основным источником знаний европейцев об Африке (подробнее о ней мы будем говорить чуть позже).

Примерно в то же время, что книга Льва Африканского, в Италии появилась и другая научная работа о прошлом арабов. Ее автором был Паоло Джовио (1483—1552), получивший образование в университетах Падуи и Павии. Эта книга носила простое заглавие «История» и повествовала об основных этапах исторического пути не только арабов, но также персов, египтян, эфиопов (они названы абиссинцами). Много внимания уделил Джовио крестовым походам, затем завоеванию османами Сирии и Египта, событиям в Тунисе, причем использовал среди прочих и устные источники. Не исключено, что он получил некоторые сведения о североафриканских арабских государствах и от Льва Африканского, хорошо знавшего их правителей, достойные внимания события, города и обычаи населения.

В XVI в. происходит дальнейшее и более углубленное знакомство европейцев с Эфиопией, что связано с пребыванием непосредственно в стране португальцев, оставивших пространные записки очевидцев. Наиболее ценными из них в научном отношении являются книги Франсишку Алвариша «Правдивая информация о землях священника Иоанна Индийского» (1540) и Мишеля ди Каштаньозу «История португальской экспедиции в Абиссинию» (1564). Ф.Алвариш, ученый монах из Коимбры, побывал в Эфиопии в 1520—1527 гг. вместе с посольством португальского короля. Здесь он встречался с находившимся долгие годы в заточении Педру Ковильяном, со слов которого и по личным впечатлениям дал описание государственного строя, социальных отношений,

религии и обычаев страны. Каштаньозу участвовал в 1541 г. в войнах с эфиопами. Его книга начинается с объяснения ошибочного названия страны как «государства священника Иоанна», широко распространенного в Западной Европе. Автор с полным основанием указывает, что под именем «священник Иоанн» иногда понимают великого ламу (правителя) Тибета, чаще же — негуса Абиссинии. И то и другое неверно, говорит Каштаньозу. Подлинным «священником Иоанном» был вождь монгольского племени кераитов, принявший христианство несторианского толка и погибший в столкновении с Чингисханом.

В середине XVII в. в Португалии выходят две книги под названием «История Эфиопии». Автором одной был Педру Паиш, посланный в Эфиопию в качестве миссионера Ордена иезуитов. Он прибыл сюда в 1603 г. и, пробыв в стране более десяти лет, усвоил языки геэз и амхарский, много путешествовал. Он, в частности, был первым европейцем, установившим, что Голубой Нил берет начало в озере Тана. Его обширная работа в полном объеме вышла в трех томах только в 1945—1946 гг. Несколько позже Паиша побывал в Эфиопии миссионер-иезуит Жирома Лобу, нашедший сюда новый путь — с юга. Он находился здесь почти десять лет (1624—1633), как и его предшественник, хорошо знал прошлое и настоящее страны, языки, обычаи и культуру ее населения. Его книга «История Эфиопии» вышла в университетском городе Коимбре в 1669 г. Интересно, что по мере лучшего узнавания страны путешественники отказываются от ошибочного наименования страны Абиссинией и зовут ее единственно правильным словом Эфиопия.

Подводя итоги знакомству европейцев с прошлым и настоящим народов Африки в средние века, следует сказать, что эти знания были отрывочными, неполными, несистематизированными, рядом с точной информацией соседствовали различные вымыслы и ошибочные положения. Тем не менее к началу нового времени в Западной Европе накопился большой фактический материал об Африке и ее обитателях, истории, языках, природных богатствах. Постепенно создавались предпосылки для подлинного научного изучения «третьей части света», по выражению Льва Африканского.

3. Арабская историческая литература об Африке

Возникновение исторических знаний у арабов. Наиболее высокого уровня средневековая историография достигла в арабском Египте. Когда арабы в 639—641 гг. завоевали долину Нила, египетской государственности давно не существовало; власть фараонов пала почти за тысячу лет до этого. Греко-римское, а затем византийское господство прервало историческую и культурную преемственность на этой территории. У потомков древних египтян — коптов, воспринявших христианство, не сохранилось никаких исторических традиций, относящихся к фараонской эпохе.

Покорение пришельцами с Аравийского полуострова сначала Египта, а затем всей Северной Африки, введение арабского языка в качестве государственного, а ислама — как господствующей религии привели к тому, что в этих странах стала преобладать арабо-мусульманская культура, историческая традиция арабов стала ведущей.

Как и у других народов, древняя цивилизация арабов была устной, история существовала в виде рассказа о прошлом нерасчлененно от мифов, легенд, эпических сказаний. Племенные предания арабов доисламского периода сохранились в стихотворной форме знаменитой поэмы «Дни арабов» (Айям аль-араб). Были, разумеется, и прозаические рассказы о событиях прошлого. Для исторического сознания арабов исключительное значение имели два факта: переход на письменную фиксацию социальной памяти и принятие в 638 г. единой для всех мусульман точки летосчисления — переселения Мухаммеда из Мекки в Медину (Хиджра).

Ко времени завоевания Египта арабы, таким образом, уже имели довольно развитое историческое самосознание и развитый механизм сохранения памяти о прошлом. Следует учесть и то, что арабы в той или иной мере восприняли высокую цивилизацию покоренных народов Азии и Африки. На эту особенность обратил внимание Гегель: «С такой же быстротой, с какой арабы и их фанатизм распространились по восточным и западным мирам, они поднялись по ступеням образованности и вскоре преуспели в интеллектуальной культуре гораздо больше, чем западный мир». И действительно, классическая средневековая историография арабов далеко превзошла все то, что писалось о прошлом в странах Европы. Показательно, что само слово «тарих» (история) впервые появилось в записи на папирусе 22 года хиджры (т.е. 644 г.). С этого времени в странах арабского мира устанавливается непрерывная традиция историописания, появляются крупные знатоки истории, особенно в Египте, формируется арабо-мусульманская концепция всемирной истории.

Особенности ранней арабской историографии. Арабо-мусульманская историография стала важным компонентом культуры Северной Африки на протяжении многих веков вплоть до XIX в. Один из известных немецких арабистов составил список из 590 арабских историков за первые тысячу лет мусульманской эры. Речь идет, разумеется, лишь о наиболее известных; на самом деле их было больше. Арабской историографии были присущи основные признаки донаучной исторической мысли — провиденциализм, отсутствие саморефлексии, нерасчлененность истории и художественной литературы, слитность источника и исторического повествования, некритическое отношение к предшественникам. Вместе с тем она обладала рядом специфических свойств, которых не было у других народов.

Первая черта была связана с тем, что история играла подчиненную религии роль; в ее обязанность входило прежде всего описание жизни и деятельности основателя ислама Мухаммеда, сбор преданий о нем

и составление сборников его высказываний. Именно с этих преданий — хадисов и начинается арабская историография. Вначале хадисы передавались изустно, позже в VIII–IX вв. были записаны. Возникла определенная категория ученых, имевших целью собрать и записать все хадисы, касавшиеся даже мельчайших подробностей жизни Мухаммеда и его сподвижников, их беседы и высказывания. Этим преданиям, многие из которых очень кратки, насчитывается тысячи и тысячи, причем значительная их часть подложна. Каждый хадис состоит из двух частей — иснада и непосредственно текста. Иснад (по-арабски значит «копора, основание») — это перечисление очевидцев тех или иных поступков и высказываний пророка, а также передатчиков этих сведений. Эта цепочка ссылок на первоисточник в схематическом виде такова: «Рассказал мне А со слов Б, что В сказал, что Г слышал, как пророк Мухаммед изрек следующее...» Вот характерное начало одного из хадисов: «Что касается хадиса Абдаллаха ибн Аббаса об острове арабов, то он таков, как передан нам со слов Мухаммеда ибн ас-Саиба аль-Калби от Абу Салиха от Ибн Аббаса, с одной стороны, и от Муавии ибн Амиры ибн Михваса аль-Кинди — с другой, что он слышал Абдаллаха ибн Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба» (далее идет сам рассказ).

Нужно заметить, что многие хадисы не содержат собственно исторических известий, а дают толкование темных мест Корана, сообщают установления мусульманского культа, права и морали. Нередки нравоучения следующего содержания: «Люби бедных; не проси никогда ничего ни у кого; храни верность родственникам, хотя бы они и причинили тебе горе; говори всегда правду, как бы она ни была горька; не позволяй свращать себя оскорблениями с пути божьего». Тем не менее большинство хадисов содержит ценные исторические сведения о ранней истории арабов, деятельности Мухаммеда и его сподвижников.

Вторая черта арабской историографии выражалась в энциклопедичности знания, история была смешана с географией, богословием, юриспруденцией, философией. Основой всякого знания считался Коран, а жизнь Мухаммеда — образцом для всякого мусульманина. Поэтому первыми историческими жанрами, еще тесно связанными с богословием, были *сир*а — жизнеописание пророка и *магази* — рассказ о его военных походах. Именно из этой обособившейся со временем отрасли знания родилась историография. Начиная с Ибн Хишама (ум. 834), автора биографии пророка «Китаб сират расуль Аллах» (Книга жития посланника Аллаха), многочисленные арабские историки составляют подробные описания жизни и военных походов Мухаммеда. Лишь много позже появляются другие жанры исторических работ: *футух аль-булдан* — завоевание чужих стран; *аль-ансаб* — генеалогии; *тарих аль-мамалик* — подробное описание жизни арабских правителей, наместников, эмиров.

Третья черта ранней арабской историографии состояла в ее утилитарности; другими словами, историописание возникло для удовлетворения насущных нужд общества и государства. Дело в том, что для определения общественного статуса отдельного человека или группы лиц в стро-

той феодальной иерархии надо было точно знать, когда он (они) принял ислам. Временем принятия новой религии определялись права и привилегии. Задача историка, который часто одновременно был и юристом, состояла в том, чтобы найти точное место человека на иерархической лестнице; первенство в принятии ислама имело существенное значение при назначении пенсий, разнообразных пособий для потомков знатных людей. Отсюда необходимость составления и регулярного заполнения генеалогических списков. Аналогичным образом дело обстояло для различных городов и отдельных стран, которые получали льготы при налогообложении и другие права в зависимости от того, как они встречали арабов. Только историки могли сказать, добровольно ли они перешли под власть мусульман или же были покорены силой меча. Отсюда распространение отмеченных выше исторических жанров типа *магази* и *футух аль-булдан*. Отсюда и многовековые исторические споры, например, по вопросу, был ли Египет завоеван или египтяне-копты подписали с арабами договор о добровольном переходе под их владычество. Этот спор пытался разрешить историк IX в. Балазури в книге «Футух альбулдан».

Первые египетские историки¹. К ним относят Абдаллаха бен Амра, сына предводителей арабов, завоевавших Египет. Он был одним из верных учеников и последователей Мухаммеда; пророк неоднократно давал ему наставления, как и когда поститься, совершать молитву, читать Коран. Абдаллах рассказывал, что просил у своего учителя разрешение записывать все сказанное им и получил согласие. Изречения Мухаммеда он записывал в тетрадь, которую назвал «ас-садика» (правдивая).

Поздние исторические традиции отводят Абдаллаху бен Амру место одного из видных собирателей и передатчиков хадисов в эпоху раннего ислама. По одним сведениям, в Египте имели хождение около ста хадисов, передававшихся от его имени, другие источники говорят о семистах. Сам Абдаллах утверждал, что запомнил со слов пророка тысячу изречений.

Хотя Абдаллах бен Амр не оставил исторических трудов и его высказывания известны лишь в кратких отрывках позднейших историков, он по праву считается основоположником арабской египетской историографии. Его дело продолжили и развили другие египетские историки VII—VIII вв., среди которых выделяются Язид бен Абу Хабиб, аль-Лайс бен Саад, Абдаллах бен Лахиа и Саид Ибн Уфайр.

Начало повсеместной письменной фиксации традиционных мусульманских знаний (хадисов, законов) приходится на середину VIII в. и связано с именами Абдаллаха бен Лахии и аль-Лайса бен Саада. Они — первые крупные составители многих сочинений по мусульманской юриспруденции, создатели обширных исторических сводов, включавших

---

¹ Жизнь и деятельность первых египетских историков с большой полнотой показаны в книге К.А. Бойко «Арабская историческая литература в Египте» (М., 1983).

все известные сведения о прошлом Египта. Многие годы они потратили на то, чтобы записать весь исторический материал, отложившийся в местной традиции, как о древнем, так и современном Египте. Вслед за предшественниками они стремились широко использовать историко-мифологический фольклор коптов, чтобы создать и восстановить прошлое Египта эпохи фараонов.

Абдаллах бен Лахиа составил себе славу неустанного собирателя знаний. Со специальной котомкой (*харита*) на шее бродил он по Фустату, тогдашней столице Египта. Встречая на своем пути чужестранцев, он ходил среди них и, если видел какого-либо ученого человека (шейха), спрашивал его: «Кого ты встречал? Со слов кого ты записывал?» Все, что ему рассказывал путник, Абдаллах тщательно записывал и складывал в свою котомку, из-за чего получил прозвище «Абу Харита» (человек с котомкой). Прослыл он и ревностным книголюбом-собирателем. Ему удалось составить большую коллекцию сборников хадисов, книг по праву, богословию.

Его современник Лайс знал множество хадисов; считалось, что в Египте нет более достоверного и твердого в их хранении и передаче, чем он. Действительно, он собрал и записал большое количество рассказов исторического содержания. Лайс является первым автором исторического сочинения, носящего название «Тарих» (история), из которого сохранилось большое количество отрывков. Наибольшее число цитат из этого труда приводится у египетского историка следующего столетия Ибн Абд аль-Хакама.

Отличительной чертой «Истории» Лайса является датированность материала. Как правило, он указывает точное время всех значительных событий в области военно-политической истории и административного управления (сражения, осада и взятие городов, смерть правителей и военачальников, назначения и увольнения с высоких должностей). Соблюдение принципа хронологической последовательности в изложении материала вполне соответствует термину «тарих», что дословно означает «хронология, эпоха, датировка». В дальнейшем все исторические труды арабских авторов будут содержать точные указания на время, когда произошли те или иные события.

Исторический труд аль-Лайса стал образцовым для последующей арабской историографии. Уже в IX в. его фактический материал широко использовал и положил в основу своего сочинения Ибн Абд аль-Хакам. И позже исторические своды многих историков включали отрывки из «Тариха» аль-Лайса. Много веков спустя его широко цитировали такие видные арабские историки, как Макризи и Суюти.

Одним из выдающихся учеников Лайса был Саид Ибн Уфайр (764–840/41), которого традиция считает последним и самым крупным в Египте ученым своего времени. О нем говорили, что он лучше всех знает арабское эпическое сказание «Айям аль-араб», минувшие события, генеалогии и биографии знатных людей. При всей широте интересов основными его занятиями оставались хадисы и история.

По примеру своего учителя Ибн Уфайр написал «Тарих», который представляет собой историю Египта с древнейшего периода до времени жизни самого автора. Местная история начинается с рассказов о фараоновском Египте. По существу, это полуфантастические легенды, которые отчасти связаны с темами христианской Библии. В рассказы о древности он включил большое количество коптских преданий, отразивших смутные воспоминания народа о своем далеком прошлом. При описании Древнего Египта Ибн Уфайр использовал некоторые редкие местные источники. Деятельность этого историка, собравшего на страницах своей «Истории» богатый материал, подготовила расцвет арабской историографии IX—X вв.

Расцвет историографии в Египте в IX—X вв. Первое дошедшее до нас в полном объеме историческое сочинение принадлежит перу Абд ар-Рахмана Ибн Адб аль-Хакама (802/3—871). Называется этот труд «Книга о завоевании Египта, Магриба и Андалузии» (рус. перевод 1985)¹. В нем освещается завоевание арабами Египта и первые десятилетия их правления, а также покорение ими других стран Северной Африки и Пиренейского полуострова. Изложение материала доведено до 744/45 г.

Книга Хакама представляет собой исторический свод, и в ней представлены различные жанры арабской историографии: история завоевательных походов (*магаси*), история Египта, краеведение Египта (*хитат*), биографии главных судей страны. Вначале приводятся легендарные сведения о древнейшем населении Египта, заимствованные в значительной степени в Библии. Вообще же у Хакама встречается немало фантастических сведений, основанных на народной легендарной традиции. Как правило, он принимает на веру все сообщения источников и не пытается отделить истину от вымысла. Редкая попытка критического сопоставления противоречивых хадисов сделана Хакамом при разборе спора о том, покорили ли арабы Египет по договору с его жителями или же он взят силой. Речь шла, в сущности, о том, должны ли копты иметь льготы при уплате налогов или же они, будучи завоеванными силой оружия, не имеют никаких привилегий. Хакам приходит к компромиссному заключению: «Рассказал нам Яхья бен Халид, передавая сообщение Ришдина бен Саада, который пересказал сведения Укайла бен Халида со слов Ибн Шихаба. Он сказал: Часть Египта завоевана по договору, и она под защитой мусульман, а часть — силой». Спор, таким образом, остался открытым.

Несмотря на отсутствие критического исторического чутья, Хакам был авторитетом для многих арабских историков средневековья. Приводимые им фактические данные широко использовали Балазури, Кинди, Макризи и др.

Хакам был первым в плеяде историков, прославивших арабскую

---

¹ В арабской историко-географической литературе под словом «Магриб» (Запад) понимается территория на западе арабского мира, где ныне расположены Тунис, Алжир и Марокко.

историографию в IX—X вв. Подъем арабской культуры в эту эпоху в немалой степени объясняется деятельностью высших школ при знаменитых мечетях в Египте, Тунисе и Марокко. Они по праву назывались университетами и стали центрами развития исторических, географических, философских, юридических знаний. В Каире основанная в 972 г. мечеть Аль-Азхар (Блестящая мечеть) стала давать образование молодежи с 988 г. Еще раньше была открыта в Тунисе мечеть Аз-Зейтуна (Мечеть оливковых деревьев) и позже школа при ней (734). На крайнем западе Магриба в городе Фесе была построена мечеть Карауин (860), где также обучалась молодежь.

Расцвет арабско-мусульманской историографии в Египте в IX—X вв. связан с деятельностью плеяды выдающихся историков — Табари, Якуби и Масуди.

Абу Джаафар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари (839—923) учился в Багдаде, Дамаске и Каире — главных центрах арабской культуры той эпохи. Он оставил после себя огромное литературное наследие в области истории, юриспруденции, богословия. Основные его труды — обширный комментарий к Корану (его современное издание насчитывает 30 томов) и исторический свод под заглавием «История посланников и царей», который дошел до нас в сокращенном виде. Для написания последнего труда Табари потратил несколько десятков лет. В 1986 г. вышел первый том сочинений Табари под редакцией и с комментариями крупнейшего знатока средневековой арабской историографии Ф.Розенталя; всего предполагается выпустить 38 томов.

«История посланников и царей» представляет собой всемирную историю от «сотворения мира» до 915 г. Рассказ о событиях до рождения Мухаммеда дается по библейской схеме, затем материал упорядочен по образцу летописи, год за годом, причем Табари перечисляет, как это принято в хадисах, всех своих информаторов, т.е. дает полный иснад. Свой труд Табари писал главным образом по письменным источникам, поэтому современная ему эпоха представлена менее полно, чем отдаленные времена, от которых дошло много рукописей. Он без особого стеснения использует труды своих предшественников, причем обширные отрывки из работ различных историков соединяются механически, без собственных комментариев. Впрочем, компилятивность не считалась особым пороком средневекового историописания, но Табари в этом отношении превзошел многих. Относительно подобного использования литературных источников В.В. Бартольд писал, что Табари большей частью «ограничивается пересказом своих источников, иногда сохраняет в одном рассказе данные, заимствованные из различных сочинений, но почти не касается того или иного предания. Полное отсутствие критики в его труде удивительно даже для того времени». Несмотря на отмеченные недостатки, историческая работа Табари вошла в золотой фонд арабской культуры и историографии.

Знаменитый историк и географ Ахмед аль-Якуби (год рожд. неизв. — ум. 897) провёл молодые годы в Армении, жил затем в Египте

и странах Магриба, много путешествовал. Его перу принадлежат две книги: «История» («Тарих») и «Книга стран» («Китаб аль-булдан»). Обе книги написаны на основании многочисленных источников: различного рода документов, работ предшественников, личных наблюдений автора. Важным источником были опросы очевидцев и свидетелей событий, анализ и сопоставление этой информации.

Якуби следующим образом описывает методику сбора устных источников: «В расцвете молодости, при всей силе возраста и остроте ума, я старался узнать историю стран и расстояния между одной страной и другой... Бывало, когда я встречал какого-нибудь человека из тех стран, я спрашивал о его родине и столице. Когда он говорил мне о месте своего жительства и пребывания, я спрашивал его об этой стране, каковы там посевы, кто жители... Я спрашивал даже об их одеяниях, их религии, их учениях, их властителях... Затем я записывал все, что сообщал мне человек, правдивости которого я доверял. Я помогал себе расспросами одних людей за другими, так что опросил много народу, целый мир людей и на праздниках и без праздников из обитателей востока и запада. Я записывал их сообщения и собирал их рассказы».

«История» Якуби имеет, по выражению академика Крачковского, в своей области выдающееся значение. Это одно из первых в арабской литературе сочинений типа всемирной истории. Этот жанр исторической литературы назывался *тарих аль-мамалик* (история государств); в них подробным образом описывались различные государства мира, прежде всего арабские, их образ правления, нравы и обычаи населявших их народов. В «Истории» Якуби очень детально изложена история Египта и всего арабского мира; в первой ее части содержатся описания африканских народов, проживающих к югу от Египта, — беджа, эфиопов.

Некоторый исторический материал содержит и другое сочинение Якуби «Книга стран», которая представляет собой географический справочник: он включает сведения о маршрутах, о расстояниях между городами, о полезных ископаемых и т.д. Главный интерес для автора представляет Египет, затем — Магриб, некоторые сведения имеются по Нубии и Эфиопии и очень мало говорится о других африканских странах.

Современником Табари и Якуби был Яхья ибн Ахмед Балазури (ок. 820—892), который всю жизнь прожил в Багдаде и, строго говоря, не принадлежит к египетским ученым. Тем не менее в его единственной исторической работе «Книга завоевания стран», дошедшей до нас в сокращенном виде, много материала по истории Египта и других стран Северной Африки. Он применяет географический принцип изложения, а внутри глав рассказ дается по годам. В отличие от своих предшественников и современников, Балазури критически подходит к своим источникам, приводимые им факты почти всегда достоверны. В его труде дана не только военно-политическая история арабских завоеваний, но приводятся также ценные сведения об экономике и культуре покоренных народов. Так, в его книге имеется особая глава, посвященная Нубии, в которой говорится о войнах египтян с нубийцами, а также о мирных

отношениях между ними. Он приводит слова одного из информаторов: «Не видел я народа более сильного в битве, чем они. Они — меткие стрелки, стреляли в нас, стрелы попадали точно в глаз». Балазури приводит условия мирного договора с нубийцами: египтяне обязались снабжать их пшеницей и чечевицей, а они им ежегодно поставляли 400 рабов.

Выдающимся арабским ученым арабской историографии золотого века ее развития был Абуль-Хасан Али аль-Масуди. Сведения о его жизни очень скудны; известно, что родился в Багдаде и много путешествовал. Он побывал в Персии, Сирии, Индии, Китае, на Цейлоне (Шри-Ланка), посетил восточный берег Африки — острова Занзибар и Pemба. Умер он в Египте в 956 г.

Масуди отличала исключительная широта и разносторонность интересов. Он написал два обширных исторических свода: «Сообщение времени» в 30 томах и «Средняя книга»; они оба не сохранились и известны лишь по сочинениям позднейших авторов. До нас дошел самый краткий из исторических трудов, известный под заглавием «Промывальни золота и рудники драгоценных камней» (другой перевод «Золотые луга и россыпи самоцветов»), а также одна работа по географии.

Дошедшие до нас книги Масуди — это настоящая энциклопедия, в которой отражены все знания арабов того времени, причем не только в историко-географической области, но и во многих других. В предисловии к работе «Промывальни золота» (ее последнее издание вышло в Бейруте в 1966—1974 гг. в 5 томах) Масуди в следующих словах подытожил свою научную деятельность: «Говорит Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди. Когда мы сочинили нашу большую книгу «Сообщение времени», мы прибавили к ней «Книгу среднюю» с тем же содержанием, а затем сопроводили ее книгой «Промывальни золота и рудники драгоценных камней». Вслед за этим мы составили книгу «Категории знаний и что происходило в прежние времена». За ней последовала книга «Сокровища наук и что было в прежние времена». К ней мы прибавили «Книгу напоминания о том, что произошло в прежние века». В этих книгах мы привели сообщения о начале мира, о тварях, их разделении на земле и по областям, о суше и море, об исчезнувших поколениях, о прошедших и погибших народах, о великих государствах как Индия, Китай, халдеях (они же сирийцы), арабах, персах, греках, румах (византийцы) и других, об истории прошлых времен, о миновавших поколениях и пророках, рассказы про их истории, жизнеописание царей...» Далее следует нескончаемый перечень самых разнообразных тем и сюжетов.

Текст исторического труда Масуди «Промывальни золота» распадается на две неравные части. В первой автор широко раскрывает энциклопедическое содержание своего сочинения — в ней излагаются разнообразные астрономические и географические сведения, затем излагается история многих народов Средиземноморья: древних греков, римлян, древних евреев, византийцев, франков, персов, а также арабов до возникновения ислама. Во второй части Масуди повествует о событиях арабо-мусульманской истории, причем подчеркивает династийный прин-

цип изложения материала: «Упомянув все науки и сведения о строении мира, которые нуждаются в изложении от начала до конца, расскажем теперь о родословной Пророка, да благословит его Аллах и восприветствует, — о его рождении, его миссии, его хиджре, его кончине, а также о днях халифов и царей, описывая эпоху одного за эпохой другого до нашего времени».

По определенной, довольно строгой схеме Масуди описывает жизнь и деятельность всех царствовавших халифов, причем каждому из них посвящается одна глава. Он сообщает его полное мусульманское имя, даты вступления на престол и смерти или свержения, продолжительность правления, место вступления на престол и место, где он похоронен, и т.д. Особый интерес представляет собой характеристика халифа и его правления.

Для написания своей книги Масуди использовал три вида источников: письменные, устные, личные наблюдения. Письменные источники обширны и разнообразны; это прежде всего труды его предшественников по истории, географии, философии, богословию, причем не только арабских, но и греческих, индийских, персидских, европейских авторов. Несколько раз он упоминает и о том, что изучал архивы правителей. К устным источникам относятся опросы свидетелей различных событий, рассказы путешественников и купцов. Наконец, Масуди широко использует свои собственные наблюдения и знания, полученные во время путешествий в далекие страны.

Следует учитывать, что Масуди, как и другим историкам, присуща одна характерная для средневековой арабской историографии черта. Писание истории рассматривалось как разновидность художественной литературы (*адаб*), от историка требовалась не столько достоверность, сколько занимательность. Поэтому Масуди прежде всего литератор (*адиб*), популяризатор знания и искусный рассказчик. Главные качества хорошей литературы, по его мнению, это ясность стиля, краткость, отсутствие лишних эмоций. Вместе с тем в его сочинении достоверные факты нередко переплетаются с вымыслом. Он довольствовался поверхностными суждениями, не гнушаясь всякими небылицами. Логическая последовательность в его изложении фактов и событий отсутствует; повествование перегружено различными отступлениями. Беллетризация истории достигается, в частности, включением в текст литературных новелл, причем некоторые из них (всего 6) являются общими и для книги Масуди, и для литературного памятника арабского фольклора «Тысяча и одна ночь».

Исторический труд «Промывальни золота» Масуди дважды редактировал — в 947 г. и накануне кончины в 956 г.; в нем излагается всемирная история до времени убийства халифа Османа. Изложение построено по литературному, а не по иснадному типу; автор редко называет свои источники, хотя и не отказался полностью от иснада. Книгу отличает географическая и тематическая широта — она не ограничивается лишь историей арабов, а уделяет большое внимание Персии и Индии, описанию

близлежащих провинций Византии. Чрезвычайно интересна глава о славянах, Киевском государстве, о походах руссов в 912–913 гг. на прикаспийские земли. Пишет Масуди о негроидных народах, проживающих к югу от Сахары, им посвящена длинная 23-я глава. Много интересных материалов он приводит о беджа, эфиопах, о «стране Зиндж» на восточном берегу Африки (область нынешнего Сомали). Дает подробное описание государства Бамбук, большого торгового города Сиджильмаса, расположенных в Западной Африке.

Представители «золотого века» арабской историографии (Табари, Якуби, Балазури, Масуди) писали о прошлом непредвзято, в относительной независимости от деспотической власти султанов и эмиров. Это объясняется тем, что они не были придворными и не занимали никаких государственных должностей. Историки же следующей эпохи были по преимуществу официальными лицами при дворе (судьями, секретарями, писарями), поэтому по долгу своей службы славословили правителя, ожидая от него милостей и богатства. Здесь коренится одна из причин упадка историографического ремесла, потери историком уважения в глазах общественного мнения и распространения жанра династийной хроники в качестве преобладающего.

Арабская историография в XI–XIII вв. Масуди был последним великим историком классического периода. После него начался длительный период упадка историографии, как и культуры вообще, обусловленный бесконечными феодальными войнами, следовавшими на Ближнем Востоке вслед за крестовыми походами. С конца XII в. историографическая традиция сосредоточилась на написании придворных хроник и биографий царствующих особ. Начало этому жанру было положено приближенными Саладина — его секретарем и военным судьей. Первый из них составил хронику правления султана в 7 томах, второй — более краткое жизнеописание. В этих исторических трудах дан возвышенный образ вождя правоверных, изгнавшего крестоносцев из Палестины и восстановившего славу ислама.

По этому образцу в Египте после установления власти мамлюков были составлены три хроники царствования султана Бейбарса (1260–1277). Их написали Мухьи ад-Дин ибн Абд аз-Захир, его племянник Шафии бен Али и Изз ад-Дин ибн Шаддад. Аз-Захир написал также биографии султана Мансура Калауна (правил 1279–1290) и его сына Ашрафа Халила (правил 1290–1293).

Хотя о 200-летней борьбе за обладание Палестиной между западноевропейскими рыцарями и мусульманами писали многие арабские историки, наиболее достоверный фактический материал содержится именно в хрониках Абд аз-Захира, очевидца и участника многих сражений с крестоносцами. Он был секретарем египетских султанов Бейбарса и Калауна, составителем их официальных документов, которые затем полностью или в отрывках вошли в биографии султанов. Хроники аз-Захира до сих пор не опубликованы, изданы лишь отдельные фрагменты. Между тем они являются ценным источником как по истории крестовых похо-

дов, так и по истории арабских стран. Апологетический характер хроник Абд аз-Захира и его современников требует к себе критического отношения. Следует отметить и то, что они написаны с точки зрения превосходства мусульман над грубыми, необразованными крестоносцами, превосходства в области культуры, законов, религии. Арабские хронисты с нескрываемым презрением писали о фанатизме крестоносцев, их вероломстве и жестокости, о грабежах и убийствах. Это было тем более удивительно, что в Палестине представители различных религий прежде жили вполне мирно на протяжении столетий.

Период господства в Египте мамелюкских султанов (1250—1517) был временем упадка историописания, выразившегося в отсутствии больших самостоятельных трудов, поскольку придворные летописцы главным образом составляли династийные хроники часто сменявших друг друга правителей. Много создавалось также компилятивных сводов, которые включали ранее существовавшие исторические труды.

Творчество Ибн Хальдуна. Новый подъем арабской египетской историографии, впрочем, довольно кратковременный, наметился во второй половине XIV в. и связан с деятельностью великого ученого средневековья Ибн Хальдуна, его ученика Макризи и их современников Суюти, Ибн Ийаса и Ибн Тагриберди.

Вершиной средневековой арабской культуры по праву считается творчество Ибн Хальдуна. Его полное имя — Абу Зейд Абд ар-Рахмен ибн Мухаммед ибн Хальдун (1332—1406). Родился он в Тунисе, играл важную роль в политической жизни мусульманских государств Северной Африки, в последние годы был верховным судьей в Египте¹.

Его основной научный труд принято называть «Большой историей», полное его название «Книга назидательных примеров и сведений из истории арабов, персов, берберов и других современных им могущественных народов». Следует учитывать, что арабское название работы составлено, как того требовала традиция, рифмованной прозой и допускает различные переводы. Чаще всего оно известно в сокращенном варианте «Китаб аль-Ибар».

«Книга назидательных примеров» представляет собой фундаментальный труд в 7 томах, в котором сделана успешная попытка систематизировать все наличное в арабском мире знание по всеобщей истории. Наиболее известна первая часть книги, которая вместе с авторским предисловием и «Введением о превосходстве науки истории» объединяется под общим наименованием «Мукаддима» (по-арабски значит «пролегомены» или «введение»). В нем изложены основные теоретические принципы исторического познания, философские и общественно-политические воззрения Ибн Хальдуна (сокр. русский перевод в сб.: Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1961).

---

¹ Яркий образ Ибн Хальдуна дан в историческом романе советского писателя С.П. Бородина «Молниеносный Баязет».

Ибн Хальдун вошел в мировую историографию главным образом как исторический мыслитель, разрабатывающий самые общие проблемы изучения прошлого. Концепция исторического познания, которую развивает Ибн Хальдун, требует отказа от старых методов описательного, фактографического историописания и предполагает поиск законов развития человеческого общества. Он резко критикует историков прежних времен, в частности Табари и Масуди, для которых история ограничивается перечислением событий, описанием жизни халифов и султанов. Он выступает за строгий отбор фактов, проверку их достоверности, критический анализ источников. Он пишет: «Лучшие историки ислама исчерпывающе изучили известия о памятных событиях, собрали их, записали и увековечили на страницах книг. Однако те из них, кто поверхностно занимался историей, смешали эти известия с ложными сообщениями недостоверных преданий и дали волю воображению и вымыслу... Стремление к точному знанию встречается редко; отбор сообщений в большинстве случаев отсутствует, зато ошибки и выдумки сродни этим повествованиям».

Ибн Хальдун отвергает традиционные метафизические основания прежней историографии и ее слепую веру в авторитет хадисов, он предлагает рациональные приемы критики источников. Историк не может скользить по поверхности описываемых событий и явлений, говорит Ибн Хальдун, он должен вскрывать их первопричины, найти законы развития человеческого общества. «Внешне история — это сообщения о событиях, государствах, прошлых поколениях, о которых записываются предания и складываются пословицы, — пишет автор «Мукаддимы». — Что же касается ее внутренней сущности, то история — это исследование, установление достоверного, точное выяснение основ и начал всего сущего, глубокое знание того, как и почему происходили события. Поэтому история — одна из основ философии».

В центре внимания историка — человеческое общество, его изменение во времени, стадии его развития, отношения людей друг с другом, причины социального неравенства. Впервые высказана мысль о необходимости знать взаимодействие человеческого общества и окружающей природы. Главная задача истории — дать рациональное объяснение социальной жизни людей: «Особенностью людей является общественная жизнь. Это — совместная жизнь... и совместное удовлетворение людьми своих потребностей, ибо человеческой природе присуще стремление к взаимной помощи и приобретению средств к жизни». «Истинная сущность истории, — пишет Ибн Хальдун в другом месте, — дать сведения о человеческом обществе, которые характерны для этой цивилизации, как, например, состояние дикости, появление человека, общинный строй, различные виды господства одних людей над другими и те формы собственности и государств во всех их видах, которые возникли в результате этого господства».

Новым в арабской историографии является тезис Ибн Хальдуна о поступательном развитии человеческого общества. Идея исторического

прогресса оформлена в виде теории о трех ступенях общественного развития; это, по словам историка, дикость, цивилизованность и государственность. Очень важным является понимание общества и государства как целостной системы, развивающейся по внутренним диалектическим законам. По мысли Ибн Хальдуна, уровень развития культуры и характер правления в государстве определяются общественным разделением труда, взаимным обменом результатами хозяйственной деятельности и вытекающей отсюда социальной солидарностью правителей и подданных. Решающим фактором исторического прогресса Ибн Хальдун считал природно-географический, особо подчеркивая значение климата; вместе с тем он придерживался традиционного для арабской географии мнения о существовании семи климатов. Много внимания он уделял изучению противоположности кочевой и оседлой жизни, села и города. Для него характерно отсутствие расизма; черный цвет кожи обусловлен действием климата, считает он.

Исторические воззрения Ибн Хальдуна отличает смелая для средневековья мысль о том, что человеческое общество изменяется без вмешательства сверхъестественных сил. Хотя он постоянно упоминает имя Аллаха, однако это не более как дань многовековой традиции. Причины различных событий и явлений он ищет в реальных жизненных потребностях людей или же в столкновении противоположных интересов отдельных лиц и групп. В этом проявляются стихийно-материалистические элементы исторической концепции Ибн Хальдуна. Его философские взгляды можно отнести к наивному материализму или реализму, поскольку он объясняет социальную реальность исходя из нее самой, из ее внутренних связей и противоречий.

Величайшей заслугой Ибн Хальдуна является разработка теоретических вопросов исторического познания, поиск путей превращения историографии в подлинную науку. Что же касается конкретно его «Книги назидательных примеров», то она принципиально не отличается от других сводов, известных до него. Здесь можно найти богатый фактический материал по истории и этнографии Египта, Магриба, стран Африки к югу от Сахары, в частности сведения о народах Западного Судана.

Ибн Хальдун написал также автобиографическую книгу «Путешествие Ибн Хальдуна по Востоку и Западу». В ней он подробно рассказал о своей жизни и деятельности, о знаменитых людях, с которыми он встречался. Эта книга является ценным историческим и литературным памятником эпохи.

Творчество Ибн Хальдуна, его труды, особенно «Мукаддима», представляют собой вклад в фундамент мировой исторической науки, его идеи во многом опередили развитие общественной мысли средневековья. Широкое распространение его взглядов, однако, было задержано общей социально-экономической и культурной отсталостью Северной Африки. Поэтому его работы долго оставались неизвестными не только в Европе, но и в арабских странах. Даже на его родине, в Тунисе, первые копии «Мукаддимы» получили лишь в середине XVIII в., а полное

издание всего исторического труда «Китаб аль-ибар» было выпущено в Египте в 1867 г. Научный анализ теоретического наследия Ибн Хальдуна первым осуществил египетский ученый Таха Хусейн в 1914 г.

Интерес к творчеству Ибн Хальдуна возник лишь в современную эпоху. О нем выпущено множество книг и статей как в арабских странах, так и на Западе. Его мировоззрение в работах историков, социологов, философов получает самую разную и нередко противоположную интерпретацию. Его сравнивают с Монтескье, Адамом Смитом, Марксом, пытаются представить мыслителем, который предвосхитил идеи просвещенного абсолютизма, трудовой теории стоимости, классовой борьбы, его объявляют основоположником экологии, социологии, структурализма и т.д. Ясно одно: Ибн Хальдун намного опередил свое время и подлинное признание к нему пришло через 600 лет после смерти. Признанием его заслуг, в частности, является величественный памятник в центре города Туниса, воздвигнутый к его юбилею. Ибн Хальдун — единственный историк Африки, который удостоился такой чести.

Среди его учеников, а их было немало, особенно отличился Макризи, который сохранил на всю жизнь любовь и уважение к учителю. О «Мукаддиме» Макризи пишет с подлинным восхищением: «Это единственный труд такого рода... Поистине это сущность знания и науки, результат ясного ума. Он открывает истину в вещах, событиях и обстоятельствах, он объясняет природу государств и происхождение всего сущего, излагая все это удивительно ясным слогом».

Макризи и его школа в историографии. Последний из крупных египетских историков-энциклопедистов Таки ад-Дин Ахмед аль-Макризи (1364—1442) родился, жил и скончался в Каире. Одним из его учителей был Ибн Хальдун; Макризи, в свою очередь, создал историческую школу, среди его учеников известные историки Суюти, Ийас и Тагри-берди.

Макризи — очень плодовитый автор, написавший множество работ, причем почти все дошли до нас в авторских рукописях. История владела его помыслами, и он, в отличие от большинства арабских историков, не оставил сочинений в других областях знания. Красноречивым признанием в любви к истории звучат слова из введения к его главной книге «Хитат»: «Наука истории — из величайших наук по достоинству и наиболее благородная по месту и важности в глазах людей разумных, так как она содержит наставление и увещание об отъезде в остающийся мир из этого жилья, знакомит с благородными нравами, чтобы им последовать, осведомляет о порицаемых деяниях, чтобы устремлялись от них обладающие разумением. Неудивительно, что души достойные к ней привязаны, а мысли великие к ней склонились и ее полюбили».

Главный труд Макризи носит заглавие «Книга увещаний и назидания в рассказе о кварталах и памятниках», известен под коротким названием «Хитат» (от араб. «хитта», множ. «хитат» — произведения историко-географического характера, посвященные описанию отдельных местностей, округов, городов). Фактически перед нами обстоятельный труд по

историческому краеведению Египта, в котором собраны разнообразные сведения по истории, географии, экономике и культуре страны.

В центре творчества Макризи находится родной Египет; он, первый из местных историков, чувствует себя сначала египтянином, а затем арабом. Патриотически звучат его слова о родной стране: «Египет – место, где моя голова впервые коснулась земли, место игры моих сверстников, место собрания моих соотечественников, жилье моей семьи и племени, родина моих близких и дальних, воздух мой, где в гнезде выросли у меня крылья, дом моих желаний, и душа стремится поминать только его. С той поры, как я коснулся науки и господь мой даровал мне разумение и понимание, я не переставал стремиться к познанию рассказов про него и чувствовать влечение к знакомству с его многочисленными памятниками».

Над книгой «Хитат» Макризи трудился около 20 лет. По своей композиции она представляет собой скорее собрание статей или энциклопедический исторический словарь, чем связное целое. Тем не менее в ней и сегодня можно найти ценный исторический материал о различных городах и селениях Египта, их истории, топографии, архитектуре; в каждом из населенных пунктов подробно объясняется время основания и дается хронология мечетей, общественных зданий, других памятных мест. Вот, например, подробнейшее описание 87 рынков и базарных площадей Каира с рассказами об их истории, точным перечислением продаваемых товаров с указанием цены. Здесь же можно найти адреса 58 гостиниц и узнать, кому они принадлежат, кто их построил и какие купцы в них предпочитают останавливаться. Макризи сообщает интересные сведения об организации каирских ремесленников наподобие цехов: у каждого своя торговая улица, определенное место на рынке. Важно, что автор-мусульманин с интересом относится к истории коптов-христиан: им он посвящает восемь глав в 3-й части книги. В них приводится очерк церковной истории коптов, начиная с первого патриарха до гонения на коптов в 1354 г., дается перечень монастырей и церквей, иногда с подробными историко-географическими сведениями.

При написании «Хитата» автор, по его словам, пользовался тремя видами источников: «...перенос из книг, сочиненных по разным наукам; передача от шейхов науки и лучших людей, которых я застал; свидетельство того, что я сам видел и наблюдаю».

Среди других исторических трудов у Макризи есть книга по истории Египта периода Фатимидов и последующих времен (до 1440 г.), специальный очерк о монетах (одно из первых исследований по арабской нумизматике). Много полезной информации содержит книга по истории расположенных к югу от Египта стран – Нубии и Эфиопии. Тем не менее в мировую историографию Макризи вошел с одним замечательным трудом – «Хитатом».

В исторических трудах Макризи много заимствований из работ других авторов, что по этике средневековья было вполне допустимо и не считалось плагиатом. Однако и для своего времени Макризи берет у

предшественников слишком много, почти дословно повторяя, например, Хакама или географа Омари. В вину ему можно поставить не только отсутствие критики источников, но и, в отличие от Ибн Хальдуна, полное невнимание к анализу общественных явлений.

Хотя Макризи не поднялся до теоретических высот Ибн Хальдуна, он был авторитетным ученым, создавшим свою историографическую школу. Среди наиболее известных из его учеников находится Гамаль ад-Дин Абд ар-Рахман ас-Суюти (1445—1505). Он был коренной египтянин, всю жизнь прожил в Каире, занимаясь преподаванием. Количество его произведений огромно — около 550 наименований, сохранилось более 350. Среди них и мелкие статьи в несколько страниц, и многотомные произведения. Трудно указать предмет, по которому бы он не писал, причем всегда стремился составить наиболее полные компиляции. Такова, например, подробная биография пророка Мухаммеда «Аль-Мавахиб», представляющая собой самый большой из сводов истории основателя ислама. По этой книге до сих пор в мусульманских учебных заведениях изучается жизнь Мухаммеда.

Кроме того, Суюти является автором сборника хадисов под названием «Джами ас-сагир», в котором в алфавитном порядке перечисляются и передатчики хадисов, т.е. дается иснад. Две его работы посвящены этнографическим вопросам народов, населяющих Эфиопию. Он продолжил, таким образом, серию тех произведений о достоинстве неарабских народов, которые находили свои истоки в хадисах, о равноправии всех наций в исламе, в частности в том знаменитом изречении Мухаммеда, где он ставил рядом «свободного курейшита» (коренного араба) и «раба-эфиопа».

Суюти разделял все достоинства и недостатки историков своего времени: преклонялся перед авторитетом предшественников, широко использовал их труды, перерабатывая, сокращая или комментируя их тексты. Однако в отличие от многих других он довольно часто указывал на то, кто автор приводимого отрывка или цитаты. Суюти, таким образом, в какой-то мере стал отходить от свойственной средневековой историографии компилятивности. Следует сказать и о том, что сочинения Суюти были хорошо известны не только в арабских странах, но и в областях к югу от Сахары. В своей автобиографии (опубликована в 1975 г.) он повествует, что из Текрура к нему в Каир на обучение приехали правитель страны, главный судья и группа молодежи. А когда возвращались домой, то взяли с собой более 20 книг Суюти. Действительно, его произведения и поныне читают в библиотеках многих стран Тропической Африки.

У Макризи обучался и другой известный историк этой эпохи — Абуль-Махасин Ибн Тагриберди (1409—1470). Он оставил ряд трудов по истории Египта эпохи мамлюкских султанов. Наибольший интерес представляют его хроники «Блестящие звезды о правителях Египта и Каира» и «События веков на протяжении дней и месяцев», в которых освещается история Египта от арабского завоевания до 1469 г. Следует доба-

вить, что Тагриберди является автором до сих пор неизданного сборника жизнеописаний выдающихся людей мусульманского мира. В нем две биографии чернокожих африканцев: судьи Ламу, города в стране Зинджей (на одноименном острове к северу от Занзибара), и правителя империи Мали Манса Муса. Жизнеописание последнего дается на фоне многих событий истории этой страны.

Историографическую школу Макризи продолжил ученик Суюти по имени Мухаммед ибн Ахмед ибн Ийас аль-Ханафи (1448–1524), более известный как Ибн Ийас. Его хроника «Диковинки цветов в событиях веков» представляет собой самое значительное произведение египетской историографии кануна потери независимости, поскольку незадолго до смерти историка Египет попал под многовековое владычество Османской империи. Хроника Ибн Ийаса охватывает историю Египта ровно за девять столетий – от возникновения ислама в 622 г. до 1521 г. События, происходившие до XV в., даются бегло, на основании предшествующей исторической литературы (подсчитано, что он использовал сочинения 37 авторов), современные же автору события описаны в значительной степени по личным наблюдениям. Известно, что он был близок со многими государственными деятелями, что давало ему возможность быть в курсе политических дел и описать их в своей работе. Хотя последнюю часть своей хроники Ибн Ийас составлял уже при турецком правлении, он без страха высмеивал грубых и невежественных порабощенцев, высказывая им свое презрение.

Хроника «Диковинки цветов в событиях веков» по своей форме представляет собою летопись; основной композиционной единицей является год, события которого описываются весьма подробно, причем часто дается точная датировка – день и месяц. Ибн Ийас не ограничивается простым пересказом событий или констатацией тех или иных фактов, он стремится найти их причины, раздумывает об их последствиях. Каждое сообщение несет не только информацию, но и оценку событий автором. Тематика сообщений традиционна для средневековой историографии – это разлив Нила, назначения и смещения с должностей, аресты и казни, народные бунты и междоусобицы феодалов, эпидемии и голод. Кроме того, в тексте помещено немало стихотворений как самого хрониста, так и других авторов; это делается опять-таки в традициях классической «адабной» историографии, призванной дать читателю увлекательный литературный рассказ, а не сухой перечень фактов. Тем не менее усилия Ибн Ийаса часто своей цели не достигают – перед читателем предстает не художественное произведение, расцвеченное выдумкой автора, а строгий рассказ честного летописца, внимательного наблюдателя, повествующего об установленных фактах.

Хроникой Ибн Ийаса, как отмечал академик Крачковский, заканчивается непродолжительный, но богатый период второго расцвета египетской историографии: «Важность этой хроники, не говоря о самом содержании, приобретает специальное значение, так как Ибн Ийас – единственный арабский историк эпохи османского завоевания и последний исто-

рик мамлюкского периода, завершающий богатую серию исторических произведений, которые за это время говорят о несомненном расцвете такой литературы».

После Ибн Ййаса начинается длительный период упадка не только египетской, но и всей арабской историографии. Причины этого явления рассматриваются в следующей главе.

Картина развития арабской североафриканской историографии будет неполной, если не сказать о трудах выдающихся путешественников средневековья, которые оставили богатые фактическим материалом описания многих государств и народов Северной и Тропической Африки. Наиболее ценные историко-географические труды принадлежат перу Бакри (XI в.), Ибн Батуты (XIV в.) и Льву Африканскому (XVI в.).

Уроженец Кордовы (Испания) Абу Убайд Абдаллах аль-Бакри на основе расспросов арабских купцов и путешественников, а также документов государственного архива Кордовского халифата написал «Книгу путей и государств». Она содержит подробный рассказ о государствах и городах Северной Африки, основных торговых путях. Особую ценность представляет первое и единственное описание средневекового государства Ганы в Западной Африке.

Если Бакри для составления своей книги пользовался информацией из вторых рук, то Ибн Батута прославился как неутомимый путешественник, первым среди арабов собственными глазами увидевший много дальних стран. Уроженец города Танжера на севере Марокко, он побывал в Египте и Восточной Африке, в Индии, Индонезии и Китае, посетил Крым и южные области России вплоть до Волги. Позже он путешествовал по Западному и Центральному Судану, первым сообщил подробные сведения о государстве Мали и прилегающих областях Западной Африки.

Полную приключений и лишений жизнь прожил родившийся в 1489 г. в Гранаде (Испания) Лев Африканский. Его подлинное имя Хасан ибн Мухаммед аль-Ваззан аз-Зайяти аль-Фаси. Детство и юность он провел в Марокко, затем был захвачен морскими пиратами и подарен папе римскому, который окрестил его и дал имя Лев. Выучив итальянский язык, он составил подробнейшее описание Северной Африки, которое было опубликовано в Венеции в 1550 г. под заглавием «Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть» (рус. перевод 1983). Сам автор, по-видимому, это издание не увидел, так как около 1528 г. он вернулся в Тунис, и там его следы затерялись.

Будучи человеком двух культур — арабо-мусульманской и западноевропейской, христианской, — Лев Африканский не делил людей на «верных» и «неверных»; с большой симпатией он пишет о негро-африканцах, признавая в то же время, что долг историка — говорить истину. Он писал: «Мне ясно, что для меня самого постыдно признавать и раскрывать порочные качества африканцев, так как Африка была моей землей-кормилицей, где я вырос и провел большую и лучшую часть моих лет. Но меня оправдывает перед всеми долг историка, который обязан говорить

без стеснения истину о вещах, а не угождать чьим-либо желаниям». Так высоко понимаемый долг историка был все-таки большой редкостью в средние века, когда подавляющее число арабских историков было в услужении у султанов и эмиров, безудержно превознося их мнимые достоинства в ущерб исторической правде.

4. Донаучная история в странах Африки к югу от Сахары

Донаучная история и научная история. В советской исторической науке сложилось четкое разграничение двух этапов развития истории как знания о прошлом, отражающего изменения во времени и в пространстве общественного бытия различных народов. В историографических трудах Н.Л. Рубинштейна, Л.В. Черепнина и М.А. Алпатова обосновано важное методологическое положение о донаучной и научной истории.

Процесс превращения разрозненных знаний о прошлом в систематизированную научную дисциплину был длительным и совершался на двух уровнях познания — эмпирическом и теоретическом. Первый характеризует созревание источниковой базы исторической науки, второй — ее концептуального, логико-философского аппарата. В течение продолжительного времени, может быть, тысячелетий шло накопление фактического материала; параллельно с ним шло развитие исторических концепций.

Переход от донаучной истории к научной историографии произошел в результате постепенного сближения и затем полного соединения научной теории, освобожденной от метафизики, и исторических знаний, основанных на критическом анализе источников. На донаучной стадии несистематизированные исторические сведения передаются от поколения к поколению вначале в устной форме как разнообразные повествования о прошлом (мифы, эпос, легенды, генеалогии и т.п.), позже — в письменной форме, хотя устная история продолжает существовать.

Эти общие соображения относятся и к развитию исторической мысли народов Африки. Донаучная африканская история — устная и письменная — выполняла важные социальные и познавательные функции в традиционных обществах Тропической Африки, была формой существования исторической мысли и исторических знаний. Именно из нее выросла современная научная историография; между традиционной историей и научной историей имеется принципиальное различие, хотя нельзя отрицать и прочных генетических связей между ними. А различие сводится к следующим основным положениям.

Во-первых, традиционно исторический процесс объясняется действием сверхъестественных сил; история поэтому приобретает мистический, полужантастический характер. В традиционной истории, таким образом, существует разрыв между накоплением конкретных знаний и их рациональной интерпретацией. Во-вторых, в традиционной исторической

мысли отсутствует идея прогресса, поступательного развития человеческого общества; движение здесь идет по кругу, постоянно возвращаясь к исходным рубежам. Представление о цикличности исторического процесса обусловлено природно-экологическими и хозяйственными ритмами в условиях застойной, малоподвижной жизни доиндустриального общества. В-третьих, отраженное в традиционной истории мировоззрение является бессистемным, многослойным. Мифологический историзм переплетается с эпическим пониманием времени и характерной для раннеклассовых обществ героизацией основателей государств. Позже из истории, создаваемой по общему согласию (т.е. памяти всего коллектива), она эволюционирует к превращению в один из элементов идеологической надстройки в классовом обществе, причем рядом с придворной, официальной историей всегда сохраняется и народная история. Наконец, в-четвертых, донаучная историческая мысль еще не осмысливала себя теоретически. В ней отсутствовали попытки критического подхода к самой традиционной истории, ее понятийному аппарату, разграничение источника и его интерпретации.

Традиционная история и научная историография соответствуют различным уровням исторического познания, двум последовательным этапам развития научных знаний вообще. Традиционная история отражала массовое сознание на уровне донаучных, в частности магических, представлений о мире и социальной действительности; она до сих пор находит в Африке питательную почву и не вытеснена полностью научной историей.

Устная традиция как история бесписьменных народов. Историческая мысль африканских народов, как и народов других континентов, прошла долгий путь становления, который может быть разделен на две стадии — устную историю (историоговорение) и писаную историю (историописание). До изобретения письменности, а у некоторых народов и много времени спустя, именно в словесной форме хранились и передавались от поколения к поколению социальный опыт, знания о прошлом, первые художественные произведения. Устная история в форме эпоса, сказаний, легенд, генеалогических списков явилась самой ранней формой исторического сознания древних народов. Корни истории всех известных науке обществ теряются в мифологии; мифологический историзм — определенный этап в эволюции знания о событиях прошлого. Как убедительно показал А.Ф. Лосев, именно мифологический историзм является наиболее ранним проявлением осмысления времени и пространства в первом организованном человеческом обществе — в первобытно-общинной социально-экономической формации. Сначала возникли мифы о богах, сотворивших землю, позже — эпические сказания о героях.

Для раннего этапа исторического мышления древних народов было характерно наивно-реалистическое смешение события и рассказа о нем, исследования и источника. Об этом свидетельствует происхождение самого слова «история». Оно означало два понятия: «исследование» и «свидетельство». В те далекие времена это значило, что историк черпал

сведения о происшедших событиях из рассказов их участников. Как считают специалисты, античная культура даже после появления письменности выступала в основном в словесном выражении (С.Л. Утченко). Устными были и первые эпические сказания, в частности гомеровские «Илиада» и «Одиссея».

Народы стран Африки к югу от Сахары, за исключением Эфиопии, не создали письменности. Долгое время ответить на вопрос, почему так случилось, не представлялось возможным. Лишь в последние годы советские ученые, языковеды и психоневрологи попытались дать ответ на этот вопрос. Они считают, что в отсутствии письменности сыграли роль некоторые особенности высшей нервной деятельности и языков восточных народов, в частности языковой семьи банту.

Языковые и биологические факторы, а также социальные различия дают материалистическое объяснение реально существующей специфике различных народов мира, не имеющее ничего общего с противопоставлением двух видов исторического мышления — историоговoreния и историписания, абсолютизация которых привела к появлению идеалистических концепций о народах «с историей» и народах «без истории».

Устность, словесно-речевой способ коммуникации — преобладающая черта африканской культуры на протяжении тысячелетий. Африка — поистине царство Слова: общественная мысль, богатая и разнообразная литература, история, искусство — все это существовало лишь благодаря живому слову, связующему людей во времени и в пространстве.

Отсутствие письменности, писаной истории дало основание Гегелю отнести Африку к странам «без истории». В своей книге «Философия истории», представляющей запись лекций в Берлинском университете в 1822—1831 гг., Гегель делит Африку на три части: «...первая есть находящаяся к югу от пустыни Сахары подлинная Африка... вторая, находящаяся к северу от пустыни, так сказать европейская Африка, есть прибрежная страна; третью часть составляет бассейн Нила, единственная африканская долина, примыкающая к Азии». По поводу Северной Африки Гегель замечает, что это — «чудный край, который следовало и нужно присоединить к Европе», однако настоящей Африкой он считает лишь ту обширную область, которую ныне принято называть Тропической Африкой. Рассказ об этой части Африки изобилует фантастическими описаниями природы и людей, но наиболее важным является следующее утверждение: «Вышеупомянутая подлинная Африка оставалась в продолжение исторического периода отрезанной от остального мира; это — замкнутая в себе страна, изобилующая золотом, детская страна, которая, находясь за пределами дня самосознательной истории, облечена черным покровом ночи». Несколько дальше, завершая крайне тенденциозное описание обычаев народов Тропической Африки, Гегель вновь возвращается к тезису об отсутствии у них истории: «Теперь мы покидаем Африку и уже не будем упоминать о ней. Ведь она не является исторической частью света; в ней не замечается движения и развития». А как же хорошо известные и в те времена достижения цивилизации Древнего Египта и военное могу-

щество Карфагена? Гегель отвечает: «Карфаген был там важным и переходящим моментом, но как финикийская колония он относится к Азии. Египет... чужд африканскому духу» — и вновь повторяет, что у Африки нет истории, что она находится на первобытной ступени развития духа, иными словами — на пороге всемирной истории.

Отсутствие истории у африканцев Гегель объясняет природно-географическими и психологическими причинами. Но еще более важным является положение о низком уровне развития «абсолютного духа» африканцев. История возникает только тогда, считает немецкий философ, когда есть «ясное, осознанное» представление о прошлом, а это возможно лишь у тех народов, у которых есть государственное устройство и сознание духа свободы. Только государство создает необходимые условия для возникновения историописания, утверждает Гегель в «Философии истории», а в «Философии духа» прямо пишет: «Народ без государственного устройства (нация как таковая) не имеет, собственно, никакой истории, подобно народам, существовавшим еще до образования государства, и тем, которые еще и поныне существуют в качестве диких наций».

Европоцентристские взгляды Гегеля на прошлое Африки, подкрепленные его огромным научным авторитетом, предопределили на многие годы отношение мировой исторической науки к устной истории. Воззрения Гегеля несомненно отчасти объясняются низким уровнем тогдашних фактических знаний об Африке. Так, в Европе почти ничего не было известно о существовании в Тропической Африке таких сравнительно высокоорганизованных государственных образований, как Гана, Мали, Сонгай, Мономотапа, Ашанти, Лоанго, Буганда и др. Не были известны и устные исторические традиции африканских народов.

К середине XIX в. появляются первые публикации устных исторических традиций африканских народов. Наличие у африканцев повествований о прошлом стало чаще признаваться путешественниками, которые подчеркивали общность этой звучащей истории с тем, что встречалось у некоторых народов Европы. В различных местах Тропической Африки были замечены профессиональные сказители, хранители знаний о прошлом, которых называли привычными для европейцев словами «барды» или «трубадуры».

Наиболее подробно описал подобных историков англичанин Ф.Форбс в книге «Дагомея и дагомейцы» (1851), он называет их «хранителями архивов» страны, отмечает их высокий общественный статус: «Эти трубадуры являются хранителями архивов Дагомейского королевства, и их наследственная должность весьма прибыльна... Устная традиция — единственная форма образования среди дагомейцев... и отпрыск высших сословий потеряет право первородства, если не выучит все легенды и рассказы, трагедии и истории, известные его родителям».

По мере роста объективных знаний об Африке, сбора и публикации фольклорных материалов и изучения африканских языков постепенно становилось ясным, что у различных народов и племен имеются много-

образные и весьма сложные механизмы сохранения памяти о прошлом, передачи ее устным путем новым поколениям. Американский миссионер Шателен издал большую книгу о фольклоре народов Анголы (1894), в которой систематизировал различные виды народных сказаний, легенд, сказок, поговорок и т.п. В этой типологии он выделил в особый раздел исторические повествования *ма-лунда*. Они представляют собой хроники отдельных племен или народностей, которые бережно хранятся вождями и старейшинами; в них повествуется о происхождении данного общества, пройденном им историческом пути, миграциях, войнах и т.д. Ма-лунда обычно считаются государственной тайной, и рядовые соплеменники знают лишь отдельные фрагменты «священного сокровища господствующего класса», как выразился Шателен. Впрочем, как позже выяснилось, эзотеричность устной исторической традиции не является общим правилом; у других народов сведения о прошлом становятся достоянием всего общества.

Общая концепция традиционной истории хорошо просматривается в эпическом сказании о Сундиате — национальном герое группы родственных народов Западной Африки — мандингов. Этот эпос известен в нескольких вариантах, опубликован он и на русском языке (1963). В основу положен рассказ о жизни и деяниях реального лица, правителя средневековой империи Мали, однако в предисловии к русскому изданию эпоса о Сундиате Д.А. Ольдерогге совершенно справедливо предупреждает: «Надо помнить, что эпос не историческая хроника и не летопись. Это прежде всего художественное произведение, богато расцвеченное народной фантазией. Оно создавалось различными певцами, многократно перерабатывалось. Основу его составляют исторические события, но дошли они до нас в художественной обработке в разных версиях, созданных гриотами разных школ».

Философия истории в эпосе о Сундиате проникнута привнесенным в традиционные представления мусульманским фатализмом, согласно которому судьбы всех людей предначертаны свыше, а человек — лишь слепая игрушка в руках аллаха: «Человеку иной раз кажется, что он может изменить пути, начертанные аллахом, но на самом деле он исполняет его волю». «Ничто не может изменить волю провидения», — говорит гриот в другом месте. «Судьбы людей непознаваемы, их поступки внушены свыше». Мусульманский провиденциализм, однако, сочетается с многочисленными пережитками язычества — жертвоприношениями, верой в волшебных змей и вещих сов, рассказом о чудесном превращении страшного буйвола в немощную старуху и т.п. Царь Сумаоро, враг Сундиаты, — великий колдун, сила его фетишей ужасна, он может принимать 69 различных обликов, ускользая от своих врагов: в разгар битвы он то превращается в муху, которая изводит противника, то растворяется в воздухе, когда враг слишком теснит его. С точки зрения правоверного мусульманина все эти рассказы не что иное, как суеверия и предрассудки, совершенно несовместимые с исламом, но таково было синкретическое мировоззрение населения недавно исламизированных

областей Мандинга. Мифологическое мышление в виде мощного пласта доисламских верований переплеталось с плохо усвоенными догмами Корана.

Повествование о подвигах эпического героя полно противоречий, оно часто непоследовательно и состоит из описания событий, мало связанных между собой причинно-следственными отношениями. Объяснение этому мы находим в глубоких рассуждениях А.Ф. Лосева об особенностях понимания времени в архаичном мышлении. «В эпосе, — говорит он, — мы обычно находим нагромождение разных событий... Это нагромождение доходит иной раз до ничем не объяснимой противоречивости и даже до полной утраты связи отдельных эпизодов с целым. В повествовании постоянно возникают случайные замедления, сосредоточение внимания на каких-нибудь третьестепенных предметах, невнимание к последовательности рассказа, постоянные повторения одного и того же, многократные возвращения назад, так что возникает и постоянное эпическое колебание между прошлым, настоящим и будущим... Эта художественно зафиксированная пестрота и бессвязность нагроможденных событий, необходимых для героических подвигов, является особенностью эпического времени».

В эпосе о Сундиате, как и в других подобных произведениях, в качестве постоянного структурного элемента встречается обращение к слушателям, которые приглашаются в качестве свидетелей достоверности описываемых невероятных событий. Это часть того, что можно было бы назвать обязательным этикетом устной исторической традиции. Обращения, как правило, помещены в начале и в конце рассказа, иногда же они перебивают ход повествования в самых неожиданных местах. В словах гриота выражается сознание его высокой миссии хранителя опыта прошлых времен, мудрого советника царей. Послушаем, что говорит Мамаду Куяте, рассказчик мандингского эпоса: «Гриотам известна история царей и царств, вот почему они лучшие советники царей. Каждый великий царь хочет иметь певца, который увековечил бы память о нем, потому что только певцы сохраняют память о царях, — память же людей коротка. Судьба государств так же предначертана, как и судьбы людей; прорицатели знают будущее, мы же, гриоты, передаем знание прошлого, но тот, кому известна история страны, может увидеть и ее будущее. Иные народы пользуются письменностью, чтобы запечатлеть прошедшее, но это убивает их память, они не чувствуют прошлого, потому что у букв нет тепла человеческого голоса».

На протяжении сотен лет эпопея о Сундиате не только сберегала в яркой художественной форме память о наиболее славных страницах истории мандингов, но была важным фактором этнической консолидации, так как укрепляла сознание общего происхождения у родственных народов, которые были рассеяны на огромной территории Западной Африки и впоследствии вошли в состав различных государств. До сего дня основные кланы мандингов считают себя потомками или самого Сундиаты (это касается рода Кейта), или его военачальников; где бы

ныне ни проживали мандинги, они утверждают, что пришли с территории средневекового Мали. Как сам эпос, так и гриоты, постоянно продвигающиеся из одного района в другой, играют важную роль в сохранении культурного единства народов мандингской семьи. В этом секрет необычайной популярности эпоса о Сундиате.

Советский ученый Е.С. Котляр в книге «Эпос народов Африки южнее Сахары» (1985) называет эпические сказания о Сундиате «вершиной африканских исторических эпосов», и это совершенно верно. По богатству охватываемого материала, по разработанности художественных сюжетов, по достоверности приводимых фактов эпос о Сундиате не имеет себе равных в Тропической Африке. Поражает и другое — историческая глубина описываемых событий исключительно велика. Ведь реальный Сундиата правил в первой половине XIII в., а первые записи устных преданий о нем были сделаны лишь в начале XX в., спустя примерно шесть с половиной веков. Обычно же историческая традиция африканских народов не идет глубже 150–200 лет.

Подробное рассмотрение африканской исторической традиции позволяет сделать некоторые обобщения. Первое — это ее двойственный характер. Для нее типичны нерасчлененность источника и его интерпретации, наивно-реалистическое отождествление исторической реальности и исторического мышления. Неверно оставлять за африканскими историческими традициями лишь роль источника для современного ученого. Для бесписьменного африканского общества далекого прошлого устная традиция выполняла роль истории, т.е. это было знание о прошедших событиях и их оценка в общественном сознании. Другими словами, это была коллективная социальная память, самосознание традиционного общества. Для современного же ученого-историка совокупность этих повествовательных устных текстов выступает в качестве одного из наиболее сложных источников исторического знания. Этот источник имеет особую значимость при реконструкции прошлого Африки, поскольку есть существенное различие между тем, как африканские народы воспринимали свою историю, и тем, как ее трактует современная наука. Устные традиционные источники нуждаются в дешифровке, «своеобразном раскодировании, которое должно предшествовать цитатному их использованию. Только тогда мы сможем не только отделять верные высказывания от ошибочных, но в самих этих ошибках, в характере непонимания находить источник ценных сведений» (Ю.М. Лотман).

Другая трудность устной истории — отсутствие хронологии. У народов Тропической Африки, кроме Эфиопии, не было календарей, поэтому датировка событий и фактов невозможна. Это обстоятельство дало основание некоторым буржуазным ученым считать традиционные африканские общества вневременными. Абсолютной хронологии, действительно, устная история лишена, однако она признает движение времени и имеет специфические системы его отсчета. Расчеты ведутся преимущественно на основе природно-экологических циклов.

Таким образом, народов «без истории» нет; африканские народы имеют устную историю, которая, однако, резко отличается от современного понимания науки о прошлом.

Ранняя эфиопская историография. Донаучная история в письменном виде получила большое развитие лишь в одной стране Африки южнее Сахары — в Эфиопии. Уже с конца XIII в., когда центральная власть переходит в руки так называемой Соломоновой династии, составляются исторические труды, призванные обосновать законность новой династии и руководящую роль духовенства в государственных делах. В монастырях, являвшихся оплотом христианской религии и центрами грамотности, ведутся погодные записи типа летописей о наиболее важных событиях. Обычно краткие и сухие, «настоящие каталоги царей», по меткому выражению Б.А. Тураева, эти хроники известны или по названиям монастырей, где они были впоследствии обнаружены, или же по именам царей, о которых в них повествуется. Не исключено, что некоторые произведения эфиопской историографии составлялись не в монастырях, а непосредственно при дворе царя официальным летописцем. Определенный интерес представляет так называемая житийная литература, т.е. биографии реальных исторических деятелей, которые после смерти были канонизированы церковью, как, например, военачальник Амда Микаэль.

Наиболее значительным образцом ранней эфиопской историографии является книга «Слава царей», составленная в начале XIV в. О ее содержании И.Ю. Крачковский сказал, что это «смесь легенд и романтического материала. Основная цель ее доказать происхождение новой династии от Соломона путем искусно подобранных легендарных сказаний, связывающих воедино нити истории от Адама до Никейского собора и конечных судеб мира».

«Слава царей» по праву считается национальным эпосом эфиопского народа, оказавшим огромное влияние на его историческое самосознание. Обширное произведение, весьма пестрое по своему содержанию, имеет апологетическую направленность. Главная идея книги — богоизбранность эфиопского народа; его цари призваны распространить свою власть и христианскую религию на весь мир. Книга пронизана чувством патриотизма, прославляет правителей и церковь. В ней много библейского материала, привлеченного для того, чтобы доказать прямую преемственность Эфиопии и древнего Израильского государства, прямые родственные связи нынешних царей с правителем этого государства Соломоном. «Слава царей» стремится включить Эфиопию в качестве составной части христианской концепции всемирной истории.

Примерно в те же времена, когда была составлена «Слава царей», было составлено другое историческое сочинение «Сказание о походе царя Амда Сиона», прославляющее победы царя над неверными — мусульманами. Реальный исторический царь Амда Сион (правил в 1314—1344 гг.) изображен в виде эпического героя. Вот как живописно рассказано о необыкновенном мужестве правителя христиан: «Он вскочил, как леопард, и прыгнул, как лев, сел на коня... Он не страшился того,

что было сзади его, не обращал тыла, когда на него сыпались дождем стрелы, железные и деревянные копыя, как град. Подошли, окружая его, с мечами. Он же, твердый лицом, как скала, приготовился к смерти и прорвал ряды врагов. И, пронзив одного, он поразил другого и соединил их двух вместе одним копьём силою божиею. И тотчас поколебались неверные, обратились в бегство...» Итак, царь победил своих многочисленных врагов потому, что с ним был бог. Чуть дальше в сказании прямо говорится: «Амда Сион сражался, а бог победил. Амда Сион воевал плотию, а бог ему помощник благодатию. Амда Сион воссел на коня, а бог послал ему духа своего и был ему силой, уничтожил неверных и спас его войско духом своим, как Давид Израиля, когда убил Голиафа и спас Израиля».

Идея богоизбранности эфиопского народа, его великой миссии в будущем, выраженная в общей форме в «Славе царей», в повествовании о царе Амде Сионе нашла более подробное обоснование со ссылкой на священную историю. «Мы же слышали и знаем из св. Писания и говорим истинное и несомненное, что царство мусульман непродолжительно — всего 700 лет, что оно разорится во время свое. Царство христиан пребудет и устоит до второго пришествия сына божия, как известило св. Писание, особенно же пребудет царство Эфиопское до пришествия Христова — о нем пророчествовал Давид и сказал «Эфиопия предварит руки своя к богу». Автор сказания цитирует здесь распространенный в Эфиопии псалом Давида, в котором есть такие слова: «Эфиопия прострет руки свои Богу» (по современному изданию); это выражение трактовалось как указание на особую близость страны к всевышнему. Оно понималось и в том смысле, что Эфиопии предначертана миссия спасения христианства от его врагов.

Можно предположить, что «Сказание» вначале исполнялось устно и только впоследствии было записано. Об этом свидетельствует встречающееся в тексте обращение к слушателям: «Ныне послушайте, поведаю вам» или «Еще послушайте, что я расскажу вам, возлюбленные, да не покажется вам речь моя праздною». Однако для потомства память о подвигах правого христианского государя Эфиопии сохранилась в записи.

Еще один памятник раннего эфиопского историописания рассказывает о деятельности царя Зара Якоба (середина XV в.), прославившегося переменами в политической и церковной жизни страны. «Хроника царя Зара Якоба и его преемников», а также хроники других царей, прославившихся в первой половине XVI в., относятся к жанру царских хроник. Б.А. Тураев, который подготовил русское издание эфиопских исторических трудов XIV–XVI вв. (опубликованы в 1936 г.), дал им такую характеристику: «Вообще эти произведения все изложены довольно хаотично, не имеют строгой хронологической основы, исторической перспективы, литературной стройности, фактической полноты».

Несмотря на перечисленные изъяны, ранняя эфиопская историография является ярким памятником донучной исторической мысли одной

из самых древних цивилизаций Тропической Африки. В последующие столетия эфиопская историография не пережила особых изменений, по-прежнему главными ее жанрами остаются летописи отдельных царствований или же краткие хроники нескольких царей, а также жития святых. Для нее характерны прославление правителя и христианской церкви, вера в провидение, которое предопределяет человеческие поступки, употребление малопонятного народу древнего языка геэз. Исторические труды XVI—XVII вв. будут рассмотрены в следующей главе.

ИСТОРИОГРАФИЯ АФРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ В ЭПОХУ КОЛОНИАЛЬНЫХ ЗАХВАТОВ (XVII – СЕРЕДИНА XIX В.)

1. История Африки в странах Западной Европы

Как мы выяснили в предыдущей главе, к началу нового времени в европейских странах накопилось довольно много знаний об истории, природных условиях, обычаях, языках и религиозных верованиях африканских народов. Лучше были известны два региона Африки — обращенное к Европе Средиземноморское побережье, населенное арабами, и христианская Эфиопия. Поэтому из дисциплин, составляющих комплекс наук африканистики, раньше оформились арабистика и эфиопистика.

В XVII в., когда в результате победы буржуазной революции в Англии в странах Западной Европы произошли серьезные общественно-политические перемены, разрозненные знания об арабах и эфиопах были сведены в стройную систему. Арабистика и эфиопистика того времени находились на ранних стадиях своего становления, и потребовалось еще примерно два столетия, прежде чем они превратились в зрелые науки. Этот переходный этап можно считать преднаучным периодом развития знаний об Африке, точнее, о некоторых ее регионах, потому что отдельные составные части африканистики возникали в разные времена. Сама же африканистика входила в более общий комплекс дисциплин — востоковедение (ориенталистику) и выделилась из него совсем недавно.

Одним из основателей арабистики был английский ученый Эдвард Покок (1604—1691), впервые возглавивший учрежденную для него кафедру в Оксфордском университете. В 1650 г., в разгар буржуазной революции, он выпустил книгу под названием «Очерк истории арабов», оказавшую большое влияние на развитие научных исследований в других европейских странах. Покок прекрасно знал арабские средневековые хроники и труды историков, многое сделал для их сбора и издания.

Несколько позже формируется эфиопистика, основоположником которой является немецкий ученый Иов Лудольф (1624—1704). Его деятельность носила энциклопедический характер и охватывала различные области знаний об Эфиопии — историю, этнографию, языковедение, географию. Сам Лудольф в Эфиопии не бывал; источником его сведений был проживавший долгое время при папском дворе в Риме эфиопский монах Григорий, который считается одним из зачинателей эфиопистики. Хорошо знал Лудольф и труды своих предшественников, начиная с Геродота и кончая португальцами, а также хранившиеся в европейских

собрания эфиопские рукописи (их было, по словам Лудольфа, более тридцати). Перу Лудольфа принадлежит ряд крупных работ, опубликованных на латинском языке во Франкфурте: «История Эфиопии» (1681) и обширный комментарий к ней (1691), грамматика языка геэз (1661, 1702), грамматика амхарского языка со словарем (1698), пространный геэз-латинский словарь (1699). Первая книга носит длинное, как тогда было принято, заглавие: «Эфиопская история, или Краткое описание Абиссинского королевства, которое в просторечии зовется царством священника Иоанна»; затем следует подробное содержание ее четырех частей (книг). В первой из них описываются природные условия страны, во второй — политический режим и правила престолонаследия, в третьей — церковная история и религиозные догматы. Наконец, в последней книге автор повествует, как он выражается, «о частных делах, литературе, экономике и т.п.». В обращении к «благожелательным читателям» и непосредственно в предисловии к книге Лудольф высказывает свою благодарность «аббе Грегориусу Абиссинцу» за рассказы о родной стране, давшие возможность автору написать эту книгу.

«История Эфиопии» была вскоре переведена на французский и английский языки (1684); парижское издание вышло под заглавием «Новая история Абиссинии или Эфиопии», хотя Лудольф признает, что из всех названий жителей этой страны, применяемых в древности (индийцы, аксумиты, нубийцы, абиссинцы), самым точным является эфиопы. Название Абиссиния, абиссинцы, пишет Лудольф, для них является «слишком оскорбительным».

Авторитет Лудольфа как знатока Эфиопии был чрезвычайно велик. «История Эфиопии» была переведена на русский язык и подарена Петру I. Царь пригласил ученого на работу в Россию, однако во время переговоров Лудольф скончался. Его книги долгое время служили справочными и учебными пособиями по истории и языкам Эфиопии.

В XVII в. проникновение португальцев в Эфиопию прекратилось, последним из них был П. Паиш. Зато устанавливаются довольно оживленные связи с Францией. В годы правления Людовика XIII и Людовика XIV (1634—1706) французы не только предпринимают попытки укрепиться в этой стране, но и впервые приглашают к себе знатных эфиопов. Сохранились сведения о пребывании при дворе герцога Ришелье в 1634—1638 гг. эфиопского принца по имени Крист, умершего от воспаления легких. В самом конце этого столетия Эфиопию посетил врач Шарль Понсе, приглашенный негусом Ясу I. К сожалению, история франко-эфиопских отношений до сих пор изучена слабо.

Быстрыми темпами идет географическое изучение Африканского континента, которое стимулировалось потребностями «первоначального накопления капиталов». Португальские мореплаватели в поисках морского пути в Индию на протяжении XV в. нанесли на карту почти всю береговую линию континента. В XVI—XVII вв. колониальная экспансия европейских государств усиливается: на западном побережье Африки появляются укрепленные пункты голландцев, англичан, французов, пор-

гугальцев, датчан; на южной оконечности континента в середине XVII в. высаживаются голландские колонисты, на побережье Мозамбика возникают португальские форты Софала, позже — Сена и Тете. Постепенно происходит знакомство с внутренними районами Африки.

XVIII век вошел в историю мировой культуры под названием «век Просвещения». Он ознаменовался огромным прогрессом в изучении Африки: появилось множество описаний путешествий по различным неведомым странам континента, а также записок мореплавателей, торговцев, официальных лиц. Выдающиеся деятели Просвещения (Вольтер, Монтескье, Дидро, Руссо) с высоких гуманистических позиций выступают против работорговли. Широкое распространение получила теория «благородного дикаря», нравственность которого выше, чем у развращенных жителей Европы. Просветители активно участвовали в издании «Энциклопедии» (1751–1780), которая явилась сводом разнообразных знаний об Африке — географических, исторических, экономических и др. Авторы признавали недостаточность приводимых сведений и выражали необходимость лучшего знания африканских народов. Так, в дополнении к первому тому, выпущенному 25 лет спустя после выхода основной книги, говорилось, что жители некоторых районов Африки не имеют никакого понятия о религии. «Но если бы мы их лучше узнали, — добавляет автор, — мы бы пришли к другому выводу».

В эти же годы немецкий просветитель И.Г. Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» (рус. перевод 1977) с подлинно гуманистических позиций призывал к уважению африканских народов, утверждал общечеловеческие ценности африканской цивилизации. Он требовал от европейцев, «подходя к стране чернокожих людей», быть скромными, «забыть о своих гордых предрассудках» и изучать Африку непредвзято. В уста жителя этих земель Гердер вкладывает воображаемый монолог, с которым он мог бы обратиться к белому пришельцу: «Я, черный человек, был первым человеком на земле. Меня поило солнце — источник жизни, в меня, в окружающую меня землю глубже всего проникали его животворные лучи. Посмотрите на эту плодородную почву, богатую золотом, на эти деревья, достигающие вершинами своими небес, на этих сильных животных! Все стихии вокруг меня полнятся жизнью, а я — живой центр этой жизни».

Подобные же мысли высказал несколько позже один из активных деятелей якобинского Конвента аббат Грегуар. Уже после революции он выпустил книгу с длинным названием «О литературе негров, или Исследования об их интеллектуальных способностях, моральных качествах и их литературе», в приложении к которой даны «Заметки о жизни и сочинениях негров, отличившихся в науках, словесности и искусствах» (1808). Автор не только признает умственные способности африканцев и европейцев равными, но и приводит многочисленные примеры больших достижений в разных областях знания выходцев из Африки, получивших европейское образование. В этой книге впервые в зарубежной литературе встречается подробный рассказ о жизни и деятельности

выходца из Африки, воспитанника Петра I генерала А.П. Ганнибала, прадеда А.С. Пушкина. Интерес к нему во Франции был не случаен: хорошо известно, что здесь он получил военное образование.

Особый интерес в странах Западной Европы на рубеже XVIII и XIX вв. вызвала история и культура Египта, что было связано с его завоеванием французскими войсками во главе с Наполеоном. Армию Наполеона сопровождала научная экспедиция, собравшая большой материал по археологии, древней и средневековой истории, этнографии и языку. Эти материалы были затем изданы в 24 томах под названием «Описание Египта». Они содержали, среди прочего, многочисленные иероглифические надписи на каменных плитах и на папирусе, что значительно стимулировало работу европейских ученых по дешифровке иероглифов. Выдающийся ученый-арабист Сильвестр де Саси предпринял издание средневековых арабских источников.

После некоторого зстоя в эти же годы возрождается интерес к Эфиопии, причем основную роль теперь играют англичане. В конце XVIII — начале XIX в. Дж. Брюс и Г. Солт положили начало новому подъему эфиопистики, совершив длительные путешествия по стране и оставив подробные научные отчеты. Выпускник Эдинбургского университета, Брюс вначале был консулом в Алжире, где изучал восточные языки. Затем через Египет достиг Эфиопии, где находился три года, проводя географические и этнографические исследования. Он собрал большую коллекцию эфиопских рукописей, переданных позднее в библиотеки Оксфорда и Парижа. После его возвращения в Лондоне была основана Ассоциация для содействия открытию внутренних частей Африки. Научный отчет Брюса опубликован в 5 томах в 1790 г. и содержит много важных сведений об Эфиопии.

Солт посетил Эфиопию дважды (1805, 1809—1810) и основное внимание уделил изучению древней истории Северной Эфиопии; особую ценность в его публикациях представляют надписи аксумского периода, поскольку впоследствии они подверглись разрушению.

Начало XIX в. в европейской культуре, литературе и искусстве ознаменовалось романтическим увлечением экзотикой стран Востока, в особенности арабами и исламом. Это увлечение создавало благоприятный общественный климат для развития востоковедения и его составных частей — арабистики, семитологии, эфиопистики. Возникла и новая наука — египтология как комплексная дисциплина, изучающая язык, историю, культуру, археологические памятники Древнего Востока. Египтология — одна из редких наук, о которой можно точно сказать, в какой именно день она родилась. Это случилось 22 сентября 1822 г., когда молодой французский ученый Франсуа Шампольон (1790—1832), профессор университета в Гренобле, написал в Академию надписей в Париже письмо, в котором изложил свои открытия по дешифровке египетских иероглифов. Изучая Розеттский камень с текстом на двух языках — древнегреческом и древнеегипетском, Шампольон открыл ключ к чтению иероглифического письма. Это было не счастливое оза-

рение, а результат многолетнего настойчивого труда по овладению всеми знаниями, накопленными к тому времени европейской наукой. Были у Шампольона и предшественники, однако сделать величайшее открытие и основать новую науку удалось только ему.

В 1828–1830 гг. Шампольон возглавил научную экспедицию в Египет, которая собрала и скопировала множество текстов, надписей и других памятников культуры. Шампольон успел начать научное описание этих богатств, однако преждевременная смерть прервала его работу. Ее продолжили последователи ученого, издавшие четырехтомный труд «Памятники Египта и Нубии» (1835–1845).

В изучении арабского Египта первенство принадлежало английским ученым. Этому способствовало создание целой сети востоковедных научных учреждений – Королевского Азиатского общества, Ассоциации английских ориенталистов, кафедры арабистики при открытом в Лондоне университете (1831). Наиболее ценными научными трудами об арабском Египте мировую науку обогатил Эдвард Лейн (1801–1876), совершивший продолжительные поездки в Египет (1825–1828, 1833–1835, 1842–1844) и получивший среди египтян почетное прозвище Мансур-эффенди. Его многочисленные работы касаются языкознания, этнографии, истории как средневековой эпохи (что было характерно для европейского востоковедения того времени), так и современного ему периода. Новаторской в этом отношении является книга Лейна «Нравы и обычаи современных египтян» (1836).

Во Франции труды по истории Египта, арабские исторические источники публиковали уже упомянутый Сильвестр де Саси (1758–1838) и его ученик Э. Катрмер, переведший на французский язык часть труда Макризи. В Германии в изучении истории арабов наибольших успехов достиг профессор Гейдельбергского университета Густав Вейль (1808–1889), опубликовавший капитальную «Историю халифов» в 5 томах (1846–1862). При ее написании автор изучил огромный объем арабских рукописей, многие из которых не были известны ни в арабских странах, ни тем более в Европе. В Италии основоположником научной арабистики стал Микеле Амари (1806–1889), писавший в основном по доисламской истории и языкознанию.

К середине XIX в. европейская историческая африканистика сделала определенные успехи в изучении прошлого некоторых народов Африки, прежде всего египтян и эфиопов. История внутренних областей континента, однако, оставалась неизвестной. На первом плане у европейских ученых и путешественников находились географические проблемы. Они стремились нанести на карту реки, озера, горы, разведать природные богатства Африки. В меньшей степени изучались вопросы истории, этнографии, языки африканских народов. Для их исследования нужны были продолжительные полевые работы, а не краткосрочные экспедиции, некоторые из которых носили политико-разведывательный характер, предшествуя колониальному захвату тех или иных территорий.

Европейская африканистика развивалась еще в составе востоковедения и его отдельных частей, причем характерным был интерес к древним периодам истории и к раннему средневековью. Проблемы современности ставились лишь в публицистике, они считались непрестижными для серьезных ученых. Другой недостаток, который был продолжением в целом положительного явления, — это уклон в дебри языкознания, острые споры по малозначащим филологическим вопросам. От ученого-востоковеда требовалось совершенное знание древних языков, многие из которых были «мертвыми» (т.е. на них никто не говорил), при полном невнимании к языкам и наречиям, на которых говорили миллионы современников, к их реальной жизни, политике, экономике, культуре. Лишь постепенно европейская наука стала освобождаться от указанных выше перекосов.

2. Упадок арабской историографии в Северной Африке

Завоевание турками-османами сначала Египта в 1517 г., а вскоре и всей Северной Африки, за исключением ее крайнего запада, привело к длительному экономическому и культурному упадку. Этот упадок не мог не сказаться самым тяжелым образом на историографии. Арабызычные историки Северной Африки в XVI — начале XIX в. не поднялись выше составления летописных сводов, лишь перечислявших те или иные события; их хроники оставались малоизвестными современникам и не имели такого общественного звучания, как труды их предшественников.

Сурово оценивает состояние египетской историографии этого периода английский арабист Х.Гибб: «Небольшое число жалких общих хроник, несколько местных хроник или историко-библиографических трудов различного достоинства — вот все, что дала историография в Египте до начала XIX в.». Действительно, падение культуры историописания особенно резко проявилось именно в Египте, потерявшем государственную самостоятельность и ставшем далекой окраиной великой империи. Упадок историографии объясняется также массовым вывозом рукописей различных произведений арабских авторов, прежде всего исторического содержания, в столицу империи — Стамбул. Наконец, есть еще одна причина более общего порядка, на которую обратил внимание Н.А. Иванов. Основой косности и застоя культуры народов, насильственно включенных в состав Османской империи, был крайний детерминизм османского общества, невозможность свободного развития мысли, подавление любой личной инициативы.

Следует признать и то, что «интеллектуальный застой и социальный иммобилизм», по выражению Н.А. Иванова, отмечался в арабских странах задолго до турецкого завоевания. И хотя в настоящее время в мировом востоковедении дискутируется вопрос о последствиях включения арабских стран в Османскую империю, упадок историографической мысли ни у кого не вызывает сомнения.

Лучше всего о ее состоянии сказал последний представитель донаучной хроникальной историографии Джабарти (начало XIX в.). Он сетовал на то, что люди потеряли интерес и доверие к истории, стали ее презирать и считать, что ею занимаются одни бездельники. Действительно, поступательное развитие египетского историописания прекратилось на целых три столетия. Можно даже утверждать, что в некотором смысле при османах произошел разрыв историографической преемственности. Лучшим доказательством справедливости сказанного является сам Джабарти, который почти не знал трудов своих предшественников, за исключением Макризи.

В странах Магриба состояние культурного застоя продолжалось до конца XIX в. В Марокко традиционную хроникальную историографию представлял Ахмад ан-Насири ас-Слави (1835–1897). О туниССкой историографии XVII–XIX вв. современный ученый А. Абдесселем пишет, что она произвела мало трудов, а появившиеся были, как правило, весьма ограниченными. Многие из них – неудачные компиляции, в которых только отдельные разделы представляют какой-то интерес. Единственный историк, достойный упоминания, это Ахмад ибн Абид Диаф (1802/3–1874), автор хроники «Подарок современникам, или Хроника королей Туниса».

Деятельность Джабарти. Наиболее видным представителем старой арабской историографии был Абд ар-Рахман аль-Джабарти (правильное египетское произношение – Габарти). Он родился в 1754 г. в Каире в богатой семье, получил традиционное мусульманское образование, рано стал читать лекции в Аль-Азхаре и стал одним из влиятельных шейхов этого богословского университета. После того как турки были изгнаны из Египта французами (1798–1801), Джабарти стал членом совещательного совета, созданного французской военной администрацией. Конец его жизни был омрачен слепотой и преследованиями со стороны властей. Год смерти Джабарти точно не установлен: 1824 – начало 1825 или даже 1826 г.

Главное сочинение Джабарти «Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий» долгое время распространялась в рукописных списках и только в 1879 г. была издана в четырех больших томах (рус. перевод т. 3, ч. 1, 1962; т. 4, 1963). Джабарти также является автором небольшой хроники «Проявление божественной силы в исчезновении власти французов». Эта работа представляет собой несколько переделанную часть его главного труда; она появилась в 1801 г., после эвакуации французов и возвращения в Египет турецкой администрации. Фактический материал относится к периоду французской оккупации. Джабарти опустил замечания, в которых одобрялись некоторые мероприятия французов, хотя в главном труде они остались, и добавил комплименты в адрес турецких властей, очевидно, с целью оправдать поведение шейхов Аль-Азхара и его самого в годы французской оккупации. Это небольшое сочинение, посвященное великому визирю Юсуф-паше, командовавшему турецкой армией, было с одобрением встречено в столице Османской империи и вскоре переведено на турецкий язык.

Еще в 1791 г. Джабарти начал составлять биографический словарь выдающихся людей Египта XVIII в., имена которых были расположены по годам их смерти; по существу, это должен был быть сборник некрологов. Впоследствии он решил вставлять между биографиями хроникальное описание важнейших событий за год. Так складывался основной труд Джабарти «Удивительная история прошлого». Отсюда в его книге двойное содержание, отразившееся в самом заглавии — история в жизнеописаниях и хронике событий.

Работа Джабарти охватывает период с 1688 г. до 1822 г., это самый полный, подробный и в целом достоверный свод знаний по истории прежде всего Египта, во вторую очередь — арабских стран и Османской империи. Автор выступает как подлинный патриот своей страны: он считает себя не арабом или подданным турецкого султана, а египтянином. В этом проявляется пробуждающееся чувство национального самосознания.

Следует отметить тематическое разнообразие «Удивительной истории». Значительную ее часть занимают биографии высокопоставленных деятелей — турецких губернаторов, мамлюкских эмиров, командиров военных отрядов, ученых шейхов. Далее — описания кровавых столкновений, интриг и заговоров феодалов, всевозможные бунты и восстания, произвол чиновников, наводнения и засухи. С большой точностью отмечает Джабарти ураганы и солнечные затмения, рост цен и голод населения, эпидемии чумы и другие выходящие из ряда вон происшествия. Сильное впечатление на Джабарти произвело вторжение в Египет наполеоновских войск; он самым подробным образом описывает период французской оккупации. Как патриот, он осуждает иностранных поработителей и в то же время не может скрыть своего восхищения перед более высокой организацией французской армии и управления.

В арабской историографии периода турецкого господства невозможно найти другой труд, который бы с таким масштабом и так подробно описывал историю отдельной страны за столь долгий срок. В литературе о Джабарти отмечается, что он впервые в арабской историографии включил в свой труд множество подлинных документов (законы, указы, распоряжения) правителей Египта, сменявшихся на его глазах — турок, французов, мамлюков. В предисловии к книге он пишет, что ознакомился со многими надписями на надгробных памятниках, где были выбиты точные даты жизни его героев, а также с книгами, протоколами, документами различных государственных канцелярий. Однако богатые и разнообразные источники в хронике Джабарти представляют собой, в сущности, груды сырого необработанного материала; они приводятся без сравнительного анализа, без обобщений и выводов автора.

Джабарти является типичным представителем старой, донаучной арабской историографии. Его историческое мышление сковано традиционными религиозными догмами. В «Удивительной истории» отсутствуют причинно-следственные связи: что бы ни произошло, все случается по воле Аллаха. Божественное предопределение — единственный двигатель

исторических явлений и событий. С презрением пишет Джабарти о простом народе: бедный люд Каира и крестьяне-феллахи всегда беспокойны, невежественны, готовы на бунт и грабежи; если они живут в нищете, то это наказание, посланное Аллахом. С симпатией автор пишет лишь о двух высших сословиях египетского общества — об ученых-богословах, к которым он сам принадлежит, и о военных.

Политические идеалы Джабарти — на стороне теократического правления в соответствии с установлениями раннего ислама. С этих позиций он судит довольно сурово турецкий гнет над Египтом. Он считает, что в начале своего существования Оттоманская империя была образцовым государством наподобие раннего Арабского халифата при первых четырех «праведных» халифах, поэтому она с помощью Аллаха была сильной и добилась замечательных успехов. Однако впоследствии ее правители отошли от принципов ислама; империю погубили произвол, несправедливость, всеобщая продажность. Все это и ослабило Оттоманскую державу. В Египте турецкие власти ведут себя как сборище грабителей и разбойников, и в книге Джабарти приводит много фактов в подтверждение этих своих слов. Турецкая армия не смогла противостоять французам и защитить Египет от «неверных»; впоследствии, после ухода французов, турки повели себя в Египте, как в завоеванной стране, грабя и убивая его жителей.

Резко критикуя турецкий гнет, Джабарти, однако, не призывает к борьбе против него; он надеется путем перевоспитания наставить единоверцев-мусульман на правильный путь. Когда же в 1811—1812 гг. Мухаммед Али покончил с турецким игом и Египет стал фактически независимым государством, Джабарти не поддержал это исторически прогрессивное дело. С консервативных позиций он критиковал деспотизм нового правительства, его вмешательство в экономическую жизнь, проводимые преобразования. Вступив в конфликт с всемогущим правителем страны, Джабарти подвергся репрессиям — его сын был убит; есть основания предполагать, что он также умер не своей смертью.

Джабарти жил на переломе двух эпох в истории Египта. Он был свидетелем жестокого столкновения между традиционным обществом, жившим в условиях средневековья, и буржуазной Францией. Он видел начало серьезных перемен в политической, экономической и культурной жизни Египта. В его деятельности отразился глубокий кризис всех общественных отношений и культурных стереотипов, в особенности кризис средневековой исторической мысли. Старая историография изжила себя, начиналась новая эпоха, требовавшая изменить приемы изучения прошлого. Не все эти изменения Джабарти сумел понять, но как добросовестный летописец многое сумел поместить на страницах своей хроники. Он был, по существу, последним летописцем средневекового Египта.

Написанная отличным литературным языком, живо и увлекательно, «Удивительная история» Джабарти сегодня остается единственным историческим трудом эпохи турецкого правления, который широко известен

в Египте и других арабских странах; книга Джабарти многократно переведена на иностранные языки. Свидетельством ее популярности в наши дни является тот факт, что она стала фактографической основой кинофильма «Прощай, Бонапарт», поставленного египетским режиссером Юсефом Шахином. Фильм прошел с огромным успехом в Египте, был награжден на международном кинофестивале в Каннах в 1985 г.

3. Историческая мысль народов Тропической и Южной Африки

В позднее средневековье и в начальный период новой истории историческая мысль народов Тропической и Южной Африки, оставаясь по своим основным характеристикам на донаучном уровне, продолжала существовать в двух формах — устной и письменной. Историописание, как и прежде, было единственным способом сохранения социальной памяти у бесписьменных народов, а таких было огромное большинство. Вместе с тем к этому времени сформировались две обширные области письменной культуры, где возникло и развивалось историописание, — Эфиопия и Западный Судан. Письменная донаучная история, представленная хрониками и другими повествовательными трудами местных историков, в Западном Судане существовала на основе арабской графики с середины XVI в. В Эфиопии, где историография имела давние традиции, в это же время появляются новые произведения, свидетельствующие о расцвете исторической литературы.

Рассмотрим вначале эфиопские хроники XVI—XVII вв., затем — суданские исторические произведения и в заключение — развитие устной исторической традиции в Тропической и Южной Африке, а также на Мадагаскаре.

Эфиопские хроники. К концу XVI в., как отмечает советский эфиопист С.Б. Чернецов, продолживший работу Б.А. Тураева и опубликовавший перевод эфиопских хроник XVI—XVII вв. (1984), историография в Эфиопии переживает расцвет. «Произведения официальной царской историографии быстро вырастают в объеме, становятся пространными; их авторы, не скованные летописным принципом изложения и лаконизмом, могли проявить свои литературные дарования, порою действительно незаурядные. Вершиной жанра пространных царских «историй» явились сочинения, посвященные царствованиям Сарца Денгеля и Сисинния; написанные высоким стилем, прекрасным литературным языком, они принадлежат к числу выдающихся памятников не только эфиопской, но и мировой средневековой литературы».

«История царя Сарца Денгеля» является последней, четвертой частью обширного исторического свода о царствовании его предшественников Лебна Денгеля, Клавдия и Мины. Первые три части изданы Б.А. Тураевым в его труде «Абиссинские хроники XIV—XVI вв.». «История царя Мины» так и заканчивается: «Окончена третья часть». Однако Тураев совершенно справедливо предупредил, что «единство четырех частей

исторического свода лишь внешнее, все четыре части написаны разными лицами и в разное время». Предшественники Сарца Денгеля правили страной неудачно, только последний сумел отразить опасность завоевания Эфиопии мусульманами, подавить феодальную вольницу, укрепить центральную государственную власть, завоевать новые области. Его продолжительное правление (1563–1597) было периодом укрепления силы и могущества Эфиопского феодального государства. Поэтому история царствования его трех предшественников рассматривается в эфиопской историографии, по замечанию Тураева, лишь как введение к славному царствованию Сарца Денгеля, «которому посвящена обширная хроника, являющаяся едва ли не лучшим произведением эфиопской историографии».

Апологетический характер этого произведения ясно виден уже из первых его строк: «Напишем книгу истории царя Сарца Денгеля. Бог да продлит дни его, подобно дням древа жизни, и да сохранит его от невзгод житейских... Мы предпосылаем историю его притеснений и продолжим историей его побед, подобно тому как евангелисты предпослали историю распятия господина нашего Иисуса Христа и продолжили историей воскресения его и вознесения на небеса в чести и славе». Автор, как видим, не страдает скромностью — он сравнивает свой труд с церковной историей; что же касается «притеснений» в начальный период правления Сарца Денгеля, то надо иметь в виду, что на престол он вступил в 13-летнем возрасте и ему пришлось преодолеть значительное сопротивление других кандидатов и их сторонников.

«История» полна рассказов о чудесном вмешательстве бога в человеческие дела. Это характерно для всей средневековой эфиопской историографии: ей присуще объяснение исторического процесса действием божественных сил, или, как выразился Тураев, «болезненная страсть ко всему чудесному».

Каждый рассказ об этом сопровождается соответствующими цитатами из Священного писания. Вот несколько отрывков из книги: малолетний царь при вступлении на престол «помышлением своим внутренним отличал добро от зла и задолго знал отдаленное, как сказано: "Сердце царя — в руке господина"». В другом месте говорится: «Такова история изрядств царя победоносного Малак Сагада, о которых мы слышали, видели, знали. Немного написали мы и много упустили из чудес, что сотворил бог руками его, коих не бывало во дни отцов его. Когда бы написали мы все по порядку, то не вместил бы мир книги написанной. А написано это для того, чтобы воздали благодарение богу все читающие и слушающие эту книгу». Автор прямо признает, что книга написана по приказу царя, и вновь ссылается на Священное писание: «Написано это не для снискания похвал пустых и не для снискания славы земной, а ради исполнения приказа господина, ибо гласит Писание: "Рабы, повинуйтесь господам своим"».

Исключительно богатая по своему фактическому материалу, позволяющему узнать политическую, социальную и религиозную жизнь Эфио-

пии второй половины XVI в., хроника царя Сарца Денгеля отличается яркой тенденциозностью — в ней прославляется царская власть, духовенство, феодальные порядки, оправдывается завоевание соседних народов.

Эти же идеи характеризуют «Историю Сисинния, царя эфиопского». Новый царь пришел к власти в 1607 г. после долгого периода феодальных междоусобиц, наступивших в результате неожиданной смерти Сарца Денгеля. Новым в эфиопской историографии является то, что впервые приведены имена двух авторов этой книги. «Зачинателем этой книги» в самом ее тексте назван *авва* (священник) Махерка Денгель, продолжил писание судья Такла Селласе, впоследствии казненный за переход в католичество; имя третьего автора осталось неизвестным.

«История Сисинния» по объему самое большое произведение средневековой эфиопской историографии, оно разделено на 99 глав. В ней с большими подробностями рассказано о 28 годах царствования царя, его войнах с мусульманами и «идолопоклонниками» — язычниками, о феодальных смутах, взаимоотношениях царской власти с духовенством. Но нельзя не сказать и о тенденциозном умолчании важных событий царствования Сисинния. Сокрыт, например, тот факт, что по наущению проникших в Эфиопию португальцев царь отказался от прежней веры и перешел в католичество. Не говорится и о массовых восстаниях, мятежах феодалов против миссионеров-иезуитов и португальцев.

Особняком среди памятников средневековой эфиопской историографии стоит написанная в середине XVII в. «История галла» (самоназвание этого народа — оромо). Она трижды издавалась на русском языке (1976, 1978; 1984) и хорошо изучена в советской эфиопистике. Автор ее известен, это монах Бахрей; в ней дано довольно краткое описание общественных и семейных отношений народа галла (или галласов), населявшего юг Эфиопии и совершавшего частые нападения на царские войска. Собственно говоря, это произведение имеет мало общего с традиционной хроникой; перед нами докладная записка (С.Б. Чернецов), или, точнее, разведывательное донесение, составленное по рассказам лазутчиков. Сам автор признает, что составил данное описание с тем, чтобы «знать наших врагов по вере». Политико-религиозная направленность и тенденциозность сочинения обнаруживаются с первой фразы: «Начал я писать историю галла, дабы показать число их племен и деяния, направленные на душегубство, и скотские их обычаи».

Эфиопская историография от хроник XV—XVI вв. до исторических трудов начала XX в. существовала, несмотря на социальные и политические перевороты, без особых изменений. После рассмотренных выше произведений XIV—XVII вв., объединяемых общим типом «пространных хроник», в XVIII—XIX вв. получили распространение «краткие хроники», или, точнее, одна «Краткая хроника» компилятивного характера, сохранившаяся в монастырях в различных вариантах. Древнейшая редакция «Краткой хроники» составлена, как предполагают, в середине XVIII в. в условиях феодальной раздробленности страны. Поэтому в ней с большой силой подчеркивается идея «Славы царей» XIV в. — о священном

происхождении эфиопской государственности и царей, выражается надежда на восстановление единства и могущества державы во главе с потомками библейского Соломона. Хроника, несмотря на свой небольшой размер, отличается строгой хронологической последовательностью в изложении фактов, меньше в ней чудесного, сказочного материала и цитат из Библии.

Копии «Краткой хроники» сохранились не только в эфиопских монастырях, но и в крупнейших библиотеках Европы. Одним из первых ученых, начавших изучение этого памятника, был русский эфиопист В.В. Болотов. Различные версии хроники имеют много общего: начинаются они с изложения всеобщей истории от «сотворения мира», как она описана в Библии, затем следует список легендарных первых царей Эфиопии, более подробно излагается период правления Соломоновой династии. Особенно подробно рассказывается о войнах эфиопов против нашествия мусульман во главе с эмиром Гранем в 1530–1540 гг. Последняя часть хроники представляет собой летопись правления царей до смерти Бакаффа в 1730 г. Этим годом кончается первоначальный вариант, но многие копии продолжали фиксировать происходящие события вплоть до начала XX в. Автором и составителем «Краткой хроники» был, вероятно, Такла Хайманон, один из придворных судей.

Суданские хроники. В район Западного Судана, занимающего обширные пространства к югу от Сахары, вместе с проникновением ислама распространяется письменная культура, причем не только арабская, но и на местных африканских языках (хауса, канури) с использованием арабской графики. Возникшую здесь историческую литературу, созданную, как правило, местными уроженцами и посвященную происходящим в этом же регионе событиям, следует рассматривать как подлинно африканскую. Наиболее важными образцами африканской историографии XVI–XVII вв. являются суданские хроники «Тарих ас-Судан» («История Судана») и «Тарих аль-фатташ» («История искателя»), изданные Л.Е. Куббелем на русском языке в 1984 г. Они были написаны в крупном культурном центре средневековой Западной Африки городе Томбукту.

Эти хроники с полным основанием можно считать вершиной африканской донучной историографии. Они сохранили историю одного из самых развитых государств средневековой Африки – великой Сонгайской державы периода ее расцвета (вторая половина XV–XVI в.) Автор фундаментального исследования о государстве Сонгай Л.Е. Куббель пишет: «Эта держава оказалась едва ли не наивысшим достижением африканских народов в социально-политической области до начала европейского проникновения на континент: обществом со сложившейся в основных своих чертах классовой структурой, с высокоспециализированным и эффективным аппаратом государственной власти, с очень высоким по африканским меркам уровнем развития мусульманской письменной культуры».

Но не только о величии и могуществе Сонгаи рассказывают суданские хроники; в 1591 г., как известно, это государство пало под удара-

ми военной экспедиции, пришедшей из Марокко. Хроники довольно обстоятельно рассказывают о периоде упадка, бесконечных распрей, грабежей и беззакония, связанном с марокканской оккупацией. «Тарих ас-Судан» доведена до 1655 г., «Тарих аль-фетташ» кончается несколько позже, но она является более ранним произведением.

Автор первой хроники хорошо известен, это Абд ар-Рахман ибн Абдаллах ас-Сади. Несмотря на арабское имя, он родился в Томбукту, в семье фульбе или мандинга. Вся жизнь он был судьей (кади) и служил марокканским правителям. «Тарих аль-фетташ» создавался в семье Кати: начал хроникер Махмуд Кати, написавший лишь первые главы, затем продолжил сын, носивший то же имя, а закончил внук Ибн аль-Мухтар Гомбеле. Окончательную ясность в спор об авторстве этой хроники внесла Мадина Ли, известный малийский историк, установившая ее многослойность.

Обе суданские хроники отражают весьма сильное влияние арабомусульманской историографической традиции. Это проявилось прежде всего в том, что их авторы разделяли уверенность о прямом вмешательстве божества в человеческие дела.

В текстах часто встречаются следующие утверждения: «Аллах восстановил то, что было разрушено в Томбукту», «Аллах дал победу марокканцам», «Аллах погасил огни розни между жителями города и марокканцами» («Тарих аль-фетташ»), «Аллах Всевышний даровал ему в походах большие богатства», «Аллах услышал его молитву», «Аллах Всевышний не дал ему пути к дурному» («Тарих ас-Судан»).

Роднит суданские хроники с арабской историографией иснадная традиция. Авторы «Тарих аль-фетташ» постоянно ссылаются на очевидцев и участников описываемых событий, причем подчеркивается их правдивость: «Мне рассказал мой родич Мухаммед Баба», «Некто, чьему рассказу я доверяю, рассказал мне», «Передал я со слов дяди моего по матери (а он это передавал от своего отца)», «Мне сообщил Мухаммед аль-Мулуд, что он видел в Томбукту». Таких свидетельств очень много, но целый ряд событий описывается по собственным наблюдениям. Это относится к рассказам автора «Тарих ас-Судан» ас-Сади.

В нескольких главах своего труда (32, 33, 35 и др.) ас-Сади подробнейшим образом описывает, как по поручению марокканских властей он в 1629—1633 гг. подавлял мятежи непокорных.

Наконец, суданские хроники, в отличие от эфиопских, всегда дают точную датировку событий (битв, воцарений правителей, смерти политических деятелей), причем указываются день недели, месяц и год по мусульманскому календарю. В эфиопской же историографии этого времени такая хронологическая точность отсутствует. В «Истории Сисиния», например, датировка дается по эфиопским названиям месяцев или по христианским праздникам (чаще всего упоминается пасха), годы же не упоминаются вовсе.

Говоря об арабо-мусульманской традиции в суданских хрониках, не следует, однако, ее преувеличивать. Эти исторические сочинения отра-

или местные реалии, мало имевшие общего с арабским миром Северной Африки. В мировоззрении авторов нередко встречаются и сильные пережитки доисламских верований. Это неудивительно, поскольку ислам коснулся лишь образованной верхушки местного общества; основная масса населения сохранила свою традиционную идеологию и культуру, ее историческое сознание, как и прежде, существовало в устной форме.

Кроме двух названных выше суданских хроник в Томбукту в середине XVIII в. была составлена еще одна, краткое название которой «Тазкират ан-нисьян» («Напоминание забывчивому»). Ее автор неизвестен. Это, в сущности, собрание биографий марокканских пашей, правивших Томбукту после его завоевания, причем значительная часть материалов XVII в. прямо повторяет «Тарих ас-Судан».

К названным именам историков Западной Африки – Махмуда Кати, Ибн аль-Мухтара, ас-Сади следует прибавить еще одно. Речь идет о Мухаммеде Белло, крупном политическом и религиозном деятеле (1781–1837). Он автор исторического сочинения «Инфак аль-майсур» («Краткое изложение истории стран Текрура»), повествующем о завоеваниях фульбе под руководством его отца Османа дан Фодио в начале XIX в.

Разнообразная историческая литература была распространена в городах Северной Нигерии и Северной Ганы, находившихся под влиянием ислама; в этих районах обнаружены тысячи рукописей на языках арабском и хауса. На восточном побережье Африки на языке суахили с применением арабской графики были написаны хроники нескольких городов – «Хроника Пате», «Хроника Момбасы», «Хроника Зинджей». Самая известная и ранняя составлена на арабском языке в начале XVI в. – «Хроника Килвы».

Историописание африканских народов развивалось, как видим, в контактных зонах Западной и Восточной Африки, куда проникала арабо-мусульманская культура с ее историографией. В Эфиопии историческая литература имела полностью самостоятельный характер. В остальных же областях Тропической и Южной Африки господствовала устная историческая традиция. Здесь, как и прежде, память о событиях и явлениях прошлого сохранялась в форме историоговорения. Перейдем к рассмотрению наиболее характерных жанров и видов устной истории по отдельным крупным регионам.

Устная традиция. Тропическая Африка. Как уже отмечалось, устная традиция является формой существования исторических знаний у народов, не имеющих своей письменности. В яркой художественной форме устная традиция передает от поколения к поколению сведения о прошлом, формирует у людей сознание единого происхождения и общей судьбы.

Механизмы сохранения и передачи знаний о прошлом, как и типология самих традиций, многообразны: у одних народов имелись профессиональные певцы-сказители, известные в странах Западной Африки под именем гриотов, у других народов хранителями социальной памяти

были старейшины и вожди племен или же просто самые пожилые члены коллектива; в одних случаях исторические знания имели эзотерический характер, хранились в тайне и сообщались лишь посвященным, в других же случаях эти традиции регулярно раскрывались перед всем народом во время торжественных церемоний.

Как правило, сильные исторические традиции и профессиональные сказители были у тех африканских народов, которые в доколониальные времена создали свою государственность. В Западной Африке это мандинги (с эпосом об их царе Сундиате мы познакомились в предыдущей главе), дагомейцы (фонь), ашанти, в районе Великих озер — баньяруанда и барунди; южнее — шона, создавшие средневековое государство Мономотапа (Зимбабве).

Придворный эпос в раннеклассовом обществе выполнял важные социальные и идеологические функции: он способствовал укреплению власти правителей и освящал социальные институты, оправдывал существовавшее неравенство, прославлял подвиги правившей династии.

Благодаря исследованиям современных африканских ученых нам теперь хорошо известна сущность устных традиций, возникших в начале XVII в. в Дагомейском государстве (ныне — Народная Республика Бенин). Прежде всего следует отметить многообразие устной литературы, где исторические сказания — лишь один из многих ее жанров. Назначение этой литературы — нравоучительное и эстетическое. История у дагомейцев носит название *хуенухо*, от слов *хуену* — «время», «период», «эпоха» и *хо* — «слово», «рассказ». История, таким образом, есть рассказ о прошлых временах.

К середине XIX в. в Дагомейском государстве в интересах правящей элиты установилась одна-единственная версия истории страны, и эту официальную историю знали королевские хронисты *кпанлиганы*, бывшие некогда, по-видимому, жрецами.

Они были обязаны каждое утро, обходя королевский дворец, повторять генеалогию королевской династии и воспевать славные события каждого царствования. Содержание рассказа передавалось неизменным из поколения в поколение, и *кпанлигану* угрожала смертная казнь в случае ошибки. Механическое повторение «застывшей» истории приводило к тому, что сказитель не всегда понимал смысла того, о чем он повествовал. Некоторые подробности отдельных царствований составляли государственную тайну, другие же события вообще не вносились в официальный текст и предавались забвению. Ярким примером политической манипуляции историей было исчезновение из династической генеалогии имени Адандозана, свергнутого в 1818 г. в результате дворцового переворота.

В Руанде исследователи открыли два вида исторических традиций — королевский эпос и семейные хроники. Королевский эпос состоит из 528 *ибитекерезо* — эпических поэм изысканного стиля, в которых повествуется только о политических деяниях — войнах и столкновениях между вождями аристократических кланов, а также содержится хроника

дворцовых событий. Действующими лицами этих поэм выступают короли и их приближенные; в них ничего не говорится о социальных отношениях в обществе. Иной пласт руандийской истории освещается в семейных хрониках (их учтено тоже более 500); содержание их гораздо богаче, здесь много места уделяется взаимоотношениям между двумя этносоциальными группами: высшей — тутси и низшей — хуту. Интересно, что прошлое изображается в традициях тутси и хуту по-разному. История в Руанде, как и в других местах, активно применялась в качестве идейного оружия в социальной и межплеменной борьбе: придворный эпос доказывал извечность крепостного положения хуту и стремился исторически обосновать господствующее положение тутси.

Современных исследователей поражает в Руанде, как и в Дагомее, абсолютная точность в передаче королевской традиции: под страхом смерти в ней нельзя было пропустить ни одного слова или даже звука. Это почти писанный текст, но формализованный и тенденциозный, поэтому такие повествования содержат относительно мало объективной исторической информации. Зато их историографический анализ позволяет понять самосознание общества, его самооценку, обнаружить скрытые социальные и этнические антагонизмы.

Южная Африка. Расовый и этнический состав населения Южной Африки и Мадагаскара разнообразен; его формирование продолжалось более двух тысячелетий. Он включает в себя представителей всех трех больших рас — негроидной, европейской и монголоидной (на Мадагаскаре), а также большое число смешанных типов. Такая расовая и национальная пестрота оказала существенное влияние на социальную и культурную жизнь различных народов, аборигенов и пришлых, породив замечательное разнообразие исторических судеб, традиций, типов хозяйства, верований, языков, привычек и нравов. Это касается, разумеется, и богатства фольклора, устного народного творчества, способов сохранения и передачи памяти о прошлом.

Хотя Мыс Доброй Надежды был открыт португальскими мореплавателями еще в конце XV в., постоянное европейское поселение основали здесь голландцы лишь в 1652 г. К этому времени обширные пространства Южной Африки исконно занимали представители койсанской большой языковой семьи — готтентоты и бушмены, а также пришедшие много столетий назад с севера бантуязычные народы — зулу, коса, сото, тсвана, свази и др. В междуречье Замбези и Лимпопо поселились другие племена языковой семьи банту, которые позже сплотились в народность шона.

Как предполагают ученые, прародина народов банту («банту» означает «люди», в единст. числе «мунту» — «человек») находилась где-то на западе Центральной Африки, в районе современного Камеруна. Отсюда бантуязычные племена несколькими волнами стали переселяться на восток и юг, обходя зону влажных экваториальных лесов. Уже в начале I тысячелетия н.э. эти племена достигли рек Замбези и Лимпопо, затем продвинулись дальше на юг, оттесняя в неблагоприятные природные

районы местное население — готтентотов и бушменов. На особенно низком уровне социально-экономического развития оказались бушмены, не создавшие производящего хозяйства и занимающиеся примитивным собирательством до наших дней.

Историческая память народов Южной Африки сохранялась и передавалась от поколения к поколению в устной форме. В этом отношении принципиальных отличий от других народов континента не было. Следует только заметить, что в силу социального и культурного отставания койсанские народы не оставили преданий о своем прошлом, зато банту имеют богатую историческую традицию. Однако историческая память бантуязычных народов, за исключением шона, уходит на сравнительно небольшую хронологическую глубину, не далее второй половины XVIII — начала XIX в. Именно в это время в южной части континента прошла последняя волна миграции различных народов, получившая название «великое переселение банту». С севера на юг вдоль восточного побережья двигалась группа близкородственных народов нгуни, где самыми сильными были зулусы. Племена матабеле и тсвана, издавна жившие по правому берегу Лимпопо, напротив, были оттеснены на север, на земли шона.

Именно здесь, в области между Замбези и Лимпопо, материальная и духовная культура народов Южной Африки достигла наибольшего расцвета. В этом районе, на территории современных Зимбабве и Мозамбика, бантуязычные племена — предки современных шона — создали раннефеодальное государство Мономотапа, просуществовавшее почти тысячу лет (IX—XIX вв.). Центром этого государства была мощная каменная крепость Великое Зимбабве, руины которой и сегодня поражают наблюдателя своим величием. Экономической основой Мономотапы было развитое земледелие, обработка железа, монументальное строительство. Велась также оживленная торговля золотом с португальцами, укрепившимися в начале XVI в. на побережье Индийского океана, в городе Софале и на острове Мозамбик. После многолетних внутренних распрей и межплеменных войн государство распалось. Новый, хотя и кратковременный, период возвышения Мономотапы начался в конце XVII в., когда она была восстановлена одним из племен шона — розви и просуществовала до 1834 г., когда окончательно пала под ударами зулусов.

Сильная государственность шона, высокий уровень развития их хозяйства и культуры обусловили существование прочных исторических традиций, уходящих своими корнями в глубь веков. У шона были профессиональные сказители-традиционалисты, которые назывались *масвикиро*.

Несколько иначе обстоит дело у большинства народов юго-восточных банту: у них не было ни таких глубоких исторических преданий, как у шона, ни развитого героического эпоса, как у мандингов Западной Африки. Однако у зулусов, коса, тсвана в качестве особого эпического жанра, передававшего память о событиях прошлого, развита была

хвалебная песня. Такие песни в качестве составной части эпических сказаний, генеалогических списков, хроник встречаются у многих африканских народов. Но наиболее широко они распространены у близкородственных народов Южной Африки — зулу и коса. Хвалебные песни прославляют племенных вождей, национальных героев, их воинские подвиги и другие деяния.

Крупнейший знаток исторических традиций южных банту Джефф Опленд, директор Института социально-экономических исследований университета Родса в ЮАР, пишет, что хвалебные песни — *изибонго* — попевают отдельные эпизоды прошлого, их исполнение занимает всего 5–10 минут. В них велик элемент импровизации, особенно у коса; у зулусов, напротив, преобладает рассказ в застывшей форме. Полный корпус всех изибонго собрать невозможно, поскольку каждая песня уникальна. В центре песни — племенной вождь или правитель государства. Больше всего изибонго посвящено Чаке, основателю военного союза зулу в 20-х годах XIX в., его преемникам Дингаану, Мпанде и Кетчвайо. Кроме этого, встречаются безличностные изибонго, в которых воспеваются отдельные исторические события, главным образом победы над враждебным племенем или белыми захватчиками.

Социальная функция хвалебной песни — героизация правящей верхушки, в конечном итоге идеологическое укрепление раннеклассовых отношений в условиях быстрого разложения общинно-родовых порядков. Певцы хвалебных песен (у коса они назывались *имбонги*, у зулусов — *изимбонги*) постоянно находились в свите верховного правителя. Функции имбонги разнообразны: он — знаток обычаев и генеалогии, хранитель традиционных обрядов, политический комментатор, пропагандист официальной точки зрения на различные события. Кроме того, он исполнял опасную должность своеобразного посредника между простым народом и правителем, это единственный человек, обладавший абсолютной свободой слова и имевший право критики властей. Имбонги во время торжественных событий — вступления в должность нового правителя, на свадьбе или похоронах — выступал с историческими песнопениями перед всем обществом. Между певцом и правителем установились особые отношения близости, он был ближайшим советником вождя и в то же время только он мог прилюдно критиковать принимаемые решения, что случалось, конечно, крайне редко. Рассказывают, что имбонги Чаки был до такой степени ему предан, что просил, чтобы его умертвили на трупе погибшего господина.

Хвалебные песни — не единственный жанр традиционной донаучной истории у южных банту. Уже в государстве Чаки возникают придворные династийные сказания, которые затем укрепились и разрослись при его преемниках. В них повествуется о периоде кровопролитных битв и переселений, получившем название «Мфекане», а также о столкновении с войсками европейцев — буров и англичан. Однако нужно сказать, что прозаические исторические рассказы большого распространения не получили.

Устные исторические традиции африканских народов, не имевших письменности, в той или иной форме фиксировались христианскими миссионерами, работавшими среди них. Одним из первых стал записывать сказания зулу и коса Джон Коленсо (1814—1883), первый англиканский епископ Натала, относившийся доброжелательно к местному населению. Среди его помощников был зулус Магема Фузе, который много лет спустя опубликовал книгу по истории коренных народов Южной Африки под названием «Абанту Абаньяма» (1922). Он помогал также английскому миссионеру и ученому Альфреду Брайанту (1865—1953), прожившему в Южной Африке более 50 лет и занимавшемуся миссионерской и просветительской деятельностью среди коса, зулу, тембу. Признанный знаток истории и культуры южных банту, Брайант хорошо понимал важность сбора исторических традиций. Главный свой труд по доколониальной истории зулусов, основанный преимущественно на устных исторических традициях, Брайант написал через 46 лет после начала собирательской деятельности (1929). Хотя современные историки находят в ней ряд ошибок и неточностей, книга Брайанта сохранила до наших дней африканскую историческую мысль, которая уже в те времена стала быстро исчезать.

Первый связный рассказ африканца о прошлом своей страны, опубликованный на английском языке, записан со слов верховного правителя зулу Кетчвайо. Он опубликован в 1880 г. в одном из лондонских журналов. Это наивный, полный интересных подробностей рассказ о прошлом на основе услышанных в детстве племенных преданий и личного опыта. Особенно живописно подана жизнь легендарного Чаки, его врага и наследника Дингаана; много места занимают описания междоусобных войн, сражений против европейцев-буров, обычаев и верований. Повествование Кетчвайо переиздано в Южной Африке под названием «Говорит король зулу» (1978).

Вместе с тем следует иметь в виду, что большинство устных памятников исторической мысли южноафриканских народов систематически не собирались, а записанные версии устных традиций не всегда аутентичны. Эти записи сделаны представителями другой цивилизации, которые многого не понимали из-за огромной разницы между европейскими культурными стереотипами и традиционной донаучной исторической мыслью. Хотя многие собиратели относились к коренному населению дружелюбно, тем не менее они не были свободны от национальных и расовых предрассудков. Непонятое в традициях африканцев они восполняли выдумками. Кроме того, по мере распространения среди коренного населения книжной культуры устная традиция все сильнее испытывает влияние, с одной стороны, исторической информации из школьных учебников и книг европейских авторов. С другой стороны, переход в христианство значительных масс африканцев приводит к принятию библейской версии всемирной истории. Под влиянием этих факторов, а также в связи с крутыми социальными переменами (быстрая индустриализация и урбанизация) некоторых районов Южной Африки и Родезии устная

историческая традиция разрушалась и к началу XX в. в своем первоначальном, оригинальном виде почти исчезла.

Что же касается европейского населения Южной Африки, голландцев и их потомков, получивших название «буры» (т.е. крестьяне), и англичан, то их историческое самосознание развивалось в разных направлениях.

В формировании буров как особой этнической общности участвовали не только голландцы, но также французские гугеноты, скрывавшиеся от религиозных преследований в Голландии, и выходцы из Германии; не осталось в стороне от этого процесса и местное африканское население, поскольку первые колонисты вступали в брак с женщинами из местных племен. Таким же смешанным постепенно стал их язык, отличающийся довольно сильно от голландского. Со своей прародиной буры не поддерживали почти никаких связей и стремились подчеркнуть, что их настоящая родина — Африка; себя они стали называть африканерами, а язык — африкаанс. Первое записанное на этом языке предложение встречается в пьесе, опубликованной в 1832 г., и вложено оно в уста слуги-мулата, что само по себе весьма характерно. Разумеется, африкаанс и до этого употреблялся в устной форме продолжительное время. Наконец, на формирование национального самосознания буров огромное воздействие оказала протестантская религия в форме кальвинизма. Именно отсюда берут начало стойкие идейные стереотипы буров об «избранном народе», «обетованной земле» и «разделении рас», которые аргументируются ссылками на соответствующие тексты Библии.

Историческое прошлое буров зафиксировано главным образом в документах Голландской Ост-Индской компании, управлявшей Капской колонией в 1652—1795 гг., а также в немногочисленных семейных хрониках и воспоминаниях. Сохранился дневник первого губернатора колонии Яна ван Рибекса за первые десять лет ее существования (издан в 3 томах в 1952—1958 гг. в Кейптауне). Однако буры в основном были скотоводами, вели полукочевой образ жизни, в своей массе были неграмотны. Естественно поэтому, что книг об их прошлом не печаталось вплоть до 70-х годов XIX в., их историческое самосознание существовало в устной форме, что также сближает их с коренными африканцами, несмотря на все очевидное различие.

По-иному развивалось национальное самосознание другой части европейского населения юга Африканского континента. Англичане появились здесь спустя полтора столетия после буров, а как постоянное население только с 1820 г. Это были, как правило, горожане, лишь изредка занимавшиеся сельским хозяйством, их культурный уровень был несравненно выше. Новые пришельцы не смешивались с местным населением, своей родиной они по-прежнему считали туманный северный остров.

Зарождение историографической традиции у этой группы европейцев теснейшим образом связано с деятельностью миссионеров, которые кроме выполнения других обязанностей должны были вести регулярный

дневник, куда заносили свои мысли и наблюдения, ход распространения христианства, важные политические события и т.п. Из этих своеобразных летописей затем возникали солидные историко-этнографические труды, где подробно освещена жизнь европейцев, их взаимоотношения с африканскими племенами. Наиболее известны миссионеры Джон Филип (1775—1851), Роберт Мофат (1795—1883) и Давид Ливингстон (1813—1873), ставший впоследствии знаменитым путешественником, первооткрывателем многих природных чудес Африки. Огромное впечатление на общественное мнение Англии и колонии произвела книга Филипа «Исследования в Южной Африке» (1828). В ней автор смело вскрывал отвратительные факты грабежа, угнетения и нещадной эксплуатации готтентотов со стороны европейцев; автор подвергся жестоким репрессиям колониальных властей Капской колонии. Так же смело боролся за уничтожение рабства публицист и поэт Томас Прингл. Значительно позже вышла книга Ливингстона «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке» (1857). Не идеализируя деятельность миссионеров, следует признать их немалый вклад в просвещение коренного африканского населения — были открыты школы, где детей обучали грамоте, ремеслам, для народности коса был составлен алфавит. Некоторые миссионеры хорошо изучили историю, языки, обычаи койсанских и бантуязычных народов, из них, например, вышел такой крупный ученый, как Брайант, о котором говорилось выше. В последние годы жизни он стал профессором Витватерсрандского университета в Южной Африке.

Нельзя умолчать, однако, и о другой стороне в деятельности европейских миссионеров. В своих трудах и проповедях они давали теологическое оправдание колониальных захватов, признавая, как писал один из них, «высшее право более цивилизованных народов заселять земли отсталых кочевых племен и охотников, нести им слово божие и блага цивилизации». Каковы на самом деле были эти «блага», хорошо известно африканцам и сегодня. Показательной в этом отношении является книга Уильяма Бойса, вышедшая в 1838 г. в городе Грейамстаун. Единственное спасение для народов банту он видит в признании английского владычества и быстром отказе от их традиционного общественного строя, прежних религиозных верований и обычаев. Короче, они должны стать безропотными слугами белых «братьев во Христе».

В целом местное историописание у англичан, как и у буров, не развилось; те немногие книги, которые появились, например книга Уильяма Холдена «История колонии Натал» (1855), принадлежат исторической науке метрополии. Только в 80-е годы XIX в. родилась местная, англоязычная историография в Южной Африке.

Мадагаскар. Переселение народов языковой семьи банту затронуло и острова, лежащие у юго-восточного побережья Африки, прежде всего Мадагаскар. Западную, обращенную к континенту сторону острова заселили представители негроидного антропологического типа, остальные же районы Мадагаскара были заняты пришельцами из Юго-Восточной Азии (малайский антропологический тип). Несмотря на смешанный

расовый тип населения Мадагаскара, на острове не сложился какой-то конгломерат разнообразных народов и культур. Напротив, процесс ассимиляции, продолжавшийся 2–2,5 тыс. лет, привел к возникновению единого языка (с несколькими диалектами), общей культуры и религии. В политическом же отношении остров оставался раздробленным вплоть до начала XIX в., хотя уже в XIV–XV вв. в центральной части возникло государство Имерина, правители которого стремились подчинить себе остальные области страны.

Исторические традиции малагасийцев, исключительно богатые и разнообразные, стали записываться анонимными авторами в первой половине XIX в. сначала арабской графикой, а затем латинской письменностью, созданной с помощью христианских миссионеров. Грамотных людей, однако, на Мадагаскаре было очень мало, поэтому историческая мысль населения острова существовала, как и прежде, в устной форме — *«тантара»*, что на малагасийском языке означает «исторические рассказы».

Наиболее полный корпус этих традиций, принадлежащих самой крупной этнической группе малагасийцев — мерина, собрал и опубликовал французский миссионер Калле (1822–1885), проживший на Мадагаскаре почти 20 лет (1864–1883). Правда, и до него велись записи исторических традиций: так, в 1844 г. была составлена историческая запись, принадлежащая местному уроженцу Рабетрану. Но они многие годы оставались не известными ни малагасийцам, ни европейской науке. Не была известна и огромная рукопись первого историка Раумбаны, составленная в начале 50-х годов XIX в., а опубликованная только в 1980 г. Его жизнь и деятельность мы рассмотрим чуть позже.

Благодаря трудолюбию, настойчивости, любви к истории, Калле смог не только записать, но и опубликовать исторические традиции мерина на малагасийском языке в 4 томах — «История королей Имерины» (первый вышел в 1873 г., последний уже после смерти ученого — в 1902 г.). Это издание известно под названием «Тантара ни андриана» или просто «Тантара» (последнее издание на французском языке вышло в 1974 г.).

«Тантара» является выдающимся памятником исторической мысли народов Африки, не имеющим себе равных ни по богатству приводимого материала, ни по хронологической глубине, уходящей на 20 поколений назад (т.е. примерно на 300 лет). Даже знаменитый эпос мандингов Западной Африки о Сундьате не может с ним сравниться. «Тантара» — это сложное, многослойное произведение. Его чтение и анализ представляют большую трудность даже для специалиста. В его состав вошли разнородные элементы: прежде всего устные предания, записанные у старейшин и жрецов, генеалогии королей и их похвальные речи *«кабари»*, отдельные фрагменты придворных хроник, а также разнообразные записи, сделанные неизвестными авторами.

В «Тантаре» отсутствует связное повествование в хронологической последовательности, здесь в беспорядке перемешаны рассказы об исто-

рических событиях с самыми мелкими подробностями, множество этнографических описаний. Детально, например, описаны обычаи и нравы различных категорий населения, даются тексты заклинаний, которыми пользуются колдуны и гадалки, заговоры от болезней, описаны жертвоприношения, чтобы умиловить духов, перечисляются всевозможные запреты (табу), наконец, описан самый сложный календарь малагасийцев с астрологическими комментариями. Таким образом, текст «Тантары» запутан, противоречив и малопонятен. Вычленив в нем достоверный исторический материал крайне трудно. Собственно говоря, в этом нет ничего удивительного, поскольку такое синкретическое смешение правды и вымысла, фантастических сказок, предрассудков и суеверий с реальными фактами прошлого характерно для донаучного метафизического мышления. Составитель «Тантары» опасался внести субъективный порядок в собранные традиции, поэтому опубликовал их в том виде, в каком записал, лишь расположив материал в некоторой самой приблизительной хронологической последовательности, причем приводил по несколько версий одного и того же события.

Начинается повествование с легендарной эпохи первых жителей Мадагаскара, о которых сказано, что никто не знает, откуда они пришли. Рядом, однако, помещен другой рассказ о том, что первых людей создали сами боги. Затем идут самые длинные родословные списки, следом дается подробная этимология различных старинных слов и выражений. Вообще о древних временах (до XVII в.) говорится гораздо подробнее, чем о периоде более близком, но фактический материал носит преимущественно этнографический характер. История берет верх над этнографией лишь с рубежа XVI—XVII вв., с первых королей Имерины — Раламбу и его сына Андриандзани.

В центре устной истории малагасийцев находится царствование короля Андрианампуйнимерины (правил в 1778—1810 гг.), который положил начало объединению всего Мадагаскара под властью мерина. Ему посвящено более половины текста «Тантары»; жизнь короля описана необычайно подробно, со множеством деталей, причем этнографический материал исчезает полностью. Андрианампуйнимерина изображен в качестве идеального героя, он действует во всех областях жизни: вводит новые законы, призывает народ трудиться, борется против раздробленности, за создание единого централизованного государства, проводит реформу религиозного культа. Вместе с тем традиция не скрывает злодеяний короля, его коварства и бессмысленной жестокости. Несмотря на попытки изобразить прошлое таким, каким оно было, история представлена тенденциозно: отдельные события вовсе не упоминаются, о других же приводятся разноречивые версии. Можно сделать вывод о том, что, рассказывая о событиях конца XVIII — начала XIX в., «Тантара» приобретает характер придворной хроники. Наконец, период после смерти Андрианампуйнимерины в 1810 г. едва намечен: то, что происходит совсем близко к современности, народная память еще не успела отсеять и превратить в прочную традицию.

Знаменательно, что первое издание «Тантары» начинается словами ее составителя, обращенными к читателям, в которых говорится о высокой общественной функции истории: «Мерина, изучайте историю и обычаи предков. Спокойное и внимательное чтение истории есть благое дело; она даст вам указание, как поступать в будущем. Разве предназначение истории не в том, чтобы сказать правдиво о добром и злом, совершенном теми, кто жил до нас? Если этого не сделать сегодня, обязательно нужно будет сделать завтра. Поэтому читайте и перечитывайте о деяниях ваших предков и задумайтесь над тем, о чем повествует история». Историографическая и источниковедческая ценность «Тантары», к сожалению, снижается из-за того, что ее составитель не называет имен своих информаторов; нам неизвестно, где и когда Калле слушал рассказы о старине, кто снабжал его записями традиций или народных обычаев. Тем не менее его вклад в сбор, хранение и изучение истории Мадагаскара высоко оценивают как сами малагасийцы, так и ученые-африканисты других стран и континентов.

ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ
МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА

В середине XIX в. К.Марксом и Ф.Энгельсом было сформулировано диалектико-материалистическое понимание исторического процесса, явившееся революционным переворотом в науке о прошлом всех народов мира, в том числе африканских. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией», — писал В.И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44. Далее все ссылки на данное издание). Основные причины исторического развития человеческого общества, отмечали Маркс и Энгельс в «Святом семействе», следует искать не в абстрактных идеях, оторванных от реальной действительности, а в «...*материальном* производстве на земле» (Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 166. Далее все ссылки на данное издание).

На основе глубокого анализа огромного объема исторического материала из жизни народов Запада и Востока Маркс и Энгельс пришли к выводу, что все многообразие общественных отношений, тесно связанных между собой, в конечном итоге определяется отношениями производства. В результате такого подхода исторический процесс предстал как закономерная и прогрессивная смена общественно-экономических формаций. Именно формационная теория и явилась главным положением диалектико-материалистического понимания истории.

Маркс и Энгельс впервые в мировой науке дали строго научное объяснение общих и особенных черт исторического развития стран Азии и Африки. Они уделили большое внимание докапиталистическим общественным отношениям в Индии, роли колониальных захватов в первоначальном накоплении капитала, диалектике последствий колониализма для будущего этих стран, становлению антиколониальных освободительных движений и др. Хотя большинство работ по этим проблемам посвящено азиатскому региону, Маркс и Энгельс проявляли живой интерес к прошлому и настоящему народов Африки. В трудах Маркса и Энгельса Африка упоминается более 300 раз. Эти материалы весьма разнообразны; есть среди них специальные статьи по проблемам Африки, небольшие заметки, обзоры международного положения, отдельные замечания в работах на другие темы и в переписке Маркса и Энгельса.

Классики научного коммунизма знали Африку не только по книгам и газетам. Маркс имел непосредственные впечатления о Северной Африке, которую он посетил для лечения в 1882 г., за год до своей кончины. Он находился в г. Алжире с 20 февраля по 2 мая и написал оттуда 16

писем своим родственникам и друзьям (см. т. 35). Хотя в них Маркс лишь кратко касался политических вопросов, от его внимательного взгляда не ускользнули приметы подневольного положения алжирцев, их ненависти к поработителям (Т. 35. С. 258). В письме к Энгельсу от 8 апреля 1882 г. он рассказывает о жестокости колониальных властей по отношению к местному населению, их угрозах «поотрубить головы»... у *...неповинных арабов*. Затем Маркс добавляет: «И все же британцы и голландцы превосходят французов в бессовестном высокомерии, спесивости и жестоком служении Молоху по отношению к "низшим расам"» (Там же. С. 43). Маркс не случайно упоминает имя библейского божества, для умилоствления которого сжигали младенцев; это символ колониализма.

Интересный эпизод связан с первой публикацией работы Маркса на Африканском континенте. Речь идет о статье «Восточная война», напечатанной на английском и голландском языках в газете «Зюйд Африкаан» («Южноафриканец») в 1854 г. Газета выходила в Кейптауне, и издателем ее был Ян Карел Юта, женатый на сестре Маркса Луизе (Т. 10. С. 27, 657, 704). Из трех посланных Марксом статей была по неизвестным причинам опубликована без подписи лишь первая. Таким образом, у нас есть основания сказать, что Маркс совершил личное знакомство с африканской действительностью, а его произведения печатались в Африке еще при его жизни. Это особенно следует подчеркнуть, поскольку нередко еще высказывания о том, что Маркс и Энгельс «Африку не знали, ею не интересовались» и что их труды стали известны африканцам лишь в последние годы.

В своем классическом труде «Капитал» Маркс неоднократно упоминает Африку, которая в условиях первоначального накопления капитала была превращена «в заповедное поле охоты на чернокожих» (Т. 23. С. 760). В 24-й главе «Капитала» Маркс среди главных источников накопления буржуазией богатств называет захват и грабеж колоний, торговлю рабами. Этот процесс, писал он, составил целую историческую эпоху, которая «вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня» (Т. 23. С. 727). В другом месте Маркс подчеркивает прямую связь колониализма с быстрым ростом капитализма в странах Западной Европы. «Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства... Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут же превращались в капитал» (Там же. С. 763).

Первыми европейскими колонизаторами, которые появились у берегов Западной Африки, были португальцы. Сначала они искали золото, пряности, слоновую кость, чуть позже перешли к торговле черными рабами. Жажда золота «...гнала португальцев в Африку...», — писал Энгельс (Т. 37. С. 415). «...Золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег», — писал он в другом месте (Т. 21. С. 408).

Массовый захват африканцев в рабство и их вывоз для работы на золотых и серебряных приисках Америки, указывал Маркс, начались после того, как произошло «искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках» (Т. 23. С. 760). Особый размах работорговля приняла, когда вслед за португальцами и испанцами в нее включилась Англия, где раньше всего зародился капитализм. В приморских городах торговля африканскими рабами стала чрезвычайно прибыльным занятием; это касается прежде всего Лондона, Бристоля, Ливерпуля. «Ливерпуль, — замечал Маркс, — вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления» (там же).

Маркс и Энгельс обращали внимание не только на последствия работорговли для народов Африки, но также отмечали ее влияние на ускорение процесса созревания капитализма в Западной Европе и Северной Америке. Быстрое развитие капиталистической промышленности в Англии привело к острым кризисам перепроизводства; буржуазия бросилась на поиски новых рынков сбыта и нашла их в колониальных странах. «Даже неграм из Конго, — с иронией писал Маркс, — навязывают цивилизацию в виде бумажных тканей из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингема» (Т. 22. С. 283). Распродажу залежалых товаров капиталисты прикрывали красивыми речами о «распространении цивилизации».

Маркс и Энгельс дали важные методологические положения для понимания роли рабов-африканцев в экономике США. Маркс, например, прямо писал (в письме П.В. Анненкову), что рабство негров составляло важный фактор стремительного роста мирового капитализма и что оно ускорило колониальный раздел мира. Он писал: «Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности» (Т. 27. С. 408). Важно отметить, что когда в 50—60-х годах XIX в. в США развернулось демократическое движение за освобождение негров, Маркс и Энгельс полностью его поддержали, требуя не только формального равенства черных с белыми, но и обеспечения бывших рабов землей и другими средствами производства.

Маркс и Энгельс показали цели и последствия колониальных захватов европейскими державами территорий Африки, вскрыли глубоко противоречивый, двойственный характер колониализма. Европейские державы, писал Энгельс, несколько лет назад поделили Африку в интересах биржи (Т. 25. Ч. 2. С. 486). В дополнениях к 3-му тому «Капитала», написанных в начале 90-х годов, Энгельс говорит о том, что «Африка прямо сдана в аренду компаниям», и перечисляет страны, где капиталистические компании особенно нагло грабили местное население и природные богатства: Нигерия, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка. И добавляет, что Машоналенд (ныне часть Зимбабве) и Наталь (провинция ЮАР) «захвачены для биржи Родсом»

(там же). Захваченные колонизаторами страны Африки, как и предвидел Маркс в «Капитале», превращались в «область преимущественно земледельческого производства», т.е. в аграрно-сырьевые придатки капиталистических держав, углубляя тем самым международное разделение труда (Т. 23. С. 462).

Исключительно важное теоретическое значение для понимания последствий капитализма имеет положение Маркса о его двойной миссии — разрушительной и созидательной. Хотя материалом для такого вывода стала история Индии, он имеет прямое отношение и к Африке. Насильственное включение колониальных народов в мирохозяйственные связи, разрушение в них патриархальных порядков и застойности, уничтожение «рабских цепей традиционных правил» имели глубокие революционные последствия. Колониальное владычество, как подчеркивал Маркс, несмотря на все свои преступления выступало в качестве бессознательного орудия истории. Однако Маркс подчеркивал и другое: созидательная миссия колониализма «едва заметна за грудой развалин»; более успешно и быстро выполнялась его разрушительная миссия (Т. 9. С. 133—136, 225). Поэтому при изучении истории Африки в эпоху колониализма прежде всего бросаются в глаза разрушения, жестокости, распад старого общества и гибель людей. Лишь в дальней исторической перспективе можно заметить объективно прогрессивные итоги насильственного приобщения народов Африки к капиталистической экономике, европейской цивилизации. Положение Маркса о двойственном, глубоко противоречивом итоге колониализма служит теоретическим ориентиром при его оценке.

Изучая прошлое и настоящее Африки, классики научного коммунизма обращали особое внимание на национально-освободительные массовые движения в различных районах континента — Египте, Марокко, Алжире, сопротивление зулусов колониальным захватам англичан. В трудах Маркса и Энгельса мы находим глубокие обобщения, имеющие теоретическое значение, конкретные факты, интересные замечания и оценки отдельных событий и исторических личностей. В частности, были отражены такие события, как антианглийское восстание в Египте под руководством Ораби, сопротивление алжирского народа французской колонизации, которое возглавил Абд аль-Кадир. Маркс отметил политическую деятельность Мухаммеда Али, направленную на укрепление самостоятельности Египта в 1830—1840 гг. (Т. 9. С. 388—391, 393). Он писал, что Египет, управляемый Мухаммедом Али, был «единственной тогда жизнеспособной частью» Оттоманской империи (Там же. С. 210).

Глубокие мысли по военно-политической истории Африки высказал Энгельс. Он отметил героизм и высокое военное искусство алжирских повстанцев против французского колониального ига (Т. 15. С. 168—169). В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс писал о военном мастерстве зулусов. Зулусы «...сделали то, на что не способно ни одно европейское войско. Воору-

женные только копьями и дротиками», они в боях с британской пехотой не раз «...опрокидывали ее, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении» (Т. 21. С. 98).

В 1857 г. Энгельс написал статью «Алжир» для выходящей в США «Новой американской энциклопедии». В статье дана характеристика природно-географических условий страны, рассказано о населении, большое внимание уделено истории. Энгельс показал жестокие методы французского колониализма, мужество и героизм алжирцев в борьбе за свою свободу. «Начиная с момента первой оккупации Алжира французами до настоящего времени несчастная страна является ареной непрерывных кровопролитий, грабежей и насилий, — писал Энгельс о действиях французских колонизаторов. — Каждый город, большой и малый, завоевывается пядь за пядью ценой огромных жертв. Арабские и кабилские племена, которые дорожат независимостью, как сокровищем, а ненависть к иноземному господству ставят выше самой жизни, подавляются и усмиряются посредством свирепых набегов, во время которых сжигаются и разрушаются их жилища и имущество, вытаптывается их урожай...» (Т. 14. С. 104).

В работе «К истории первоначального христианства» Энгельс указал на особенность массовых социальных движений в мусульманских странах Африки. «Все эти проходившие под религиозной оболочкой движения вызывались экономическими причинами, — пишет Энгельс, — но, даже в случае победы, они оставляют неприкосновенными прежние экономические условия». Этот вывод подтверждается изучением религиозных восстаний мусульман от Альморавидов в раннем средневековье до «последнего махди из Хартума, который с таким успехом сопротивлялся англичанам» в 80-х годах XIX в. (Т. 22. С. 468). Изучая социальную историю Северной Африки, следует помнить это высказывание Энгельса, иначе можно впасть в идеализацию движений, которые лишь на первый взгляд были революционными, но в сущности приводили к консервации старых общественных порядков.

К антиколониальным освободительным движениям в Африке Маркс и Энгельс подходили как настоящие интернационалисты. Они выдвинули положение о революционной солидарности международного пролетариата и колониальных народов. Рабочий класс метрополий должен решительно выступить против колониальных захватов своей буржуазии, ибо «народ, порабащивший другой народ, кует свои собственные цепи» (Т. 16. С. 438). Большое значение имеет и другое положение, сформулированное Энгельсом: «Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы». В письме К.Каутскому от 12 сентября 1885 г. он, развивая этот тезис, отмечал, что в Алжире и Египте возможны революции местного населения. «Для нас, — он подчеркивает эти слова, — это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома» (Т. 35. С. 298). В то же время основоположники научного социализма высказывались за дружескую помощь пролетарской револю-

ции народам колониальных стран; эта идея была позже развита в трудах В.И. Ленина о союзе пролетариата развитых стран с народами колоний в единой борьбе.

В.И. Ленин проявлял неослабный интерес к истории многих народов мира, среди которых определенное место заняла Африка. Ленинский этап в марксистской исторической африканистике начинается с первого номера основанной Лениным газеты «Искра» (декабрь 1900 г.). В нем дважды упоминаются события в Южной Африке. В одном сообщении говорилось, что с юга Африки, где в самом разгаре была англо-бурская война, пришли соболезнования по поводу кончины Вильгельма Либкнехта. В газете была также опубликована ленинская статья «Китайская война», в которой дана характеристика «теперешней войны англичан с бурами» вместе с другими фактами колониального разбоя. Буржуазные правительства, писал Ленин, «ради наживы кучки капиталистов... вели бесконечные войны»; они «...доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти» (Т. 4. С. 379–380).

Развивая творчески историческую методологию марксизма применительно к новой стадии капитализма, В.И. Ленин создал цельную концепцию национально-колониального вопроса. При подготовке своей работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин изучил ряд исторических, экономических и социологических трудов, в которых речь шла о событиях в Африке. В подготовительных материалах, получивших условное название «Тетради по империализму», он составил хронологическую таблицу, в которой отметил важнейшие события мировой истории от 1870 до 1915 г. Эта таблица озаглавлена «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года», и в ней перечислены в синхронном порядке события по таким разделам: «войны», «дипломатия», «колониальная политика», «экономическая политика» и др. В разделе «войны» Ленин записал войну Англии с зулусами в 1879 г., поражение англичан от буров при горе Маджуба в 1881 г., войну Франции против Мадагаскара в 1895 г., войну Англии с бурами в 1899–1902 гг. Под 1896 г. отмечено такое важнейшее событие: «Абиссиния побеждает Италию» — и поставлена дата заключения мира. Дважды отмечено восстание племени гереро против германских колонизаторов в Намибии в 1904–1907 гг. (Т. 28. С. 670–682). Много сведений об Африке отметил Ленин в разделе «колониальная политика»: в 1877 г. Англия «берет» Трансвааль, в 1881 г. Франция «берет» Тунис, в 1884 г. Германия «берет» юго-западные африканские колонии + Камерун. Под 1885 г. записано: «Англия берет Бечуана (Южная Африка). Италия в Массаяу», под 1893 г. «Франция берет Дагомею», под 1896 г. «Англия берет Ашанти», под 1897 г. «Франция берет Мадагаскар». В сводке отмечены и другие события, относящиеся к Африке, в частности, столкновение между Францией и Германией за раздел Марокко (там же).

В «Тетрадах по империализму» имеется хронологическая таблица о главнейших кризисах в международной политике великих держав, в которой Ленин кратко и выразительно выделял сущность происходя-

щего в Африке: «грабят («делают») Африку», «делают Африку», «грабят («делают») Марокко. Обменивают Марокко на Конго», «делают колонии Португалии» (Там же. С. 668—669).

По книге известного немецкого историка А. Вирта «Всемирная история современности» Ленин составил «Таблицу колониальных захватов и войн», где отметил дележ Конго и Уганды между европейскими колонизаторами, захват Англией Египта и земель народа бечуана; много приводится фактов о сопротивлении африканских народов: «матабеле против Англии», «Мадагаскар против Франции», «Абиссиния против Италии», «гереро против Германии», «Триполи против Италии» (Там же. С. 489—493).

Ленинские «Тетради по империализму» являются неисчерпаемым кладом богатейшей информации по истории Африки в целом и отдельных стран континента. Достаточно привести следующие цифры: Африка упоминается 84 раза, Египет — 36 раз, Конго — 19, Судан — 10, Алжир — 9, Родезия — 7, Тунис — 17, Марокко — 19 раз. Особое внимание Ленина вызвали события в Южной Африке, они упомянуты 35 раз. При составлении конспектов и выписок Ленина интересовали не только факты политического и экономического характера, но и проявления духовной культуры африканских народов. Так, из книги о Намибии он выписал слова песни восставших против немецкого колониального гнета из племени гереро: «Кому принадлежит земля Гереро?». И их ответ: «Нам принадлежит земля Гереро» (Там же. С. 664—665). И тут же Ленин выделил слова о том, что «гереро «большой частью *уничтожены*» (sic!)).

Во многих других работах он писал о жестоких колониальных войнах, бывших, как в случае с гереро, подлинным геноцидом, о «зверских избиениях и истреблении безоружных народов» (Т. 32. С. 80). И дальше в этой статье Ленин говорит: «...они были безоружны, а их расстреливали из пулеметов» (Там же. С. 86). Оставшихся в живых, говорит Ленин с возмущением, колонизаторы «будут долго еще «цивилизовать» штыком, пулей, веревкой...» (Т. 22. С. 114). Беря в кавычки слово «цивилизовать», Ленин разоблачал лживость империалистической и оппортунистической пропаганды о «цивилизаторской миссии» европейцев в Африке.

В.И. Ленин дал меткие характеристики главным вдохновителям и организаторам колониальных грабежей в Африке — Сесилю Родсу, Джозефу Чемберлену, бельгийскому королю Леопольду. О первых двух он писал, что они, «открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом», были «героями дня» английской буржуазии на рубеже XIX—XX вв. (Т. 27. С. 375). Родсу он дал следующую характеристику: «...миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны» (Там же). Король Леопольд — деляга и аферист, купивший себе Конго (Т. 28. С. 502). Родс и Чемберлен установили в Южной Африке такие порядки, которые Ленин определил как «гнусности без числа со стороны английских капиталистов, хозяев рудников и правительства» (Там же. С. 573).

Из всех европейских колониальных держав Ленин выделял Англию, имевшую самую обширную и густонаселенную империю. Британский империализм он определил как колониальный. Именно он эксплуатирует, по словам Ленина, «самым бесстыдным, крепостническим образом» народы Азии и Африки, среди которых «десятки миллионов в Египте» и других колониях (Т. 23. С. 156). В книге английского экономиста Дж. Гобсона Ленин особо выделил слова о непрерывных колониальных войнах британского империализма: *«Британский мир, который всегда был бесстыдной ложью, за последние годы стал верхом чудовищного лицемерия. На наших границах в Индии, в Западной Африке, Судане, Уганде, Родезии войны почти не прекращаются»* (Т. 28. С. 394).

Захват земель Африки завершил эпоху территориального раздела мира, отныне возможен был лишь его передел в результате межимпериалистических войн. Именно захват Африки колонизаторами обозначил рубеж, после которого противоречия между империалистическими хищниками обострились до крайности. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин выразил это важное теоретическое положение следующим образом: «Когда $\frac{9}{10}$ Африки оказались захваченными (к 1900 году), когда весь мир оказался поделенным, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира» (Т. 27. С. 422). В другой своей работе он вновь возвращается к Африке, говоря о том, что в ней не осталось «незанятых земель», которые империалисты могли бы беспрепятственно захватывать; поэтому, делал вывод Ленин, столкновения между ними неизбежны (Т. 26. С. 231).

В дооктябрьский период Ленин, творчески развивая идейное наследие Маркса и Энгельса, создал цельную концепцию империализма, которая является теоретической базой изучения истории стран Африки конца XIX—XX в. Ленинское учение охватывает все стороны исторической действительности — экономику, политику, международные отношения, идеологию и культуру. В его трудах мы видим вместе с тем блестящий анализ конкретных событий, фактов, отдельных политических деятелей. Ленинские оценки и характеристики поражают глубиной проникновения в суть изучаемого явления, яркостью и новизной. Все они основаны на всестороннем изучении массы разнообразных источников. Достаточно вспомнить, что при написании только одной, сравнительно небольшой работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» подготовительные материалы («Тетради по империализму») составляют около 50 печатных листов и содержат выписки из 148 книг и 232 статей. Ленинские труды, таким образом, являются не только методологической базой, но и огромным сводом ценного фактического материала; в них теоретические обобщения сочетаются с разнообразной информацией по различным конкретным вопросам. Единство теоретического и эмпирического уровней познания исторического прошлого является важным требованием к молодому ученому, приступающему к изучению истории Африки.

В.И. Ленин, разрабатывая важнейшие вопросы стратегии и тактики мирового революционного процесса, показал, что его составной частью является национально-освободительное движение в колониях и полуколониях. «Социальная революция, — писал он, — не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (Т. 30. С. 112).

Изучая труды Ленина по национально-колониальному вопросу, можно сделать вывод о периодизации освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Первыми пришли в движение народы Азиатского континента, где уровень общественного развития был выше, — Китай, Турция, Индия, Персия (Иран). «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию», — писал Ленин (Т. 23. С. 146). В Азии, отмечал он в другой статье, «открылся новый источник величайших мировых бурь» (Там же. С. 3). Так, эпоху «пробуждения Азии» Ленин относит к началу XX в., а главным внешним толчком к этому считает революцию 1905 г. в России. «Пробуждение Африки», исходя из ленинской периодизации, следует отнести к периоду после 1917—1918 гг. В работах Ленина после Великой Октябрьской социалистической революции неоднократно встречаются упоминания о революционных событиях в Египте, Южной Африке, на Мадагаскаре. Он проявлял большой интерес к революционным событиям в Трансваале в 1922 г. В статье «Мы заплатили слишком дорого» он писал о «недавнем восстании рабочих Южной Африки» (Т. 45. С. 141), а несколько позже в другой статье подчеркивал, что Южная Африка «напомнила о своей претензии быть *людьми*, а не рабами...» (Там же. С. 175). В продиктованной Лениным телефонограмме по поводу восстания рабочих на рудниках Трансвааля предлагалось принять меры «...для собирания самых подробных сведений и самого полного комплекта местной литературы, как легальной, так и нелегальной...». Он потребовал «...собирать своевременно самый полный материал по истории восстания» (Т. 54. С. 242, 243). В этих настойчивых обращениях мы ясно видим, во-первых, интерес Ленина к важному революционному событию, а во-вторых, его заботу о сборе и сохранении подлинных источников, без которых невозможно будет это событие изучить. Писать историю без источников нельзя, считал Ленин.

Важное методологическое и политическое значение имеет разработанный Лениным вывод о том, что освободившиеся колониальные народы с помощью победившего пролетариата смогут развиваться по пути общественного прогресса минуя капитализм. Идея перехода отсталых стран к социализму по «сокращенному процессу развития» была сформулирована в общем виде в работе Энгельса «О социальном вопросе в России». Такой путь, писал он, возможен в отношении стран, «...которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки

таковых» (Т. 22. С. 444–446). Разумеется, эти условия в полном составе присутствовали в странах Африки. В докладе Ленина на II конгрессе Коминтерна этот тезис получил выражение в классической формулировке: «...с помощью пролетариата передовых стран остальные страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (Т. 41. С. 246). На основе ленинских идей советские африканисты и востоковеды впоследствии разработали концепцию социалистической ориентации освободившихся от колониального ига народов.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АФРИКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

1. Изучение прошлого африканских народов в Западной Европе

Вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовались в мировой африканистике рядом серьезных перемен, связанных с изменением роли и места Африки в мировой политике и экономике. К концу века завершается территориальный раздел континента между капиталистическими державами. На первый план встали задачи управления покоренными народами, для чего необходимо было знать их историю, культуру, обычаи, языки. Эти практические потребности стимулировали изучение африканских народов, хотя неверно будет утверждать, что наука превратилась в служанку колониализма, как это иногда можно слышать от некоторых африканцев. Наука, как известно, в буржуазном обществе поставлена в двойственное положение: с одной стороны, она служит объективному познанию действительности, с другой же – ее плодами пользовались господствующие классы, в частности, для закабаления захваченных стран, для их эксплуатации.

Период перехода к империализму ознаменовался усилением реакционных тенденций в общественной и научно-теоретической мысли. Первым симптомом глубокого теоретического кризиса буржуазной науки о неевропейских народах явилось возникновение расизма как идейного течения, открыто вставшего на службу колониализму. Расизм выполнял и внутрисполитическую функцию, поскольку проповедовал неполноценность угнетенных классов в своей собственной стране.

В 1853 г. выходит двухтомная книга «Опыт о неравенстве человеческих рас», ставшая на долгие годы псевдотеоретическим оправданием колониального разбоя и эксплуатации. Ее написал французский аристократ граф Жозеф Артюр Гобино, дипломат по профессии и публицист по призванию. Он разделил человечество на три неравноценные расы, смешение между которыми должно в конце концов привести к его гибели. Высшей расой, единственно способной к прогрессу, Гобино считал «белую» (ее элита – «арийцы»), а низшей – «черную». Эти выводы он пытается обосновать всевозможными фантастическими выдумками, грубыми натяжками и прямой фальсификацией фактов. Достаточно сказать, что создание высокой древнеегипетской цивилизации было, по его словам, делом не местного населения, а какой-то мифической «арийской колонии», а древнеегипетский язык будто бы близок санскриту.

Реакционно-романтическая фантазия Гобино не произвела на ученых особого впечатления; гораздо больший вред науке принесла теория социального дарвинизма, пытавшаяся подвести под расистские бредни серьезные антропологические и исторические корни. Однако среди сторонников этого течения не было африканистов, хотя превратно истолкованные данные именно о жителях Африки широко использовались учеными-расистами.

Определенный налет расизма имела возникшая в начале XX в. хамитская теория, делившая африканские народы на исторически активные (к ним были отнесены скотоводы-кочевники) и пассивные (земледельческое население). Немецкий лингвист Карл Майнхоф выпустил книгу под названием «Язык хамитов» (1912), в которой, проводя классификацию африканских языков, выделил «высший тип» (это был язык кочевников-фульбе), который он считал предшественником других хамитских языков Северо-Восточной Африки. Причем важно, что по своему расовому типу фульбе не являются негроидами. Языки же негроидов-банту Майнхоф отнес к типу «низшему», «примитивному». В целом, как видим, языковые особенности Майнхоф неправомерно перенес в область антропологии. Получалось, что не только в языковом отношении негроидные народы Африки стояли ниже пришельцев — хамитов, но и в культурном, по политической организации и другим важным признакам.

Идеи Майнхофа были подхвачены и доведены до абсурда рядом ученых-африканистов. В их трудах фульбе превращались в светлокожих, «почти европейского типа» людей, вторгшихся в Африку откуда-то с севера и образовавших ряд государств, где они стали «народом господ». Особенно извращалась история народов Восточной Африки, куда государственность была якобы занесена хамитами — пагущескими нилотскими народами, местные же народы языковой семьи банту в силу расовой неполноценности были обречены стать их подневольными и рабами.

Дискуссия по хамитской проблеме в западноевропейской африканистике растянулась на несколько десятилетий. Хотя многие серьезные ученые — историки, этнографы, лингвисты — доказали, что не существует ни особой хамитской группы народов, ни хамитского расового типа, ни, наконец, хамитских языков, только после окончания второй мировой войны эта антинаучная концепция была окончательно похоронена.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в целом расистские идеи не нашли широкого распространения в обществоведческих науках стран Западной Европы. Преобладающим остается умеренно-буржуазное объективистское течение, пытавшееся более или менее непредвзято оценивать добытые факты и информацию.

Во второй половине XIX в. завершается процесс профессионализации научных дисциплин, изучающих Африку. Записки путешественников, не имевших, как правило, специальной востоковедной подготовки, усту-

пают место научным трудам авторов, получивших основательные профессиональные знания языков, истории, этнографии. Одновременно происходит институционализация науки — возникают научные учреждения, которые организуют исследования на постоянной основе и с привлечением ученых-профессионалов. Появляется термин «африканист», обозначающий ученого, изучающего прошлое и настоящее Африки; он впервые зафиксирован в толковом словаре английского языка, вышедшем в 1895 г.

Из различных отраслей востоковедения раньше других получила организационную базу египтология. В 1858 г. французский ученый Франсуа Мариетт организовал и возглавил Службу древностей, которая поныне контролирует все археологические раскопки на территории Египта, и Египетский музей, где хранятся все найденные памятники искусства и материальной культуры древних египтян. После его смерти в 1881 г. этими учреждениями руководил французский ученый Гастон Масперо (1846—1916). Среди других работ ему принадлежит фундаментальный обобщающий труд «Древняя история народов классического Востока» в 3 томах (1895—1899), в котором он назвал общественный строй Древнего Востока феодальным, хотя и признавал широкое распространение рабского труда.

Важное значение в становлении научного изучения народов Африки и Азии имели регулярно проводимые международные конгрессы востоковедов, первый из которых состоялся в 1873 г. в Париже. Обсуждения касались вопросов древней истории Египта, археологии, африканских языков прежде всего семито-хамитской семьи (египетский, арабский, амхарский). Преобладали, разумеется, проблемы, связанные с великими цивилизациями Азии — индийской и китайской, африканская же тематика находилась на втором плане. Даже на XV конгрессе (Копенгаген, 1908) была только одна секция, в которой обсуждались доклады, в той или иной мере касающиеся Африки: история Древнего Египта и африканские языки.

Первым научным обществом, специально посвященным Африканскому континенту, стало основанное в 1901 г. в Лондоне Королевское Африканское общество, занимавшееся, однако, прежде всего организацией географического изучения Африки. Историко-этнографические и языковедческие исследования стали проводиться в рамках этой организации значительно позже. Крупным центром комплексного изучения стран Азии и Африки стала Школа восточных исследований при Лондонском университете, открытая в 1916 г., но только спустя более 20 лет Африка в ее работе стала занимать такое же место, как и Азия. С 1938 г. и до настоящего времени этот научный центр именуется Школой восточных и африканских исследований.

Как и прежде, на рубеже XIX и XX вв. наибольших достижений кроме египтологии достигла эфиопистика. Достаточно привести следующую цифру: в библиографическом указателе, подготовленном итальянцем Дж. Фумагалли (1893), перечислены более 2700 наименований

книг по различным вопросам Эфиопии. Первенство в изучении этой страны держала немецкая научная школа, основателями которой были Август Дилман (1823–1894) и его ученик Франц Преториус (1847–1927), хотя они ни разу и не посетили Эфиопию. Первый из них обогатил науку рядом содержательных трудов в области древней и средневековой истории, грамматики и лексикографии языка геэз. Вершиной немецкой эфиопистики начала XX в. считается деятельность Энно Литмана (1875–1958), для которого впервые была создана кафедра амхарского языка в Берлинском университете; прежде языки Эфиопии в университетах Западной Европы преподавались на кафедрах семитологии. В 1905–1906 гг. он руководил археологической экспедицией в столице Аксумского государства. Изданные в 4 томах (1913) материалы этой экспедиции содержат богатый археологический и эпиграфический материал по древней истории страны. Позже Литман возглавил новую экспедицию по изучению фольклора и литературы на языке тигре (изданы в 1910–1915 гг.).

Западноевропейская эфиопистика этого периода преимущественно развивалась в русле языкознания. Именно к последней дисциплине относятся труды основателя французской школы Жозефа Галеви (1827–1917), профессора Парижского университета, специалиста по южносемитским языкам. Авторами большого числа филологических работ являются итальянские ученые, арабисты и эфиописты, Леоне Казтане (1869–1935) и Игнацио Гвиди (1844–1935).

К концу XIX в. возрастающий интерес к Африке и в особенности к Эфиопии проявляет итальянская наука. Это не было случайным: именно тогда молодая итальянская буржуазия начинает колониальную экспансию в этом районе Африки и наталкивается на героическое сопротивление эфиопского народа, закончившееся победой при Адуа (1896). Тем не менее итальянцы сохранили захваченную прибрежную территорию, создав колонию Эритрея. Именно здесь проходят свое первое знакомство с африканскими проблемами итальянские ученые, как правило, на первых порах колониальные чиновники.

Типична в этом отношении карьера виднейшего африканиста Карло Контти-Россини (1872–1949), служившего чиновником колониального управления Эритреи в 1899–1903 гг. Он собрал большой материал по археологии, языкознанию и обычному праву местного населения. В ноябре 1899 г. он сделал попытку начать археологические изыскания в Аксуме без разрешения местных эфиопских властей. Такое пренебрежение к суверенитету Эфиопского государства закончилось тем, что Контти-Россини был арестован и выслан за пределы страны. Его сотрудничество с колониальной администрацией продолжалось: когда итальянцы завоевали у турок Триполитанию (нынешняя Ливия), сюда в качестве чиновника высокого ранга вновь был послан Контти-Россини (1914). С его научной деятельностью мы познакомимся в следующей главе, поскольку ее пик приходится на период между двумя мировыми войнами.

Глубинные районы Тропической Африки в начале XX в. изучает виднейший немецкий ученый-африканист Лео Фробениус (1873—1938), совершивший за тридцать лет своей неутомимой деятельности 12 научных экспедиций в Африку, причем впервые они носили не географический, а историко-этнографический характер. Он увлекся Африкой в молодые годы, будучи техническим сотрудником музея в Бремене. Его привлекла африканская культура, которую он долгие годы изучал по книгам и музейным коллекциям. Первая большая работа Фробениуса называется «Происхождение африканских культур» (1898) и содержит богатейший этнографический материал, обобщенный, однако, с позиций теории диффузионизма. Ее сторонники, в основном немецкие этнографы, пытались свести историю человечества к явлениям заимствования, переноса (т.е. диффузии) культур. Применительно к Африке Фробениус обнаружил три региона, культура которых занесена будто бы из Азии. Он выделил районы «малайской», «индийской» и «семитической» (арабской) культур. Многие выводы этой книги и последующих трудов Фробениуса современная наука не признает, так как они по сути полуфантастичны и не подтверждаются тем обширным фактическим материалом, который собрал сам автор.

Начиная с 1904 г. Фробениус организует регулярные научные экспедиции в различные районы Африки. Всего за период 1904—1918 гг. было совершено семь экспедиций: первая — в бассейн реки Кассаи и Нижнего Конго, вторая — в Западный Судан и Того. Затем последовало почти трехлетнее изучение Нигерии и Камеруна, а в годы начавшейся мировой войны — поездка в Эфиопию. Средства на эти экспедиции выделяли различные научные организации, а также государственные учреждения, в том числе колониальное ведомство и даже генеральный штаб и лично император Вильгельм II. Полевые исследования различных регионов Африканского континента как Фробениуса, так и других немецких ученых имели далеко идущие политические цели, служа в конечном счете интересам колониальной экспансии Германской империи.

Тем не менее научные результаты экспедиций Фробениуса трудно переоценить. Особенно ценный историко-культурный материал был собран во время четвертой поездки, когда изучались глубинные районы Нигерии, Камеруна и район озера Чад (1910—1912). Музеи Берлина, Лейпцига и Гамбурга пополнились большим числом предметов искусства и археологическими находками. Раскопки возле Ифе, священного города йорубов, дали замечательные каменные скульптуры, произведения из бронзы и терракоты.

Особую значимость для познания прошлого африканских народов имели собранные Фробениусом в первых экспедициях устные исторические традиции (эпические поэмы, генеалогии, повествования, образцы фольклора). Эти материалы были опубликованы в 1912—1914 гг. в трех томах под заглавием «И Африка заговорила». Каждый том имел свое заглавие: «Атлантида», «Византия», «Эфиопия». Эти заглавия не случайны, они отражают общую теоретическую концепцию Фробениуса о неса-

мостоятельности духовной и материальной культуры африканцев. В Западной Африке он находит остатки культуры исчезнувшей Атлантиды; В Западном Судане, где в средние века существовали могучие империи Гана, Мали и Сонгаи, немецкий ученый видит культурное наследие Византии. С особой симпатией он относится к христианской Эфиопии: ее культура самобытна, говорит он, но эфиопы принадлежат к той же духовной семье, что и немцы.

Научная деятельность Фробениуса продолжается после первой мировой войны; в 20-е — начале 30-х годов он путешествует по Африке, публикует свои основные многотомные сочинения. Все это мы рассмотрим в следующей главе; остается добавить, что Фробениус, будучи по своим политическим воззрениям довольно консервативным и поддерживая проникновение германского империализма в страны Африки, не разделял крайних колониалистских и расистских идей. Его многочисленные публикации еще в начале XX в. обогатили мировую историческую африканистику, раскрывая богатство культуры африканских народов.

Значительный вклад в изучение истории стран Западной Африки внесли французские африканисты Морис Делафос, Боннель де Мезьер, Шарль Монтей, О.Удас. Благодаря их стараниям были открыты, опубликованы и введены в научный оборот ценнейшие исторические памятники — суданские хроники средневековья «Тарих ас-Судан», «Тарих аль-фетташ», «Тазкират ан-нисьян». Ученые получили богатый материал о прошлом народов Западного Судана в эпоху Сонгайской державы и после ее распада. Боннель де Мезьер проявлял интерес к истории древней Ганы, начал раскопки ее предполагаемой столицы. Ведущим во французской африканистике этой эпохи был Морис Делафос (1870—1926), автор первого исторического труда о государствах Западного Судана в 3 томах (1912). Эта книга стала основой для дальнейшей разработки малоизвестных или спорных вопросов прошлого истории Сенегала, Мали, Гвинеи. Хотя некоторые выводы Делафоса оказались ошибочными и впоследствии были наукой отвергнуты, его труд с полным основанием считается классическим и сохранил свое значение до наших дней.

В западноевропейской африканистике начала XX в. апологетическому, колониалистскому направлению противостояли ученые, выступавшие с демократических позиций против расизма, закабаления и эксплуатации африканских народов. Примером высокого гуманизма стала деятельность немца Г.А. Краузе (1850—1938) и знаменитого ученого и общественного деятеля Альберта Швейцера (1875—1965). Швейцер — представитель немецко-французского синтеза культуры, получил энциклопедическое образование в университетах Страсбурга, Берлина и Парижа. Движимый благородными чувствами симпатии к африканцам и желанием оказать им помощь, Швейцер на берегу Огове (Габон) в Ламбарене построил на собственные средства больницу (1913—1917). После некоторого перерыва, связанного с первой мировой войной, Швейцер в 1924 г. возобновил свою врачебную практику и прожил среди африканцев всю оставшуюся жизнь. Не будучи специалистом по Африке

в прямом смысле слова, Швейцер многое сделал для мировой африканистики. Жизнь великого гуманиста, отданная Африке, стала символом беззаветного служения благородным идеалам мира, процветания, дружбы между народами. Швейцер неоднократно высказывал высокие оценки африканской культуре, моральным и интеллектуальным способностям африканцев, выступал против колониализма.

2. Зарождение исторической науки в странах Северной Африки

Возрождение арабской культуры в XIX в. XIX век вошел в историю Египта и других арабских стран как время подъема культуры, зарождения научной, в том числе и исторической, мысли, формирования просветительской идеологии, которая стала мировоззренческой основой антифеодальных и национально-освободительных движений. Это явление получило название Нахда (дословно: подъем, движение вперед), которое часто переводится как Возрождение. Представители арабской общественно-политической мысли обращались, с одной стороны, к богатству своего средневекового культурного наследия, находя в прошлом великий источник национального самосознания, а с другой — стремились к освоению достижений науки, техники, культуры капиталистической Западной Европы. Обращение к истории сочеталось, таким образом, с идеей о необходимости частичной или полной европеизации общественной и культурной жизни. В социально-политической мысли началось продолжительное противоборство между западниками и консерваторами-традиционалистами.

Деятели Нахды — просветители — стремились преодолеть экономическую и политическую отсталость, культурный упадок с помощью распространения образования, научных и технических знаний. Постепенно просветительство переросло в идейное движение, направленное на устранение сдерживающих социальный прогресс феодальных институтов и традиций, подготавливая тем самым утверждение новых, буржуазных общественных отношений.

Кроме просветительства Нахда характеризуется и мусульманской реформацией, оказавшей большое влияние на развитие исторической мысли. Представители этого течения добивались исправления ислама, отказа от многих догм и установлений средневековья, стремились приспособить его к требованиям новой эпохи путем возврата к «чистому», изначальному учению. В идеях мусульманской реформации причудливо переплетались консерватизм и пуританство с модернизмом и рационализмом. В то же время следует отметить и близость многих реформаторов к идеологии просветительства.

В Египте ранний этап Нахды происходил в условиях нарастания антитурецкого освободительного движения. После изгнания французов в начале столетия власть захватил Мухаммед Али (1805–1849), сумев-

ший добиться фактической независимости от Османской империи. Правитель Египта провел ряд политических и социальных реформ, облегчивших проникновение в страну европейской культуры, образования, техники. Он стал посылать молодых египтян на учебу в Западную Европу, преимущественно во Францию: среди них были первые историки новой формации.

Первые просветители: Тахтави, Мубарак, Хараири. В арабской историографии новый, преднаучный этап начинается с деятельности Рафи Рифаа ат-Тахтави (1801–1872), крупного ученого, общественного деятеля, зачинателя идеологии просветительства. На пробуждение общественной мысли Египта и других арабских стран от многовекового застоя огромное влияние оказали Французская буржуазная революция конца XVIII в. и экспедиция Бонапарта. Социальное и военно-техническое превосходство буржуазной Франции заставило наиболее дальновидных деятелей искать причины отсталости своих стран, понять необходимость приобщения к европейской науке и культуре. Одним из первых египтян, призвавших соотечественников учиться у Европы, был Тахтави.

Образование он получил в Париже (1825–1831). По возвращении из Франции опубликовал книгу «Извлечение чистого золота из посещения Парижа» (1834). В этой книге, которая стала замечательным памятником новой арабской литературы, Тахтави приходит к выводу, что для подъема хозяйственной жизни и культуры Египта необходимо заимствовать достижения Западной Европы. Он считает достойным подражания политическую организацию Франции, ее систему обучения. Оставаясь верующим мусульманином, Тахтави черпает свои аргументы из Корана и хадисов, убеждая читателя, что заимствование у других народов не противоречит исламу.

В своей книге Тахтави посвятил 20 страниц Французской революции; он признает, что прямые и отдаленные последствия революции, в частности захват Египта Наполеоном, оказали большое воздействие на пробуждение самосознания египетского народа. Вообще, будучи в Париже, Тахтави с живым интересом изучал труды выдающихся философов и историков — Вольтера, Руссо, Монтескье. О последнем он пишет так: «Монтескье — это французский Ибн Хальдун, все равно как Ибн Хальдуна можно назвать исламским Монтескье». Заканчивается книга Тахтави надеждой, что она поможет «пробудить все народы ислама от спячки».

Спустя год после выхода книги о посещении Парижа Тахтави был назначен директором Школы иностранных языков; ее задача — не только языковая подготовка молодежи, посылаемой на учебу в Европу, но также перевод и издание книг европейских авторов. За время ее существования было переведено на арабский язык около 2 тыс. книг по всем отраслям знания. В школе иностранных языков впервые был назначен специальный преподаватель гражданской истории. История, таким образом, была признана самостоятельной наукой, имеющей свой собственный предмет, отличный от мусульманского богословия и исламоведения.

Особый интерес для понимания нового исторического мышления имеют изданные Тахтави книги Вольтера «История Карла XII» (1841) и «История Петра Великого» (1850). Примечательно, что Тахтави не отходит от средневековой традиции давать заглавия исторических трудов рифмованной прозой, поэтому «История Петра» звучит по-арабски следующим образом «Ар-рауд аль-азхар фи тарих Бутрус аль-акбар», в дословном переводе «Цветущий сад по истории Петра Великого». В предисловии к книге о Карле XII переводчик подчеркивает значение сочинения Вольтера для военной истории; повторение деяний Карла XII и Петра I он видит в действиях тогдашнего правителя Египта Мухаммеда Али, которому посвящен перевод. Но в книге были сняты имеющие большое теоретическое значение, смелые для своего времени размышления Вольтера «Замечания об истории», «Новые размышления об истории» и др. Тахтави, очевидно, не решался выступать перед неподготовленным египетским читателем, полным средневековых предрассудков, в облики «ниспровергателя» традиции. Для его политического и исторического мышления характерна тактика медленной эволюции.

Тахтави издал на арабском языке и книгу английского историка XVIII в. В. Робертсона «История Карла V», первый том выпущен в 1842 г., второй — в 1850 г. Именно этот перевод дает возможность проследить за взглядами самого переводчика. Во введении ко второму тому Тахтави стремился дать понятие истории как науки, выяснить значение публикуемой книги, прокомментировать события, малоизвестные египетскому читателю. В связи с резкими замечаниями Робертсона об Османской империи, вассальную независимость от которой тогда признавал Египет, Тахтави дает особое приложение, в котором пытается опровергнуть английского историка. Приведя в предисловии письмо Вольтера Робертсону с высокой оценкой его книги, Тахтави обращается к читателю: «Взгляни, как писал ему этот великий философ, который в свое время порицал и древних и новых. Сочинения его переполнены критикой всех народов... Это он освободил страны всей Европы от петли рабства, спас их из глубины невежества и вывел из краев заблуждений».

Всего же за свою жизнь Тахтави написал или перевел 28 книг, из них четыре исторического характера. Главное его сочинение носит длинное заглавие «Освещение истории Египта и арабов в царствование хедива Исмаила», первый том опубликован в 1865 г., второй — после смерти автора в 1874 г. Для этой книги, которая имеет в целом придворно-апологетическую направленность, характерны критическое отношение к источникам, стремление отделить достоверное от вымышленного, найти рациональные первопричины исторических событий.

Тахтави собирался написать многотомную историю Египта от древнейших времен до середины XIX в., но успел выпустить лишь два тома: один, посвященный древней истории Египта от фараонов и до арабского завоевания, и второй, в котором описана биография пророка Мухаммеда. В обеих книгах он пытается следовать строгим правилам мировой исторической науки того времени; он отказывается от хроникального

изложения событий, как это было недавно у Джабарти, стремится всячески расширить источниковую базу исследований. Так, в книге о древней истории он приводит разнообразные древнегреческие, древнеримские и арабские источники, некоторые результаты археологических раскопок в долине Нила.

Современные египетские историки идеализируют Тахтави, модернизируют его взгляды, представляя его чуть ли не радикалом или социалистом (Рифаат ас-Саид, 1969; Луис Авад, 1966). На самом же деле его общественно-политические воззрения были весьма консервативными; что же касается занятия историей, то он не считал это дело своей профессией. Вместе с тем нельзя недооценивать вклад Тахтави в общественную и историческую мысль Египта середины XIX в. Впервые спустя столетия после Ибн Хальдуна египетский историк стал изучать прошлое проблемно, устанавливая рациональные причинно-следственные связи событий, обращая внимание не только на деяния отдельных личностей, но и на работу государственных и религиозных институтов. С ним рождается новое историческое сознание. От Тахтави идет гуманистическая линия в арабской общественной мысли. Советский ученый З.И. Левин пишет в связи с этим, что Тахтави считал человека основной движущей силой социального прогресса, поскольку именно люди составляют общественный организм, и потому делал упор на распространение образования и воспитание личности. Совершенно справедливо Тахтави считается первым просветителем в Египте и во всем арабском мире.

Путь, пройденный Тахтави из средневекового окружения в индустриальную капиталистическую Европу, несколько позже повторил Али Мубарак (1823—1893). Как и его старший брат, Мубарак прожил во Франции четыре года, обучаясь военно-техническим наукам. Затем он много лет провел на военной и гражданской службе, занимая с 1873 г. пост министра народного просвещения. Как и Тахтави, он был прирожденным просветителем: при его активном содействии была основана Национальная библиотека (1870), а через год открыт Педагогический институт «Дар аль-Улум» (Дом наук), ставший кузницей учительских кадров новой формации. В 1875 г. начала издаваться газета «Раудат аль-Ахбар», в которой впервые стали печататься статьи о науке и культуре.

Главный научный труд Мубарака «Аль-Хитат» в 20 частях, занявших при публикации в 1889 г. четыре огромных тома. По своему жанру эта работа относится к топографической истории или, применяя близкий нам термин, к историческому краеведению. Описание местностей, городов, сел, мечетей, дворцов и крепостей с биографиями прославленных земляков — традиционный вид средневековой арабской историографии. Первый «хитат» написал Абу Омар аль-Кинди, последний — прославленный историк начала XV в. аль-Макризи.

Мубарак взял за основу «Хитат» Макризи и довел его до конца XIX в.; об этом свидетельствует и само название «Новый Хитат» («Аль-Хитат аль-джадида»). Первые шесть частей книги посвящены описанию достопримечательностей Каира, седьмая — Александрии; даются биогра-

фии славных мужей, проживающих в этих городах. Затем идут части, где в алфавитном порядке описываются замечательные места всех провинций Египта, сообщаются различные историко-биографические сведения. Целый том «Хитата» посвящен монетам, имевшим хождение на территории Египта на протяжении последних четырех веков. Кроме данных нумизматики Мубарак в качестве источников использовал хроники египетских авторов XVI–XVIII вв., труд Джабарти, а также работы современных французских арабистов. Труд Мубарака высоко оценили как современники, так и ученые позднего времени. Так, академик А.Е. Крымский писал: «Для сведений по истории последних столетий Египта, особенно XIX в., «Хитат» Али Мубарака оказывается важнейшим источником». Для нас труд Мубарака не только ценный источник, но и важный памятник исторической мысли преднаучной эпохи, когда египетская историография переходила на основы строгой научности, будучи еще многими узами связанной с прежними традициями и стереотипами.

Исторические произведения типа «хитат» вслед за Мубараком писали и другие египетские историки, правда, не такого энциклопедического содержания и более узкого географического размаха. Они были посвящены в основном отдельным городам, и существовавшим тогда, и исчезнувшим. Так, один из первых египетских археологов Али Бахджат написал по материалам раскопок историю первой, несохранившейся столицы Египта Фустата, а Ахмед Камаль выпустил историю Мемфиса и Айн-Шамса (Гелиополиса). Были опубликованы и другие «хитаты».

В Тунисе просветительскую деятельность, подобную деятельности Тахтави и Мубарака, развернул Судейман аль-Хараири (1824–1870). Много лет он провел во Франции, где преподавал арабский язык, затем редактировал газету на арабском языке. В своих многочисленных публицистических и научных статьях он неустанно призывал соотечественников изучать западную науку, преодолеть отставание путем заимствования техники и передового опыта европейских народов. Характерна его аргументация, которая перекликается с доводами Тахтави. Хараири напоминает арабам о их прежнем величии и нынешнем упадке. Надо примириться с французами, говорит он, надо усвоить их знания, а для этого изучить их язык. Хараири приводит тексты из Корана и хадисов, свидетельствующие, что ислам требует перенимать лучшее у других народов: «Ищи науки хотя бы и в Китае. Изучай всякое ремесло от сведущих в нем, какой бы веры они ни держались». По словам Хараири, мусульманин, который гордится знанием Корана на память, но не понимает его смысла, предписывающего терпимость к иноверцам, «похож на осла, везущего на себе книги». Это речение автор вложил в уста самого пророка Мухаммеда.

Такие искренние призывы не оставались без всякого следа в общественном сознании арабов. И в Тунисе, и в соседних странах Северной Африки постепенно растет прослойка грамотных людей, понимавших необходимость овладения современной культурой и наукой, отказа от религиозного мракобесия и национальной ограниченности.

Вторая волна просветительства: Абдо и Зейдан. Вторая волна идеологии просветительства, активной деятельности по пробуждению национального сознания в Египте приходится на 70–90-е годы XIX в. и связана с именами Мухаммеда Абдо и Джирджи Зейдана.

Выдающийся мыслитель и религиозный реформатор Мухаммед Абдо (1849–1905) оказал огромное влияние на развитие науки, культуры, общественной мысли Египта и других арабских стран. И хотя Абдо не оставил трудов непосредственно по истории, его идеи были подхвачены, развиты и конкретизированы в трудах многих историков. Имя Абдо и сегодня широко известно и высоко почитаемо в арабских странах. Его называют великим реформатором, пророком нового дня для Египта и ислама, творцом мусульманской мысли арабов в XX в.

После окончания мусульманского университета Аль-Азхар Абдо остается здесь преподавателем, затем переходит в Школу иностранных языков и, наконец, в Педагогический институт «Дар аль-Улум».

В этом учебном заведении обучение проводилось по системе более современной, чем в Аль-Азхаре. Абдо преподает здесь историю, проводит со студентами на практических занятиях комментированное чтение «Мукаддимы» Ибн Хальдуна, стремясь связать философские и социологические размышления средневекового историка с проблемами современности.

В своих лекциях и выступлениях Абдо смело критиковал произвол королевских властей и религиозных мракобесов, поддержал революционный переворот Ораби-паши, за что в 1882 г. был выслан из Египта. В эмиграции он провел шесть лет, сначала в Бейруте, затем в Париже, где участвовал в издании журнала на арабском языке, в котором пропагандировались идеи модернизации ислама.

После возвращения Абдо в течение десяти лет был ректором университета Аль-Азхар, где провел важные изменения в учебных планах и программах; например, было введено преподавание гражданской истории (раньше студенты изучали лишь историю ислама), а также арифметики, алгебры, геометрии, географии. Много сделал Абдо для улучшения жизни студентов.

История в общественных воззрениях Абдо занимает значительное место. Он обращается к прошлому для того, чтобы доказать необходимость перемен, прежде всего в культурной сфере, для возрождения ислама и Египта. Он часто напоминал египтянам, что их страна была некогда одним из величайших государств мира, и теперь, после длительного упадка, пришло время для пробуждения нации. Анализируя причины упадка стран Арабского Востока, Абдо говорил, что в этом виноваты правители, нарушившие заповеди Корана, погрязшие в разврате и роскоши. Взаимное ослабление стран ислама, распри и междоусобицы, культурный упадок, падение нравственности — все это привело к тому, что они стали легкой добычей европейских колонизаторов.

Идеализация далекого прошлого нужна Абдо для пропаганды объединения арабов на основе раннего, «чистого» ислама. Со временем он

отказался от политических выступлений, критики властей и английских колонизаторов и сосредоточил всю силу своего таланта на проповеди самоусовершенствования, развития образования и культуры. Главное направление его деятельности — просветительство. Абдо любил повторять, что он родился только для того, чтобы быть учителем и никем другим. Просвещение, говорил он, главный путь к прогрессу, а строительство школ важнее, чем открытие новых мечетей.

Современник Абдо Джирджи Зейдан (1861—1914) пропагандировал научные знания со страниц своих многочисленных книг и газетных публикаций. Зейдан — один из самых ярких представителей позднего арабского Просвещения, последний из плеяды энциклопедистов. Ему принадлежат многочисленные научные труды по истории, географии, языкознанию, литературоведению, он впервые ввел в арабскую литературу жанр исторического романа. Всего он написал 22 художественных произведения, охвативших историю арабов от Мухаммеда до своего времени. Неутомимый популяризатор науки, культуры и просвещения, Зейдан в течение 20 лет издавал в Каире журнал «Аль-Хиляль» («Полумесец»), ставший одним из главных рупоров просветительства. Главная идея, которую он постоянно повторял, состояла в том, что все египтяне, независимо от социального положения, должны интересоваться родной историей, культурой и литературой.

Как историографу Зейдану принадлежит девять книг, причем некоторые из них многотомные. Первая по времени публикации — «Новая история Египта» (1889) в двух томах. Хотя с точки зрения научной методологии работа не отличалась совершенством, ибо страдала компилятивностью, некритическим отношением к источникам, она тем не менее была по широте охвата материала, глубине его освещения несомненным вкладом в египетскую историографию. За этой книгой последовали «Всеобщая история», «История Греции и Рима», «История Англии», «Генеалогия у арабов», «Арабы до ислама». В 1902 г. вышел в двух томах сборник «Биографии знаменитых деятелей Востока в XIX в.», составленный из статей автора в журнале «Аль-Хиляль» (сборник переиздается и до наших дней). Наконец, в 1902—1906 гг. Зейдан публикует самую главную историческую работу в пяти томах — «История мусульманской цивилизации».

Историческая концепция Зейдана не была оригинальной. Вслед за Монтескье он считал, что определяющим фактором общественного развития является географическая среда. Он писал: «Человек — детище географического района. Ступени его развития, нравы и положение изменяются до тех пор, пока они не приходят в соответствие с требованиями географической среды». Другой фактор исторического процесса, по мысли Зейдана, моральный. Движение истории им изображалось как постоянная борьба добра и зла, социально-экономические условия в расчет не принимались. Все отрицательные качества носителей зла проистекают от порочности природы, во всех бедах (например, войны) повинна биологическая природа человека.

Давая общую оценку деятельности Зейдана, академик И.Ю. Крачковский писал: «Зейдан не является самостоятельным исследователем, однако его деятельность для арабских стран составила эпоху. Владея современными научными приемами, он обработал многочисленные и разнообразные материалы и показал, что каждый араб должен интересоваться не только прогрессом европейской техники и точных наук, но также своей собственной историей и литературой. Он не был революционером духа, но по своей природе был человеком благородной и высокой настроенности... его имя никогда не забудется в истории современной арабской литературы и арабского общества». Зейдан вошел в египетскую историографию как один из ближайших предшественников ее подлинно научного этапа, и его вклад в подготовку качественных переман нельзя недооценить.

Историческая мысль стран Северной Африки в конце XIX — начале XX в. Рост национального самосознания египетского народа во второй половине XIX в., большой интерес к национальному прошлому и повышение общественного статуса истории отразились прежде всего в постановке ее преподавания. История была признана в качестве полноценной учебной дисциплины. Благодаря усилиям Тахтави в 1874 г. в школьные программы была введена гражданская история (раньше изучалась лишь история ислама), началась подготовка учителей истории, были выпущены первые учебники. Сам Тахтави преподавал историю в Школе иностранных языков; история стала одной из главных дисциплин в Педагогическом институте «Дар аль-Улум», где ее недолгое время преподавал Абдо. Лучшие выпускники института посылались для специализации за границу, главным образом во Францию, но также в Италию, Англию, Германию. После возвращения они назначались на преподавательскую работу в высшие и средние школы.

Следует отметить особое влияние на египетскую историческую мысль XIX в. французской историографии; можно даже говорить о своеобразном синтезе арабской и французской культур. В работах всех египетских историков этого периода ссылки на труды историков средневекового Египта Табари, Ибн Абд аль-Хакама, Масуди, Ибн Хальдуна и Макризи перемежаются с цитатами из работ Вольтера, Руссо, Монтескье, востоковедов Катрмера, де Сасси, Масперо и др. Обучение многих египетских историков в Европе стимулировало интерес к истории собственной страны, заставило их понять необходимость переписать эту историю в свете новейших требований науки и открытий археологии. Ведь в Египте в течение многих лет проводили археологические раскопки виднейшие западноевропейские ученые, они занимали руководящие посты в департаменте древностей, в музеях. Так, Египетским музеем, основанным в 1857 г., почти сто лет руководили французы, в частности такие известные египтологи, как Мариетт, Масперо. Только после революции 1952 г. во главе этого музея был поставлен египтянин Мустафа Амер.

Засилье иностранцев в египетской исторической науке было, разумеется, прямым результатом колониального положения страны, а не

недостатка национальных кадров. Их профессиональный рост искусственно сдерживался английскими колонизаторами и феодальными правителями. В открытом в 1908 г. в Каире университете преподавали европейские ученые: итальянцы Игнацио Гвиди (1909–1914) и Карло Афонсо Наллино (1909–1912), ряд лет немецкий арабист Литман. Первый же египетский профессиональный историк получил докторскую степень лишь в 1919 г. Подобным же было положение в Алжире, где был открыт университет в 1909 г., но к преподаванию и к обучению местные жители не допускались.

В течение XIX в. возникают научные учреждения исторического профиля. В 1835 г. основан департамент древностей, осуществлявший контроль за раскопками, проводимыми иностранными археологическими экспедициями. В 1859 г. создан Институт Египта в Александрии, затем переведенный в Каир. Членами его были как высокопоставленные египетские чиновники-меценаты и историки-любители, так и известные европейские арабисты. Главная его задача — сбор древних памятников, папирусов, рукописей. Институт публиковал научный бюллетень и ежегодники, в которых печаталось много материалов в основном по древнейшей истории. Это учреждение и его издание существуют до сих пор.

Примерно в эти же годы возникает Алжирское историческое общество (1856), но обслуживало оно науку метрополии, потому что целиком состояло из французов.

Важный фактор формирования национальной историографии — издание старых рукописей, классических трудов средневековых арабских историков. Пробуждению национального самосознания, оживлению интереса к истории служило знакомство широких кругов читателей с историографическим наследием прошлых веков. По инициативе Тахтави за государственный счет был напечатан ряд рукописей тысячными тиражами. Эту линию впоследствии продолжил Абдо, основавший в 1900 г. Общество возрождения арабистики. Стараниями просветителей были изданы труды Ибн Хальдуна, Ибн Баттуты, Ибн Ййаса, Балазури, Макризи, Суюти, Джабарти и многих других. Египтяне знакомились со своим полузабытым прошлым, гордились славными победами на полях сражений, достижениями в области культуры.

Развитие исторической мысли сопровождается процессом формирования египетского национального самосознания, при котором Египет рассматривается как нечто обособленное от остального арабо-мусульманского мира. Постепенно созревает мысль о прямой преемственности между Египтом времен фараонов и современной нацией. Растет и ширится идеология буржуазного национализма, в которой значительное место занимает исторический компонент.

Увлечение первых египетских националистов историей ясно прослеживается в деятельности основателей Национальной партии Мустафы Камилля и Мухаммеда Фариды. Мустафа Камиль (1874–1908) опубликовал лишь одну историческую работу под заглавием «Восточный вопрос» (1898). Подобная тема часто обсуждалась в исторической и пуб-

лицистической литературе; речь, собственно, идет о политике европейских государств по отношению к Османской империи и непосредственно к Египту. Автор верно отмечает, что так называемый Восточный вопрос родился вместе с созданием Османской империи и турецкими завоеваниями в Восточной Европе. Общая направленность книги Камиля — защита Османской империи во всех случаях, враждебное отношение к Англии и России. Несмотря на значительную источниковую базу, эта книга страдает тенденциозностью, односторонностью, в концептуальном отношении она мало что добавляет для раскрытия сложной и противоречивой проблемы.

После Камиля, скончавшегося довольно молодым в зените своей политической карьеры, на посту руководителя пробуржуазной Национальной партии его сменил друг и ученик Мухаммед Фарид (1868—1919). Он был европейски образованным человеком, много путешествовал по странам Европы, умер забытый всеми в Берлине вскоре после окончания первой мировой войны. Фариду принадлежат две большие исторические работы; первая из них — военная история Египта в годы правления Мухаммеда Али. Это, в сущности, поверхностная апология, не столько история, сколько славословие основателю династии египетских королей. Вторая работа «История Османской империи» (1894). Она, как и предыдущая, по своему теоретико-методологическому уровню стоит на полпути между традиционной, донаучной, и научной историей. Собственно говоря, сочинения Камиля и Фариды являются последними историческими трудами переходного, преднаучного периода египетской историографии. Социальные и научно-информационные предпосылки для возникновения подлинно научной историографии созрели в Египте в первые два десятилетия XX в.

3. Зарождение научной историографии в Южной Африке

Особенности формирования расового и этнического состава населения Южной Африки, рассмотренные во 2-й главе, обусловили раздельное развитие трех историографических потоков. Такое положение сохранялось и после создания единого государства Южно-Африканского Союза в 1910 г., когда были объединены две бурские республики, покоренные силой оружия (Трансвааль, Оранжевая), и две английские колонии (Капская, Наталь). Каждая из трех этнических общностей страны — бурская, английская и африканская — сохранила свою относительную самостоятельность. Как и прежде, каждая имела собственное историческое самосознание, особую точку зрения на прошлое и его уроки, на традиционные ценности, которые необходимо беречь и приумножать. Поэтому южноафриканская историография со времени своего зарождения в 70–80-х годах XIX в. обладает рядом специфических черт, неизвестных другим странам Африканского континента. Рассмотрим эти особенности.

Во-первых, разделение на три историографических потока, в сущности, на три историографии, шло не только по этническому и языковому признаку; различие было глубже — по идейно-социальным, религиозным и культурным характеристикам. Этот глубокий раскол привел к тому, что идейно-теоретическая борьба трансформировалась в борьбу политическую и расово-этническую. Внутренняя дифференциация трех историографий шла крайне медленно; она тормозилась необходимостью сплочения историков перед лицом «внешнего врага».

Во-вторых, инфраструктура нарождающейся исторической науки также была разделена на три части: были основаны университеты для буров с преподаванием на голландском языке (потом перешли на язык африкаанс) и университеты англоязычные. Позже был открыт отдельный университет для африканцев. Имелись, конечно, и учреждения общегосударственного масштаба, например Государственный архив в Претории (1910). Но в принципе как обучение истории в средней и высшей школе, так и проведение исторических исследований шли раздельно. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Формирование инфраструктуры исторической науки в Южной Африке началось в 1873 г., когда в Кейптауне было открыто первое высшее учебное заведение — университет Мыса Доброй Надежды. Университет состоял целиком из заочного отделения, так как обычного систематического обучения студентов здесь не проводилось, а лишь принимались экзамены у выпускников колледжей, обучавшихся самостоятельно, и выдавались им дипломы. К 1910 г., когда возник ЮАС, университет состоял из восьми отделений во всех четырех провинциях; на их базе происходила организация самостоятельных университетов. Первыми из них стали Кейптаунский (с преподаванием на английском языке) и Стелленбосский (на языке африкаанс). Оба университета были открыты в 1918 г., вскоре возник еще один — Почеструмский, ставший центром идеологии бурского национализма. Прежний «заочный» университет был переведен из Кейптауна в столицу страны Преторию и до сих пор существует под названием университета Южной Африки (ЮНИСА), давая, как и прежде, образование без отрыва от производства. Для коренного населения в 1916 г. был открыт университетский колледж в Форт-Хейре.

Наконец, три южноафриканские историографии развивались крайне неравномерно. Англоюжноафриканская историография, опиравшаяся на политическую и культурную поддержку из метрополии и получавшая оттуда постоянный приток новых сил, шла впереди. Историческое сознание буров развивалось в неблагоприятных условиях постоянной угрозы со стороны британского колониализма, поражения в войне 1899—1902 гг. и потери независимости. Эти факторы не только препятствовали росту научных знаний, но и привели к глубокой деформации общественного сознания, последствия которой сказываются до сих пор. Но в особенно тяжелых условиях находилась культура коренного бантуязычного населения. Разрушение традиционного образа жизни, сгон с земли, жестокая эксплуатация, политическое бесправие и неграмотность — все это стало

причиной того, что формирование историографии народов банту, в сущности, затянулось на многие десятилетия, а их историческое сознание задержалось на стадиях донаучной и преднаучной.

Учитывая все это, рассмотрим возникновение научной историографии в Южной Африке по трем отдельным этническим общностям. Конечно, разделение на три историографии не было абсолютным; перегородки между ними были проницаемы, ведь объектом изучения было прошлое, в котором судьбы всех народов бесконечно пересекались, взаимодействовали и боролись. Нельзя было поэтому игнорировать друг друга, не учитывать открытия и новые концепции в англоязычной исторической литературе или, наоборот, тенденциозные антианглийские выпады бурских авторов. Каждая историография развивалась самостоятельно и в то же время в тесной связи с другими. Такова диалектика взаимного притяжения и отталкивания трех историографий, трех культур в специфических условиях Южной Африки.

Англоюжноафриканская историография. Представители первого поколения этой историографии — уроженцы или самой метрополии, или других ее колоний (Канада). Южная Африка стала тем не менее их второй родиной, хотя они постоянно чувствовали себя британцами. Естественно, в своих работах они стремились идеализировать британский государственный строй, английскую культуру, обелить колониальные захваты в интересах цивилизаторской миссии «белого человека». Апологетика Британской империи является едва ли не основной идеей этого историографического направления с самого его зарождения. Неудивительно, что во многих современных работах оно получило название «имперской школы». И в самом деле: критическая струя в нем едва заметна.

Зачинателем англоюжноафриканской историографии является Джордж Маккоул Тил (1837–1919), биография которого интересна и поучительна. Родился он в Канаде, в Южную Африку приехал, когда ему было 24 года, и прожил здесь всю жизнь. Не имея систематического исторического образования, он, однако, рано увлекся изучением богатого прошлого своей новой родины. Тил, таким образом, яркий представитель преднаучного, непрофессионального этапа историописания. Долгое время он был учителем, причем работал с детьми одного из народностей банту — коса, затем переехал в Кейптаун, стал чиновником, сотрудником городского архива. В 1891 г., будучи уже известным историком, автором многих трудов и издателем архивных документов, Тил получил почетное звание официального историографа Капской провинции.

Слава Тила была вполне заслуженной. Он был неутомимым собирателем исторических документов, записывал рассказы стариков о давно минувших временах, а также устные исторические традиции банту. Он овладел языками, необходимыми для познания прошлого Южной Африки, — португальским (первыми ее берега и народы описали португальские мореплаватели), голландским и коса. В 1882 г. Тил опубликовал собранный им фольклор народности коса, в следующем году издал

источники по истории другого бантуязычного народа — басуто (сото) в 3 томах. В течение многих лет Тил работал в различных архивах Южной Африки, а также в Европе — в Лондоне, Париже, Риме, Гааге, Лиссабоне, собирая материалы и документы. В результате он опубликовал «Архивы Капской колонии от 1793 г. до 1828 г.» в 36 томах (1897—1905), перевел с португальского и издал «Архивы Юго-Восточной Африки» в 9 томах (1898—1903) и др. Его же перу принадлежат 3 тома «Избранных исторических документов о Капской колонии», вышедших на голландском языке; это был жест в сторону буров, с которыми Тил старался поддерживать дружеские отношения. Благодаря этим изданиям множество документов и материалов впервые введены в научный оборот. Несмотря на отдельные пропуски и ошибки, 50 томов Тиля сыграли большую роль в становлении исторической науки — она получила прочную источниковую базу. Новое поколение историков, да и многие современники, были обеспечены обильным фактическим материалом. Составленные Тилом сборники не потеряли своего источниковедческого значения и поныне, спустя почти сто лет.

Как историк Тил, однако, не оказался на высоте; это скорее летописец, а не ученый, его исторические труды представляют собой расположенный в хронологическом порядке пересказ событий, зафиксированных в источниках. В них нет критического анализа фактов, сопоставления точек зрения и различных версий, поиска каких-либо закономерностей исторического процесса. Эмпиризм и фактография характерны для главной работы Тиля «Истории Южной Африки», которая впервые вышла в 1888 г., затем дорабатывалась и расширялась им всю жизнь (последнее издание насчитывает 11 томов; выходило в 1919—1926 гг.). Эта книга лишена научного аппарата, из которого можно было бы узнать об использованных источниках. В сущности, это комментированное изложение официальных документов, т.е. хроника исторических событий, без обобщений и выводов. Тил нарочито избегает сообщения собственной точки зрения, сам неоднократно признавался в нелюбви к «философствованию».

Общая трактовка исторического прошлого в трудах Тиля соответствовала его умеренно-либеральным политическим воззрениям, вместе с тем он испытывал немалое влияние идей имперской школы английской буржуазной историографии, главным представителем которой был профессор Кембриджского университета Джон Сили. По мере признания Тиля официальными кругами его позиция эволюционировала вправо — в работах стало проявляться пренебрежительное отношение к африканцам, зазвучали расистские нотки. Так, в книге «История буров в Южной Африке» (1887) он с неприкрытым презрением говорит, что «Чака управлял своим народом с такой жестокостью, которую невозможно понять европейцам и которую могут принять лишь люди с черной кожей и в одежде дикарей». Хотя Тил постоянно провозглашал свою объективность, факты он подбирал таким образом, чтобы оправдать захват белыми земель коренного населения страны. Своими тенденциоз-

ными историческими работами, как сейчас признают прогрессивные южноафриканские историки, он помог создать политическую мифологию, на базе которой позже возникла идеология апартеида.

Подобные взгляды высказывали и другие историки в южноафриканских владениях Британской империи. В Южной Родезии (ныне Зимбабве) звания официальных историографов, как ранее и Тил, были удостоены Ричард Холл и Хью Маршалл Хоул. В своих писаниях они тоже оправдывали английскую колониальную экспансию, пытались представить черных африканцев варварами и дикарями, лишить их культурного наследия. Показательны в этом отношении книги Холла «Великое Зимбабве» (1905) и «Доисторическая Родезия» (1909). По его утверждениям, цивилизация средневекового Зимбабве не является творением местного населения, ее создали выходцы из Азии, поскольку-де золото в этих местах добывали арабы, персы, индийцы, но не африканцы-шона. Другие авторы, изучавшие развалины столицы Мономотапы, считали, что ее построили древние финикийцы. Именно они, тоже уроженцы Азии, ввели здесь добычу металлов и каменное строительство. Эта цивилизация якобы существовала в древности на протяжении многих веков, пока в начале X в. не пришли племена банту, которые все разрушили. Остается добавить, что эти псевдонаучные утверждения, замешанные на расизме, вскоре были опровергнуты учеными-археологами.

В начале XX в. Тил оставался самым авторитетным из всех южноафриканских англоязычных историков. Его идеи развивали другие непрофессиональные историки, наиболее крупным из них был Кори, основной труд которого появился в 20-х годах, одновременно с рождением научной историографии. Поэтому с его деятельностью мы познакомимся в следующей главе.

Бурская историография. Историописание буров, сформировавшихся в особую нацию к концу XIX в., родилось в сложных, конфликтных условиях. В 70–80-е годы буры пережили глубокие травмы социально-политического и психологического характера, которые наложились на прежние крайне острые противоречия. Все это подогревало чувство исторической несправедливости, мистическую веру в неизбежность жестокой конфронтации с другими народами, волею судеб очутившимися на одной теорритории, а затем включенными насильственно в состав единого государства.

Говоря об особенностях социально-экономического и политического контекста, в котором зарождалась бурская историография, следует вспомнить, что крутая ломка патриархальной жизни буров началась с открытия на их землях сказочно богатых месторождений алмазов и золота. В 1869–1871 гг. на территории Трансвааля, недалеко от бурской столицы Претории, были найдены алмазы и среди них камень необычайной величины и красоты, ставший после обработки бриллиантом под названием «Звезда Южной Африки». В 1886 г. тоже на территории Трансвааля было обнаружено в огромном количестве золото. С этих минеральных богатств и начались все несчастья буров. Эту мысль в краткой

форме выразил выдающийся английский поэт Редьярд Киплинг, взявший в качестве рефрена к одной из своих баллад слова «золото, страх и ненависть». К землям буров и африканских народов банту (тсвана, ндебеле, шона) потянулись жадные руки английского империализма. Бурские республики были окружены и наконец после кровопролитной войны на рубеже веков завоеваны. В 1902 г. сбылись слова последнего президента независимого Трансвааля Крюгера: «Не говорите мне о золоте. Это металл, от которого получают меньше прибыли, чем раздоров, несчастья и бедствий... Я говорю вам: каждая унция, извлеченная из нашей земли, повлечет за собой потоки слез и крови тысяч лучших из нас».

Борьба за выживание, за сохранение национальной независимости в течение последних десятилетий XIX в. ускорила созревание национального самосознания буров. Но оно получило однобокое развитие — патриотические чувства обострились до крайности, они переросли в воинствующий национализм. Одним из его компонентов стало историческое сознание в его мифологическом варианте, полное легенд, идеальных героев и этико-психологических стереотипов.

Стремительные перемены происходят и в самом бурском обществе, прежде весьма застойном. Открытие алмазов и особенно золотодобыча привели к быстрой индустриализации, появлению пролетариата из различных африканских народностей, росту крупных городов. Одновременно идет болезненное превращение традиционного земледельческого общества буров в современное капиталистическое, зарождаются бурская буржуазия и интеллигенция. В таких условиях возникает национальная бурская историография.

Ее основоположником стал Стефанус Якоб дю Тойт (1847–1911), священник, редактор первой газеты на языке африкаанс «Ди Патриот». В 1877 г. он выпустил книгу под названием «История нашей страны на языке нашего народа». На первый взгляд это наивная хроника, состоящая из отдельных эпизодов, и только при внимательном чтении можно обнаружить глубоко скрытые идеи. Первая из них — это национализм: простой бур является безымянным героем книги, он окружен безудержной идеализацией. Он всегда прав, его противники — всегда виноваты. Так крупными, яркими мазками создается политический миф, уже сто лет являющийся стержнем консервативной бурской историографии. Другая идея книги дю Тойта обусловлена сильным религиозным компонентом самосознания буров; она состоит в стремлении доказать богоизбранность этого народа. Сам господь бог поместил его в Африку, дал собственный язык и возложил на него особую миссию — распространять среди язычников христианскую религию и цивилизацию.

Сквозная тема книги дю Тойта — это суровые испытания, выдержанные бурами в конце 30-х годов XIX в. во время их великого переселения в две тысячи километров (Великий трек) с юга на север, чтобы спасти свою свободу и традиционные ценности от угнетателей-англичан. Эта антианглийская направленность остается главной в начальный период бурской историографии. Другой противник, с которым буры не-

прерывно сражались, — африканцы-банту — пока остается на втором плане.

Антианглийская направленность бурских публицистов и историков особенно усилилась в связи с войной 1899—1902 гг. Накануне войны на голландском и английском языках вышла книга «Столетие несправедливости», среди авторов которой были Якоб Росс и Ян Смэтс, окончивший незадолго до этого Кембриджский университет, а в годы войны — бурский генерал. В книге в хронологическом порядке перечислены все обиды и притеснения, нанесенные англичанами бурам после перехода Капской колонии под власть Великобритании.

Самым плодовитым среди первых бурских непрофессиональных историков стал Густав Преллер (1875—1943), в годы войны служивший в артиллерии, затем журналистом. Он сделал Великий трек центральным событием национальной истории и описал его с большим воодушевлением в биографии Пита Ретифа (1906), возглавившего переселение; Преллер собрал и издал также 6 томов документов об этом событии (1918—1938). Много позже историк опубликовал апологетическую биографию другого бурского деятеля Андриеса Преториуса (1937), а также многие работы и статьи о второй войне за независимость, как буры называют войну 1899—1902 гг. (первая война произошла в 1880—1881 гг.). В целом труды Преллера отличаются в лучшую сторону от трудов других его современников, но идеи у него прежние: этноцентризм, героизация прошлого, антианглийская направленность. В то же время у него усиливается негрофобия, т.е. искаженное и враждебное изображение истории зулусов, коса, сото и других народов банту.

Писал Преллер еще на голландском, книжном языке, но уже его современник и единомышленник К.Лангенховен (1873—1932), писатель и публицист, печатает свои труды на языке африкаанс. Он пропагандирует в художественной форме основные идеи бурских националистов. Кстати отметим, что ему принадлежат слова знаменитого стихотворения «Голос Южной Африки», ставшего впоследствии государственным гимном ЮАС.

Стараниями д-ра Тойта, К.Рейца, Преллера, Смэтса, Лангенховена и их сторонников на рубеже XIX—XX вв. сформировалась бурская, в основных своих чертах консервативная, концепция истории Южной Африки, которая доказала свою необычную прочность и сохранилась без особых изменений до наших дней. Центральные идеи бурской (или африканерской, потому что с начала XX в. буры все чаще себя называют африканерами) историографии можно в общем виде изложить следующим образом.

Во-первых, буры — это «богоизбранный народ», а их страна «обетованная земля». На протяжении своей истории этот народ перенес огромные страдания, но благодаря упорству, трудолюбию, честности «превратил пустыню в цветущий сад». Богобоязненный и миролюбивый, он обладает высокими моральными принципами, воспитанными чтением Библии. Буры, наконец, обращались с аборигенами гораздо лучше, чем

англичане в своих колониях. Итак, этот идейный стереотип можно назвать идеализацией прошлого.

Во-вторых, на протяжении 250 лет враги окружали и угрожали бурам со всех сторон. Сначала это были африканцы, которых удалось победить, но вот появились англичане. Английские колониальные власти постоянно преследовали буров, угнетали, чинили всяческие обиды и несправедливости. Когда они ушли далеко на север на новые земли, англичане, позарившиеся на богатства недр — алмазы и золото, пришли и сюда. Чтобы выжить и победить, буры должны были превратить свое общество в неприступный бастион, вооружить и стар и млад. Психология «осажденной крепости», несомненно, имела под собой определенные реальные основания. Она родилась в условиях враждебного окружения, полукочевого образа жизни, изоляции от внешнего мира; как следствие такого положения — культурная отсталость, узость кругозора, усиление религиозных предрассудков. Верно и то, что английские колонизаторы не считались с интересами буров, постоянно провоцировали конфликты с двумя независимыми бурскими республиками. Лидер англичан в Южной Африке Сесиль Родс — излюбленная мишень первых бурских историков и публицистов, разоблачающих его козни; Родса во всех бурских публикациях называют не иначе, как «агент британского империализма». Поэтому вторую идею ранней бурской историографии можно назвать героизацией прошлого.

В-третьих, первые исторические труды бурских авторов страдают враждебным отношением к негроидным коренным народам; этот порок получил название негрофобии. Африканцы, или банту, как их называют в бурской литературе, были врагами во времена первоначальной колонизации, потому что пришлось вести многолетние войны за землю и скот (второе богатство этих земель). Причины столкновений — это захват скота бурских крестьян, грабежи, избиение «невинных женщин и младенцев». Коса, зулусы, свази, другие племена изображаются в карикатурном виде — они отъявленные скотокрады, лгуны, лентяи, они воинственны и непостоянны. Это предатели, ибо когда появились английские колонизаторы, африканцы стали их союзниками. Таким образом, в ранней бурской историографии стал проявляться расизм, но он был еще в зачаточном состоянии и преобладающей идеей станет намного позже.

Наконец, следует подчеркнуть особую заботу лидеров бурских националистов о внедрении в сознание широких масс историографических стереотипов и штампов. Это достигалось прежде всего целенаправленным воспитанием подрастающего поколения. Такая политика в области образования была в какой-то мере ответной реакцией на репрессивные меры английских властей. Дело в том, что после завоевания бурских республик англичане запретили преподавание истории в бурских школах под предлогом, кстати, вполне обоснованным, что история возбуждает национализм и, следовательно, ненависть к англичанам. Руководители буров нашли выход из создавшегося положения: обучать детей истории стали священники в церквях, а матери делали это дома.

Причем такое «подпольное» обучение было более успешным, чем прежде в школах. Детям прививались прочные исторические стереотипы: черные африканцы — постоянный враг, англичане — всегда угнетатели. В общественном сознании культивировался образ врага, искажалась общая картина исторического прошлого. Когда было восстановлено преподавание истории после 1910 г., в школьных учебниках всемирная история преподносилась по схеме Библии и начиналась словами о том, как бог проклял потомков Хама и сказал: «Раб рабов будет он у братьев своих». Все отлично понимали, что под «потомками Хама» подразумевались коренные африканцы.

Так постепенно возник прочный союз между историей, народным разговорным языком и религией. Причем история эта была особого рода, ее скорее можно назвать политической мифологией, распространявшейся преимущественно в устной форме. Подобная история никак не учитывала достижения антропологии, археологии и этнографии, опровергнувшие многие положения Библии. Фальсификация истории в целях политической пропаганды приняла еще более широкий размах в последующий период развития бурской историографии.

История в трудах первых африканцев-просветителей. Во второй половине XIX в. происходят серьезные изменения в культурной жизни коренного африканского населения Южной Африки. Они связаны с основанием миссионерских школ, распространением грамотности, принятием христианства. Среди африканцев постепенно появляется прослойка интеллигенции, преимущественно это священники, учителя, позже — журналисты. Одним из первых очагов книжной культуры стала основанная еще в 1826 г. в Лавдейле, на землях народности коса, миссионерская школа, позже учительская семинария. Здесь получили образование, а затем сами преподавали многие просветители-африканцы. Проповедуя христианство, они вместе с тем пропагандировали грамотность, книжную культуру, призывали соплеменников учиться мудрости «белого человека». Первый из просветителей Тийо Сога (1829—1871) в очерке, опубликованном в 1863 г., писал: «Белые люди принесли нам мудрость и со многим нас познакомили. Если мы хотим, чтобы наша молодежь пользовалась этой мудростью и знаниями, мы должны выйти из состояния невежества». Эти мысли очень точно отражают взгляды и других просветителей конца XIX — начала XX в.

Первые африканские интеллигенты уделяли немало внимания сбору исторических и фольклорных материалов, стремились сохранить память о прошлом, народные традиции и обычаи. В этом отношении показательна деятельность одного из наиболее авторитетных африканских лидеров, тоже священника по образованию. Уолтер Рубусана (1858—1936), по происхождению коса, выпустил в Лондоне сборник под красноречивым заглавием «Берегите ваше наследие». В нем собраны и прокомментированы поговорки коса. Сборник был встречен с большим интересом и выдержал два издания (1906, 1911). Рубусана изучал устное народное творчество банту, написал «Историю Южной Африки с туземной точки

зрения», за которую один из университетов США присвоил ему степень доктора философии. По всей видимости, это был первый исторический труд, написанный представителем местного населения.

Первым африканцем, получившим диплом почетного доктора университета Южной Африки, был зулус Джон Дубе (1871–1946), который после обучения в США стал священником и учителем. В Лондоне дважды (1909, 1914) выходила его брошюра «Тяга зулусов к свету». О его интересе к прошлому, знании истории своего народа говорит тот факт, что Дубе написал роман о Чаке. Исторический роман «Мхуди» выпустил другой просветитель, тсвана по национальности, Соломон Плааки (1878–1932). В 1916 г. вышел его этнографический труд под названием «Жизнь туземцев в Южной Африке».

Африканцы-просветители боролись за распространение образования, требовали от властей строительства школ, открытия высших учебных заведений для коренного населения. Особенно большие усилия в этом направлении приложил Джон Тенго Джабаву (1859–1921), учитель по профессии, затем журналист. Его поддержали Рубусана, Дубе, Плааки и другие общественные деятели; их борьба увенчалась успехом. В 1916 г. в городе Форт-Хейре был открыт университетский колледж. Среди его первых профессоров был сын Джабаву – Давидсон (1885–1959), который на протяжении более 30 лет преподавал здесь лингвистику, историю и антропологию, написал много научных и публицистических трудов.

Первые африканские интеллигенты, обсуждая проблемы возрождения африканской культуры, не забывали о необходимости написать собственную историю. Об этом горячо говорил зулус Ка Исака Семе (1880–1951) на церемонии в Колумбийском университете (США) в 1906 г., когда ему вручили медаль за ораторское искусство. «О, где же тот историк, – воскликнул Семе, – который своим честным, правдивым пером докажет в печати всю обоснованность прав, предъявляемых Африкой. Он расскажет о расе, чье движение вперед поднималось на волне слез, но в глубинах сердца которой не погас огонь былого...» Позже он продолжил обучение в Оксфордском университете, стал королевским адвокатом. Вернулся он на родину в 1910 г. и сразу активно включился в общественную и культурную деятельность.

Попытку создать историю африканцев, о которой мечтал Семе, сделал десять лет спустя Сайлас Молема (1891–1965), по происхождению тсвана. Во время учебы на медицинском факультете в Шотландии в годы первой мировой войны он написал книгу «Прошлое и настоящее банту. Этнографическое и историческое исследование туземных рас в Южной Африке», которая вышла в свет в Эдинбурге (1920). Попытка Молемы, однако, была неудачной. Его подход к национальной истории в общих чертах типичен для первых африканских историков, получивших образование и воспитание в миссионерских школах.

В своих оценках прошлого Молема повторяет многие стереотипы колониалистской историографии. Доколониальные народы банту были «примитивными и отсталыми». Они не были дикарями, так как обраба-

тывали почву, разводили домашних животных, имели зачаточные знания об обработке металлов. Тем не менее «ясно, что пока они были представлены себе, их история не развивалась, их состояние можно охарактеризовать одним словом: застой». Далее Молема развивает эту посылку в полном соответствии с воззрениями белых миссионеров, причем самыми консервативными. Вот несколько отрывков из его книги: «На протяжении многих столетий, во время которых другие народы переживали подъем и упадок, банту оставались без развития, в состоянии летаргического сна... Их история — это унылая сцена варварства и невежества... Их единственной заботой было удовлетворить самые низменные, элементарные жизненные нужды». Ни по своей концепции, ни по фактическому материалу книга Молемы не могла положить начало самостоятельной африканской историографии. Социальные, культурные и научные предпосылки для ее возникновения еще не созрели. Мы видим лишь отдельные публикации по истории, в сущности, преднаучного характера. Тем не менее во второй половине XIX в. и до 1918 г. историческое самосознание коренных народов Южной Африки сделало огромный шаг вперед.

Существовала и другая форма исторической мысли народов банту — устные традиции. На рубеже XIX и XX вв. продолжается сбор и издание преданий о прошлом зулусов, коса, сото, тсвана, свази и других народов. Еще живы были народные сказители зулу, помнившие династийные хроники, генеалогии и рассказы о давно минувших событиях. Благодаря выросшему среди зулусов и записавшему их традиции Э.А. Риттеру, нам известны имена этих сказителей: Нг'акамаче Нтомбелу, Мсузеле Г'авабе, Мтамбокагвайи Ц'умизу, Сигананда Ц'убе, лично знавший знаменитого Чаку. В 1909 г. в местах, где некогда проходил путь боевых походов Чаки, сказания о нем собирал Томас Мофоло (1877—1948); его эпический роман «Чака» на языке сото был написан в 1910 г., но опубликован только в 1931 г. Отметим и такой знаменательный факт: народный сказитель имбонги С.Мкхайи напечатал в 1914 г. исторический роман из жизни зулусов начала XIX в.

Продолжали собирать и публиковать традиции африканцев историки-любители, англичане по происхождению. Дж. Макгрегор опубликовал «Традиции басуто» (1905); в том же году вышла книга «Туземные расы Южной Африки», ее автор Дж. Стоу, по профессии геолог, стал впоследствии замечательным этнографом, знатоком традиций и обычаев народов банту. Долгое время среди басуто (сото) жил Д.Ф. Элленбергер, опубликовавший в Лондоне книгу «История басуто» (1912). Эта работа, по мнению Д.А. Ольдерогге, представляет собой выдающееся произведение, правдиво рассказывающее о прошлом народа сото в основном по устным источникам.

Самым знаменитым в этой группе, бесспорно, был Джеймс Стюарт (1831—1905), долгое время бывший учителем школы в Ловдейле, затем чиновником управления по делам туземцев, а в конце жизни — помощником судьи в Дурбане. На протяжении нескольких десятилетий он

тесно общался с представителями различных народов банту, прекрасно изучил их язык, историю и культуру. Он систематически собирал устные традиции зулусов, коса, свази, сото и других, опросив множество хранителей знаний о прошлом. Богатейшее собрание Стюарта, к сожалению, оставалось в рукописи и только с 1978 г. стало публиковаться под названием «Архив устных источников Джеймса Стюарта» (в 5 томах).

Следует, однако, сказать и о другом направлении в деятельности Стюарта: он автор серии из 6 учебников истории для школ, где обучались африканские дети. Здесь ему, к сожалению, изменяет чувство научной объективности, поскольку детям внушались основные идеи либерально-буржуазной официальной историографии. Колониальные власти стремились взять под свой контроль такое сильное идеологическое оружие, как национальная история африканских народов. Восхваляя блага цивилизации, Стюарт в то же время отмечал опасность «детрибализации» зулу, т.е. распада их родо-племенных отношений, которые, по его мнению, обеспечивали «дисциплину племенной жизни». Другими словами, его, как и многих других колониальных историков и этнографов, тревожила перспектива включения банту в современную социальную структуру капиталистического общества. А это, в свою очередь, грозило усилением классово-борьбы, так как лишённые земли африканцы пополняли молодой южноафриканский пролетариат. Добыча алмазов, золота и других природных богатств Южной Африки обеспечивалась руками тысяч зулусов, коса, тсвана, сото и других коренных обитателей страны; быстрое развитие сельского хозяйства шло также благодаря труду батраков-африканцев. Именно поэтому в работах этнографов и высказывались сожаления по поводу резких социально-экономических перемен в африканском традиционном обществе.

Итак, в силу социального угнетения, экономической эксплуатации и культурного отставания коренные народы Южной Африки не смогли создать развитой историографии. Однако в конце XIX — начале XX в. они выдвинули ряд талантливых историков-непрофессионалов, которые с позиций просветительства начали разрабатывать отдельные проблемы национального прошлого.

Раумбана — первый историк Мадагаскара. Преднаучный период национальной историографии малагасийского народа открывается деятельностью Раумбаны (1809—1855). Его биография характерна для первых африканских историков-просветителей, получивших образование у европейских миссионеров. Он родился в старинной феодальной семье, в 1821 г. с группой детей был отправлен на обучение в Англию, вернулся на родину в 1829 г. На протяжении многих лет занимал высокие государственные посты, был личным секретарем королевы Ранавалуны I.

В течение жизни Раумбана собирал материалы по истории Мадагаскара: устную традицию, которую малагасийцы образно называют *луванцофина* («наследие, хранящееся в ушах»), различные рукописи историко-этнографического характера, вел дневник событий, свидетелем которых был, куда записывал и копии различных документов. Незадолго до

смерти Раумбана составил обширную рукопись по истории Мадагаскара. Из написанных им более 8100 страниц текста сохранилось 6000, разбросанных по различным хранилищам и частным собраниям. Труд Раумбаны не был опубликован и долгое время оставался неизвестным ученым. Лишь спустя почти сто лет местный историк Э.Ралаймихуатра опубликовал из него несколько страниц. Благодаря многолетним поискам профессора Мадагаскарского университета Симона Аяша удалось собрать рукописи Раумбаны, установить основные данные его биографии. В 1976 г. Аяш выпустил критическое введение к творчеству Раумбаны, а в 1980 г. первый том его сочинения под названием «Истории» (всего планируется издать 3 тома). Оригинальный текст Раумбана написал на английском языке, и он не имеет заглавия; сейчас же его труд выходит на французском языке, а название «Истории» издатель и переводчик Аяш объясняет тем, что малагасийцы слово «тантара» применяют всегда во множественном числе; кроме того, знаменитый римский историк Тит Ливий свой труд назвал также «Историей».

Источниковая основа истории Раумбаны обширна и разнообразна: это прежде всего устные традиции «тантара», опубликованные позже, после его смерти, воспоминания очевидцев событий и личные наблюдения, официальные документы, к которым он имел доступ как секретарь королевы и с которых снимал копии. Эти источники Раумбана стремился подвергнуть критическому разбору, впрочем, это не всегда ему удавалось из-за отсутствия необходимых знаний и навыков. Общая концепция истории Мадагаскара подается с позиций сторонника просвещения, верующего христианина, воспитанного в духе миссионерства. Это хорошо видно из первой части книги, в которой излагается библейская легенда о сотворении мира и первых людей, причем любопытно — Раумбана убежден, что Адам и Ева жили именно на Мадагаскаре, и носят они типично малагасийские имена Анкаратра и Андрингитра. Историк критически описывает язычество своих соотечественников, высмеивает безобразных идолов, которым они поклонялись. Однако в условиях частых гонений на местных христиан Раумбана затрагивает религиозные вопросы очень осторожно.

Историю Мадагаскара предваряет обширное географическое и этнографическое введение, в котором подробно повествуется о рельефе острова, реках и горах, природных богатствах, провинциях страны, населении и его хозяйственной деятельности, общественном и политическом устройстве. Учитывая, что Раумбана писал на английском языке и все эти сведения, в сущности, были хорошо знакомы жителям острова, можно предположить, что автор собирался напечатать свой труд в Европе. Только внезапная смерть помешала осуществить задуманное. Первые слова книги обращены как будто к читателю-иноземцу: «Всякий, кто взглянет на карту мира, легко найдет на ней Мадагаскар — огромный остров на просторах Индийского океана. Я хочу дать описание острова».

Затем следует историческое повествование, начиная с первого легендарного короля по имени Андрианампунга и кончая 19-м представителем

этой династии, которым был реальный правитель Андрианампуйнимерина, царствовавший в 1785–1810 гг. Как и в устных традициях, этому королю Раумбана уделяет очень много места. Он представлен как сильная личность, борющаяся за исторически прогрессивное дело — восстановление единства Имерины и объединение под ее властью почти всего острова. Однако историк его не идеализирует, перед нами жестокий и коварный деспот, не останавливающийся ни перед чем для достижения своей цели.

Много интересных сведений, которые не отложились в устных традициях, приводит Раумбана о последующих правителях Мадагаскара — Радаме I (1810–1828) и королеве Ранавалуне I (1828–1861). При дворе последней прошла вся жизнь историка, поэтому он описывает ее царствование, основываясь на личных впечатлениях. Историческое повествование неожиданно прерывается в 1852 г., а уже 7 ноября следующего года Раумбана делает первую запись в своем дневнике, который он вел до конца жизни (июнь 1855 г.). Дневник занимает более 700 страниц и, по существу, является продолжением рукописи, хотя это только хронологически расположенный фактический материал, ждущий своего осмысления.

Рукопись первого историка Мадагаскара Раумбаны — важный памятник исторической мысли малагасийского народа на преднаучной стадии историописания; одновременно это ценный свод фактического материала, в значительной степени уникальный, так как в архивах отложились далеко не все документы, которые полностью или частично сохранились в работе Раумбаны. Однако заложенные им основы малагасийской историографии не были развиты учениками, а его труд многие десятилетия оставался неизвестным.

Историописание на Мадагаскаре после Раумбаны. Среди учеников первого малагасийского историка наиболее известным стал Райнандриампандри, бывший вначале священником и учителем, затем чиновником высокого ранга. Он жил в то время, когда на Мадагаскаре стало формироваться национальное самосознание и усилился интерес к истории родной страны. С 1875 г. на острове стал выходить журнал научного характера «Ежегодник Антананариву и журнал Мадагаскара» (существовал до 1900 г.), в котором печатались и работы историко-этнографического содержания. В 1873–1881 гг. вышли три тома «Тантары», собранные и опубликованные Калле. В этих условиях Райнандриампандри с увлечением собирал древние сказания, записывал исторические традиции от знавших их старейшин, копировал старые рукописи. Он, в частности, снял копию с рукописи исторического содержания, которую составил еще в 1844 г. некий Рабетрану. Эта копия, как и другие материалы, сохранились в Национальном архиве Мадагаскара.

Райнандриампандри был одним из самых просвещенных людей своего времени. Вместе со своим братом он опубликовал в 1868 г. англomалагасийский словарь. Его сын закончил Эдинбургский университет и стал первым дипломированным врачом на острове, звали его доктор

Радзауна. В конце жизни Райнандриампандри в 1896 г. вышла его двухтомная книга на малагасийском языке «Тантарани Мадагаскар» («Исторические рассказы о Мадагаскаре»), которая, в сущности, является собранием слегка отредактированных исторических традиций. Ученик не пошел по пути учителя Раумбаны, а вернулся к донаучной традиционной истории. Такое попятное движение в немалой степени объясняется тем, что в 1896 г. Мадагаскар потерял свою независимость и стал французской колонией.

4. Преднаучный этап историографии в странах Тропической Африки

Как мы установили в предыдущей главе, донаучная история в странах Тропической Африки выступала в двух формах — устной и письменной. Принципиальной разницы между историоговорением и историописанием нет: исторический процесс объясняется с позиций мусульманского (в Северной Африке, Западном Судане), христианского (в Эфиопии) или политеистского провиденциализма, действием божественных лиц. Для обеих форм донаучной истории характерна нерасчлененность источника и его интерпретации, т.е. наивно-реалистическое отождествление исторического бытия и исторического мышления, что приводит к отсутствию критики повествований о прошлом.

Тем не менее переход к историописанию был большим шагом вперед в развитии исторической мысли. Переход к письменному слову способствовал совершенствованию процесса познания, облегчил скачок от донаучного знания к научному. Коренным образом изменились хранение и передача информации, резко возросла критическая активность интеллекта. «Человеческий ум освободился для изучения неподвижного текста вместо того, чтобы быть связанным участием в динамичном говорении; это позволило человеку отступить от своего творения на расстояние и рассматривать его в более абстрактном, обобщенном и рациональном виде» (Дж. Гуди). Письменность позволяет подвергать тот или иной исторический текст подробному критическому анализу, сопоставлению различных вариантов, дает возможность передавать исторические знания во времени и в пространстве на значительные расстояния.

Современный бенинский ученый П.Хунтонджи хорошо выразил эту разницу между устной и писаной историей: «Устная традиция имеет тенденцию консолидации знания в догматическую, неприкосновенную систему, в то время как письменность позволяет критиковать знание при передаче от человека, от поколения к поколению. В устной традиции преобладает боязнь забвения, потому что у нее нет никакой внешней опоры, никакой материальной опоры... В этом истинная роль письменности: она доверяет материалу (книге, документу, архиву) роль хранителя, которую раньше выполнял человеческий разум, и освобождает его для новых открытий, могущих поколебать или же опровергнуть старые истины».

В силу неразвитости общественных отношений, культурной отсталости, в странах Тропической Африки историописание и историоговoreние существовали одновременно на протяжении многих столетий. Письменная история не вытеснила устную даже у тех народов, где она была довольно широко распространена (Эфиопия, Западный Судан). Характерным было проникновение устной традиции в хроники (в трудах Ибн Хальдуна, например, можно найти указания на его знакомство с эпосом о Сундиате), а также обратное воздействие письменности на этническую традицию. Объясняется такое взаимопроникновение типологической общностью обеих историй — звучащей и записаной, отвечающих одинаково уровню донаучного архаичного сознания.

Несмотря на многовековую традицию историописания в Эфиопии, здесь существовала развитая устная история. Один из современных ученых отмечает это явление как «удивительный парадокс» и называет Эфиопию «царством Слова». «В этой стране Слово есть царь, царь всезнающий и вездесущий... Слова, много слов; и мало, совсем мало вещественных памятников прошлого. Короче говоря, лес мифов и легенд, который нельзя изучить с высоты птичьего полета; этот лес надо пройти пешком во всех направлениях, изучая дерево за деревом». К сожалению, этот совет не выполнен; мы хорошо знаем эфиопскую историографию и весьма мало — устную историческую традицию.

Существование различных форм исторического знания не должно, однако, скрывать два главных этапа развития истории — донаучный и научный. Только в XVIII в. в условиях Европы созревают необходимые научно-информационные и социальные условия для качественного скачка — превращения истории в подлинную науку. Ф.Энгельс писал: «Восемнадцатый век собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные хаотичные данные познания были упорядочены, выделены и приведены в причинную связь; знание стало наукой» (Т. 1. С. 599).

История как особая научная дисциплина сложилась впервые в европейских странах. Это обстоятельство имеет существенное значение в наших размышлениях о путях генезиса африканской историографии. Дело в том, что если накопление фактического материала о прошлом шло в Африке в своих основных чертах тем же путем, что и у народов других континентов, то интерпретация этих знаний, их осмысление и теоретическое обобщение в подлинном научном смысле стали возможны лишь на принципах европейской исторической науки. Африканские народы в силу научного и культурного отставания, начавшегося еще в доколониальные времена и особенно усилившегося в результате колониальных захватов и капиталистической эксплуатации, не смогли выработать научную методологию и методикку исторического исследования. Как показал академик Н.И. Конрад, «теоретические основы гуманитарных наук, действительные в наше время для исследователей во всех странах», были выработаны в Европе с «той исторической поры, когда

технический, экономический и социальный прогресс народов Европы стал решительно обгонять такой же прогресс» на других континентах.

Отсталая социально-экономическая структура, низкий технический и культурный уровень доколониального африканского общества обусловили развитие таких видов практической деятельности, которые могли обеспечить появление лишь несистематизированных, отрывочных знаний об обществе и природе. Арханчное мышление объясняло происходящие события действием сверхъестественных сил; окружающая реальность воспринималась метафизически, как нечто раз и навсегда данное, как «вечное возвращение». В мифологическом сознании отсутствовала идея прогресса. В таких условиях наука вообще и историческая наука в частности самозародиться не могла.

Это хорошо понимают прогрессивные африканские мыслители. Так, П.Хунтонджи в противовес националистическим концепциям, некритически оценивающим вклад народов Тропической Африки в мировую цивилизацию, пишет, что современное знание, другими словами, науку африканцы создать не смогли. Главную причину он видит в отсутствии письменности, хотя на самом деле это всего лишь следствие того уровня социальной практики и общественного сознания, о котором мы говорили выше. Однако признание того факта, что для зарождения африканской исторической науки потребовалось привнесение основных теоретико-философских категорий и методики исследования, нисколько не умаляет достижений африканского творческого духа. Заимствование методологии и методики не было механическим переносом на африканскую почву того, что прежде возникло в Европе.

Африканская историография зародилась в результате синтеза донаучной традиционной истории и современных принципов познания прошлого, общепринятых в мировой науке. Было бы, однако, ошибкой считать, как это делают некоторые ученые, что современный африканский историк – это гриот прошлого, только вооруженный новыми научными методами исследования. Еще Н.М. Карамзин отличал ученого-историка от традиционного повествователя: «Историк не летописец: последний смотрит единственно на время; а первый на свойство и связь деяний...»

Традиционная история и научная историография, как уже отмечалось, соответствуют различным уровням исторического познания, двум этапам развития научных знаний вообще. Между донаучной и научной историей в странах Тропической Африки можно выделить переходный этап преднаучной историографии. Он продолжался с середины XIX в., когда появилась первая печатная историческая работа, принадлежащая перу местного автора, и до 50-х годов нашего столетия – времени окончательного формирования африканской исторической науки. Этот этап в общем совпадает с колониальным периодом развития африканских обществ, за исключением, разумеется, Эфиопии и Либерии.

Преднаучной историографии свойствен синкретизм, смешение отдельных черт донаучного мышления с элементами рационального мировоз-

зрения, критики источников, поиска причинно-следственных связей. Ей присуща идеология просветительства, культурный, а позже и политический национализм; отсюда — высокая степень политизации исторических трудов, особенно после 1918 г., дающая право говорить о слабой расчлененности собственно истории, публицистики и пропаганды.

Традиционная история в сочетании с европейским образованием создала предпосылки для научно-публицистической деятельности первых африканских просветителей во второй половине XIX — начале XX в., использовавших исторические знания для пробуждения национального самосознания и обоснования ряда политических требований. Впоследствии эти требования стали важными элементами идеологии освободительного движения. В исторических и этнографических трудах африканских авторов из британских колоний и Либерии — Д.Джонсона, Дж. Хортона, С.Краутера, Э.Блайдена, Д.Сарбы, а также в их публицистике содержится аргументированная критика расистских теорий, берутся под сомнение или опровергаются отдельные тезисы буржуазной историографии.

В этой литературе содержится большой заряд патриотических чувств. а обращение к историческим примерам имеет целью пробуждение национального самосознания, что обычно для ранних этапов историографий, родившихся в условиях национально-колониального гнета.

Одновременно появляется ряд произведений, носящих менее полемический характер, в которых авторы-африканцы, широко используя устную традицию, дают фактографическое описание прошлого как отдельных народов, так и колоний в целом. Очевидно, первой попыткой такого рода была книга учителя из Фритауна А.Б. Сибторпе «История Сьерра-Леоне», вышедшая в 1868 г. Это, по существу, не историческое исследование, а хроника правления английских губернаторов, деятельности епископов и священников, причем особое внимание автор уделяет служителям церкви из местных уроженцев. Это не удивительно, поскольку первые африканские просветители получали образование в различных христианских миссиях и сохраняли большой пиетет к церкви. Между прочим, одним из важных аргументов в пользу признания ценности африканской цивилизации было то, что отцы церкви Августин, Тертуллиан и Киприан были по происхождению африканцами.

В предисловии к своей книге Сибторпе (ок. 1840—1916) образно говорит о социальной функции истории: «История есть зеркало и мерная лента любого народа; они указывают на его происхождение и развитие. Нация без истории не может иметь истинного представления о всех ступенях своего развития, не сможет определить, находится ли она на подъеме или же, напротив, идет к упадку». Что касается африканцев, утверждает автор, то у них есть история, и эта история — устная традиция: «В отсутствии писаной истории традиция с древних времен была естественным источником истории, постоянно сберегалась и передавалась нашими предками своим детям. Конечно, эта история не имела формальной теории, но тем не менее она существовала».

Примерно в те же годы, что и Сибторпе, и тоже в Сьерра-Леоне материал по истории родной страны собирал Томас Лаусон, служивший в 1846–1889 гг. переводчиком, затем высокопоставленным чиновником. Он оставил 11 больших томов документов и записей, которые не были опубликованы и обнаружены в местном архиве лишь недавно (1980).

Первые африканские интеллигенты хорошо понимали значение устной исторической традиции. В середине XIX в. в английской колонии Золотой Берег (ныне Гана) сбором исторических повествований занимались Д.Асанте, П.Кетеку и И.Адо, получившие образование в школе Базельского миссионерского общества. Собранные ими материалы на языке тви были изданы в 30-х годах XX в.

В конце XIX в. были написаны книги, которые в определенной степени порывают с традиционной исторической мыслью: они были шагом вперед от хроники (типа работы Сибторпе) к критической истории. Речь идет о произведениях К.К. Рейндорфа «История Золотого Берега» и С.Джонсона «История йорубов». Их авторы использовали отдельные рациональные методы и приемы европейской исторической науки, хотя и не имели профессиональной подготовки историка.

Карл Кристиан Рейндорф (1834–1917) учился в школе Базельской христианской миссии, затем был священнослужителем. Его книга опубликована в Базеле в 1895 г.; написана она на основе устных источников, автор в предисловии говорит, что собрал исторические повествования более двухсот информаторов. Сэмюэл Джонсон (1846–1901) был священником в старинном городе Ойо (Нигерия). В 1897 г. он завершил историческую работу о народе йоруба, к которому сам принадлежал, но рукопись была утеряна, и книга увидела свет лишь в 1921 г. Этот труд также в значительной степени базируется на устных источниках. Обращение к устной традиции объясняется не только сознательным выбором этих авторов, но и суровой необходимостью, так как колониальные власти закрывали архивы для первых африканских историков. Об этом, например, прямо пишет Рейндорф.

Отношение историков к устной традиции постепенно меняется: вначале ее просто повторяли или пересказывали, затем слепое доверие уступает место более критическому подходу, появляются элементы анализа и осознается необходимость сопоставления различных версий. Показательны в этом отношении мысли рецензента одной из нигерийских газет по поводу книги местного автора «Исторические записи о стране йоруба и ее племенах», вышедшей в 1895 г. в немецком городе Бадене. Автор этой книги – некто Джон Олавунми Джордж. В рецензии говорилось: «Очевидно, что любая подлинная история йорубов должна основываться на устных традициях, передаваемых из поколения в поколение. Они должны быть собраны, очищены от приукрашивания и сведены к единообразию... Настоящий исторический базис может быть создан только в процессе сбора, сравнения и согласования этих противоречивых данных». Здесь, по существу, перечислены те же элементы работы с устными традициями, которые были свойственны, правда, значительно

раньше, и русской историографии: запись традиции, затем ее свободное изложение с элементами критики, наконец, изучение проблемы при помощи всестороннего критического обзора и сопоставления источников.

Родоначальником национальной преднаучной историографии в странах Восточной Африки стал Аполо Кагва (ок. 1865–1927), видный государственный деятель Буганды (область современной Уганды). Он вырос и сформировался под влиянием христианских миссионеров, создавших письменность для языка луганда. На нем Кагва опубликовал историю родной страны, названную им «Правители Буганды» (1901). Вскоре вышли еще три небольшие книги с записями устных исторических традиций, но главным его трудом остается «Правители Буганды». Как и у других историков-любителей этого периода, у Кагвы можно обнаружить элементы традиционного исторического мышления и некоторые новые моменты, связанные с европейским образованием.

Первым историческим трудам африканцев присущи черты переходного этапа от донаучной к научной историографии. Вмешательство providения все чаще уступает место поиску рациональных причин тех или иных событий; для объяснения исторического процесса ищутся причинно-следственные связи природно-географических и этнических факторов. Еще часты ссылки на Библию как на высший авторитет, но в истории все реже действуют потусторонние силы. Так, Джонсон как будто с сомнением относится к действию колдовства, хотя и приводит два случая якобы сбывшихся прорицаний. Ни один из названных авторов не получил систематического исторического образования — любительство, таким образом, одна из отличительных черт синкретической истории. Отсутствие профессиональной подготовки проявлялось, в частности, в смешении источника и исследования. Разница между материальным носителем сведений о прошлом и критической интерпретацией историка остается для авторов неясной.

Во французских колониях в Африке научные исследования в области истории раньше всего стали проводиться в Сенегале. Уже в 1864 г. в местной газете была опубликована «История правителей Кайора». Ее автор Йоро Дьяо обработал устные повествования народа волоф, создавшего на территории Сенегала раннефеодальное государство. Более основательным историческим трудом стала книга Сире Абба Ко о прошлом народа фульбе, населяющего нагорье Фута-Торо. В издании этой «хроники», как она озаглавлена, принял участие крупный французский африканист М. Делафос (1913).

Как и в других районах Тропической Африки, к концу XIX в. в португальских колониях Анголе и Мозамбике появилась небольшая группа местной интеллигенции, которая проявляла интерес к прошлому своих народов, собирала фольклорные материалы и выступала с просветительских позиций с критикой колониального гнета. Среди этих деятелей видное место занимал Ж.Фонтиш Перейра (1823–1891), мулат по происхождению, активно выступавший с полемическими статьями и заметками в газетах Луанды.

Первым историко-публицистическим произведением, в котором прозвучала сильная критика принесенной колонизаторами лжецивилизации, была вышедшая в 1901 г. в Лиссабоне книга «Голос Анголы, вопиющий в пустыне». Она состояла из статей, опубликованных в столице колонии Луанде; их авторами были как белые, так и ангольцы. Авторы писали, что португальцы за 400 лет своего господства в Анголе ничего не сделали для ее хозяйственного и культурного развития; беспощадная эксплуатация местного населения привела к всеобщей деградации. Мрачному настоящему противопоставлялось идеализируемое прошлое Анголы.

Большой историографический интерес представляет вышедшая в Луанде в 1917–1918 гг. книга журналиста и писателя Антониу ди Асиса Жуниора (в 2 томах). Она была написана в тюрьме, куда португальские власти бросили автора, обвинив в антиправительственной деятельности. В книге описываются восстания и бунты, охватившие многие районы Анголы в годы первой мировой войны, политические репрессии против восставших. Автор, сам африканец, с нескрываемым сочувствием говорит о справедливой борьбе африканцев за свои права и национальное достоинство. В целом автор не выступает решительным противником иностранного господства, требуя лишь исправления наиболее одиозных сторон колониального режима.

Медленно шло формирование преднаучной историографии в Эфиопии, в течение долгого времени оставшейся мало затронутой влиянием европейской культуры и науки. Как и прежде, история была составной частью феодально-монархической и клерикальной идеологии. Суровую, но справедливую характеристику эфиопской историографии в начале XX в. дал один из первых европейски образованных эфиопских мыслителей. В политическом памфлете, распространявшемся в рукописи, он пространно говорил о причинах отсталости страны и, между прочим, по поводу прошлого Эфиопии делал такой горький вывод: «История абиссинцев до сих пор покрыта мраком». Все дело в том, что подлинных историков страна не имеет, а пишут историю люди недостойные, которых автор делит на две группы: «Первая категория — это те, кого можно назвать придворными учеными, люди, которые в поисках пропитания приходили ко двору и по повелению царя писали сочинения, восхвалявшие его. Эти царегуодники называли свои писания «историей» и оставляли их потомкам. Другая категория историков — монахи. В их писаниях много пристрастия, потому что они совершенно не думали о пользе народной, а пеклись только о своей выгоде». На донаучной стадии эфиопская историография оставалась всю первую половину XX в. Только после второй мировой войны, в ходе которой эфиопский народ отстоял свою независимость, в стране происходят серьезные социально-культурные перемены, позволяющие говорить о новом этапе развития национальной историографии.

Вместе с развитием историописания в странах Тропической Африки возникают первые научные учреждения исторического профиля. В нача-

ле XX в. колониальные власти от эпизодических экспедиций, снаряжаемых большей частью в метрополии, переходят к созданию постоянных научных опорных пунктов на африканской земле. Первыми были французы — в январе 1907 г. в Дакаре основано Географическое общество Французской Западной Африки (ФЗА), главной задачей которого, как отмечалось в его уставе, была «помощь в распространении французского влияния на столь обширной и малоизвестной территории». Несмотря на приветственную телеграмму министра колоний, поддержавшего инициативу дакарцев и обещавшего помощь в изучении, как он выразился, «политической географии» Африки, общество влачило жалкое существование в связи с полным отсутствием средств на проведение научной работы.

В декабре 1915 г. генерал-губернатор Ф.Клозель подписал циркуляр о создании Комитета исторических и научных исследований (КИНИ) ФЗА, в котором говорилось: «Хорошо знать историю, этнографию, физическую географию и естественную историю страны исключительно полезно для хорошей организации и успешного управления этой страной. Независимо от их научного интереса, исследования должны дать значительные практические результаты». Наука рассматривалась, таким образом, в качестве эффективного средства укрепления господства колонизаторов над завоеванными территориями. К деятельности этих учреждений африканцы допускались в исключительных случаях, да и то в качестве неполноправных членов. Так, из 315 человек, назначенных губернатором в состав КИНИ, местных жителей было только трое, среди них переводчик и проводник французских военных отрядов в Западной Африке мулат Дюпюи-Якуба.

КИНИ издал в 1916 и 1917 гг. два сборника трудов своих членов, среди них — статьи по агрономии, зоологии, геологии, а также языкознанию, археологии и этнографии. Все авторы публикаций — французы. Исключение составляет лишь помещенная в разделе «Этнография и фольклор» статья единственного африканца, переводчика Абдулая Кане под заголовком «История и происхождение некоторых племен Фута-Торо». В ней приводятся традиционные рассказы о переселениях и взаимоотношениях между родами фульбе, населявшими центральное нагорье Сенегала. Для взглядов автора характерна заключительная фраза статьи: «Только благодаря французской оккупации прекратились гражданские войны и беспорядки, которые прежде свирепствовали в этом районе».

Итак, с середины XIX в. африканская историческая мысль проходит медленную эволюцию от донаучной фазы к попыткам научного объяснения событий и явлений прошлого. В условиях тяжелого колониального гнета этот преднаучный этап развития историографии в странах Тропической Африки продолжался и после 1918 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ АФРИКИ В 1918—1945 гг.

**1. Изучение африканской истории
в странах Западной Европы и США**

Период после окончания первой мировой войны в мировой африканистике ознаменовался развитием научных исследований вширь и вглубь. С одной стороны, впервые исследованиями была охвачена вся Африка вплоть до самых недоступных, изолированных районов, с другой — увеличилась и обогатилась проблемно-тематическая структура исследований, причем впервые центр тяжести переместился от глубокой древности к современности, от языкознания и религиоведения к проблемам социологии, политологии, экономики, международным отношениям. В западноевропейской африканистике на смену концепциям диффузионизма в 20-е годы приходит функционализм. Идеи расизма, нашедшие благоприятную почву в гитлеровской Германии и отчасти в фашистской Италии, встречают растущее сопротивление ученых умеренно-либерального и прогрессивного направлений.

Быстрыми темпами развивается инфраструктура зарубежной африканистики: возникают новые научно-исследовательские центры и добровольные научные общества, выходят специальные журналы, на международных конгрессах востоковедов все слышнее голос африканистов, увеличивается число специалистов этой отрасли знания. Хотя африканистика еще не отпочковалась от востоковедения, растет понимание ее относительной самостоятельности: на XX Международном конгрессе востоковедов (Брюссель, 1938) впервые организована особая секция, обсуждавшая темы по истории и языкознанию Африки. В 1926 г. в Лондоне был открыт Международный африканский институт, начавший издавать журнал «Африка». Большое развитие получило изучение Африки в Англии, Франции, Германии, Италии и США.

Английская историография истории Африки в 1918—1945 гг. развивается под знаком господства концепции функционализма. Однако в 20-х годах в Англии произошла кратковременная вспышка шедшего к закату диффузионизма, связанная с деятельностью двух ученых. Графтон Эллиот-Смит (1871—1937) и Уильям Перри (ум. 1949) выступили с позиций крайнего диффузионизма, пытаясь обосновать в своих историко-этнографических трудах концепцию «панъегиптизма». Их взгляды изложены в книгах «Человеческая история» (1930), которую написал Эллиот-Смит, и «Дети солнца» (1923) Перри. Они считали, что разнообразные культуры всех народов имеют один-единственный центр — Древ-

ний Египет, откуда будто бы берет начало цивилизация всего человечества. Вместе с переселениями древних народов «дети солнца» разнесли эту первозданную культуру по всем странам и материкам земного шара. «Панъегиптизм» привел к обеднению мировой истории, к фантастическому единообразию, которое опровергалось множеством фактов. Выводы английских ученых не встретили поддержки, однако много лет спустя они возродились в трудах первых африканских историков школы Ш.А. Диопа, с позиций национализма преувеличивших роль и место Древнего Египта в мировой культуре.

Гораздо более сильное и продолжительное воздействие на английских африканистов имела концепция функционализма, сформулированная в трудах Б.Малиновского (1884—1942), поляка по происхождению, поселившегося в Лондоне в 1910 г. Окончив здесь университет, он стал в нем преподавать. В годы мировой войны он проводил полевые исследования в Австралии и на Новой Гвинее, где собрал исключительно богатый этнографический материал. Вернувшись после окончания войны в Англию, Малиновский обобщил эти материалы и издал ряд книг, в которых сформулировал основные положения функционализма.

Исходным пунктом функционализма является требование рассматривать материальную и духовную культуру любого народа как единое целое, где составные части тесно связаны друг с другом и каждая выполняет свою определенную работу, т.е. функцию. Изучать жизнь различных народов, говорит Малиновский, следует системно, не вырывая отдельные части, оставляя другие в тени. Это требование само по себе вполне обоснованно, однако Малиновский его абсолютизировал, поскольку считал, что выводы можно делать лишь на основе очевидных фактов и таким образом мы можем познать лишь современное состояние общества. Прошлое же бесписьменных народов непознаваемо, ибо отсутствуют надежные исторические источники. С.А. Токарев справедливо отмечает: «Откровенный антиисторизм — самая слабая сторона во всем научном мировоззрении Малиновского».

Иначе на прошлое колониальных народов смотрел другой английский ученый — сторонник функционализма А.Р. Радклифф-Браун (1881—1955). Он признавал возможным и необходимым «изучение языков и культур внеевропейских народов и особенно народов без письменной истории». Однако основное внимание он уделял изучению современного положения этих народов, оставляя в стороне динамику их развития и историческое происхождение.

Хотя оба английских ученых, выступивших одновременно (их главные работы были опубликованы в 1922 г.), развивали концепцию функционализма на конкретном материале народов Австралии и Полинезии, их идеи нашли практическое применение в Африке, будучи взятыми на вооружение колониальной английской администрацией. Прямой ответственности за это Малиновский и Радклифф-Браун не несут. Однако акцентирование внимания на изучении явлений сегодняшнего дня, на поисках скрытых пружин действия социального механизма отсталых

народов позволило колониальным чиновникам искать более эффективные способы управления, используя для этого местных племенных вождей. В штаты колониальной администрации в Африке (Нигерия, Уганда) была введена должность официального антрополога, ставшего научным советником английского губернатора.

Из учеников Малиновского и Радклифф-Брауна на африканском материале работали Э.Эванс-Причард, М.Фортес и М.Глукман. Расцвет их научной деятельности пришелся уже на период после второй мировой войны, поэтому мы с ними познакомимся в следующей главе. Здесь остановимся на ранних работах Эванс-Причарда, которые стали публиковаться в конце 30-х годов. Эдуард Эванс-Причард (1902–1973) еще при жизни был признан классиком зарубежной этнографии. Он разработал структурно-функциональный метод, основы которого заложил Радклифф-Браун, и попытался преодолеть его описательность и фактографизм. Главное в концепции Эванс-Причарда – понятие «социальная структура», которое рассматривается в динамике исторического развития.

В конце 20-х–30-е годы английский ученый совершил несколько экспедиций в район проживания нилотских народов (нуэры, ануаки, шиллуки) в Южном Судане, а также в Эфиопии и Кении. Собранные материалы легли в основу нескольких книг, первая из которых называется «Нуэры» (1940; рус. перевод 1985). «Главная тема книги, – пишет автор во введении, – политические институты, но их нельзя изучать без учета окружающей среды и способов жизнеобеспечения. Поэтому начальную часть книги я посвятил краю, где живут нуэры, и тому, как они добывают все необходимое для жизни. Читатель сможет убедиться, насколько политическая система нуэров соответствует экологии». Применение понятия «экология», пожалуй, одно из первых в мировой науке. Вообще вся книга Эванс-Причарда носит новаторский характер: обильный фактический материал, добытый автором с большим трудом (он блестяще описал все лишения полевой работы), сведен в стройную теоретическую концепцию.

Автор подробно описывает понимание нуэрами времени и пространства; этой проблеме посвящена глава книги, едва ли не самая интересная, так как дает представление о восприятии времени архаичным общественным сознанием. Эванс-Причард пишет: «При описании концепций времени, существующих у нуэров, мы делаем различие между теми, что являются отражением их отношения к окружающей среде (их мы именуем экологическим временем), и теми, что являются отражением отношений нуэров друг с другом в социальной структуре (их мы называем структурным временем). И то и другое время указывает на происходившие в определенной последовательности события, которые представляли такой интерес для общины, что запечатлевались в памяти и оказались связанными друг с другом концептуально». Такое же разделение на экологическое и социальное автор вводит и для пространства. Очень интересны рассуждения о традиционной истории; у нуэров «осязаемая

история кончается сто лет назад», далее начинается традиция, переходящая в миф. Тем не менее Эванс-Причард, как до него Малиновский и Радклифф-Браун, не делал попытки соединить этнографию с историей. Описываемые ими народы оставались, в сущности, в «вечном настоящем», лишенные исторической глубины.

Французская африканистика развивалась в двух направлениях, выделенных по географическому признаку. Северную Африку, прежде всего Магриб и Египет, французская наука изучала главным образом в историческом аспекте. В 20–30-е годы вышли значительные груды по средневековой и новой истории Алжира, Марокко, Туниса, Египта. Что же касается Тропической (Черной, как она называется чаще во французской литературе) Африки, то она изучалась преимущественно в этнографическом отношении. История существует лишь как рассказ о ее колонизации европейцами. Защита первой докторской диссертации о доколониальной истории Мадагаскара, которую представил Ю. Дешан (1938), прошла при почти полном равнодушии научной общественности.

Форпостом французской науки в Северной Африке стал Алжирский университет, где и преподаватели и студенты были французы. Из его профессуры выросли крупные историки и филологи-арабисты, самым знаменитым из которых был Стефан Гзель, занимавший с 1912 г. кафедру истории Северной Африки в Коллеж де Франс. Ему принадлежит фундаментальный труд в 8 томах «Древняя история Северной Африки» (1920–1929). Автором собран огромный эпиграфический и археологический материал, изучены произведения античных авторов. С источниковедческой точки зрения труд Гзеля сохраняет научную ценность и поныне, но общая концепция автора вполне колониалистская. Он стремится подвести историческую базу под колониальную политику Франции, захватившей Алжир в 1830 г. Эта страна, говорит автор, никогда не имела собственной истории, четких границ, внутреннего единства. Алжир исторически обречен быть колонией более сильных государств; здесь постоянно сменялись иностранные властители: финикийцы, римляне, вандалы, византийцы, турки и, наконец, французы. Настоящий панегирик Гзель «поет» римской колонизации: в первые века н.э., по его мнению, Северная Африка достигла «вершины благоденствия». Работа была доведена до начала Римской империи и осталась незавершенной из-за преждевременной смерти автора (1932).

Другая мысль, которую настойчиво внедряет автор «Древней истории», состоит в том, что Алжир принадлежит средиземноморской общности, но не Африке. Поэтому французская колонизация была закономерным следствием всего исторического пути Алжира и имела благотворные последствия для местного населения. Франция объединила аморфную массу в единое целое, утверждает Гзель, до французов здесь царил настоящее варварство, шли бесконечные войны. Мир и цивилизацию в Алжир, Тунис и Марокко принесли движимые высокими идеалами французские войска, — таков основной вывод Стефана Гзеля.

Апологетом французской колониальной экспансии в 20–30-е годы выступил другой знаменитый автор многотомных исторических трудов — Габриель Аното (1853–1944). В конце XIX в. он занимал пост министра иностранных дел, сыграл большую роль в проведении активной колониальной политики. Он, в частности, был главным организатором покорения Мадагаскара и превращения его во французскую колонию. Первый его исторический труд «Фашода» (1909) повествует об острейшем дипломатическом столкновении между Францией и Англией при колониальном разделе Южного Судана. Основные исторические сочинения Аното вышли значительно позднее: это шеститомная «История египетской нации» (1931–1937) и опубликованная в эти же годы тоже в 6 томах «История французских колоний и экспансии Франции в мире» (1929–1933). Обе работы выполнены на широкой источниковой базе, главным образом, неопубликованных архивных документов. Основное внимание автор обращает на изучение политических и дипломатических событий, военные действия, формы управления, меньше внимания он уделяет экономическому развитию Египта и французских колоний. Главная цель автора, которая особенно открыто видна во второй его работе, это оправдание колониальных захватов Франции и стремление доказать ее цивилизаторскую миссию во всех уголках земного шара.

Труды Гзеля и Аното были типичными для многочисленной группы французских историков колониалистского направления. Их главным объектом изучения были действия французов в Африке при полном игнорировании местного населения. Если же иногда и говорилось о нем, то только в плане негативном: «туземцы» сопротивляются как раз тому, что несут на своих штыках французские солдаты, — миру и благополучию.

Единодушные апологетов колониализма впервые было нарушено в 1931 г., когда буржуазная Франция торжественно отмечала столетие завоевания Алжира. В этом году выходит двухтомная «История Северной Африки» (рус. перевод 1961), автор которой Шарль Андре Жюльен, впоследствии крупнейший историк-арабист, излагает свой предмет с принципиально новых идейных позиций. Его книга положила начало демократическому направлению в изучении прошлого Северной Африки. Жюльен прямо заявляет, что в центре изучения должны стоять народные массы, коренное население, а не чужеземные поработители. Он критически оценивает результаты французской колонизации, показывает хозяйственный и культурный упадок, жестокую эксплуатацию арабов колониальной администрацией.

С умеренно-либеральных позиций изучал средневековую историю Магриба крупный французский ученый Э.Леви-Провансаль (1894–1956). В 20–30-е годы он опубликовал многочисленные книги и статьи по истории мусульманской Испании и Марокко, а также издал ряд ценных средневековых арабских источников. Книгу о средневековой Северной Африке под названием «Темные века Магриба» издал профессор Алжирского университета Э.Ф. Готье (1927). Следует отметить и труды Р.Ле Турно по истории Марокко.

Для изучения прошлого Черной Африки во Франции был основан ряд научных учреждений и обществ, что свидетельствовало о росте интереса к этой части земного шара. Здесь у Франции имелись обширные колониальные владения, объединенные в два генерал-губернаторства: Французская Западная Африка (центр в Дакаре) и Французская Экваториальная Африка (центр в Браззавиле). Кроме того, к Франции после мировой войны перешли германские колонии Того и большая часть Камеруна. Успешная эксплуатация этих территорий и удержание в узде местного населения в условиях пробуждения национального самосознания требовали расширения научных исследований. Именно с этой целью были образованы Академия знаний о заморских странах (1922) и Общество африканистов (1931). В самой Африке в конце 30-х годов начал функционировать Французский институт Черной Африки (в Дакаре).

После смерти Делафоса ведущим французским африканистом стал Марсель Гриоль (1898–1956), назначенный в 1942 г. профессором Парижского университета. При его активном участии были организованы пять этнографических экспедиций в страны Западной Африки (Мали, Чад). Гриоль высказывался против расизма, вместе с тем разделял идеи культурного релятивизма, что вело к оправданию отсталых, консервативных сторон африканской культуры.

В археологии в конце 30-х годов с успехом работали французские ученые Теодор Моно и Раймон Монн.

В германской африканистике 20–30-е годы проходят под знаком преобладания идей и личности Л.Фробениуса. Он не только продолжает проводить историко-этнографическое изучение различных регионов Африки (как в южной, так и в северной частях континента), но издает свои многотомные труды. В 20-е годы окончательно формируется его концепция африканской культуры. Сущность ее состоит в том, что культура есть подобие живого организма, который рождается, растет, размножается и, наконец, умирает. Каждая культура имеет свою мистическую душу, ее Фробениус назвал древнегреческим словом «пайдеума» («воспитание»); этим же словом озаглавлена одна из его книг. Понимание немецким ученым проблем истории культуры поражает своим иррационализмом и метафизикой, вместе с тем его обширные труды содержат множество новых фактов и ценных наблюдений. Это касается как материалов, собранных в ходе первых экспедиций (до первой мировой войны), так и более поздних, когда Фробениус существенно изменил объекты изучения. Собрание африканского фольклора вышло в 12 томах под общим названием «Атлантида» (1921–1928); сюда вошли мифы, сказки, эпические сказания и исторические традиции народов Западной Африки. Затем Фробениус переходит к сбору наскальных рисунков и надписей сначала в пограничных районах Алжира и Марокко; они изданы под названием «Ходшра Мактуба» (1925). В 1928–1930 гг. он возглавляет многочисленную экспедицию на Юг Африки (Северная и Южная Родезия, ЮАС). Собранные наскальные рисунки

(более тысячи), многие из них многоцветные, были опубликованы в 2 томах под заглавием «Матсиму Дсангара» (1931). Затем он вновь возвращается на север континента, где в течение нескольких лет фотографирует и перерисовывает наскальную живопись в Ливийской пустыне и Сахаре; эти рисунки включены в книгу «Екаде Ектаб» (1937). Огромное количество репродукций (около 4500) африканской наскальной живописи Фробениус передал в основанный им Институт морфологии культуры (сначала в Мюнхене, с 1925 г. — во Франкфурте), который существует поныне и носит имя его основателя. До наших дней продолжается выпуск журнала «Пайдеума», зачинателем которого также был Фробениус.

В своей последней теоретической работе «История культуры Африки» (1933) Фробениус как бы подводит итоги своей многолетней деятельности по изучению Африки. В ней он подчеркивает, что многие африканские народы обладали богатым культурным наследием, созданным в доколониальные времена. Тем самым Фробениус внес вклад в опровержение расистских доктрин о «низших» расах. Есть в ней, как и в других работах Фробениуса, осторожные высказывания против колониализма, причем главным образом не германского, а французского и португальского. О культуре Африки Фробениус рассказывал очень увлекательно, его многочисленные научные труды и альбомы вызывали большой интерес широкой общественности в африканских странах, пробуждая чувство гордости за свою цивилизацию. Вместе с тем научное наследие Фробениуса не может оцениваться однозначно положительно. Общая его концепция «морфологии культуры» оказалась несостоятельной. Его понимание африканской культуры было лишено исторической глубины; он прославлял архаичные черты африканского быта, выступал против того, чтобы африканцы овладевали современной наукой и техникой. Разделял Фробениус и основные положения антинаучной хамитской теории. Наконец, в его трудах немало фактических ошибок, ибо, не владея ни одним африканским языком, он вел запись устной традиции с помощью переводчиков, которые сами слабо владели иностранными языками.

Фробениус, в сущности, не оставил учеников. После его смерти (1938) директором института во Франкфурте и редактором журнала «Пайдеума» стал Адольф Йенсен, тоже африканист. До второй мировой войны он совершил этнографическую экспедицию в районы Северо-Восточной Африки (1934—1935). Единственное, что осталось в его публикациях от Фробениуса, это изучение культуры как цельного организма. Исследовал он, в отличие от своего предшественника, также мифы и культы первобытных народов.

Фашистская диктатура нанесла немецкой науке огромный ущерб. Наука как таковая исчезла, осталась лишь наукообразная политическая пропаганда. Публикации по истории и этнографии зарубежных, в том числе африканских народов, были полны расистских бредней. Африка занимала определенное место в геополитических планах фашистов,

мечтавших о мировом господстве. И хотя имели место отдельные факты заигрывания с представителями некоторых африканских народов и подготовки из них идейных нацистов, гитлеризм вызвал всеобщую ненависть в Африке. К 1945 г. немецкая африканистика оказалась в состоянии полного упадка.

В итальянской африканистике период с 1918 по 1945 г. ознаменовался безудержной политизацией науки и стремлением фашистов (у власти с 1922 г.) поставить ее на службу колониальной экспансии. Италия в эти годы владела рядом колоний в Африке (Ливия, Эритрея, Сомали), готовилась к захвату Эфиопии. Резко увеличилось количество научных исследований по африканской тематике как в университетах Рима, Неаполя, Павии, Генуи, Болоньи, Бари, так и специальном центре африканистики — Итальянском африканском институте (основан в 1906 г.). Особенно большое внимание в Италии уделялось изучению Эфиопии. Однако большинство публикаций по африканистике и эфиопистике в 20–30-е годы носили прикладной характер: одни походили на разведывательные донесения, чтобы облегчить Италии политическую и экономическую экспансию, другие грубо извращали и фальсифицировали прошлое народов Эфиопии, изображая их варварами и дикарями.

Серьезные научные разработки продолжали ученые, сформировавшиеся в предыдущую эпоху. Крупный арабист, историк и филолог К.А. Наллино (1872–1938) ряд лет преподавал в новообразованном Египетском университете. При его участии и инициативе был основан в Риме Институт востоковедения и журнал «Ориенте модерно», ставший одним из лучших востоковедных журналов мира.

Крупный ученый-эфиопист К.Конти-Россини, с началом деятельности которого мы познакомились в предыдущей главе, вскоре после прихода фашистов к власти покинул высокий административный пост и сосредоточился на научной работе. Он занимал должность профессора в Институте востоковедения Римского университета с 1920 по 1948 г. Кроме ряда филологических трудов, Конти-Россини в эти годы опубликовал основательное исследование по ранней истории Эфиопии (1928), в котором использованы богатые и разнообразные источники. Собственно говоря, это был лишь первый том общей истории страны, но следующие тома так и не были написаны. Несколько иной характер имеет другая книга Конти-Россини о взаимоотношениях Италии и Эфиопии во второй половине XIX в. (1935). Здесь заметно стремление автора взвалить на эфиопскую сторону всю ответственность за враждебные отношения между двумя странами и обелить в какой-то мере итальянский колониализм. Признанием заслуг Конти-Россини было его избрание в Королевскую академию наук (1939). Он основал специальный журнал по эфиопистике «Расенья ди студи этиопичи» (1941).

В предвоенные годы начинается научная деятельность Энрико Черулли, ставшего впоследствии крупнейшим знатоком древней и средневековой истории Эфиопии. В годы войны он занимал высокий пост в итальянской оккупационной администрации, будучи заместителем генерал-гу-

бернатора Итальянской Восточной Африки, куда фашисты включили и территорию захваченной Эфиопии. Этого эфиопы никогда не могли простить ученому, и в 1966 г. он не был допущен на Международный конгресс эфиопистов, состоявшийся в Аддис-Абебе. Его перу принадлежит крупный исторический труд в 2 томах «Эфиопы в Палестине» (1943—1947), осветивший одну из малоизвестных страниц истории Эфиопии.

Африканистика США сформировалась значительно позже, чем в странах Западной Европы. У ее колыбели стояли два выдающихся ученых и общественных деятеля, негры по происхождению Уильям Дюбуа и Картер Вудсон. Их биографии во многом схожи. У Дюбуа (1868—1963) получил прекрасное образование в Гарвардском и Берлинском университетах, в 1895 г. получил докторскую степень за монографию о ликвидации европейской работорговли между Африкой и Америкой. Изучение прошлого и настоящего американских негров неизбежно приводит Дюбуа к их прародине: в 1914 г. он публикует первую статью по истории Африки и затем затрагивает эту тему в книгах «Негр» (1915), «Черная вода» (1920), «Черный народ прежде и теперь». Однако прошлое Африки не занимало ведущего места в творчестве Дюбуа, главным для него была организаторская работа среди негритянского населения США в борьбе против расовой дискриминации.

Делом всей жизни стала история Африки для современника Дюбуа, профессионального историка К. Вудсона (1875—1950). Он родился в семье бывшего раба и только благодаря исключительной настойчивости и трудолюбию получил в 33-летнем возрасте диплом о высшем образовании, а еще спустя пять лет защитил в Гарвардском университете докторскую диссертацию. Затем ряд лет он занимается преподавательской деятельностью, а с 1922 г. и до своей кончины возглавляет центр научных исторических исследований. В 1915—1916 гг. Картер основал Ассоциацию по изучению негритянской жизни и истории и начал издавать «Джорнел оф нигроу хистори» («Журнал негритянской истории») — единственный в США научный орган по истории Африки вплоть до конца второй мировой войны.

Научно-исследовательская работа Вудсона, его книги и статьи имели для американской африканистики не меньшее значение, чем его организаторская деятельность. В 1922 г. выходит обширная монография «Негры в нашей истории», которая выдержала множество переизданий и постоянно дополнялась материалом о доколониальной истории Африки. Автор высоко оценивает вклад африканцев в мировую цивилизацию. Он подробно излагает историю великих средневековых империй Ганы, Мали и Сонгай, отмечает роль древнеегипетской культуры. О прошлом Африканского континента Вудсон рассказывает в другой книге (1935), выпускает сборник мифов и поговорок африканских народов (1928), публикует историографический обзор литературы по африканистике, вышедшей в странах Западной Европы (1936). Наконец, для афро-американской молодежи он создает книгу о героях и героинях африканских

народов (1939). В предисловии к ней Вудсон пишет, что «только по невежеству мы можем считать, что африканцы не имели исторического прошлого».

Труды Дюбуа и Вудсона представляют демократическое течение в американской африканистике США. Другое течение, либерально-буржуазное, представлено именами не историков, а этнографов. В 20–30-е годы были организованы первые научные экспедиции по изучению народов Либерии, Нигерии, Анголы. В Дагомее продолжительное время проводит полевые исследования профессор Северо-Западного университета (город Эванстон, штат Иллинойс) Мелвилл Херсковиц (1895–1963). Он был пионером изучения и преподавания африканистики в американских университетах: первый свой курс по этой дисциплине он стал читать еще в 1927 г. Благодаря его стараниям Северо-Западный университет превратился в крупнейший центр мировой африканистики, имеющий богатую специализированную библиотеку и ценную коллекцию предметов африканского искусства.

По материалам своих исследований Херсковиц выпустил солидную историко-этнографическую работу в 2 томах под названием «Дагомей. Древнее африканское королевство» (1940). Заглавие, впрочем, может ввести в заблуждение, поскольку слово «древнее» здесь поставлено ошибочно: исторические события не идут дальше первой половины XVIII в. Тем не менее надо отдать должное американскому автору – историческая часть его работы обширна, что отличает ее от многих подобных трудов европейских этнографов-африканистов (Фробениус, Эванс-Причард, Гриоль), в значительной степени пренебрегавших прошлым. Херсковиц впервые поставил такую важную проблему, как последствия работорговли для африканских обществ, которая до сих пор активно обсуждается в исторической африканистике. Поскольку наиболее плодотворный период научной деятельности американского ученого пришелся на годы после второй мировой войны, то подробнее его концепция и труды будут рассматриваться в следующей главе.

2. Антиколониальные идеи арабской историографии в Северной Африке (1918–1945 гг.)

Египетская историография. Период от конца первой мировой войны и до завершения второй – время решительных перемен в политической жизни Египта, в общественном самосознании. Под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции начинается революционное антиколониальное движение; его вершиной стало народное восстание 1919 г. против английских колонизаторов. На арену политической борьбы выходит молодой египетский пролетариат, в среду которого проникают коммунистические идеи. Египет в 1922 г. получает формальную независимость.

Все это приводит к подъему национального самосознания. Освободительные антиколониальные идеи находят свою опору в концепции особой египетской нации, которая будто бы существенно отличается от соседних арабских народов. Национальная самобытность египтян, утверждали ее сторонники, состоит в том, что нынешние египтяне являются прямыми потомками жителей древнего фараоновского Египта. Поэтому концепция национальной самобытности и исключительности египтян получила название «фараонизм». Советский ученый А.М. Васильев охарактеризовал фараонизм как «утверждение о самобытном, неарабском и немусульманском характере египетского народа, египетской культуры, образа мышления». Для «фараонизма» характерно прославление истории Египта, преувеличение вклада древнеегипетской цивилизации в мировую культуру, провозглашение особой миссии египтян в истории человечества. Идеализации фараоновского Египта послужили, в частности, выдающиеся достижения мировой египтологии (в 1922 г. была обнаружена гробница Тутанхамона); в свою очередь, египетские историки тоже немало сделали для пропаганды идей фараонизма.

Следует в этой связи назвать первого египетского археолога, специалиста по истории Древнего Египта Ахмеда Камала (1860–1923). Профессиональную подготовку он получил в Берлинском университете у крупного немецкого египтолога Г.Брюгша. Вернувшись в Египет, Камаль участвовал в многочисленных археологических экспедициях, но всю жизнь пребывал на рядовой работе, поскольку руководящие посты в египетском департаменте древностей занимали иностранные, преимущественно французские, ученые. Только в конце жизни Камаль был назначен хранителем музея, стал читать курс египтологии в Каирском университете. Через два дня после его смерти семья получила уведомление, что он назначен на должность директора Института египтологии, на организацию которого затратил много трудов, времени и сил. Его дело продолжили немногочисленные ученики.

Новым в развитии египетской историографии в 20–30-е годы была ее профессионализация. Первый профессиональный египетский историк Мухаммед Сабри окончил в 1919 г. Парижский университет и здесь же под руководством известного ученого А.Олара подготовил докторскую диссертацию. Она была опубликована в 1922 г. под заглавием «Египетская революция 1882 г.». Это важное событие в процессе формирования египетской исторической науки, но вместе с тем, как и прежде, занятие историей остается любимым делом непрофессионалов — писателей, политических деятелей, философов, юристов. Причем их воздействие на историческое самосознание египетского общества было более значительным, чем немногочисленных историков-профессионалов. Так, среди зачинателей концепции «фараонизма» были видные деятели культуры Таха Хусейн, Ахмед Амин и Салама Муса, выдающийся писатель Тауфик аль-Хаким (1898–1987). Университетская же историография, нередко ограниченная узкими темами, малоинтересными сюжетами, расплывчатостью идейных позиций, страдала академизмом и оставалась недоступ-

ной широкому читателю. Самые острые дискуссии на исторические темы, которые вызывали острейший интерес масс, велись между историками-непрофессионалами.

Другая черта египетской историографии в широком значении этого слова (т.е. с включением непрофессиональных историков) состоит в формировании нескольких идейных течений. Эти течения складываются более отчетливо в общественной мысли; тем не менее они явственно различимы и в научно-теоретическом плане.

20-е годы отмечены созданием инфраструктуры исторической науки — в 1925 г. был реорганизован и перешел под государственный контроль Каирский университет. На историческом отделении факультета словесности стали преподавать молодые ученые Шафик Горбаль и Мухаммед Мустафа Зийяда. Ректором был назначен видный деятель египетской культуры, бывший директор Национальной библиотеки Ахмед Лютфи ас-Сайид, автор ряда историко-философских трудов.

В 30-е годы была проведена реформа мусульманского университета Аль-Азхар: он разделен на факультеты теологии, арабского языка, мусульманского права; введены одинаковые с государственным университетом правила приема. С 1936 г. прекращены учебные занятия в мечети Аль-Азхар, она стала лишь местом богослужения, а для лекционных занятий были построены отдельные здания. Правда, и сегодня в мечети иногда можно встретить группы студентов с преподавателем; это значит, что проходят занятия по истории ислама или же для лекций не нашлось свободной аудитории в основных учебных зданиях. Наконец, при Аль-Азхаре были открыты исследовательские институты, лаборатории, расширена библиотека.

Либерально-буржуазное националистическое течение представлено работами многих ученых, деятелей культуры и политиков. Идеологом либеральной египетской интеллигенции в то время был Ахмед Лютфи ас-Сайид (1872–1963). После учебы в юридическом колледже в Каире в 1889–1894 гг. он уехал для завершения образования во Францию. Здесь, как отмечает его биограф, он испытал сильное влияние идей Руссо, Бентама и Спенсера и до конца жизни оставался сторонником либерального национализма и капиталистического развития по западно-европейскому образцу. После возвращения на родину он включился в активную политическую деятельность и вскоре стал одним из руководителей буржуазной Народной партии. Однако в начале 20-х годов отошел от политики, был несколько лет ректором Каирского университета. Кстати сказать, именно благодаря Сайиду в университет стали принимать девушек. Им опубликован ряд статей о выдающихся деятелях европейской культуры, которые вызвали огромный интерес египетской общественности к творчеству Вольтера, Монтескье, Руссо. И хотя Сайид не занимался непосредственно историей, его воздействие на египетскую историографию в 1918–1945 гг. было значительным. Буржуазные историки либерального течения прочно усвоили идеи прогресса и примата национального характера среди факторов исторического процесса.

Одним из первых последователей Сайида и пропагандистом его идей стал Мухаммед Хусейн Хейкал (1888—1956). Как и его наставник, он обучался во Франции: прослушал курс политэкономии и истории экономических учений в Сорбонне, в 1912 г. защитил там диссертацию. По возвращении в Египет развернул активную политическую деятельность, став одним из лидеров Либерально-конституционной партии. По социальному положению Хейкал — крупный землевладелец и финансист. Не выступая открыто против британского господства, Хейкал, как и ас-Сайид, был сторонником независимого политического развития Египта по пути буржуазной многопартийной демократии. Подобно другим ученым либерального толка Хейкал в 30—40-е годы переходит к изучению жизни Мухаммеда и истории раннего ислама. В 1935 г. выходит его книга «Жизнь Мухаммеда», в которой он трактует личность основателя ислама в духе концепции Руссо об естественном человеке. Позже Хейкал публикует еще две книги: «Жизнь Абу-Бекра» (1946) и «Омар» (1949).

К либерально-буржуазному идейному направлению принадлежал и видный историк Ахмед Амин (1886—1954), на протяжении 20 лет (1926—1946) читавший историю арабской литературы в Каирском университете. За свою жизнь он написал около 500 научных и публицистических статей, собранных в 10 томов под общим названием «Обилие идей» и опубликованных в 1939—1956 гг. Амин выпустил серию книг по ранней истории ислама (9 томов), в которой пытался применить научную критику источников, прежде всего хадисов, чтобы отделить достоверное от измышлений и искажений. Но делал это Амин весьма осторожно, стремясь не вызвать гнева консерваторов. После его смерти опубликована книга «Восток и Запад» (1955), где Амин утверждает, что восточная цивилизация покоится на религии, поэтому она долговечна; западная же цивилизация строится на материальных благах, и это неизбежно ведет к войнам, социальным беспорядкам и катастрофам.

Видным деятелем египетской культуры первой половины XX в., выступившим с либерально-буржуазных позиций, был Таха Хусейн (1889—1973). Он оказал огромное влияние на развитие общественной и научной мысли Египта, находясь в центре всех идейных баталий на протяжении более полувека. Крупнейший писатель, ученый энциклопедического масштаба (историк, философ, литературовед), активный деятель культуры, смелый борец против религиозного мракобесия и консерватизма — таким остался Таха Хусейн в истории египетской культуры и науки.

Хусейн в детстве утратил зрение, но благодаря природной одаренности, исключительному трудолюбию и настойчивости достиг вершин знания. В течение десяти лет он учится в Аль-Азхаре, затем переходит в недавно открытый Каирский университет. После его окончания в 1914 г. направляется во Францию для подготовки к профессорскому званию. Здесь Хусейн написал докторскую диссертацию о социальной

философии Ибн Хальдуна, которую успешно защитил в Сорбонне и опубликовал.

Остановимся на исторической концепции молодого египетского ученого. Анализируя труды великого историка средневековья, Хусейн в своей диссертации пишет, что Ибн Хальдун обосновал три закономерности познания прошлого: нахождение причинно-следственных связей, что исключает вмешательство произвола в исторические события; установление преемственности, ибо нынешнее состояние человека (и общества в целом) обусловлено его прошлым; наконец, отличие человеческих обществ друг от друга объясняется климатическими и экономическими факторами, которые действуют всегда вместе, поэтому общество должно изучаться как нечто цельное, единое. Хусейн далее пишет, что последний вывод Ибн Хальдуна является великим открытием, положившим основание новой отрасли знания — науке об обществе.

Вместе с тем в диссертации подвергаются критике отдельные положения учения Ибн Хальдуна; ему сделан, в частности, упрек в том, что он не находит различия между историком, задача которого состоит в открытии и объяснении событий прошлого, и социологом, который должен изучать общество независимо от фактора времени. Разница, собственно говоря, в том, что один рассматривает общество в движении, в динамике, а другой — статично. Кроме того, Ибн Хальдун, по мнению Хусейна, недостаточно полно освободился от предрассудков своей эпохи, от стереотипов традиционного мышления, чтобы его метод исторического познания можно было назвать подлинно научным. Другой упрек Ибн Хальдуну состоит в том, что он делает иногда поспешные выводы из неполной информации, а порой отрывается от фактов и впадает в метафизику, как, например, при сравнении человеческого знания со знанием ангелов.

Вышедшая на французском языке книга об Ибн Хальдуне вызвала большой интерес в арабском мире. Она была переведена на арабский язык египетским историком М.Инаном и опубликована в 1925 г. К этому времени Таха Хусейн вернулся на родину и был назначен профессором античной истории в Каирском университете. Признанием заслуг Хусейна явилось его участие в работе I Международного конгресса исторических наук, который состоялся в Брюсселе в 1923 г. После реорганизации университета в 1925 г. (из частного он стал государственным) Хусейн переходит на кафедру истории арабской литературы. Спустя несколько лет он был избран деканом словесного факультета.

В 1926 г. Хусейн выпустил небольшую книжку о доисламской поэзии, которая вызвала в Египте и других арабских странах такую бурную полемику, какой еще никогда не было. Научное произведение по теме, казалось бы, ничего общего не имевшей с животрепещущими проблемами Египта, отозвалось громким политическим скандалом. Началась травля автора, обвиненного в ереси и клевете на ислам. Одним из самых яростных врагов был историк-традиционалист и поэт Мустафа Садых ар-Рафии (1902—1937). Его сборник статей «Под знаме-

нем Корана» (1926) содержит резкие выпады против либералов-западников и против Хусейна. В парламенте и в газетах раздавались призывы лишить Хусейна звания профессора. Лютфи ас-Сайид, который в это время был ректором университета, поддержал своего коллегу, но защитить его не смог. Тираж книги был арестован. Через несколько лет Хусейн был вынужден уйти из университета. Правда, впоследствии он вернулся, был деканом факультета словесности, ректором, а в 1950—1952 гг. — министром национального просвещения.

Почему же книга Хусейна вызвала такую бурю в египетском обществе? Почему на него обрушились ретрограды и защитники старины? На эти вопросы дал ответ академик И.Ю. Крачковский, который писал: «Для арабского писателя книга Таха Хусейна открыла новый мир, впервые дается строго критический подход научного исследования. В книге есть глава «Легенды и история» — критика легковверного отношения к источникам по ранней истории арабов. Автор ставил под сомнение реальность некоторых фактов Корана и хадисов. Книга стала образцом строго научного анализа источников для всех арабских историков».

В 20—30-е годы Хусейн был одним из главных пропагандистов теории «фараонизма». В книге «Будущее культуры в Египте» (1938) он доказывал, что Египет принадлежит не к арабо-мусульманской цивилизации, а к цивилизации средиземноморской, близкой к западноевропейской. Он писал, что «нет существенной разницы между образом мышления египтянина и европейца, поскольку и тот и другой возникают на основе греческой и римской культур и религий». Таким образом, «фараонизм» Хусейн дополнял идеей единства культуры стран Средиземноморья, преемников греко-римской цивилизации. Египет ближе к Западу, чем к Востоку, часто повторял он.

«Мы должны стать европейцами во всех отношениях, принимая с Запада как хорошее, так и плохое», — писал Хусейн. Но как этого достичь? Он отвечал: «Чтобы сделать первый шаг к этому, египтяне должны изучить свою историю и понять, что Египет всегда был частью Европы. Египет — часть средиземноморской цивилизации, разрушенной турками-османами».

В 1939 г. между Таха Хусейном и Ахмедом Амином развернулась оживленная дискуссия о том, что лежит в основе египетской цивилизации: «фараонизм» или арабизм, материализм Запада или духовность Востока. Амин, как и другие ученые националистического толка, выдвинул идею особой египетской самобытности — «мысрийя», которая будто бы определяет исключительный и неповторимый исторический путь Египта на протяжении тысячелетий. Дискуссия о «фараонизме» или арабизме продолжалась в книге Ахмеда Сабри «Маска фараонизма» (1943), где была сделана попытка доказать, что культура фараоновского Египта диаметрально противоположна исламу. В это же время Ибрахим Джума в работе «Египетско-исламский национализм» стремился доказать преемственность египетского национального сознания в древние времена и в исламскую эпоху.

Вместе с тем Т.Хусейн оставался правоверным мусульманином и неоднократно, как и многие его современники, обращался к жизни основателя ислама. В ряде историко-культурных статей, а также в трехтомной книге «Заметки на полях жития пророка» (1933–1943), основанной на обработке традиционных биографий Мухаммеда и хадисов, он стремился объяснить раннюю историю ислама как закономерного социального и психологического явления, результат взаимодействия культур народов Средиземноморья.

Еще один видный историк 20–30-х годов выступал с идейных позиций буржуазного либерализма – Мухаммед Инан (род. 1896). Он требовал улучшения исторического образования, увеличения учебного времени на преподавание отечественной истории. С огорчением он говорил в 1929 г. по поводу недостатков в этой области: «Наше египетское студенчество больше знает про Шекспира, Мильтона, Гольдсмита, Макоеля, Мольера, Вольтера, Виктора Гюго, чем про своих арабских гениев Мутабби, Абу-ль-Ала аль-Маари, Ибн Хальдуна».

Инан, в отличие от многих своих современников, большой интерес проявлял к истории средневекового Египта. Его перу принадлежит монография «Мусульманский Египет» (1931). Спустя год он опубликовал книгу «Ибн Хальдун, его жизнь и деятельность», посвященную 600-летию со дня рождения великого арабского ученого. Эта работа написана на основе большого круга источников и до сих пор остается одной из лучших, несмотря на многочисленные новые публикации об Ибн Хальдуна. Она выдержала три издания на арабском языке и два на английском.

Наиболее авторитетными профессиональными историками 20–30-х годов, выступавшими с либерально-буржуазных идейных позиций, были Мухаммед Сабри и Шафик Горбаль. Их научные труды отличаются высоким академическим уровнем, широкой документальной базой и умеренно-националистической политической ориентацией. Печатались они за границей, на английском и французском языках, поэтому оставались мало известными широкой общественности. Книги и статьи Сайида, Амина, Хейкала и особенно Хусейна вызывали всеобщий интерес, бурные дискуссии, в то время как работы Сабри и Горбалья были знакомы лишь узкой прослойке интеллигенции. Тем не менее созревание научной египетской историографии связано прежде всего с их научной и педагогической деятельностью. Именно они подготовили второе поколение профессиональных историков: Горбаль – в университете, где он был профессором и деканом словесного факультета, а Сабри – в педагогическом институте Дар аль-Улюм.

Объединяют этих историков не только общие методологические позиции, но и тематика исследований. И Горбаль и Сабри изучали главным образом проблемы внешней политики Египта и международные отношения в Восточном Средиземноморье в XIX в. Горбаль выпустил в 1928 г. в Лондоне солидную монографию о приходе к власти Мухаммеда Али и о его внешней политике. Спустя два года в Париже на эту же

тему вышла книга Сабри; правда, хронологические рамки его исследования шире, оно охватывает весь период правления Мухаммеда Али от 1811 до 1849 г. В предисловии к этой книге Сабри выражает свою поддержку концепции «фараонизма» в следующих словах: «Нильский народ — великий исторический народ. Его национальный тип, сформировавшийся в самые древние времена, прошел через столетия и участвовал во всех превращениях, не потеряв свои основные черты. Современный египтянин не является арабом, он лишь арабизирован... В сущности, он и сейчас все тот же человек, каким был много тысячелетий назад».

В 1933 г. Сабри издал в Париже книгу «Египетская империя в царствование Исмаила и англо-французское вторжение», которая, как и предыдущая, имеет подзаголовок «Дипломатическая история». Она начинается с бесспорного утверждения о том, что Египет благодаря своему географическому положению на перекрестке двух континентов и на стыке двух морей играл активную роль в международной политике XIX в. Автор поставил перед собой двойную задачу: изучить историю Египта как объекта колониальных воцелений Англии и Франции, с одной стороны, и позицию Египта как колониальной державы, стремившейся опередить Европу в разделе одряхлевшей Османской империи и в проникновении на Африканский континент, прежде всего в Судан, — с другой. Для раскрытия этих проблем, которые так отчетливо поставлены впервые, автор привлек солидную источниковую базу — дипломатические архивы Каира, Парижа, Лондона и Вены, личные собрания документов. Книги Сабри явились значительным вкладом в египетскую историческую науку и не утратили свою ценность до наших дней.

Национал-романтическое, реакционное течение в египетской общественной мысли представлено трудами Аббаса Махмуда аль-Аккада (1889—1964). Его мировоззрение сформировалось под влиянием немецкой идеалистической философии, а также теории «толпы и героя» английского историка XIX в. Карлейля. В его трудах реакционный романтизм, проявлявшийся в безудержной идеализации ранних периодов истории арабов, сочетался с культом героев Карлейля и идеями Ницше о сильной личности, творящей историю по своему произволу. Главные его научные работы «Гений Мухаммеда» (1940) и «Гений Абу-Бакра» (1944) написаны именно с этих идейных позиций; не чужда Аккаду и модная в западной философии истории концепция социального дарвинизма. Вместе с тем нельзя не отметить, что работы Аккада о Мухаммеде и его ближайших сподвижниках, как и книги его современников Таха Хусейна и Хейкала, были шагом вперед в изучении одного из главных сюжетов арабской историографии. Этим работам свойственны рационалистический подход к изучению движущих мотив исторических личностей, понимание их социальной обусловленности.

Видный египетский ученый Луис Авад справедливо отмечал: «Хейкал, Аккад и Таха Хусейн противостояли угрозе возрождения средневековой теократии и пытались, сознательно или бессознательно, переписать историю ислама на научной основе, придав ей современный характер,

акцентируя внимание на исторических и психологических моментах в противовес метафизическим». Именно критика метафизики и средневековой мистики является ценным ядром в творчестве Аккада.

Следует упомянуть о том, что некоторое время Аккад разделял идеи «фараонизма». В опубликованной в 1936 г. биографии видного политического деятеля Саада Заглула он отождествляет современных египтян с жителями Древнего Египта, арабов же объявляет иноземными пришельцами-поработителями.

Позже Аккад полностью перешел в консервативный лагерь, об этом свидетельствуют его антикоммунистические книги «Коммунизм и гуманизм», «Ни коммунизма, ни империализма». Коммунизм, считал аль-Аккад, является лжеучением, это порождение «материалистического» Запада; он является антиподом гуманизма. В конце жизни, не отказавшись от своих антикоммунистических предубеждений, Аккад стал проповедовать «исламский» социализм. Подлинный социализм, утверждал он в книге «Демократия в исламе» (1952), это тот, который заключен в Коране. Здесь же изложены принципы настоящей демократии, соответствующие истории и психологии мусульманских народов.

В 40-е годы по мере усиления социальных и политических антагонизмов, приведших в конечном счете к революции 1952 г. в Египте, часть представителей либеральной общественной мысли все более правела и в конечном счете перешла на консервативные позиции. Показательна в этом отношении идейная эволюция А.Амина. Вторую мировую войну он считал столкновением между христианскими народами, а посему радостным событием для мусульманского мира, так как потеряют и победители и побежденные. Он не скрывал своей ненависти к западной цивилизации и культуре, отказался от рационализма, стал безудержно идеализировать ислам. В последнем томе энциклопедической работы по истории ислама, вышедшем в 1952 г. под названием «Полдень ислама», начата яростная атака на христианские народы Запада, как выражался автор, «всех видов, времен и мест». Такое противопоставление народов по религиозному признаку было в духе самых отсталых мракобесов.

Разночинско-демократическое течение социалистической ориентации в египетской историографии 20–30-х годов представлено трудами Салама Мусы (1887–1958). Человек больших и разносторонних способностей, Салама Муса проявил себя как талантливый историк, философ, публицист, авторитетный общественный деятель. Он поставил задачу просвещения народа в качестве главной цели своей жизни. Уже в первой своей книге «Супермен» (1909) молодой автор заявил открыто о своей приверженности социализму. Позже свои философские воззрения он охарактеризовал как синтез марксизма с дарвиновской теорией эволюции. Накануне первой мировой войны Салама Муса основал газету «Аль-Мустанбаль» («Будущее»), которая вела антиколониальную пропаганду и вскоре была закрыта английскими властями. В 1921 г. он был среди основателей Социалистической партии Египта (из нее позже выделилась коммунистическая организация). Салама Муса неоднократно признавал

первостепенную важность марксизма как орудия научного познания действительности. Однако считать его подлинным марксистом нет оснований. Его социализм был эклектикой из марксизма, фабианского социализма английских лейбористов, отчасти социального дарвинизма и гандизма. Но Салама Муса как истинный просветитель, демократ и патриот всю жизнь боролся за светлое будущее египетского народа.

В 1927 г. он напечатал книгу, посвященную истории освободительной борьбы в арабских странах и Европе. Через год в самом распространенном журнале «Аль-Хилляль» опубликовал статью «Три русских писателя: Достоевский, Толстой, Горький», в которой с большой симпатией писал о мировом значении русской литературы. К ней он питал давний интерес: еще в 1914 г. он перевел роман Достоевского «Преступление и наказание». Салама Муса до конца жизни горячо и сочувственно высказывался о Советском Союзе. В его «Автобиографии», опубликованной на английском языке в 1961 г., он пишет, что СССР проявил себя как настоящий друг арабов в дни суэцкого кризиса 1956 г.

В 1945–1946 гг. Салама Муса был близок к одной из действовавших в подполье коммунистических организаций и арестован королевской полицией. В том же 1946 г. опубликовал книгу «Свобода мысли в Египте» с требованием отмены закона о прессе, ограничившего свободу печати. Незадолго до кончины он написал книгу «Литература для народа» (1956), в которой отождествлял реализм в литературе с социализмом в политике.

Сочинения Саламы Мусы, как и некоторых других мыслителей либерального и демократического крыла, и сегодня вызывают ненависть реакционеров. Так, в 1976 г. в массовой брошюре египетского Центра исламских исследований Салама Муса и Таха Хусейн за пропаганду рационализма объявлены еретиками, книги их предлагается сжечь, а имена — предать забвению.

Видным историком демократического направления, деятельность которого началась в 30-е годы, был Абд ар-Рахман ар-Рафии (1889–1965). Его творчество, однако, широко развернулось уже после второй мировой войны, поэтому будет рассмотрено в следующей главе.

Историография стран Магриба. В арабских странах Магриба (Тунис, Алжир, Марокко), находившихся под французским колониальным игом, научная историография формируется в 20–30-е годы. Этот процесс был в общих чертах аналогичен египетскому. Выше упоминался ранний просветитель из Туниса Сулейман аль-Хараири, выступавший с тех же идейных позиций, что и египтянин Тахтави. Однако в силу большей социально-культурной отсталости, сильного колониального гнета (Алжир стал французской колонией еще в 1830 г.) формирование научной историографии в Магрибе шло медленнее, чем в Египте.

Учреждения исторического профиля в Алжире, Тунисе, Марокко, хотя и находились в руках колонизаторов или мусульманского духовенства, сыграли определенную роль в развитии исторических знаний. В колониальный период светских университетов в Тунисе и Марокко не было —

здесь действовали лишь известные богословские университеты Аз-Зейтуна и Карауин; современный университет действовал лишь в Алжире (реорганизован в 1909 г.), но его преподаватели и в подавляющем большинстве студенты были французами.

Только в 1933 г. в тунисском университете Аз-Зейтуна вместе с другими современными науками было введено преподавание гражданской истории. Прежде здесь преподавались лишь религиозные дисциплины, а также арабский язык и литература на весьма примитивном уровне. Неудивительно, что Аз-Зейтуна, как и Аль-Азхар в Египте и Карауин в Марокко, был оплотом мракобесия и отсталости. Так, в начале 30-х годов шейхи Аз-Зейтуны подвергли открытой травле прогрессивного публициста Тахара аль-Хаддада, выпустившего книгу «Наша женщина в шариате и обществе», в которой отстаивал идеи женского равноправия. Книга была публично сожжена, а ее автора лишили диплома о высшем образовании. В 1934 г. историк Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб опубликовал вызвавшую большой общественный интерес работу «Знаменитые женщины Туниса», где в форме исторических очерков даны биографии нескольких прославленных женщин. В предисловии сказано, что автор хотел пробудить в молодежи и особенно в женщинах чувство патриотизма, гордость за прошлое своей родины, стремление к самосовершенствованию. И эта книга также подверглась нападкам религиозных мракобесов.

Первым алжирским историком патриотического направления принято считать Мбарека Мили (1897—1945), бывшего в 20—30-е годы активным участником национально-освободительного движения. Он опубликовал историю Алжира с древнейших времен в 3 томах (1928—1938), которая позже неоднократно переиздавалась; несколько изданий выдержала и «Краткая история Туниса» упомянутого выше аль-Ваххаба. Особого внимания заслуживает деятельность Тевфика аль-Мадани (1899—1983), автора 22 книг, большинство из которых исторического содержания. Тунисец по происхождению, он уже в 16 лет был арестован за участие в антиколониальной демонстрации и четыре года провел в тюрьме. Выйдя на свободу он вновь включается в активную политическую деятельность. В 1925 г. он был выслан французскими властями в Алжир, где и нашел свою вторую родину. Здесь он продолжает борьбу против колониального угнетения и одновременно пишет ряд исторических работ. Среди них: «История Северной Африки до введения ислама» (1927), «Книга об Алжире: география, история и общество» (1931).

Знаменательно, что аль-Мадани прямо признает научно-исследовательскую работу такой же важной частью национально-освободительного движения, как и непосредственную политическую деятельность. В первые годы после достижения независимости Мадани исполняет обязанности министра временного правительства, посла в ряде государств. Занятия историей он, однако, не прекращает. Главное направление его исторических изысканий — история Магриба в годы турецкого владычества. Концепция, которую защищал Мадани, весьма спорная, поскольку в его трудах преуменьшается отрицательное воздействие османского

138

гнета. Тем не менее во всем творчестве историка заложен большой заряд освободительных патриотических чувств.

В Марокко плодотворно работал в области национальной истории Абу ар-Рахман Бен Зейдан, опубликовавший «Историю алауитских династий и города Мекнеса» в 3 томах. Он же начал в Рабате публикацию многотомного биографического словаря «Собрание корифеев», насыщенного ценным фактическим материалом. Зейдан всю жизнь собирал разнообразные свидетельства по истории родной страны и оставил после себя огромное собрание «Зейдания», которое насчитывает более 20 тыс. неопубликованных документов и материалов.

Другой марокканский историк этого периода Аббас Бен Брахим (1888—1959) получил традиционное мусульманское образование, затем был судьей и одновременно преподавал юриспруденцию. Будучи историком-любителем, он подготовил 11-томный историко-биографический словарь о знаменитых уроженцах города Марракеш, из которого опубликовано только 5 томов.

Основным центром изучения национального прошлого в Марокко, как и прежде, был исламский университет Карауин, поэтому выходявшие на арабском языке исторические книги были написаны с позиций неотрадиционализма и идеализации доколониальных порядков.

3. Идейная борьба в южноафриканской историографии (1918—1945 гг.)

После окончания первой мировой войны в социально-экономической, политической и культурной жизни народов Южной Африки произошли значительные изменения. Ускорило экономическое развитие ЮАС, где возникла мощная горнорудная промышленность, использовавшая коренное африканское население в качестве дешевой рабочей силы. Подобные же процессы происходили в Северной и Южной Родезии, находившихся в прямой колониальной зависимости от Англии. В ЮАС, который на правах доминиона имел значительную внутреннюю автономию, шла перегруппировка в лагере буржуазии: в 1914 г. потерпела поражение последняя попытка бурских националистов добиться самостоятельности. Отныне их главная задача состояла в том, чтобы, пользуясь своим численным превосходством над англоюжноафриканцами и сплоченностью, захватить политическую власть в государстве. С этой целью была основана тайная националистическая организация Брудербонд (1921). На выборах 1924 года к власти пришла африканерская националистическая партия, усилившая реакционный характер политического режима ЮАС. Правительство осуществляло программу усиления дискриминации небелого населения страны (африканцев, мулатов, индийцев). В 30-е годы в среде африканерского населения зарождаются профашистские настроения, в публицистику и политическое сознание проникают идеи германского фашизма.

Одновременно в политической жизни ЮАС усиливается противоположная тенденция сопротивления реакции и расизму. Нарастают силы протеста, в авангарде которых идет Коммунистическая партия Южной Африки (основана в 1921 г.). Ей удалось установить сотрудничество с главной политической организацией черного большинства — Африканским национальным конгрессом (АНК), основанным еще в 1912 г. Обе организации выступали за демократизацию политической системы, против расовой дискриминации, за равноправие всех граждан независимо от цвета кожи. Против реакционной политики националистов выступали, не всегда последовательно, также различные либеральные группы англожюжноафриканцев, местные лейбористы, представители небелых общин. Обострение идейно-политической борьбы в 1918—1945 гг. серьезно отразилось на развитии в стране исторической науки.

Следует учитывать и другие факторы: формирование инфраструктуры истории, достижения в области смежных наук — археологии и этнографии. В 1918 г. бурскими общественными деятелями консервативного направления основано Историческое общество имени Яна ван Рибека, которое издавало ежегодник по истории европейской, преимущественно голландской, колонизации Юга Африки. В 1922 г. в Йоханнесбурге был открыт Витватерсрандский университет, ставший вскоре крупнейшим центром изучения истории, археологии, этнографии, языкознания, оплотом либеральной общественной мысли. Спустя год при нем был создан Институт банту, в течение 30 лет руководимый крупнейшим лингвистом К.М. Доком (1893—1980). Институт стал издавать журнал «Банту стадиэ», в котором помещались статьи по языкам, фольклору, этнографии и истории коренного населения ЮАС.

В 20—30-е годы немало открытий в древнейшей истории человечества было сделано на Юге Африки. В 1921 г. в Северной Родезии (Замбия) в Брокен-Хилле были открыты остатки ископаемого древнего человека, получившего название «родезийский человек». Через три года профессор Витватерсрандского университета Раймонд Дарт на территории ЮАС открыл кости высшего человекообразного существа — австралопитека. В 1936—1938 гг. остатки австралопитека в другом районе ЮАС открыл профессор Витватерсрандского университета Роберт Брум (1866—1951), внесший большой вклад в археологию. Особое значение для истории заселения Южной Африки имели раскопки в 1932—1934 гг. профессора университета в Претории Лео Фуше на южном берегу Лимпопо (Трансвааль). Здесь был открыт комплекс археологических памятников Мапунгубве (результаты опубликованы в 1937 г.). Благодаря находкам было доказано, что племена банту населяли этот район на протяжении многих столетий: в XIV—XV вв. это были сототсвана, позже их сменили шона. Было опровергнуто утверждение бурских националистов, что они пришли в Трансвааль одновременно или даже раньше африканцев.

Значительное развитие получила этнографическая наука. С 1921 г. в университетах ЮАС введены курсы социальной антропологии (этно-

графии), в той или иной степени пропагандировавшие идеи выдающегося английского ученого Б.Малиновского. В 30-е годы в ЮАС была опубликована серия обстоятельных этнографических монографий о южных банту, бушменах и готтентотах. Профессор Кейптаунского университета Айзек Шапера выпустил книгу о тсвана, Хильда Купер — о свази, Моника Хантер (в замужестве Вильсон) — о пондо, Макс Глукман — о зулусах. Кроме того, Шапера опубликовал работу «Койсанские народы Южной Африки (бушмены и готтентоты)» (1930), которая явилась первой фундаментальной монографией о древнейших обитателях самой южной оконечности Африканского континента. Позже под его редакцией вышел сборник статей «Западная цивилизация и туземцы» (1934). В эти годы в Витватерсрандском университете известный либеральный ученый профессор Альфред Хёрнье подготовил группу этнографов, историков, социологов. Среди его учеников была и упомянутая выше Моника Хантер (Вильсон), выпустившая в 1936 г. книгу «Реакция на завоевание» о взаимоотношениях пондо с белыми. Хантер выросла среди местного населения и прекрасно знала обычаи, нравы, культуру и языки африканских народов. Главный вывод этой книги состоял в том, что процесс разложения традиционного общества необратим, а самые строгие меры разделения рас и этнических общностей обречены на провал. Впоследствии М.Вильсон станет ведущим ученым-историком либерального направления.

Научные изыскания в конце 30-х годов начинаются и в Северной Родезии. В 1937 г. в Лусаке стал функционировать Институт проблем человека в Центральной Африке имени Родса и Ливингстона (сокращенно Институт Родса—Ливингстона, ИРЛ). В первые годы его существования здесь работали такие видные ученые, как Годфри Вильсон, Макс Глукман, Десмонд Кларк. ИРЛ издал серию публикаций, причем автором первых шести выпусков был его директор Вильсон, который при содействии своей супруги Моника провел большие полевые исследования. Изучалась проблема разложения родоплеменных отношений под влиянием колониализма. Директор ИРЛ вскоре, однако, вступил в конфликт с владельцами горных компаний, препятствовавшими проведению исследований в поселках шахтеров. Вильсон в 1941 г. подал в отставку, а в 1944 г. умер. Пост директора занял уроженец ЮАС, крупнейший этнограф М.Глукман (1911—1975), который работал в Лусаке до 1947 г. Что же касается Кларка, то он провел в Южной Африке более 20 лет, став после окончания Кембриджского университета директором Музея Ливингстона в городе Ливингстон (Северная Родезия). Он работал здесь с 1938 по 1961 г. и провел многочисленные археологические раскопки, поставившие его в первый ряд мировой африканистики. Кларк является убежденным сторонником материалистического понимания истории.

Англоязычная либеральная историография. После первой мировой войны в развитии южноафриканской историографии наступил новый этап, который отличается прежде всего профессионализацией истори-

ческого познания. Связующим звеном между преднаучной и научной историографией стала деятельность последнего историка-любителя Джорджа Эдварда Кори (1862–1935). Хотя его основной труд публиковался в 20–30-е годы, на первый взгляд он ближе к предыдущей эпохе, где доминировал Тил, чем к своим современникам, получившим профессиональную подготовку и овладевшим секретами ремесла историка.

Дж.Э.Кори родился в Англии, после окончания Кембриджского университета в 1891 г. прибыл в Южную Африку. С 1904 г. до ухода на пенсию в 1925 г. преподавал химию в университете им. Родса в Грейамстауне. Его исторический труд в 6 томах назван «Возвышение Южной Африки» (1-й том вышел в 1921 г., 5-й в 1930, последний – после смерти автора). Книга носит подзаголовок «История начала южноафриканской колонизации и ее продвижения на восток с ранних времен до 1857 г.». В предисловии к первому тому Кори пишет, что работал над книгой в течение 17 лет и что она написана «в минуты досуга». Он говорит о своем увлечении историей, о том, как много беседовал со стариками-англичанами, которые были среди тех, кто высадился в Южной Африке еще в 1820 г. Но Кори использовал не только устные источники; он изучил также правительственные архивы, британские «синие книги».

В предисловии Кори откровенно признает, что цель его состоит в том, чтобы «просто и бесхитростно, без философских рассуждений рассказать о прошедших событиях». Тем не менее в книге довольно велик исследовательский элемент, встречаются критика и сопоставление источников, чего не было у Тила; довольно четко прослеживаются политические пристрастия автора. Считать труд Кори просто набором фактического материала нет поэтому никаких оснований. В целом его творчество ближе к новому, научному этапу историографии, чем к тому начальному периоду, типичным представителем которого был Тил. Вместе с тем, как справедливо заметил один из современных южноафриканских историков, Кори, хотя и занимался всю жизнь такой точной наукой, как химия, не смог применить строго научные методы к историческому познанию.

Главные идеи книги Кори просты: первая из них заключается в утверждении, что подлинная история Южной Африки начинается с появления на ее берегах европейцев, до этого здесь был сплошной мрак, дикость и невежество. Прошлое коренных жителей страны не представляет никакого интереса. Из этого тезиса вытекает другая идея, пронизывающая все шесть томов «Возвышения Южной Африки»: это негрофобия автора, т.е. ненависть к черному африканскому большинству населения страны, расистские предубеждения, стремление подчеркнуть недостатки народов банту, их отсталость, историческую пассивность, жестокость и т.п. Во введении к книге Кори утверждает: много написано о жестокости буров по отношению к туземцам, их угнетении, но очень мало – об агрессии местных племен против мирных бурских поселенцев, о нападениях на фермы, грабежах и т.д. В неустанной борьбе за сохранение своих

жилищ и собственности буры проявляли «спокойный героизм». И еще одно красноречивое утверждение автора: «...буры были пионерами-первопроходцами идеального типа». Наконец, одна характерная деталь — книга Кори иллюстрирована злобными карикатурами на негров. Так, одна из них изображает воина-зулуса; надпись под ней: «Замышляющий злодейство». Для Кори африканцы всегда «злодеи, дикари, грабители».

Отметим особенность идейной позиции Кори: хотя он уделяет основное внимание англичанам в Южной Африке (им посвящено пять из шести томов книги) и идеализирует британскую колониальную политику, по своим консервативным, расистским воззрениям он стоит ближе к африканерской, чем к англоюжноафриканской, историографии. Жесткое деление историков на буров-консерваторов и англоязычных либералов, в основе которого лежал этноязыковый критерий, заменяется другим типологическим разделителем — мировоззренческим.

С Кори в южноафриканской историографии начинается медленный процесс перегруппировки методологических течений, затянувшийся на многие десятилетия. Вместо обычного деления на англоязычное, бурское и африканское (банту) течения, определявшегося этнической принадлежностью историка и языком, на котором он писал, возникла новая расстановка методологических течений — консервативное, либеральное, леворадикальное, национально-демократическое, марксистское. Эта новая классификация, однако, станет вполне различимой лишь в 70-е годы. В 1918—1945 гг. по-прежнему преобладает деление по этническому принципу, хотя уже на примере Кори мы видим, как отдельные англоюжноафриканцы трактуют прошлое с консервативных позиций, близких к бурской историографии (их, правда, немного). Гораздо чаще буры по предложению писали свои труды на английском языке и становились представителями либерального течения. Примеры этому дали видные историки Альфред Хёрнле, Корнелиус де Кивит, Йоханес Марз, археолог Леон Фуше. Тем не менее ведущее положение в либеральной историографии, разумеется, занимали англоязычные ученые.

Ведущим ученым этого направления стал Эрик Уокер (1886—1976), получивший образование в Лондонском и Оксфордском университетах. С 1911 г. он — профессор истории в университете Южной Африки, расположенном тогда в Кейптауне. В 1936 г. Уокер принял приглашение Кембриджского университета и уехал в Англию, но по-прежнему занимался исключительно историей Южной Африки. Уокер — автор оставшейся лучшей на многие годы однотомной «Истории Южной Африки» (1928), переиздававшейся затем неоднократно. Кроме того, он опубликовал «Исторический атлас Южной Африки» (1922), обширную монографию о Великом треке (1934), биографии южноафриканских политических деятелей «Лорд де Вильерс» (1925) и «У.П. Шрейнер» (1937). Уокер был также редактором одного из томов «Кембриджской истории Британской империи» (1936), в котором излагалось прошлое всего региона Юга Африки.

Понять острейшие противоречия ЮАС, по мнению Уокера, невозможно без познания их глубоких исторических корней; «живое прошлое» опутывает своими нитями весь социальный и культурный организм страны. Он прямо пишет, что «все экономические и социальные проблемы, которые тревожат сегодня Южную Африку, начали приобретать свои контуры еще перед глазами ван Рибекса. И в Южной Африке нет ничего такого, о чем можно было бы сказать: «Глядите, это новое».

Уокер был первым из историков, кто обратил внимание на роль движущейся границы белых поселений в Южной Африке. На эту новую в южноафриканской исторической науке тему он прочитал в 1930 г. по приглашению Оксфордского университета лекцию «Пограничная традиция в Южной Африке». В ней Уокер утверждал, что расизм возник в особых условиях жизни бурских колонистов, когда неизбежной была экспансия на новые земли и в связи в этом постоянно раздвигались границы владений европейцев. Это приводило к частым военным столкновениям с местными племенами и как следствие — к возникновению расовых предрассудков, ставших частью национального сознания буров. Расизм затем из Капской провинции проник вместе с переселенцами во время Великого трека далеко на север, на новые земли Трансвааля и Оранжевого государства. Именно «традиция границы», как считал Уокер, оказавшаяся чрезвычайно живучей, стала главной причиной расовых антагонизмов в новом государстве после 1910 г. Она нашла проявление в жестокой дискриминации небелого населения при найме на работу, сегрегации в городах, сгоне африканцев с земли и др.

Концепция Уокера в те годы не произвела особого впечатления на историков; лишь спустя 40 лет вокруг нее развернулась бурная дискуссия либеральных ученых с левыми радикалами, о чем будет сказано в следующей главе.

Остановимся на трактовке Уокером двух существенных проблем истории Южной Африки — приоритета в освоении новых земель и переселения буров на северо-восток.

Уокер стал основателем мифа об одновременном приходе в южные районы Африканского континента европейцев и африканцев банту, идею которого он заимствовал у Тила. Вопрос о том, кто раньше пришел на эти земли, уже во времена Тила приобрел острую политическую окраску и постепенно превратился в другой вопрос: «Кому принадлежит земля Южной Африки?» Уокер отвечает на него уклончиво, хотя у него встречаются выражения, что пришельцами являются племена банту, мигрировавшие на юг континента с севера. Однако более важным является его вывод о том, что хозяйственная основа и банту и буров была однотипной. Скотоводство как для одних, так и для других требовало обширных пастбищ и источников воды; именно за обладание этими ценностями шла непрекращающаяся вековая борьба между соперниками. Уокер, таким образом, довольно объективно объясняет материальные причины столкновений белых поселенцев с коренными жителями, а не сваливает всю вину на последних, как делали другие историки. Показательным

является и мнение Уокера о том, что в условиях неустановившейся границы и постоянной враждебности «никто не может сказать точно, кто сделал первый выстрел и с чего собственно все началось». В этом мнении прослеживается одно из положений либеральной историографии — не идеализировать буров, более или менее правдиво показывать их отношения к местному коренному населению.

Но в объяснении причин, последствий и значения Великого трека Уокер недалеко ушел от догм бурской историографии. Ему принадлежит ставшее классическим в буржуазной историографии определение Великого трека как «центрального события в истории европейцев в Южной Африке». Трек, т.е. переселение буров, начался еще в XVIII в., но шел он спонтанно, во-первых, и в пределах лишь Капской колонии, во-вторых. Главной причиной этой территориальной экспансии был недостаток земли, считает Уокер. Но Великий трек 30-х годов XIX в. существенно отличался от прежнего своим масштабом, организованностью, духом сопротивления английским колониальным властям. Именно последнее, а не «нужды живота», Уокер считает самым главным. Покидая пределы Капской колонии, трекеры были полны решимости сбросить со своих плеч бремя английского ига, обрести на далеких восточных (вначале) и северных равнинах свободу и независимость. Освоение новых территорий далось бурам дорогой ценой; Уокер не скрывает, что по пути они «теряли многое от европейской цивилизации и удалялись от организованного государства». Отсюда и негативные черты бурского национального характера, который Уокер не идеализирует, как это делал до него Кори.

Однако в отношении к местному населению Уокер не избежал определенных расистских предрассудков. Если по отношению к бантуязычным народам зулу, коса, сото, составлявшим в годы его жизни в ЮАС большинство населения, в среде которого нарастало национально-освободительное движение, Уокер не высказывал грубых оскорблений, то бушменам и готтентотам от него достались многие презрительные эпитеты. Их невозможно здесь повторить, настолько они унижительны, и не столько для этих народов, сколько для самого историка. В этом вопросе Уокер, увы, не соответствовал своему положению либерально мыслящего, объективного ученого.

Резко отличается от него видный историк либерального направления, посвятивший свои труды изучению истории коренных народов и племен Юга Африки, Уильям Макмиллан (1885—1974). Он, как и Уокер, также родился в Англии, но с детства проживал в Южной Африке, а учиться вернулся в Оксфорд. С 1910 г. преподавал историю в университете им. Родса в Грейамстауне, позже стал профессором Витватерсрандского университета. Обладая гражданским мужеством, Макмиллан в начале 30-х годов выступил с резкой критикой расовой политики реакционных властей ЮАС и ушел в знак протеста в отставку.

Макмиллан является пионером в изучении социально-экономической истории, которую трактовал под определенным влиянием английского

фабианского социализма. Свою научную деятельность он начал с изучения белых бедняков; его первая публикация — брошюра о социальных условиях жизни и труда населения Грейамстауна. Это, в сущности, первая в условиях ЮАС историко-социологическая работа, обнажившая социальные антагонизмы в самом белом обществе, которое буржуазная пропаганда пыталась изобразить бесконфликтным. В 1919 г. Макмиллан опубликовал курс лекций под названием «Южноафриканская аграрная проблема и ее историческое развитие». И эта работа была одной из первых, трактующих исключительно сложную проблему, поскольку земельный вопрос затрагивал интересы всех этнических групп ЮАС.

Славу Макмиллану эти публикации, однако, не принесли; он занял ведущие позиции в либеральном лагере ученых-обществоведов после издания двух других книг: «Проблема цветного населения в Капской колонии» (1927) и «Банту, бур и британец» (1929). Обе работы рассматривают, в сущности, одну тему — роль и место небелых жителей (банту и мулатов) в южноафриканском обществе, прослеживая этапы нарастания в ЮАС острейших расово-этнических конфликтов.

Макмиллан впервые ввел в научный оборот обширные документы, собранные английским миссионером Джоном Филипом в 20-х годах XIX в., и показал его деятельность по предоставлению политических прав готтентотам в Капской провинции (1828), а также изменения в политике английских властей по отношению к территориальным захватам бурами земель коренного населения. Историк всячески восхваляет установленный англичанами «капский принцип» обращения с коренным населением, предусматривавший предоставление ему юридического равенства. Однако он не скрывает, что без определенных экономических возможностей небелое население по-прежнему обречено влачить жалкое существование. Взгляды Макмиллана, отстаивавшего права африканцев, были смелыми для своего времени и отличались значительно от негрофобских утверждений его современников, в частности Кори и Уокера.

Название книги Макмиллана «Банту, бур и британец» весьма красноречиво — следует обратить внимание на последовательность расположения трех главных этнических общностей Южной Африки. Африканцы-банту поставлены в заглавии на первое место не случайно: автор, во-первых, подчеркивает, что первыми на эти земли пришли племена банту, именно они подлинны хозяева земли; во-вторых, такое расположение имеет более глубокий смысл. Автор как бы намекает, что в многорасовом, многоэтническом государстве, каким является ЮАС, первое место и главная роль должны по историческому праву принадлежать африканцам.

В книге «Банту, бур и британец» Макмиллан ищет ответ на вопрос, почему английской колониальной администрации не удалось отстоять «капский принцип» равноправия черных и белых граждан при подготовке конституционного Акта 1909 г., ставшего основным законом ЮАС. Главную причину этого он видит в яростном сопротивлении буров, но очень мало пишет о двуличии и лицемерии английских либералов, в это-

истических интересах отказавшихся от защиты прав африканцев. Это предательство привело в конечном итоге к глубокому расколу южноафриканского общества, угрожающему самому существованию государства. Выход из кризиса Макмиллан, в соответствии с его либеральным мировоззрением, видит в возврате к «капскому принципу», который должен лечь в основу решения расового конфликта в ЮАС.

Концепция Макмиллана в 20–30-е годы стала господствующей среди южноафриканских либеральных ученых и публицистов. В историческом плане ее поддержали и углубили историки Й.Марэ и А.Хёрнле, оба африканеры по происхождению.

Йоханнес Марэ (1898–1969) преподавал историю в университете Претории, к концу жизни перешел в Витватерсрандский университет. Его главный труд «Цветное население Капской провинции» (1937) посвящен происхождению той смешанной в расовом отношении группы населения, которая в Южной Африке традиционно называется «цветные». Она появилась, как показал Марэ, в результате браков между женщинами из местного населения, главным образом готтентотов и бушменами, и европейскими матросами, солдатами, городскими и сельскими жителями. Марэ сочувственно изображает жизнь цветных, показывает их значительный вклад в развитие хозяйства на ранних этапах истории Капской колонии. В своих выводах и общих положениях Марэ не оригинален, поскольку в основных чертах повторяет либеральную концепцию Макмиллана. Вместе с тем Марэ является первым бурским историком, полностью отбросившим расовые и националистические стереотипы своей этнической общины.

Идеями либерализма проникнуто научное творчество историка и социолога А.Хёрнле, бывшего одним из основателей Южно-Африканского института расовых отношений (1929), деятельность которого, как сказано в его уставе, направлена на «разработку программ мира, доброй воли, практического сотрудничества между различными расовыми группами». Ему принадлежит книга «Южноафриканская политика по отношению к туземцам и либеральный дух» (1939). По заглавию нелегко понять основную идею книги; даже углубившись в текст, читатель вынужден с трудом продираться сквозь словесные завалы. Однако не тяжелый стиль характеризует книгу Хёрнле, а ограниченность и непоследовательность либерального подхода к решению расовой проблемы в ЮАС. В этом отношении авторская позиция во многом означала шаг назад по сравнению с Макмилланом и Марэ. «Либеральный дух», о котором многословно рассуждал Хёрнле, при близком знакомстве улетучивается; остаются некоторые тезисы, под которыми могли подписаться и консерваторы. Автор, например, постоянно подчеркивает культурное превосходство белых. Что же касается конкретных предложений по установлению «расового мира», то они ограничены, половинчаты, а «капский принцип» юридического равенства отвергается. Хёрнле поддерживает идею раздельного развития расово-этнических общностей, ибо «культурная ассимиляция и всеобщее избирательное право приведут к

замене высшей культуры более примитивной». В другом месте он пишет: «В Южной Африке не может быть прогресса без согласия господствующей белой группы». В своей работе «Раса и разум» (1945) Хёрнле пытается применить психоанализ к изучению острейших проблем современности. Он утверждает, что расизм — это групповой невроз, это нечто стихийное, неподвластное разуму. Стремясь доказать, что расизм лишен глубоких социально-экономических основ, автор снимает с правящей верхушки ЮАС вину за его отвратительные проявления.

Исторические корни расового конфликта на Юге Африки в 20–30-е годы остаются излюбленной темой научных изысканий либеральных южноафриканских историков. Кроме рассмотренных выше трудов Макмиллана, Марэ и Хёрнле, заслуживает упоминания книга И.Д. Маккроуна «Расовые взгляды в Южной Африке. Исторические, экспериментальные и психологические исследования» (1937). Она считается в буржуазной обществоведческой науке образцовым трудом.

Маккроун изучает становление общественного сознания буров на протяжении длительного исторического периода. Видимо, под влиянием высказанной впервые Уокером идеи о «движущейся границе» Маккроун уделяет большое внимание пограничным столкновениям буров с африканцами. Он считает, что именно «граница», понимаемая как социальное и психологическое явление, оказала решающее воздействие на возникновение у буров чувства расовой ненависти к туземцам-африканцам. У них выработался стойкий психологический стереотип «черный — всегда враг», который постепенно стал центральным ядром бурского взгляда на небелое население Юга Африки.

Новое тематическое направление в либеральной южноафриканской историографии открыл Корнелиус де Кивит (род. 1903). Он не пошел по стопам своего учителя Макмиллана, не стал изучать ни социально-экономическую историю, ни расовые отношения. Его основные работы посвящены английской колониальной политике на Юге Африки: «Британская колониальная политика и южноафриканские республики» (1929), «Имперский фактор в Южной Африке» (1937). Обе они основаны на широкой документальной базе неопубликованных материалов из архива английского колониального ведомства, местных южноафриканских архивохранилищ.

В первой книге де Кивит показывает довольно объективно, как правительство Лондона замышляло и осуществляло расширение британских колониальных владений в южной части Африканского континента, играя на противоречиях между бурами и народами банту. Не идеализируя буров, автор раскрывает главную цель английских колонизаторов — окружение и медленное удушение самостоятельных бурских государств Трансвааля и Оранжевой республики в 1848–1872 гг. Вторая книга анализирует, в сущности, ту же тему, лишь на более позднем историческом материале 80-х годов, когда планы британской имперской политики состояли в создании сплошной полосы английских владений от Кейптауна до Каира. Автор показывает не только военно-стратегические цели

этих замыслов, но и сугубо материальные интересы британских империалистов: захват природных богатств, плодородных земель, выращивание на них тропических культур, необходимых английской торговле.

Только в 1941 г. де Кивит перешел от изучения «имперского фактора» к проблематике своего учителя Макмиллана — он опубликовал работу под заглавием «Социально-экономическая история Южной Африки», которая по общему мнению является «лучшей книгой по истории для начинающего читателя». Ее достоинства в немалой степени объясняются доступной формой изложения и литературным языком; де Кивит лучший стилист, чем его учитель. Эта книга является необходимым дополнением к истории Южной Африки Уокера, в которой трактуются преимущественно политические вопросы.

Краеугольным тезисом книги де Кивита является утверждение о решающем значении природно-географического фактора в истории Южной Африки. Особенности экологии обусловили своеобразие истории всех народов, проживающих в южной части Африканского континента, но особенно много внимания в этом отношении автор уделяет бурам. Малоплодородные земли, засушливый климат, по мысли де Кивита, заставили буров стремиться к постоянному расширению занимаемой территории, вступая в конфликт с местным африканским населением. Столкновения в пограничной зоне между переселенцами-треккерами и автохтонами составляют, как считает историк, специфическую часть южноафриканской истории. И борьба шла не на расовой почве, как утверждали консервативные историки, а за обладание землей, пастбищами, источниками воды. По мере продвижения буров в глубь новых территорий африканцы вытесняются в полупустынные степи и вынуждены силой обстоятельств превращаться в дешевую рабочую силу на предприятиях и фермах белых. Контроль над рабочими руками африканцев, утверждал де Кивит, имел более важные социально-экономические последствия, чем обладание огромными пространствами плодородных земель.

Важным фактором исторического развития Южной Африки, считает де Кивит, было то, что европейское население (буры и англичане) находилось в окружении небелого большинства (бушмены, готтентоты, народы банту, позднее — выходцы из Индии), которое не могло быть сметено с исторического пути, как это сделали с коренным населением Америки и Австралии после их колонизации. Сосуществование и совместное развитие черных, белых и цветных — объективная неизбежность Южной Африки, как бы злобно ни выступали против этого националисты и расисты. Де Кивит прямо пишет, что «ведущая тема южноафриканской истории — это рост нового общества, в котором белые и черные тесно взаимосвязаны». Причем угнетение африканцев, их дискриминация и оскорбления самым пагубным образом отражаются на общественном сознании и морали белых. Обратное воздействие расизма де Кивит убедительно доказывает на примере Великого трека. Он не привел к созданию нового общества на новых землях, как об этом твердит бурская

историография, а лишь консервировал старые общественные отношения, низкий уровень культуры, увековечил националистические и религиозные предрассудки. Это было, как удачно выразился де Кивит, «бегство XVIII века от нового, XIX века». В целом историческая концепция К. де Кивита была наиболее полным отражением либерального взгляда на южноафриканскую историю, и она впоследствии развивалась и дополнялась другими учеными этого течения.

К. де Кивит является одним из авторов коллективного труда, который подводит итоги изучению стран Юга Африки (ЮАС, Бечуаналенд, обе Родезии и др.) в либеральной историографии. Вместе с ним в подготовке 8-го тома «Кембриджской истории Британской империи» (1936) участвовали Уокер, Кори, Макмиллан. Принципиальных нововведений в трактовке основных исторических событий и явлений эта работа не несет. Привлекает внимание лишь тот факт, что периоду голландского господства в Капской колонии уделено мало места по той причине, что «буры были бедным народом, ведущим примитивное производство ради собственного потребления», или, другими словами, натуральное хозяйство. Зато первая английская краткая оккупация в 1795 г. оценивается как «новая эра» в истории Южной Африки. Неприкрытый англоцентризм работы объясняется, очевидно, тем, что это лишь небольшая часть многотомной истории огромной Британской империи. В целом же авторы с небольшими нюансами повторяют рассмотренную выше концептуальную схему исторического развития Южной Африки.

Африканерская консервативная историография. На ее формирование непосредственное воздействие оказало, кроме указанных уже общих социальных и политических факторов, усиление в 20-е годы реакционных тенденций в общественном сознании африканеров. Рассадником идей крайнего национализма и расизма в эти годы стали университеты с преподаванием на языке африкаанс, главным образом Стелленбосский (возле Кейптауна). Здесь получили образование ведущие руководители правящей партии, которая стояла во главе страны в 30–60-е годы: Малан, Стрейдом, Фервурд, Форстер. Хендрик Фервурд, например, после окончания Стелленбосского университета продолжил образование в Германии, а затем преподавал в этом же вузе. Вместе со своим ближайшим соратником В.Эйзеленом на материалах этнографии и истории он разрабатывал научное обоснование сегрегации рас и этнических групп, готовя тем самым аргументы для политики националистов. Будучи одним из самых последовательных сторонников апартеида (кстати, это требование появилось впервые в 1943 г.), этот лжеученый в 1950 г. стал министром по делам туземцев и практически осуществлял расистские законы, принятые пришедшими к власти после войны ультраконсерваторами.

Другой характерной чертой африканерской историографии была ее профессионализация; из историков-любителей, представителей прежней эпохи, активно публикуется лишь Г.Преллер, остальные же ученые 20–30-х годов – это профессиональные историки, которые после окончания университетов в Стелленбосе, Почефструме, Блумфонтейне или Прето-

рии продолжили свое образование и защитили докторские диссертации преимущественно в Голландии, а также в Германии и Франции.

В период между двумя мировыми войнами историография на языке африкаанс, консервативная по своим идейно-политическим установкам, выдвинула в качестве центрального события бурской истории Великий трек. Этому событию посвятил три книги ведущий ученый-африканер, профессор Стелленбосского университета Петрус ван дер Мерве (1912–1979). Первая часть его трилогии вышла в 1937 г. под названием «Продвижение буров на север до Великого трека». Затем последовала книга по историографии переселения буров за пределы Капской колонии (1938) и, наконец, обобщающий труд о причинах, этапах и последствиях исхода буров на новые земли (1945). В его трилогии мы находим подробный рассказ об аграрных отношениях на крайнем юге континента, какими они сложились к началу XIX в. Много интересного, почерпнутого в архивах, материала автор приводит о социально-экономических, психологических и военных сторонах жизни буров; главное же внимание уделено описанию фермерской системы обработки земли — экстенсивному методу землепользования, широкому применению рабского труда. И когда рабство в Капской колонии было англичанами отменено, ее экономика потерпела крах. Ван дер Мерве тем не менее считает, что трекеры состояли в основном из избыточного населения, которое на старом месте не могло найти свободной земли, хотя и не снимает вины с англичан. К ним, как это стало характерным для африканеров, автор относится с неприкрытой враждебностью. Но с еще большей ненавистью он изображает коренное африканское население; о взаимоотношениях буров и банту он написал отдельную книгу (1940), которая как бы раздвигает географические границы предыдущей тематики.

Кроме работ П. ван дер Мерве в 20–30-е годы в ЮАС было опубликовано множество монографий и статей о причинах переселения буров за 2 тыс. км на север и о препятствиях, которые им пришлось преодолеть, о создании на новых землях двух независимых республик. Это прежде всего книги Густава Герденера (1925), Яна Малана (1929), Эрнеста Янсена (1939), А.Й. дю Плесси (1945). Г. Преллер, старейшина африканерской историографии, издал биографии руководителей переселения Ретифа (1920) и Преториуса (1937), а также шеститомный сборник документов (1918–1936). К этим работам примыкают книги К.Г. Боты по ранней истории: «Французские эмигранты в Капской колонии» (1919) и «Общественная жизнь в Капской колонии в XVIII в.» (1927).

Все названные исторические труды объединяет апологетическое отношение к прошлому буров, идеализация их общественных институтов и обычаев, героизация их политических руководителей. Вместе с тем заметна и новая тенденция — антианглийские выпады происходят реже, зато африканцы-банту изображаются в самом неприглядном виде. Негрофобия постепенно становится эмоциональным стержнем консервативной южноафриканской исторической литературы. Повторяются и прежние религиозно-националистические штампы.

В этом отношении типичной является докторская диссертация Альберта Кутце «Политические группировки при возникновении африканерской нации», защищенная в Почефструмском университете и опубликованная в 1941 г. В ней собраны все идейные стереотипы, выработанные в консервативной историографии со времен ее возникновения. Автор пытается доказать, что уже к концу XVIII в. возникла особая африканерская нация, имевшая предназначение свыше подчинить себе всю Южную Африку, привести коренные народы к христианской цивилизации и осуществить «отеческое попечение» о них. Но африканеры, продолжает далее автор, были постоянно теснимы английскими колонизаторами, которым нередко помогали местные племена. Пришлось поэтому вести жестокую борьбу за выживание; она укрепила единство африканерского народа, и в конечном итоге он победил своих врагов. Идеализируя «отцов-основателей» бурских республик, Кутце вместе с тем подвергает резкой критике тех политических деятелей буров, которые пошли на компромисс с англичанами, в результате чего возникло объединенное государство ЮАС. Автор без стеснения называет Боту и Смэтса предателями, которые якобы продались англичанам. Надо иметь в виду, что атака на последнего не была случайной. Как раз Смэтс был премьер-министром в годы написания книги и настоял на вступлении ЮАС в войну против гитлеровской Германии, что вызвало ненависть крайних националистов, сочувствовавших фашистам.

Идеи Кутце разделяли консервативные историки Герт Шольц, который в книге «Восстание 1914—1915 гг.» (1942) с сочувствием описывает попытку бурских экстремистов во главе с Деветом с помощью немцев добиться независимости в годы первой мировой войны, и Эдуард Пинар в книге «Триумф языка африкаанс» (2-е изд. 1946).

В годы второй мировой войны в консервативной историографии усиливается интерес к тем бурским деятелям, которые в годы «второй освободительной войны», как принято называть войну 1899—1902 гг., выступали с непримиримых антианглийских позиций. Типичны в этом отношении биографии генерала Герцога, которую написал К. ван дер Хивер (1943), и генерала Бейерса, принадлежащая перу Шольца (1941).

В 20—30-е годы враждебное отношение к черным гражданам ЮАС усиливается в связи с ростом национально-патриотического движения коренных народов. С позиций негрофобии написана названная раньше книга Преллера о Преториусе. Но особенно отчетливо расизм проявился в докторской диссертации «Пограничные столбы между белыми и черными», которую Питер ван Бильон в 1937 г. защитил в Стелленбосском университете (опубликована спустя десять лет). Эту работу точнее можно назвать «Колочая проволока между белыми и черными», ибо именно к этому сводится главный тезис автора. На предвзятом историческом материале автор пытается доказать, что белые поселенцы Южной Африки всегда стремились реализовать принцип отделения своих земель от территорий, населенных племенами банту (что никак не соответствует исторической правде). И что этому постоянно мешал бри-

танский империализм в союзе с миссионерами. Теперь, заканчивает автор, настало время осуществить вековечное требование буров — изгнать всех африканцев в резервации.

Подобные же расистские требования высказывают в своих исторических трудах Джеффри Кронье (1945) и Якоб дю Тойт (1944); последний ссылается на библейские рассказы о разделении первобытных народов и обособленном их проживании на очерченной самим богом территории. Подобные взгляды и требования не случайно появляются и пропагандируются историками-африканерами. В середине 40-х годов реакционная Националистическая партия бешено рвется к власти под лозунгами апартеида, и разделяющие ее консервативно-реакционные положения ученые в наукообразной форме обосновывают историческую преемственность идеологии расизма.

Не все историки-африканеры, разумеется, стояли на таких позициях. В консервативной историографии имелось и более умеренное крыло, не разделявшее экстремистских идей вышеназванных ученых. Об этом свидетельствует двухтомная «История Южной Африки» (1924, 1927) профессора Стелленбосского университета С. Ги. Во введении автор следующим образом определяет свое понимание южноафриканской истории: «Под историей Южной Африки следует понимать историю европейской цивилизации в Южной Африке». В этом утверждении нет ничего нового, этот тезис разделяется как историками-консерваторами, так и либералами. Однако Ги под словами «европейская цивилизация» понимает главным образом экспансию буров на земли коренного африканского населения. Об этом свидетельствуют следующие слова: «Великое историческое призвание наших африканерских предков состояло в том, чтобы с ружьем в одной руке и с Библией в другой продвигать свои границы все дальше и дальше». Первый период истории, когда в расширении бурской территории противостояли лишь «свирепые дети природы», как Ги именует африканцев, заканчивается в 70-е годы XIX в. Затем начинается многолетняя борьба против англичан, английских империалистов, желавших покорить бурские республики, где были открыты богатейшие месторождения алмазов и золота.

С. Ги правильно определяет основные стратегические и экономические цели британского империализма в Южной Африке, но он приходит к парадоксальному выводу о том, что в конечном итоге победили обе враждующие стороны: война 1899–1902 гг. привела к установлению английского господства над всей территорией Юга Африки, в конечном счете побежденные буры заняли господствующее положение в объединенном государстве, получившем в 1910 г. название Южно-Африканский Союз. Национальный дух африканерства, утверждает историк, не был сломлен, он вышел из сурового испытания окрепшим и помолодевшим. Нельзя не признать, что в этих словах есть определенная доля истины. В остальном же книга С. Ги, несмотря на богатый фактический материал, не содержит особой концептуальной новизны; она вполне вписывается в умеренно-консервативную трактовку южноафриканской истории,

характерную для большинства африканерских историков 20–30-х годов нашего века.

Историография коренного населения ЮАС. В 20–30-е годы продолжается сбор и публикация устных исторических традиций, которые, однако, постепенно теряют свою оригинальность и аутентичность под воздействием исторической литературы и школьного исторического образования. Лучшей публикацией исторических традиций нгунязычных народов (зулу и коса) является книга А.Брайанта «Старые времена в Зулуленде и Натале, содержащая раннюю политическую историю восточных кланов нгуни» (1929), материал для которой собирался еще с конца прошлого века. Это обширная (более 700 страниц) история вождей и военачальников, их походов и завоеваний, ценная прежде всего как богатый свод фактического материала.

Из работ африканцев следует назвать книгу «Юго-восточные банту» (1930) Джона Гендерсона Сога, который на основе не критического изложения местных племенных сказаний рассказывает историю народа коса. Виктор Пото Ндамасе в том же духе излагает историю пондо (1926). О современных проблемах африканцев ряд историко-публицистических трудов опубликовал Дэвидсон Джабаву.

Большое значение для развития историографии коренных народов Южной Африки имели публикации исторических биографий выдающихся деятелей африканцев – Чаки, Дингаана и др. Родоначальник литературы народа сото Томас Мофоло (1877–1948) опубликовал исторический роман «Чака» (1925), который по праву считается одним из крупнейших произведений прозы на африканских языках. Роман написан на основе народной исторической традиции, и в то же время в нем чувствуется влияние буржуазной историографии, христианской миссионерской идеологии. Видный писатель Роберт Зломо на зулусском языке издал исторические биографии Дингаана (1935), Чаки (1929) и Мпанде (1938).

Нельзя не назвать и трудов первого марксиста из коренного населения ЮАС, зулуса Альберта Нзулы (1905–1934). Ему принадлежит несколько статей о революционной борьбе африканского пролетариата, опубликованных в международном журнале «Нигро уоркер». Вместе с советскими африканистами он выпустил в Москве, где тогда находился, книгу «Принудительный труд и профдвижение в негритянской Африке» (1933), которая является первой в прогрессивной историографии специальной работой о начальном этапе пролетарского движения в Тропической и Южной Африке.

Итоги развития историописания африканских народов в 20–40-е годы, как видно из приведенных выше примеров, весьма скромны. Крупных научных произведений не было создано; историей или исторической беллетристикой, как и прежде, занимаются журналисты, учителя, писатели и другие любители, а не профессиональные историки. Таких попросту еще нет. Причины такого положения ясны: это тяжелое экономическое и социальное положение коренных жителей ЮАС, низкий уровень грамотности, жестокая расовая дискриминация. Есть еще одна

причина, на которую не всегда обращают внимание. В условиях активизации национально-освободительной борьбы, подъема рабочего и крестьянского движения общественная мысль африканцев была занята главным образом насущными проблемами сегодняшнего дня. Поэтому для занятий далеким прошлым не было ни времени, ни возможностей.

4. Истоки и идеи национальной историографии в странах Тропической Африки

«Пробуждение Африки», наступившее в результате Великой Октябрьской социалистической революции и нового этапа национально-освободительного движения, оказало большое воздействие на формирование общественной мысли в странах Тропической Африки. Начинается проникновение и распространение коммунистических идей, что в не малой степени связано с деятельностью в 20–30-х годах африканской прогрессивной эмиграции в странах-метрополиях, прежде всего во Франции и Англии. Среди первых африканских марксистов своей активной политической и пропагандистской деятельностью выделялись Ламин Сенгор и Жан Ралаймунгу, оба участники первой мировой войны. Уроженец Сенегала Л.Сенгор (1889–1927) вел революционную работу во Франции среди многочисленных эмигрантов из колоний, публиковал в прогрессивных газетах статьи по жгучим вопросам современной истории Африки. В его брошюре «Поруганная страна» (1927), по выражению автора предисловия французского коммуниста П.Вайяна-Кутюрье, дана «вся история колониализма». Ж.Ралаймунгу (1884–1943) после завершения первой мировой войны издавал в Париже антиколониальную газету, затем в 1923 г. вернулся на Мадагаскар, где пропагандировал марксистско-ленинские идеи, смело боролся против колониального угнетения. К этим именам первых пропагандистов социалистических идей следует добавить еще два – дагомейца Луи Унканрэн и уроженца Сьерра-Леоне Теофилуса Уоллес-Джонсона. Л.Унканрэн (1886–1964) был в 1918 г. мобилизован во французскую армию и несколько лет служил во Франции. В полицейских донесениях его называли «апологетом русских большевиков, превозносящим социальную революцию...». Вернувшись на родину, Унканрэн включился в революционную борьбу. Накануне дня 1 мая 1921 г. он выпустил листовку «Что такое Советы», в которой рассказывалось об Октябрьской революции в России и строительстве социализма в этой стране. Заканчивалась она призывом: «Народ! Возьми судьбу в свои руки... Да здравствуют Советы!» В соседних с Дагомеей английских колониях – Нигерии, Сьерра-Леоне, на Золотом Берегу развернул революционную антиимпериалистическую работу Т.Уоллес-Джонсон (1895–1965), один из первых в Африке пропагандистов идей социализма.

В эмиграции провели молодые годы и более умеренные африканские общественные деятели 30–40-х годов – Джома Кениата, Леопольд

Седар Сенгор, Ннамди Азикиве. Будучи высокообразованными людьми, они написали ряд научно-публицистических трудов, которые способствовали зарождению африканской историографии.

Д.Кениата (1891–1978) с 1929 г. проживал в различных европейских странах, некоторое время учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в 1934–1946 гг. жил в Лондоне, где посещал семинар по социальной антропологии Б.Малиновского. В 1938 г. Кениата опубликовал книгу историко-этнографического характера «Лицом к горе Кения. Племенная жизнь кикую», в которой нашли отражение идеи диффузионизма. Нигериец Н.Азикиве (род. 1904) получил образование в США, вернувшись на родину, принял активное участие в антиколониальной борьбе. Он был одним из первых африканских буржуазных деятелей, потребовавших предоставления независимости своей родине. Азикиве — автор нескольких публикаций, из которых наиболее содержательной является книга «Возрождающаяся Африка» (1937), написанная под определенным влиянием идей прогрессивного негритянского деятеля США У.Дюбуа.

Но наиболее сильное и продолжительное воздействие на общественную и научную мысль Африки оказала концепция негритюда, созданная при активном участии Л.С. Сенгора (род. 1906). Она возникла в Париже в среде эмигрантов, чернокожих студентов из Африки и французских колоний Вест-Индии, в начале 30-х годов. Само слово «негритюд» в переводе с французского означает «негритянство». Имелось в виду, что люди черной расы должны осознавать общность своего происхождения и своей судьбы, одинаковое положение в мире, где господствуют белые. Они должны бороться за признание культуры негритянских народов, прославлять ее вклад в мировую цивилизацию. «Гордость за свою расу — вот первое условие негритюда», — повторял Сенгор.

На возникновение теории негритюда оказала влияние научная деятельность ряда европейских ученых-африканистов, в частности Л.Фробениуса и М.Делафоса. Сенгор впоследствии вспоминал, что, прочитав в 1936 г. «Историю африканской цивилизации» Фробениуса, он ощутил как бы удар грома. Его поразило, что в работе немецкого этнографа он нашел подтверждение своим собственным мыслям. Это относилось прежде всего к таким прогрессивным идеям, как антирасизм, признание относительной ценности культуры всех народов, отказ от европоцентризма. Вместе с тем с самого своего зарождения негритюд содержал и такие идеи, которые со временем превратили это учение в политически консервативное, буржуазно-националистическое. Однако утрата негритюдом своих антиколониальных, прогрессивных тенденций произошла лишь много лет спустя после его возникновения, в условиях самостоятельного развития африканских стран после 1960 г.

В Тропической Африке 20–30-е годы ознаменовались ускорением процесса формирования местной интеллигенции, проявлявшей все больший интерес к отечественной истории. В местных изданиях появляются очерки, статьи, заметки, в которых затрагиваются отдельные вопросы

этнической истории, описываются обычаи различных народов и племен, печатаются эпические сказания, легенды, поговорки, пословицы. Эти публикации будили интерес к истории, показывали стремление африканской интеллигенции самостоятельно разрабатывать культурное наследие прошлого. Среди наиболее значительных публикаций во французских колониях следует назвать книгу Мусы Травеле «Пословицы и сказки бамбара» (1923), очерк школьного учителя Фили Дабо Сиссоко «Французский Судан» (1927).

Типичной для первых африканских историков-любителей, энтузиастов изучения прошлого является деятельность сельского учителя Мамби Сидибе во Французском Судане (ныне Мали). Его первые этнографические заметки появились в печати еще в 1918–1919 гг. Затем он изучает историю и фольклор области Бобо-Диуласо (ныне Буркина-Фасо), публикует статью по истории Западного Судана в XVIII–XIX вв., собирает устную традицию о жизни легендарного Сундиаты. На колониальную выставку в Париже (1937) он представил несколько исторических работ.

Такие энтузиасты в 20–30-е годы появляются во всех странах Западной и Восточной Африки. В английской колонии Золотой Берег изучением народа аквапим, сбором устных преданий и письменных источников многие годы занимается историк-любитель Бернارد Акуффо; в крупного ученого, автора работ по истории и этнографии вырос адвокат Джозеф Данква (1895–1965), впоследствии видный политический деятель независимой Ганы. Особенно пышно расцвела преднаучная, синкретическая историография у народа йоруба в Нигерии. В эти годы вышло около 60 отдельных публикаций по истории страны и отдельных городов. Один только придворный историк короля Бенина (на юге Нигерии) издал 18 работ на языках английском и эдо; историю народа тив написал Акига. В Дагомее в период между двумя мировыми войнами историю страны с большим успехом изучал католический священник Габриэль Кити.

В Восточной Африке преднаучная историография получила развитие в Уганде благодаря почину Каггвы. Хотя он свои основные труды написал между 1900 и 1912 гг., начатое им дело продолжили другие историки-любители. Среди них достойны упоминания принц Гомотока, начавший в 1920 г. обширную рукопись под названием «Сокровище», в которой повествовалось об истории королевской династии Буганды. Спустя 20 лет, когда автор скончался, осталось семь объемных томов, а работа еще не была окончена. Неопубликованной осталась «Краткая история Буганды» Джона Мити. Удалось опубликовать в Лондоне два тома исторического труда Хаму Мукасы (1938, 1942), третий том был затерян при пересылке и восстановлен через 20 лет. На родине была напечатана историческая работа Бартоломейо Зимбе «Буганда и ее правитель» (1938). Все эти исторические сочинения были написаны и опубликованы на языке луганда. На английском языке увидела свет в сокращенном виде книга Каггвы «Традиции и обычаи Буганды»; она опубликована в 1934 г. в Нью-Йорке.

В 1923 г. по инициативе английской колониальной администрации было открыто Литературное и научное общество Уганды, которое спустя десять лет стало выпускать два раза в год научный журнал. В нем кроме статей о природных богатствах страны печатались материалы по истории и этнографии традиционных королевств, вошедших в состав Уганды, — Буганды, Анколе, Буньоро, Торо. Как и в других колониях, авторы-африканцы попадали на страницы журнала крайне редко.

В Сенегале с 1918 г. КИНИ стал издавать ежеквартальный «Бюллетень», где местные уроженцы также были редкими гостями. Только в 1919 г. опубликована небольшая этнографическая заметка Мапате Дианя, а в номере за 1921 г. статья о сыне Самори, автор которой Бендауд Мадемба — один из участников героического сопротивления колониальным захватам. Подытоживая деятельность КИНИ за два десятилетия, можно констатировать, что его роль как организатора научных исследований была близкой к нулю; польза, которую он принес науке, состояла в обнародовании результатов того, что делали отдельные ученые, лишь изредка получавшие государственную помощь. Несмотря на циркуляр генерал-губернатора ФЗА об организации местных комитетов исторических и научных исследований в каждой колонии (в 1930 — начале 1931 г. они формально были созданы в Гвинее, Французском Судане, Сенегале, БСК), влияние КИНИ ограничивалось лишь территорией, прилегающей к столице ФЗА Дакару. К середине 30-х годов и в Париже, и в Дакаре стала ясной необходимость серьезных изменений в проведении научных изысканий.

Только одно научное учреждение колониальных времен, основанное в середине 30-х годов, пережило своих создателей и стало тем каркасом, на котором позже стала строиться инфраструктура новой африканской науки. Это учреждение — Французский институт Черной Африки в Дакаре (ИФАН), созданный в 1936 г. на базе Комитета исторических и научных исследований. Год спустя он начал функционировать в составе семи сотрудников во главе с молодым ученым Теодором Моно, ставшим впоследствии выдающимся африканистом Франции. Основной задачей ИФАН было комплексное изучение природных ресурсов, истории, археологии, этнографии и языков народов Западной Африки. Создание подобного научного учреждения, бесспорно, было значительным шагом вперед в деле научного познания Африканского континента. Вместе с тем деятельность института не могла не отражать общего колониального контекста: колониальная идеология оказывала серьезное влияние на многих его сотрудников, в особенности тех, кто занимался социальными науками. Что касается изучения истории африканских народов, то новейший ее период с его антиколониальной борьбой совершенно игнорировался.

В годы второй мировой войны научная работа института была резко сокращена, и только после освобождения Франции началось оживление в его деятельности. Важным событием было создание в 1944 г. филиалов ИФАН во всех колониях Французской Западной Африки, а также в Камеруне и Того, что способствовало развитию исследований на местах.

В штаты отделений ИФАН зачисляются первые африканцы, правда, еще на должности вспомогательного персонала. Это были Бернар Дадье, Амаду Ампате Ба, Мамби Сидибе, Бубу Хама, Мамаду Мадейра Кейта, ставшие затем видными общественными и научными деятелями. В целом же дискриминация ученых-африканцев продолжается. Если в бюллетене ИФАН изредка появляются небольшие, по преимуществу этнографические, заметки африканских авторов, то монографические работы публикуют лишь французы.

Это явление, впрочем, было характерным для всей французской буржуазной африканистики. Так, среди авторов такого влиятельного научного органа, как основанный в 1931 г. журнал Общества африканистов, только спустя 10 лет появляются первые африканцы. Это И.М. Уан и Х.Тараоре, авторы маленьких этнографических заметок, затем, в 1943—1944 гг., печатаются статьи Л.Сенгора по африканской лингвистике.

В английских колониях в отличие от французских центрами научных исследований стали учебные заведения и немногочисленные музеи. В Западной Африке первое учебное заведение, готовившее учителей и священников, было основано еще в 1827 г. в Фура-Бей (Сьерра-Леоне); статус университета оно получило в 1960 г. На территории английских колоний в Восточной Африке первая школа открыта в Макерере (Уганда) еще в 1922 г., в 1943 г. она была преобразована в колледж, а в 1949 г. получила статус университетского колледжа. Что касается музеев, то самый большой вклад в археологию Африки внес основанный в 1931 г. музей в Кении; он вначале располагался в маленьком городке Китале, затем переведен в Найроби. В нем начал работать выдающийся археолог Луис Лики (1903—1972), сделавший в начале 30-х годов важные открытия в ущелье Олдувай (в Танзании). В целом, однако, научные исследования в английских колониях не были развиты; в редких научных центрах работают главным образом ученые из метрополии, местные же кадры привлекаются лишь для выполнения вспомогательной работы.

Можно сделать вывод, что возникающие на Африканском континенте научно-исследовательские центры обслуживали прежде всего потребности буржуазной науки в странах-метрополиях: здесь прошли продолжительную научную подготовку и провели полевые исследования многие ведущие представители африканистики Англии, Франции, Бельгии, Португалии. Так, например, подлинной кузницей кадров французской африканистики стал ИФАН, где в течение продолжительного времени работали Т.Моно, Р.Мони, В.Монтей, Б.Олас, Ж.Руш, И.Персон.

Деятельность первых непрофессиональных историков явилась своеобразным мостом между традиционной и научной историей и подготовила благоприятный общественный климат для последующего этапа развития национальной историографии стран Тропической Африки. Прекрасно владея конкретным материалом, многие африканские интеллигенты (учителя, адвокаты, врачи, журналисты, профсоюзные деятели), несмотр-

ря на отсутствие специального образования, на основе изучения фольклорных данных создали немало интересных работ, которые подготовили рождение национальной исторической науки. Получившие европейское образование африканцы использовали современные знания для реабилитации собственной цивилизации, для сохранения своей культуры и исследования прошлого. Эта культурная рецепция, с одной стороны, дала африканцам возможность овладеть новыми формами идеологической борьбы против колониального угнетения. С другой стороны, она способствовала возникновению национальной по форме науки, в том числе африканской историографии как составной части мировой исторической науки. Однако в колониальный период африканская история в качестве современной науки еще не существовала; ее становлению мешали слабость научно-исследовательских учреждений исторического профиля и почти полное отсутствие квалифицированных национальных кадров.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ АФРИКИ (1945–1985 гг.)

1. Основные достижения исторической науки стран Северной Африки

Развитие исторической науки. После окончания второй мировой войны в условиях подъема национально-освободительного движения в странах Африки начинается новый этап развития историографии. Переломным событием в новейшей истории Египта стала революция 1952 г., приведшая к глубоким переменам в социальной и культурной жизни страны. Освобождение от колониального ига большинства стран Северной и Тропической Африки произошло на рубеже 60-х годов (точнее, в 1957–1963 гг.), хотя этот процесс затянулся на долгие годы: так, Зимбабве стала независимой лишь в 1980 г.

Обретение африканскими народами политической самостоятельности способствовало развитию образования, науки, культуры; прогрессивные изменения охватили в первую очередь историческую науку. Несмотря на значительные временные различия, в странах Африки идет становление организационной структуры исторической науки (институционализация), происходят окончательный переход к профессиональному знанию (профессионализация), расширение масштабов исследования прошлого и дифференциация историков.

Быстрый рост исторических исследований в послевоенные годы был обусловлен в значительной степени расширением университетского образования. Как и в предыдущий период, центрами исторической науки оставались университеты, количество которых постоянно росло. Так, в 1979 г. в арабских странах функционировало 55 университетов, в то время как сразу после второй мировой войны их было всего 9, причем четыре из них – частные, где основными предметами были словесность и богословие.

Быстрыми темпами развивалось высшее образование в арабских странах Северной Африки. В первые послевоенные годы в Египте были открыты новые университеты в Александрии (1945), Асьюте (1949), второй университет Айн-Шамс в Каире (1950). Несколько позже возникли университеты в Рабате (1957) и Тунисе (1960). Были основаны и специальные научные центры исторического профиля. Так, в 1957 г. в Тунисе создан Национальный институт археологии и искусств, который руководил музейным делом, организовывал раскопки и сбор истори-

ческих традиций. В его составе действовал и центр изучения современной истории. В Алжире в 1971 г. был организован Национальный архив и создан Национальный центр исторических исследований. В Египте по указу президента Насера в 1970 г. при Каирском университете был открыт Институт африканских исследований, имевший в числе других отдел по изучению истории Африки. При Хартумском университете с 1964 г. действует Центр по изучению африканских проблем.

Изменилось положение религиозных университетов Аз-Зейтуна в Тунисе и Аль-Азхар в Египте. После достижения Тунисом независимости руководство страны во главе с президентом Бургибой провело ряд мероприятий, ограничивших влияние ислама на политическую и культурную жизнь. Древний мусульманский университет Аз-Зейтуна был преобразован в факультет теологии и религиозных наук при Тунисском государственном университете, количество студентов и преподавателей значительно сокращено. Отныне выпускники этого факультета становились преподавателями исламоведения в средних школах и лишь небольшая часть из них продолжала религиозную деятельность.

Серьезные перемены произошли и в Аль-Азхаре. В 1961 г. президент Насер подписал закон, по которому Аль-Азхар приравнивался к другим государственным университетам, а обучение в нем приобрело более светский характер, были открыты медицинский и коммерческий факультеты. Впрочем, им, как и прежде, руководили крупные мусульманские идеологи, а его авторитет в исламском мире оставался высоким.

После революции 1952 г. в Египте были приняты меры по демократизации образования, введено бесплатное обучение. Однако несмотря на все усилия президента Насера, содержание преподавания общественных и гуманитарных наук изменилось мало. Хотя на кафедры пришли молодые преподаватели левой ориентации, последователи Насера и марксисты, большинство профессуры египетских университетов с недоверием, а нередко и прямо враждебно относились к прогрессивной политике Насера. Воспитанные в духе либерально-буржуазного национализма, профессора проводили занятия по истории, философии, социологии, политэкономии в консервативном академическом духе, характерном для университетов Западной Европы и США.

Либерально-буржуазное течение оставалось численно преобладающим в египетской историографии 1945–1985 гг., хотя в период президентства Насера, особенно в 60-е годы, оно подвергалось сильному давлению как со стороны находившихся в руках насеристов органов массовой информации, так и со стороны историков различных левых течений (марксистов, насеристов, левых радикалов). Историки либерально-буржуазного течения находились под влиянием модных на Западе философских доктрин, в частности экзистенциализма.

Наиболее авторитетный, оказавший большое воздействие на немарксистскую историографию, египетский философ Абд ар-Рахман Бадави является автором одной из самых смелых в арабской историко-философской литературе книг «История атеизма в исламе» (1944),

которая была властями запрещена. Он пропагандирует идеи абстрактного гуманизма и атеизма, стремясь отыскать их корни в мусульманской средневековой философии. Вместе с тем в работах Бадави постоянно встречается острая критика марксизма. В одной из последних книг он обвиняет историков-марксистов в отсутствии у них надежного исторического метода. Арабские историки демократического направления, по мнению Бадави, виноваты в «историопоклонстве». Они якобы чрезмерно ищут утешения в прошлом и эксплуатируют историю в конъюнктурных политических целях. Такая деятельность, как считает Бадави, вредна, ибо сеет иллюзии, что будущее целиком обусловлено прошлым: «Прошлое не повторяется, его уроки ничему не учат». В другом месте он советует: «Обратимся к будущему и оставим позади себя прошлое с его славой и заботами».

Одним из известных представителей буржуазно-либеральной общественной мысли в Египте в 50–60-е годы был писатель и ученый, историк и публицист Мухаммед Камиль Хусейн (род. 1901), занимавший посты ректора университета Айн-Шамс, а позже — министра высшего образования. В 1955 г. он опубликовал книгу «Биологический анализ истории», в которой сделана попытка философского рассмотрения движущих сил исторического процесса с идеалистических и метафизических позиций. Автор исходит из тезиса о принципиальной непознаваемости исторического прошлого, отсюда — мистическая абсолютизация времени. В истории, по мнению Хусейна, действуют абстрактные моральные силы: добро и зло, свобода и угнетение, справедливость и честь. Он абсолютизирует культурное развитие человечества в ущерб социальному фактору, интеллектуальная жизнь отрывается от общественных основ. Характерным для историков либерально-буржуазного течения был эклектизм — смешение различных концепций и идей, противоречивая трактовка таких важных явлений современной истории, как революция и война, природа фашизма, капитализма и империализма.

Египетские ученые и публицисты этого периода под флагом защиты «арабского» социализма ведут постоянные нападки на марксизм и научный социализм. В этом отношении показательна книга «Основы арабского социализма» (1964), которую написал Исмет Сейф ад-Дауля. На первое место автор выдвигает достижение национального единства, защиту непреходящих ценностей мусульманской религии.

В либерально-буржуазной историографии этого периода широкое распространение получила националистическая концепция «фараонизма», стержнем которой было утверждение о «самобытности», «исключительности» египетской цивилизации. Появившиеся еще в начале XX в. сторонники «фараонизма» в противовес исторической достоверности утверждали механическую преемственность между современными жителями Египта и теми народами, которые населяли долину Нила 3 тыс. лет назад. Они утверждали, что нынешние египтяне — прямые наследники самой древней в мире цивилизации фараоновского Египта и «что подавляющее большинство египтян не связано родством с арабской кровью,

а восходит непосредственно к древним египтянам», что «фараонизм вкоренился в души египтян».

В 50–60-е годы, несмотря на решительное сопротивление Насера, стоявшего на позициях панарабизма, отмечается возрастающий интерес к египетским древностям. Историки, деятели культуры, отдельные политики превозносят древнеегипетскую цивилизацию и величие Египта эпохи фараонов. Один известный общественный деятель даже заявил: «Мы – древние египтяне и ничего больше». Для египетских националистов типичны рассуждения Хусейна Фавзи. В опубликованной в 1961 г. книге он делит историю Египта на три периода: фараоновский, коптский и арабский. Арабо-исламский этап, по его мнению, оставил лишь незначительный след; древний египетский дух остался неизменным. Фавзи считает, что Египет, чтобы обрести свое истинное лицо, должен овладеть культурой всех трех периодов; интегрирующим фактором должен быть арабский язык.

После смерти Насера в 1970 г. египетский национализм, благодаря его преемнику Садату, сильно укрепил свои позиции. Он стал основной частью государственной идеологии. Садат, выступая 1 мая 1975 г. перед рабочими, утверждал: «Следует сказать, что вечная египетская культура, вечная история Египта, – только они, и ничто другое, были тем источником веры, которая просвещала нашу мысль, двигала науку, освящала труд». Садат пытался оживить концепцию «фараонизма», путем безудержной социальной демагогии и националистической риторики привлечь на свою сторону широкие слои египетского общества. Усилилось прославление в средствах массовой информации древней истории Египта, достижений его культуры; в учебниках истории для школ главное внимание уделялось фараоновскому периоду, а также средним векам, в ущерб современности. Однако, как отмечает А.М. Васильев, «фараонизм» остался, по существу, предметом интеллектуальных упражнений образованных по-западному либералов; он не затронул массы, потому что не стал действенным политическим лозунгом.

Вместе с тем именно в годы правления Садата, особенно после 1974г., усилилось проникновение западной и, главным образом, американской идеологии. Это вызвало протесты со стороны патриотически настроенных деятелей науки и культуры. Так, в январе 1985 г. газета «Аль-Ахали» опубликовала обширную статью профессора Александрийского университета Ашрафа аль-Баюми, в которой резко критиковался импорт в Египет западной культуры, научных доктрин и этических ценностей. Это привело к умалению египетской науки и ученых, считает автор. При попустительстве и с ведома Садата, а потом сменившего его Мубарака широкое распространение получило пренебрежение к собственной истории, культуре и науке. Американизация интеллектуальной жизни Египта встретила не только сопротивление представителей демократических сил, стремившихся сохранить и развить антиимпериалистические, прогрессивные элементы политики Насера, но также и возмущение широких слоев общества, находившихся под влиянием исламской идеологии.

На рубеже 70–80-х годов в идеологической ситуации Египта произошли серьезные сдвиги — революционные демократы и марксисты, которые преобладали прежде, потеряли массовую базу и на первый план выдвинулись различные течения религиозной мысли. «Исламская волна» оказала большое влияние на обществоведческие науки всех арабских стран Северной Африки, а в историографии привела к появлению леворадикального идейно-теоретического течения.

К либерально-буржуазному течению историографии в Египте принадлежали видные ученые 30–60-х годов Мухаммед Сабри, Шафик Горбаль, Мухаммед Рифаат, Мустафа Фахми, Гамаль ад-Дин аш-Шаяль. Последний из перечисленных, будучи на протяжении многих лет профессором Александрийского университета, является автором фундаментальной работы «История и историки в Египте XIX в.» (1958). В 50-е годы им опубликована серия книг по истории египетской культуры, в которых преувеличивается воздействие западноевропейской, в особенности французской, культуры на развитие науки, образования и литературы Египта в XIX в. Изучение египетской историографии прошлого столетия продолжил Ахмед Ахмед Бадави, хотя ее развитие в XX в. остается одним из «белых пятен» в египетской исторической науке. Новое направление в социальной истории начал Фахми, опубликовавший основательную монографию о промышленной революции в Египте и ее социальных последствиях в 1800–1850 гг. Автор, однако, не сумел показать с достаточной полнотой противоречивый процесс индустриализации Египта, развития в нем капиталистических отношений.

С умеренно-либеральных позиций выполнена книга Бараката Али о развитии земельной собственности и ее влиянии на внутреннюю политику Египта (1977), а также труды Афаф Лютфи ас-Сайед Марсот по истории Египта XIX в. (ныне она преподаватель в Калифорнийском университете, США). Крупный специалист в области средневековья Азиз Сурьял Атьяя (род. 1898), профессор Александрийского университета, ныне также преподает в США.

Революционно-демократическое течение. На послевоенные годы приходится расцвет научного творчества ветерана египетской прогрессивной историографии Абд ар-Рафии (1889–1965). Плодовитый автор исторических трудов, он вел к тому же активную политическую деятельность: был депутатом парламента, сенатором, министром. Когда в мае 1944 г. королевская полиция арестовала группу профсоюзных руководителей, их защиту на суде взял на себя Рафии (по образованию он был юристом) и добился их освобождения.

Перу Рафии принадлежит серия из 16 книг по новой и новейшей истории Египта, преимущественно об антиколониальной борьбе. Каждый том, в сущности, самостоятельное произведение, поэтому многие тома выпускались отдельно и выдержали по нескольку изданий. Десятый том истории Египта в новое время переведен на русский язык под названием «Восстание 1919 г. в Египте» (1954). Последние тома серии посвящены антиимпериалистической революции 23 июля 1952 г. Работы

Рафии написаны с патриотических и антиимпериалистических позиций. Подробно, хотя и не всегда глубоко, в его книгах описываются английский колониальный режим, антинародная политика крупной монархической буржуазии и богатых землевладельцев, продажного королевского двора. Социальные и политические силы, участвующие в национально-освободительной борьбе, Рафии показывает нерасчлененно, в виде единого национального потока во главе с патриотически настроенной интеллигенцией. Египетские марксисты изображены как составная часть антиколониального движения, как преданные борцы за дело трудящихся. Политическая ограниченность Рафии проявляется в особой симпатии, с которой он изображает некоторых руководителей партии Вафд, в особенности Саада Заглула.

С еще большим основанием к историографии социалистической ориентации может быть отнесен Ахмед Хамруш (род. 1922). Будучи кадровым военным, он с молодых лет интересовался историей, участвовал в деятельности подпольных революционных организаций, изучал теорию научного социализма. Хамруш принял активное участие в июльской революции 1952 г., затем был главным редактором ряда журналов, которые поддерживали прогрессивный курс президента Насера. После его смерти Хамруш подвергался гонениям. В настоящее время он ведет активную общественную деятельность в прогрессивных организациях Египта.

Человек разносторонних способностей, Хамруш опубликовал 16 книг историко-публицистического характера. Главный его труд «Революция 23 июля 1952 г. в Египте» (1974—1975), опубликованный в 5 томах и выдержавший несколько изданий. В сокращенном виде книга переведена на русский язык (1984). В ней дана широкая и правдивая картина событий в Египте накануне июльской революции, показаны действовавшие в ней политические силы. Много места Хамруш уделяет внутренним противоречиям среди «свободных офицеров», выработке антиимпериалистической линии президента Насера. Из последних его работ можно назвать книгу «История революции 23 июля. Исследование о социализме» (1983), в которой показаны корни социалистических идей в Египте, поддержка социализма передовыми кругами общества.

С некоторыми оговорками к революционно-демократическому крылу могут быть отнесены видные профессиональные историки Мухаммед Анис и Абд аль-Азим Рамадан. М. Анис принимал активное участие в преобразованиях эпохи Насера. В 1967 г. при министерстве культуры был создан Центр документов и современной истории Египта, его директором стал Анис, известный к тому времени несколькими крупными исследованиями, главным из которых был двухтомный труд о восстании 1919 г. (1963).

А. Рамадан (род. 1925) является профессором одного из молодых университетов Египта в провинции Минуфия, где с 1981 г. возглавляет отделение истории. Он разрабатывает традиционные для египетской

историографии темы – освободительное движение и политическая борьба в новейшее время. Перу Рамадана принадлежит трехтомная работа по истории антиколониальной борьбы (1968–1973), а также книги «Насер и политический кризис в марте 1954 г.» (1976), «Египетская армия в политической жизни» (1977), «Борьба классов в Египте» (1978), «Борьба между партией Вафд и королем» (1979), «Революционная мысль в Египте до революции 1952 г.» (1981). Одна из последних работ Рамадана посвящена истории организации «Братья-мусульмане» (1981). Нельзя, однако, не заметить, что на некоторых из этих публикаций чувствуется налет поспешности, отход от революционно-демократической трактовки политики президента Насера. Пересмотр прежних позиций характерен и для идейной эволюции в последние годы М.Аниса.

В 70–80-е годы в качестве ведущего историка социалистической ориентации выдвинулся Рифаат ас-Саид (род. 1932). Уже в первой крупной публикации «Социальные основания восстания Ораби» (1967) он проявил большой интерес к глубинным процессам социального развития страны второй половины XIX в. В этом отношении его книга носит новаторский характер, поскольку прежде египетская историография ограничивалась политическими событиями и борьбой идей. В предисловии к этой книге видный политический деятель Халед Мохи ад-Дин писал, что египетские революционеры рассматривают изучение истории в качестве оружия в борьбе за социальные преобразования, как средство мобилизации широких масс на борьбу за освобождение.

В 1970 г. Саид защитил в Лейпцигском университете (ГДР) докторскую диссертацию на тему «История социалистического движения в Египте в 1900–1925 гг.». Работа затем была опубликована на арабском языке и выдержала два издания (1972, 1975). Она положила начало целой серии монографий о социалистическом и коммунистическом движении в Египте до революции 1952 г.; всего по этой теме Саид выпустил 6 книг. Кроме того, им опубликованы многочисленные биографии видных политических и общественных деятелей Египта различного направления; среди них – основатели социалистической партии Никола Хаддад и Эссам ад-Дин Хусни Насиф, руководители буржуазных партий Мухаммед Фарид, Саад Заглул, Мустафа ан-Наххас, основатель организации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна, вождь «Молодого Египта» Ахмед Хусейн.

Все исторические труды Саида написаны с революционно-демократических позиций, содержат огромное количество новых фактов, почерпнутых из обширного круга документальных источников. Он прекрасно знаком с печатью различных социалистических и коммунистических организаций, а также издаваемыми профсоюзами газетами, журналами, листовками. В научный оборот введены уникальные документы нелегальных революционных организаций, осевшие в архивах египетской полиции; большой интерес представляют и донесения английских дипломатов и разведчиков, посылавшиеся в МИД Великобритании. Наконец, много ценных, а порой уникальных сведений почерпнул Саид из интервью с участниками революционного движения 20–40-х годов.

Устные источники не только расширили источниковую базу проводимых исследований, но и наполнили их человеческим теплом, эмоциями и субъективными оценками. Поэтому исторические произведения Саида воспринимаются как страстные призывы к борьбе за освобождение от социального гнета.

Для анализа идейно-теоретических воззрений Р. ас-Саида немалый интерес представляет его историографический труд «Написание истории» (1980), в котором обсуждаются проблемы отображения в исторической литературе революционного процесса в Египте за 100 лет, начиная с восстания Ораби в 1882 г. Прежде всего автор ставит несколько общих вопросов методологии исторической науки: каковы законы познания прошлого? какова разница между историей как наукой и повествованием о прошлом в художественной литературе и фольклоре? как добыть историческую правду из источников? повторяется ли история? «История окружает меня сетью мелких вопросов, — пишет автор во введении, — я ловлю эти вопросы, как рыбу... Другие считают историю неглубокой наукой, так как по их мнению в истории множество фактов лежит на поверхности, а история, наоборот, считает, что знание о прошлом должно идти вглубь, а не растекаться по поверхности». Далее Саид вспоминает, что в школе молодое поколение учат физике, математике и другим предметам, а историю рассказывают в виде сказки, как и во времена фараонов; научные основы познания и понимания прошлого остаются неизвестными.

Настоящая книга, отмечает Саид, написана по предложению Арабского института рабочего движения и рассчитана на широкого читателя. Поэтому автор, прежде чем раскрыть историографическую дискуссию о революционных традициях египетского народа, дает ответ на сформулированные выше общие вопросы. Он отстаивает тезис о строгой научности исторического познания, недопустимости смешения истории и политики, отвергает субъективный произвол историка при отборе фактов и их оценке. Вместе с тем Саид выступает за то, чтобы исторические знания служили трудящимся массам, учили их на опыте прошлого найти верный путь своего освобождения.

Как и другие африканские историки, Р. ас-Саид не ограничивается научно-исследовательской работой, он активный деятель Национально-прогрессивной (левой) партии Египта, с успехом выступает как публицист и писатель. Характерно, что героем одной из его повестей, переведенной на русский язык, является профессиональный революционер, историк по образованию. Близкий родственник другого персонажа повести был убит полицией лишь за то, что у него дома были найдены исторические книги Рафии. Как видим, египетские революционеры считали научные труды историков прогрессивного направления своим идейным оружием; рискуя жизнью, они читали и пропагандировали правду о прошлом.

Среди других ученых революционно-демократической историографии современного Египта следует назвать имена Мухаммеда Сайида Ахмеда, Касема Абдо Касема и Фавзи Джирджиса.

Леворадикальная историография. В арабских странах Северной Африки леворадикальное течение оформилось к концу 70-х годов. Как было сказано выше, это течение внутренне неоднородно, оно постоянно расслаивается. Его лучшие представители постепенно усваивают марксистские идеи, впрочем, нередко доктринерски, как набор готовых лозунгов и формул. Многие левые радикалы пытаются «дополнить» марксизм эклектикой из идей неовеберизма, экзистенциализма, «критического реализма» и др. Вместе с тем на леворадикальную общественную мысль Египта значительное воздействие оказывали левонационалистические, близкие к фашизму в его итальянской разновидности воззрения идеолога партии «Молодой Египет» Ахмеда Хусейна.

Но в левом радикализме есть и другое крыло, которое в последние годы усилилось, — это выразители идеологии исламского экстремизма. Показательными для клерикальных радикалов являются взгляды Саида Кутба и Анвара аль-Джунди.

Кутб (1906–1966) окончил Педагогический институт Дар аль-Улум, в течение 16 лет учительствовал, затем был инспектором министерства просвещения. Одновременно росла его известность публициста и литературного критика. В 1948–1951 гг. находился на стажировке в США, где проникся ненавистью к западной цивилизации и глубоко аморальному, по его мнению, образу жизни американцев. После возвращения из США и до своей смерти на виселице в 1966 г. Кутб написал 8 книг об исламе, причем 5 из них — в тюрьме. Стал ведущим идеологом подпольной организации «Братья-мусульмане». Большое внимание в его творчестве уделяется переосмыслению истории арабских стран, разработке особой «исламской» методологии изучения прошлого. Сборник его статей по этим вопросам «Об истории: теория и метод» выдержал 5 изданий, последнее вышло в 1982 г. Исламскую историю, требовал С.Кутб, должны писать только мусульмане, потому что иноверцы не способны понять глубинные факторы, определяющие ход истории арабских народов. Он с большим воодушевлением разоблачает подлинные и мнимые фальсификации прошлого в трудах западных авторов, к которым относит и марксистов, и предлагает переписать историю с «исламской точки зрения».

Идеи Кутба питают сегодня не только исламских экстремистов левого толка, но в равной мере и правый мусульманский фундаментализм. Этот парадокс подтверждает мысль о том, что выработанная на европейском историческом материале формула «левые — правые» не всегда применима к реалиям идейно-политической борьбы африканских стран. Часто бывает, как в данном случае, что и левые экстремисты, и правые черпают свои идеи в одном источнике.

Анвар аль-Джунди (род. 1917) не играл такой активной политической роли, как С.Кутб, тем не менее его идейное влияние на мусульманских левых велико. Его перу принадлежит множество книг и статей по истории, литературоведению, проблемам культуры, среди них три книги по истории ислама (опубликованы в Каире в 1968, 1979 и 1981 гг.). Для исторической концепции Джунди центральной является идея «сали-

бийя», которая обозначает не только средневековые крестовые походы, а вечную конфронтацию ислама и враждебных ему религиозных, социальных и культурных идей. Он считает, что военным поражениям арабов предшествуют и их готовят морально-этический упадок, внутренние распри, распространение чуждой идеологии. Через вестернизацию, утверждает Джунди, в исламскую мысль проникают концепции национализма, марксизма, демократии, призванные взорвать изнутри монолитное единство мусульман. Для всех леворадикальных исламских историков характерно решительное противопоставление ислама другим религиям, изображение исторического прошлого арабов как вековой борьбы против тлетворного влияния Запада.

В 80-е годы в Египте, как и в других арабских странах, оживилась идеологическая деятельность различных религиозных течений; их спектр очень широк — от консервативно-реакционного фундаментализма до леворадикальных. Исламский экстремизм левого и правого толка глубоко укоренился в среде студенчества ведущих египетских университетов. Именно студенчеству мусульманские идеологи определяют роль ударной силы в свержении богопротивной власти предателей ислама и установлении нового порядка в соответствии с принципами Корана. Характерно, что в одном из журналов, распространяемых среди студентов, была опубликована статья о развитии студенчества в исламском мире за последние сто лет. В ней утверждалось, что в мусульманских странах есть только две силы, борющиеся против тиранов: 10 миллионов студентов в университетах от Касабланки до Джакарты и рабочий класс. Но поскольку рабочие необразованны и забиты, то именно студенчество призвано стать авангардом «уммы» (общества). Основатель студенческих исламских обществ Шукри Мустафа (род. 1942), выпускник Асьютского университета, выступил с особой концепцией исторического прошлого для того, чтобы доказать несправедливость нынешних общественных порядков. Золотой век ислама, по его утверждениям, это 38 лет правления Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов, остальные 14 столетий существования исламской цивилизации менее значимы. Этот золотой век рассматривается как архетип идеального мусульманского общества, после которого наступил период упадка, длящийся до сих пор. Непризнание последующей истории приводит его к отрицанию современных государств и их границ. Другой исламский мыслитель Абд ас-Салам Фарадж, казненный в 1982 г. после убийства президента Садата, заявлял: «Правители нашего времени — это предатели ислама, вскормленные за столом колонизаторов. От ислама они сохранили только имя».

Идеи леворадикальных исламских идеологов находят широкий отклик среди студенчества не только Египта, но и Туниса, Марокко, в меньшей степени — Алжира. Это объясняется как социальной неустойчивостью образованной молодежи, ее протестом против неравенства и полицейского произвола, так и разочарованием в идеологии национализма и ослаблением позиций социалистических организаций. На выборах в советы Каирского, Асьютского, Суэцкого, Айн-Шамс и некоторых

других университетов в конце 1986 г. большинство завоевали мусульманские группировки.

Усилились позиции ислама в общественной и научно-теоретической мысли. Историческое наследие в условиях донучного массового сознания воспринимается как живое и актуальное. Красноречиво признание одного арабского ученого: «Европа воспринимает прошлое в исторической ретроспективе, на Востоке прошлое живет еще сегодня». С леворадикальных исламских позиций выступают профессор философии Каирского университета Хасан Ханафи, который считается идеологом «мусульманских левых», отрицающих крайности экстремизма, историки и писатели Фуад Закария, Гамаль аль-Гитани, Али Хусни аль-Харбутли. Для Ханафи показательно название его доклада на одном из международных конгрессов философов «Ислам как африканская философия». Огромным авторитетом среди исламского студенчества пользуется Джабир Ризк, автор нескольких исторических книг, в которых разоблачаются репрессии властей против «Братьев-мусульман». Некоторые из названных ученых нигилистически относятся к академической исторической науке, развивающейся в русле официальной идеологии. Так, аль-Гитани в многочисленных статьях и выступлениях противопоставляет научной историографии путь интуитивного постижения прошлого через искусство. Истина в письменной, официальной истории, говорит он, отсутствует, только искусство и есть подлинная история человека.

Марксистская историография. Марксистские течения в теоретической мысли Африки оформились только в двух наиболее развитых в социальном и культурном отношении странах – Египте и ЮАР.

Революция 1952 г. и переход на некапиталистический путь развития Египта способствовали росту марксистских тенденций в общественных науках. Философы Амин аль-Алим и Исмаил аль-Махдади, историки и социологи Шухди аш-Шафии, Анвар Абдель Малек, Закария Ибрагим, Фуад Мурси и Мурад Фахба, экономисты Рашид аль-Барави и Исмаил Сабри Абдаллах, литературовед Луис Авад и другие с позиций научного социализма трактовали проблемы исторического прошлого и перспективы развития египетского народа. Марксисты и близкие к ним революционные демократы печатали свои научные и публицистические статьи в журнале «Ат-Талиа» («Авангард»), выходившем под редакцией Лютфи аль-Холи в 1965–1977 гг. Кроме того, немало статей на исторические темы появилось в газетах и журналах. Не все названные выше ученые и общественные деятели выдержали суровые испытания – преследование властей, раздробленность коммунистического движения, внутренние распри. Некоторые из них сошли с позиций марксизма-ленинизма, прекратили активную политическую деятельность. Давно эмигрировал из Египта и порвал связи с коммунистическим движением Анвар Абдель-Малек (точнее – Абд аль-Малик). Его биография поучительна: он родился в 1924 г., учился в университете Айн-Шамс в Каире, принимал активное участие в деятельности коммунистических организаций. В 1959 г. покинул Египет, учился в Сорбонне, где в 1969 г. защитил докторскую

диссертацию на тему «Формирование идеологии национального возрождения в 1805—1892 гг.», с 1978 г. — профессор университета ООН в Токио. Абдель-Малек — автор многих исторических, социологических и публицистических работ, написанных с позиций вульгарного марксизма, эклектически смешанного с левым радикализмом и отдельными положениями буржуазного либерализма. Бывший египетский марксист Махмуд Хусейн выпустил в Париже книгу «Классовая борьба и национальное освобождение» (1975), полную нападок на египетских коммунистов.

Но есть и примеры другого рода: отдал жизнь за идеалы коммунизма историк Шухди Атыйя аш-Шафии (1911—1960). Он был одним из активных деятелей коммунистического движения в Египте в первые послевоенные годы. Когда в конце 1946 г. коммунистическая группа «Аш-Шарара» («Искра») стала выпускать еженедельную газету «Аль-Джамахир» («Массы»), ее политическим руководителем стал аш-Шафии. В этом же году он участвовал в составлении книги «Наши национальные чаяния», которая стала своеобразным манифестом антиимпериалистического движения в Египте. В 1948 г. Шафии был во второй раз арестован королевской полицией и приговорен к семи годам каторжных работ. Он был освобожден после свержения короля и провозглашения республики летом 1953 г. Затем он был вновь арестован во время одной из антикоммунистических кампаний президента Насера и погиб в концлагере. Жизнь и деятельность Шафии стала для прогрессивных сил Египта олицетворением непреклонной воли и мужества революционера. Он стал прототипом главного героя романа «Августовская звезда» известного писателя Саналлы Ибрагима. В начале 1957 г. Шафии выпустил обстоятельный труд «Развитие национально-освободительного движения в Египте в 1882—1956 гг.» (рус. перевод 1961).

Марксистская интерпретация аграрной истории Египта дана в трудах Ибрагима Амера (1922—1976). Он одним из первых в арабской историографии принял участие в дискуссии об «азиатском способе производства». Основная работа Амера «Земля и феллах. Аграрный вопрос в Египте» (1958). В ней автор доказывал, что возникновение в Египте буржуазных отношений имело внутренние предпосылки; капитализм зародился до английского колониального завоевания, которое лишь ускорило и одновременно усложнило его развитие. В книге подвергнуто критическому анализу понятие «феодализм в Египте» (мыср аль-иктайя), которое в немарксистской литературе применяется без необходимой научной точности. Амер сделал всесторонний разбор социальных изменений в Египте первой половины XIX в., показав, что главным процессом был переход от феодализма к капитализму. Вместе с тем он раскрыл причины отсталости Египта, которая в конечном итоге привела его в колониальное состояние.

Изменение социальной структуры Египта в новейшее время изучал Г.М. Хасанейн, опубликовавший на эту тему содержательную статью в журнале «Ат-Талиа» (1971). Он подчеркивал важность изучения соци-

альной структуры, поскольку перспективы углубления революционного процесса зависят от правильного учета соотношения классовых сил. Опираясь на теоретические положения В.И. Ленина, автор показывает общие черты и специфику буржуазии, крупных землевладельцев, крестьянства и пролетариата Египта. Хасанейн хорошо знаком с советской исторической литературой по истории Египта, разделяет взгляды советских авторов.

В первые годы после революции активное участие в общественной жизни страны принимал экономист-марксист, профессор Каирского университета Рашид аль-Барави. Он привлекался президентом Насером к разработке прогрессивного закона о земельной реформе. Р. аль-Барави перевел на арабский язык произведения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина, опубликовал ряд работ по экономической истории, в частности книгу «Экономическое развитие Египта в новое время» (рус. перевод 1954).

Большую роль в отстаивании диалектико-материалистического понимания социальных процессов Египта прошлого и настоящего сыграла научно-публицистическая деятельность видного философа-марксиста Амина аль-Алима (род. 1922). Он окончил в 1953 г. Каирский университет, вскоре стал печатать статьи по философии, социологии, истории, литературоведению в главных журналах Египта, а также в газете «Аль-Ахбар». Затем он возглавил издательскую корпорацию «Ахбар аль-Яум» и одноименный журнал. Среди его работ наиболее важным является сборник статей «Идейные битвы», выдержавший в конце 60-х годов два издания (рус. перевод 1974). Особый интерес в нем представляет статья «В защиту истории», в которой дана глубокая всесторонняя критика либерально-буржуазной концепции исторического познания, представленная в книге Мухаммеда Камиля Хусейна «Биологический анализ истории».

В 70-е годы с приходом к власти Садата и отказом от социалистической ориентации египетские марксисты подвергались суровым гонениям; прогрессивные деятели культуры и науки были изгнаны из университетов, средств массовой информации, закрыт журнал «Ат-Талиа». После того как власти запретили Алиму публиковать в Египте свои произведения, он эмигрировал, преподавал в ряде университетов арабских стран, а также в Париже. В конце 1984 г. после десятилетнего отсутствия Алим вернулся на родину. Его возвращение свидетельствует о положительных изменениях в общественно-политическом климате Египта в середине 80-х годов, что проявилось, в частности, в воссоздании Египетской коммунистической партии. Возрождение коммунистического, патриотического и антиимпериалистического движения позволит ученым-марксистам вновь занять достойное место в развитии идейно-теоретической мысли.

Археология в Египте. Зачинателем египетской археологии, как уже отмечалось, был Ахмед Камаль. Он оставил группу учеников, которые продолжили его дело и развивали археологическую науку в 30–50-е

годы. Особенно отличились Селим Хасан и Сами Габра, среди учителей которых был В.С. Голенищев, русский ученый, преподававший в Каирском университете. Селим Хасан (1886—1961) продолжил свое египтологическое образование в Сорбонне, позже защитил докторскую диссертацию в Венском университете. Он стал первым профессором в области египтологии, в 1928—1936 гг. читал лекции в Каирском университете, затем перешел на работу в Египетский музей, руководил археологическими раскопками. Его коллега С. Габра учился в Ливерпуле и Париже, в 1939 г. стал директором Института египтологии.

Третье поколение египетских археологов, получивших образование на родине на рубеже 20—30-х годов, включает ряд видных ученых, среди которых Ахмед Фахри (1905—1973), Лабиб Хабаша (1906—1984), Абд аль-Муним Бакр (1907—1976) и Ахмед Бадави, ставший впоследствии ректором университета Айн-Шамс. Докторские степени они получили в научных центрах Германии, Англии и Франции, где в свою очередь готовили специалистов. Так, Мухаммед Мустафа (род. 1903) учился в Боннском университете и здесь преподавал в 1927—1935 гг., после чего вернулся в Египет. Для первых египетских ученых, начавших изучение самого далекого прошлого, характерно особое внимание к политической и культурной истории, к различным проблемам религии; социально-экономическое развитие Древнего Египта оставалось в тени.

Египетским археологам приходилось работать в трудных условиях полуколониального положения страны, когда руководство археологической службой находилось в руках иностранных ученых. В 1936 г. освободилось место директора департамента древностей, но им не стал самый авторитетный египетский ученый Селим Хасан, а вновь был назначен француз. Хасан постоянно подвергался преследованиям, и в конце концов его вынудили уйти на пенсию.

Только после июльской революции 1952 г., почти через сто лет после основания департамента древностей, его директором стал египтянин Мустафа Амер, ректор Александрийского университета, географ по специальности. В 1959—1966 гг. департамент возглавлял видный археолог Мухаммед Анвар Шукри (род. 1905), профессор Каирского университета, занимавший одновременно в течение 10 лет пост заместителя министра культуры до кончины президента Насера. Именно в 60-е годы начался расцвет национальной школы в изучении истории Древнего Египта, хотя западная буржуазная наука до сих пор стремится принизить вклад египетских ученых в мировую египтологическую науку.

Одним из выдающихся достижений египетской науки о древностях было открытие, которое сделал молодой ученый Мухаммед Закария Гонейм. Начиная с 1951 г. в течение нескольких лет он проводил раскопки недалеко от архитектурного комплекса Джосера, где открыл неизвестную ступенчатую пирамиду. Как оказалось, она была построена преемником Джосера, фараоном III династии Сехемхетом. Трагическая смерть Гонейма в 1957 г. оборвала успешно начатые открытия. Но он

успел опубликовать книгу «Потерянная пирамида», переведенную на многие языки мира (рус. перевод 1959).

Среди ученых, достигших мировой известности, профессор древней истории Александрийского университета Рашид ан-Надури, автор многих книг, в том числе «Древней истории Магриба».

В первой половине 80-х годов под руководством энергичного директора департамента древностей министерства культуры Ахмеда Кадри египетская археология достигла новых успехов. Экспедиция во главе с М.Тауфиком проводила раскопки в районе Саккары (в 20 км к юго-западу от Каира). Были обнаружены пять древних захоронений, относящихся к периоду правления фараона Рамсеса II (XIII в. до н.э.). По имеющимся надписям установлено, что это погребальные камеры государственных сановников того времени. По мнению многих ученых, захоронения — ценнейшая находка в Египте после 1922 г., когда была обнаружена гробница фараона Тутанхамона. Здесь же несколько позже археологи Каирского университета открыли ряд надгробий, относящихся к 2600 г. до н.э. Среди находок богатые украшения из драгоценных камней и металлов, предметы домашней утвари с красочной росписью, два деревянных саркофага с рисунками из жизни древних египтян и хорошо сохранившаяся мумия.

В 1981—1985 гг. в Гелиополисе вели интенсивные раскопки сотрудники и студенты факультета археологии Каирского университета во главе с деканом Абд аль-Азиз Салехом. Другая экспедиция под руководством Али Хасана работала в Гизе. В эти годы в Египте проводили исследования многочисленные археологические экспедиции ученых из ФРГ, Италии, США, Испании, Франции, Канады, Швейцарии, Японии, а на юге страны и в Судане — из ГДР, Польши, Англии, Испании, Франции, Италии. Египет, таким образом, по-прежнему вызывает особый интерес мировой исторической науки.

Развивается в Египте и такая новая отрасль науки, как подводная археология. В гавани Абукир, где в 1798 г. был потоплен французский флот во время вторжения Наполеона, с 1983 г. работала совместная египетско-французская экспедиция морской археологии. Были обнаружены остатки трех судов, в том числе флагманского «Орьян»; недалеко от этого места найден корабль «Патриот». Одним из руководителей экспедиции был известный египетский археолог Абдалла аль-Атар. Все находки будут выставлены в музее морской археологии, который открывается в Александрии. Он отразит историю флота Египта со времен фараонов до настоящего времени.

Египетские ученые проявляют постоянную заботу о сохранении памятников истории и культуры. В городе Рашид (Розетта), западнее Александрии, 240 археологов, инженеров и рабочих, в том числе 50 выпускников археологического факультета Каирского университета, в течение трех лет (1985—1988) должны были отреставрировать более двух десятков старинных зданий, три мечети, а также древнюю крепость. Большие восстановительные работы проводятся в окрестностях

города Гиза, где надо защитить от разрушения знаменитые пирамиды, в том числе пирамиду Хеопса и статую Сфинкса. Работа по реставрации могучего каменного льва с человеческой головой завершена в 1986 г. В Каире идут восстановительные работы памятников средневековой архитектуры. Одновременно реконструируются старые и создаются новые музеи, в частности, открыт музей в Порт-Саиде. Всеобщий интерес вызвали исследования пирамиды Хеопса египетскими, французскими и японскими археологами с применением новейшей аппаратуры, позволившей заглянуть внутрь каменного исполина.

Историческая наука в Судане. Первая полная история страны под заглавием «Тарих ас-Судан» была опубликована на арабском языке в Каире в 1903 г. Ее автор Наум Шукейр широко использовал для ее написания местные документы и устные традиции.

Первый суданский профессиональный историк Мекки Шибейка (1910—1980) издал в Каире в 1947 г. книгу «Судан в 1819—1919 гг.», в которой отразил период египетского господства, историю махдистского движения и первые 20 лет совместного англо-египетского управления Суданом. Автор изучил в египетских архивах документы турецких властей, которым номинально подчинялись в начале XIX в. Египет и Судан. Шибейка проделал большую работу по сбору, систематизации и изданию исторических хроник, жизнеописаний различных суданских деятелей, генеалогии знатных родов. В 1947 г. в Хартуме под заглавием «Тарих мулюк ас-Судан» им опубликованы четыре важнейшие хроники.

После достижения Суданом независимости Шибейка стал профессором истории Хартумского университета, некоторое время был деканом факультета гуманитарных наук. Кроме названных выше его перу принадлежат книги «Британская политика в Судане в 1882—1902 гг.» (1952), «Независимый Судан» (1959) и др. Все эти работы написаны с умеренно-националистических позиций. Однако Шибейка и другие суданские историки уделяли внимание прошлому лишь арабоязычной, северной части страны и совершенно ничего не писали о негроидных народах юга Судана. К тому же суданские историки сталкиваются до сих пор с большими трудностями: отсутствуют архивы египетской администрации с 1819 г.; все документы и материалы, которые не были переведены в Каир в 1883—1884 гг., были уничтожены во время махдистского восстания и его жестокого подавления англичанами.

Более 130 лет история Египта и Судана переплеталась теснейшим образом, и не случайно в историографию Судана велик вклад египетских ученых. Однако египетские буржуазные историки к освещению прошлого этой страны подходили тенденциозно, с националистических позиций. Они стремились доказать, что Северный Судан, населенный арабами, является исконно египетской территорией; главное внимание они уделяли внешним факторам суданской истории и крайне мало говорили о внутренних процессах. Такая литература печаталась особенно обильно в 1947—1948 гг., когда вопрос о будущем устройстве Судана обсуждался в Совете Безопасности ООН. С подобных позиций, напри-

мер, написана книга известного либерального историка Мухаммеда Сабри «Египетский Судан, 1821–1896», вышедшая в 1947 г. в Каире на французском языке, затем переведенная на арабский язык. В это же время вышла и работа ар-Рафии, в которой защищается проегипетская точка зрения. Более уравновешенной была книга Мухаммеда Фуада Шукри, хорошо знавшего европейские и египетские документы.

Постепенно зрела суданская национальная историография, расширялась ее тематика. Первый труд по истории рабочего движения в послевоенные годы опубликовал молодой ученый, выпускник Оксфордского университета Саад ад-Дин Фавзи (1957). Ряд книг и статей по древней истории Судана в 60–70-е годы подготовил руководитель исторического факультета Хартумского университета Ахмед Али Хакем. В эти же годы развернул активную научную деятельность Ат-Тайеб Зейн аль-Абдин, директор Исламского африканского центра в Хартуме. Круг его интересов распространяется на средневековую и новую историю Судана. Исторические причины острого национально-расового конфликта, принявшего форму гражданской войны, изучает Мухаммед Отар Бешир (род. 1926). Его перу принадлежат две книги о проблеме Южного Судана (1968, 1975), а также по истории образования в стране (1969). Последняя книга представляет собой докторскую диссертацию автора, защищенную в Оксфорде.

Следует также добавить, что в 1955 г. в Хартуме был основан центральный архив Дар аль-Васаик. Это значительное собрание документов и древних рукописей. Он проводит активную издательскую деятельность – выпущены несколько сборников источников о восстании Махди (1881–1898), три тома материалов по истории просвещения в Судане.

Тунисская историография. После достижения независимости Тунис развивается по капиталистическому пути под руководством лидера национально-освободительного движения Хабиба Бургибы (отстранен от власти в ноябре 1987 г.). По его имени официальная идеология называлась «бургибизмом» и представляла собой умеренно-буржуазный национализм. Тунисский национализм обращается прежде всего к доарабской истории страны – к древнему Карфагену, римской Ифрикии – в поисках великой цивилизации, которая должна стать предметом национальной гордости; в этом можно заметить сходство с концепцией «фараонизма» в Египте. Согласно взглядам буржуазных идеологов, Тунис в древности был перекрестком трех цивилизаций – африканской, восточной и европейской, на основе их синтеза возникла особая тунисская нация, обладающая африкано-средиземноморской культурной спецификой. Для Туниса, в отличие от других североафриканских арабских стран, характерны такие явления, как франко-арабское двуязычие, более слабые позиции ислама и идей панарабизма. Политизация исторической науки в Тунисе менее заметна, чем в соседних странах, поэтому ученые-историки имеют больше возможностей для идейно-теоретических исканий.

Ведущими историками современного Туниса являются Бешир Тлили и Мустафа Крайем, оба преподаватели Тунисского университета.

Следует заметить, что они публикуют свои научные труды на французском языке.

Б.Тлили отличается завидным трудолюбием и плодovitостью. В 1974 г. он опубликовал две книги: первая — о культурных и идейных взаимоотношениях между Западом и Востоком в Тунисе в 1830—1880 гг.; она представляет собой докторскую диссертацию, подготовленную в университете Ниццы (Франция). Вторая книга посвящена социально-политическим вопросам и истории общественной мысли того же периода. Затем вышла двухтомная работа по истории Магриба начала XX в. — «Кризисы и изменения в современном исламо-средиземноморском мире» (1978). Второй том посвящен национально-освободительному движению, формированию местного пролетариата и начальному этапу его борьбы. Наконец, в 1984 г. неутомимый ученый выпустил новую работу в двух томах, посвященную рабочему, социалистическому и освободительному движению в странах Магриба в 1919—1934 гг.

Исторические труды Тлили написаны с позиций «национального социализма» в соединении с либерально-буржуазными идеями. Он не скрывает своих антимарксистских и антикоммунистических воззрений, отрицает применимость марксистской методологии при изучении истории арабских стран. К тому же многие его книги представляют собой сырой фактический материал с небольшими комментариями автора; в сущности, это публикации разнообразных документов из архивов, официальных изданий, перепечатка статей из журналов и газет изучаемой эпохи. Книги Тлили, как правило, отличаются многословием, отсутствием четких выводов, в них нет критического анализа источников. Невысокий теоретический уровень работ Тлили обусловлен, по-видимому, недостаточной профессиональной подготовкой историка, его поспешностью при издании написанного.

Такую же интенсивную исследовательскую деятельность ведет М.Крайем. Вначале он опубликовал книгу по истории доколониального Туниса: в первом томе показано административно-государственное устройство, во втором рассмотрены вопросы развития экономики и социальной структуры. В последующих трудах Крайем переходит к изучению общественно-политической борьбы в Тунисе между двумя мировыми войнами. Профсоюзное объединение страны издало две книги историка: «Национализм и синдикализм в Тунисе в 1918—1929 гг.» (1976) и «Тунисский рабочий класс и борьба за национальное освобождение в 1939—1952 гг.» (1980). Обе книги показывают этапы формирования тунисского пролетариата, его вклад в антиколониальную освободительную борьбу. Позиция автора ограничена его национал-реформистским мировоззрением, он не уделяет должного внимания деятельности марксистских групп, игнорирует роль тунисских и французских коммунистов. Эти недостатки характерны и для новой книги Крайема «Социальное движение в Тунисе в 30-е годы», вышедшей в 1984 г. в издательстве Тунисского университета. На эту же тему несколько ранее опубликована двухтомная работа Мохаммеда Салаха Лежери

(1974, 1977). Наконец, следует назвать еще одного тунисского ученого, ведущего активные научные исследования. Мохаммед Талби в соавторстве с Хишамом Джаитом выпустил книгу по истории Туниса в средние века. Ему же принадлежит монография «Ибн Хальдун и история» (1973).

Алжирская историография. Для социокультурной и идеологической обстановки в Алжире после достижения независимости характерно сложное переплетение идей арабо-мусульманского национализма, ислама, левого радикализма с отдельными положениями научного социализма. Своеобразие «алжирского социализма», строительство которого зафиксировано в качестве конечной цели в Национальной хартии 1976 г., в том, что он эклектически соединяет многие разнородные концепции. Официальная идеология Алжира рассматривает научный коммунизм в качестве своего противника. Вместе с тем в общественной жизни Алжира сильны антиимпериалистические и антикапиталистические настроения, марксистская литература находит довольно широкое распространение среди рабочих и студенческой молодежи.

Соответствующим образом трактуемый опыт истории входит составной частью в официальную идеологию. Особой популярностью в современном Алжире пользуется Ибн Хальдун, у которого ищут ответы на социальные и этические вопросы сегодняшнего дня. О нем публикуется множество книг и статей не только в научных журналах, но и в ежедневной прессе. Один из крупнейших специалистов, изучающих творчество средневекового мыслителя, — профессор Оранского университета Абдель Кадер Дженгул.

Руководители страны придают серьезное значение идеологическим функциям исторической науки. Так, в важном политическом выступлении в ноябре 1986 г. президент Шадли Бенджедид особо подчеркнул роль истории в воспитании молодого поколения. Он с возмущением говорил о том, что молодежь плохо знает историю своей родины. Хуже того, многие знают историю других стран лучше, чем свою собственную. Это недопустимо, сказал президент. «Чтобы лучше понять свою цивилизаторскую и духовную принадлежность, молодой алжирец должен знать историю своей страны, своих предков и победы, достигнутые своим народом на протяжении веков». И для этого государство много делает в области народного просвещения и высшего образования. К 1986 г. в стране действовало 14 университетов и университетских центров, а число студентов за 6 лет (1980—1986) выросло в 4 раза и достигло 200 тысяч. К 20-летию юбилею провозглашения независимости (1982) Научным центром исторических исследований выпущена четырехтомная «История Алжира» с древнейших времен до наших дней. Отдельный том посвящен периоду французской оккупации (1830—1962) и национально-освободительной борьбе.

Алжирские историки изучают антиколониальное движение как приоритетную тему; по числу научных публикаций остальные проблемы остаются далеко позади. Впрочем, в первые годы независимости прежде всего пересматривалась общая концепция истории страны, поэтому

выходили книги, в которых резко отвергались колониалистические стереотипы в изучении прошлого Алжира. Это видно из таких работ, как «История Алжира» (1963) и «Алжир в зеркале истории» (1965) видного публициста Мухаммеда аль-Мили; «Алжир: народ и общество» (1965) Мустафы Лашерафа, назначенного позже первым директором Национального центра исторических исследований; «Мусульманский реформизм в Алжире в 1925—1940 гг.» (1967) Али Мерада.

Большое влияние на развитие исторической мысли не только в странах Магриба, но и во всей Африке оказала вышедшая в 1965 г. книга Мухаммеда Сахли «Декolonизация истории». В ней дана сокрушительная критика буржуазной французской историографии, которая помогла колониальному режиму «лишить алжирцев их собственной истории». Автор обосновал высокие общественные функции исторического познания в освободившейся от колониального ига стране, справедливо указывая на то, что нельзя безрассудно игнорировать прошлое. «Игнорировать прошлое, — пишет Сахли, — не значит уничтожить его, так как мы несем его в себе как наследие... Непознанное, оно становится роком, который поработывает человека, тормозит его будущее. После Гете часто повторяли: человек освобождается от прошлого, познавая его». Сахли заканчивает эту мысль тезисом, что народы освободившихся от колониального гнета стран должны познать и осознать свое прошлое: «...знание истории не только позволяет человеку освободиться от прошлого. Оно помогает ему также понять актуальные проблемы и способствует его самоутверждению».

В этих словах выражена свойственная идеологам освободившихся стран вера в высокое предназначение исторического познания как одного из путей освобождения от «бремени прошлого».

В 70—80-е годы национально-освободительная борьба становится излюбленной темой алжирских историков. Одной из лучших работ по праву считается двухтомная книга Махфуда Каддаша «История алжирского национализма» (1980), выполненная на основе докторской диссертации, защищенной в Тулузском университете. В ней довольно отчетливо отразились как достоинства, так и недостатки всей алжирской национальной историографии.

Прежде всего можно отметить влияние на автора марксистской методологии, что заметно в том внимании, какое он уделяет изменениям и противоречиям в социальной сфере. Однако выводы приходят в глубокое противоречие с приводимыми фактами, когда Каддаш утверждает, что социально-экономические факторы не играли решающей роли, а главной движущей силой антиколониальной борьбы была мусульманская религия. Автор не скрывает своей враждебности к марксизму, он пытается всячески умалить участие алжирских и французских коммунистов в борьбе, акцентировать внимание на их ошибках. Предлагаемая периодизация освободительного процесса неудовлетворительна, в качестве отправных дат взяты малозначащие события; так, концом всего периода произвольно взят 1951 г., хотя известно, что вооруженное

восстание, которое в конечном счете привело к независимости, началось лишь 1 ноября 1954 г.

Несмотря на указанные недостатки, исследование Каддаша ценно богатейшей информацией поистине энциклопедического размаха. Автор собрал и впервые ввел в научный оборот множество редких, иногда — уникальных документов, материалов и свидетельств участников исторических событий. Кроме того, следует признать научную объективность автора, его стремление избежать конъюнктурных оценок. Общая трактовка событий, однако, соответствует официальной идеологии партии Фронт национального освобождения, являющейся правящей партией современного Алжира.

В 80-е годы М.Каддаш выдвинулся в качестве ведущего алжирского историка. Кроме указанной выше книги он опубликовал также учебные пособия «Алжир в древности» (1972) и «Средневековый Алжир» (1982). Все работы написаны на французском языке.

Идейно-методологические установки М.Каддаша разделяет другой видный историк Белькасем Саадалах (род. 1931), получивший образование в США (университет Миннесота). Его первая крупная работа «Алжирское национальное движение» была опубликована в Бейруте в 1969 г. Затем вышли фундаментальное трехтомное исследование по истории страны в средние века и два тома по истории культуры (1981). Все работы написаны на арабском языке. На нем же публикует свои книги Яхья Буазиз, изучающий антиколониальные движения XIX в. Первая из них посвящена восстанию 1871 г., другая — сопротивлению населения восточных районов страны колониальной политике Франции.

Хотя современная алжирская историография в идейном отношении дифференцирована слабо, в ней можно выделить крыло, которое более восприимчиво к марксизму. С демократических, близких к марксизму позиций написал книгу Мухаммед Тегиа «Алжир в войне» (1981). С подобных же революционно-демократических позиций пишут свои научные работы Мухаммед Кананэш и Талеб Бендиаб. Первый из них в книге «Движение за независимость в Алжире, 1919—1939 гг.» (1982) пишет о влиянии идей Великого Октября на национально-освободительное движение алжирского народа. Победа большевистской революции в России, отмечает автор, вызвала беспрецедентный подъем мирового рабочего движения. Это в свою очередь сказалось на формировании алжирского освободительного движения. Т.Бендиаб, хранитель Национального архива, выступил со статьей «Зарождение идей научного социализма в Алжире в 1920—1936 гг.» (1977), в которой подверг критике утверждения ряда историков, алжирских и французских, об ошибках ФКП и Алжирской компартии. Эти авторы выдвигали на первый план противоречия между марксистами и националистами; Бендиаб, напротив, ставит своей задачей «исследовать коммунизм и национализм под углом зрения их взаимодополняемости и роли в борьбе алжирского народа». Несмотря на различия и нередкие споры алжирские марксисты и мелкобуржуаз-

ные националисты шли рука об руку к общей цели. Работа Бендиба выполнена на прочной документальной базе, в ней много новых фактов, приводятся интересные цифровые данные, извлеченные из архивов Алжира и Франции.

Ветеран алжирского коммунистического движения Садек Хаджерес дал марксистскую интерпретацию развития национальной культуры, показал ее роль в борьбе за национальное и социальное освобождение на протяжении последних ста лет в книге, опубликованной в Париже (1981).

Некоторые алжирские историки по различным политическим причинам покинули свою родину и занимаются историческими исследованиями в эмиграции. Так, Ахмед Махсас, уехавший из Алжира в 1966 г., опубликовал в Париже книгу по традиционной для современной алжирской историографии проблеме «Революционное движение в Алжире от первой мировой войны до 1954 г.» (1979). По этой же проблеме публикует свои труды Мухаммед Харби, также находящийся в эмиграции. Их книги и статьи проникнуты стремлением опровергнуть алжирскую революцию, доказать ошибочность социалистического выбора.

Марокканская историография. Господствующая в Марокко после достижения независимости доктрина марокканского национализма сформулирована в трудах основателя крупнейшей в стране буржуазной партии «Истикляль» («Независимость») Алляля аль-Фаси (1910–1974). Марокканский национализм, утверждал он, порожден двумя факторами: симбиозом человека и земли, на которой он живет и трудится, и арабо-исламским историческим наследием. Значительное место в его идеологической концепции занимает религия: «Коран есть лучшая конституция, лучший трактат политэкономии. Он может с успехом заменить для современного мусульманина «Декларацию прав человека» и «Капитал». Выступая в защиту многопартийной системы, Алляль аль-Фаси тем не менее был сторонником элитарной формы правления. Он часто повторял: «Нацией должны управлять аристократы мысли».

Однако идеология партии «Истикляль» не является господствующей. В 1973 г. король Хасан II провозгласил курс на строительство социализма; в сущности, новая политика является не чем иным, как особой разновидностью феодального социализма. Главная цель властей состоит в привлечении на свою сторону масс и лишении буржуазной оппозиции поддержки народа. Феодальный социализм в идеологии сочетается с необонапартизмом в сфере управления государством. Мы видим, таким образом, что социополитическая и идеологическая обстановка в Марокко запутана и противоречива.

Общественные науки, в том числе история, развиваются в обстановке идейной борьбы. Сталкиваются самые различные мировоззрения: от марксистского на одном полюсе до консервативных, традиционалистских и реакционных — на другом. Эта пестрота, однако, не сопровождается высоким профессионализмом, поэтому говорить о больших достижениях современной марокканской историографии не приходится.

Не случайно один из ученых Рабатского университета начинает свою статью грустной констатацией: «Социальную историю Марокко остается написать». Единственным историком, который получил признание за пределами страны, является Жермен Аяш. Его «Очерки Марокканской истории», написанные с умеренно-либеральных позиций, переведены на русский язык (1982). Другая его книга, сделанная на основе устных источников и редких арабских документов, посвящена колониальной войне в конце 20-х годов в области Риф (1981). Абдаллах Ларуи опубликовал ряд работ об идейной борьбе в арабских странах, а также «Историю Магриба». Наиболее солидная книга посвящена истории марокканского национализма в 1830–1912 гг. (1977).

В 1976–1978 гг. в Марокко опубликованы 4 тома архивных документов под кратким заглавием «Аль-Васаик» («Документы»). Их издал Королевский архив в Рабате, во главе которого стоит известный ученый Абд аль-Ваххаб Бен Мансур. Подобные издания особенно нужны в связи с тем, что многие архивные материалы Марокко, а также Алжира и Туниса по-прежнему находятся во владении бывшей метрополии — Франции.

2. Формирование и развитие научной истории в странах Тропической Африки

Этапы становления национальной историографии. Огромные изменения в мире, происшедшие после окончания второй мировой войны, оказали прямое воздействие на становление научно-теоретической мысли народов Тропической Африки. Возникновение научной историографии совпало с переломным событием в социальной, политической и культурной жизни этих народов — завоеванием ими политической независимости. Именно подъем национально-освободительного движения африканских народов в 50-е годы создал необходимую предпосылку для окончательного оформления системы исторических воззрений как составной части идеологии этого движения. Труды первых африканских ученых снабжали руководителей антиколониальной борьбы важными историческими аргументами, помогали мобилизовать массы против чужеземного угнетения. Идеологическое обеспечение освободительного движения стало главной общественной функцией африканской историографии на раннем этапе ее возникновения.

Граница между накоплением исторических знаний и рождением исторической науки, между преднаучной и научной историями обозначилась во второй половине 50-х годов. Именно тогда произошел качественный скачок — накопленные в течение многих веков исторические знания африканцев нашли свое теоретическое объяснение в трудах профессиональных историков. Становление научной африканской истории происходило в результате сложного взаимодействия и синтеза традиционной истории и современной мировой исторической науки.

В середине 50-х годов выходит в свет ряд сочинений получивших профессиональную историческую подготовку авторов из различных стран Тропической Африки — сенегальца Ш.А. Диопа, ганца Графт-Джонсона, нигерийцев К.О. Дике и С.Биобаку, руандийца А.Кагаме. В эти же годы докторские диссертации защитили также Абдулай Ли (из Сенегала) и Ж.Ки-Зербо (из Верхней Вольты, ныне — Буркина-Фасо). С деятельностью этой плеяды ученых связано рождение научной историографии. На основе широких обобщений, которые не всегда были аргументированы в достаточной степени, эти авторы утверждали ценности африканской цивилизации, ее вклад в мировую культуру, отвергая тезис колониальной историографии о народах «без истории и без культуры».

Особенно большой общественный резонанс получила книга Ш.А. Диопа «Негрские нации и культура» (1954), которую автор безуспешно пытался защитить в качестве докторской диссертации в Парижском университете. Хронологические рамки исследования определены в его подзаголовке «От негро-египетской античности до культурных проблем сегодняшней Черной Африки». Общая концепция, которую автор пытается обосновать, используя источниковую базу древнегреческих и латинских текстов, данные этнографии и языкознания, строится на тезисе о принадлежности древних египтян к негроидной расе и о том, что именно из долины Нила негроидные племена затем заселили территорию Африки к югу от Сахары. Автор стремится доказать культурный приоритет африканцев и перечисляет достижения негро-египетской цивилизации. Математика, астрономия, вообще все точные науки, религия, искусство, медицина, календарь, письменность, техника, архитектура — все это и многое другое было якобы открыто и изобретено чернокожими жителями Древнего Египта. Одним словом, негро-египтяне цивилизовали весь остальной мир (подробный анализ трудов Ш.А. Диопа мы дадим позже).

Книга Диопа своей политической остротой, смелостью выводов, доходящих порой до парадоксов, прославлением прошлого Черной Африки вызвала оживленную дискуссию в научных кругах и возражения многих ученых; вместе с тем идеологи африканского освободительного движения оценили ее очень высоко, считая, что книга Диопа «разбудит Африку». В самом деле, национал-романтические положения сенегальского историка использовались лидерами антиколониальной борьбы в пропагандистских целях, чтобы обеспечить ей широкую поддержку, особенно в рядах молодежи.

Как известно, национал-романтизм является типичной чертой историографий, возникающих на волне национально-освободительных движений (например, ирландской, индийской). Если на ранних этапах развития историографии национал-романтическая идеализация африканского прошлого в определенной степени отвечала задачам освободительной борьбы и несла в себе заряд патриотических чувств, то по мере углубления национальных революций, усиления социальных

противоречий в Африке она все чаще используется консервативными силами для укрепления отживших порядков и реакционных идей.

Здесь уместно привести глубокую мысль А.Граммши о двойной роли националистической предвзятости: «Если такая предвзятость и сослужила хорошую службу в политике в период национальной борьбы как основа патриотического энтузиазма и объединения сил, то теперь она не нужна, она препятствует выработке критического отношения, превращается в элемент слабости, не позволяет правильно оценить усилия поколений... порождает своего рода фатализм и пассивное ожидание будущего, которое якобы полностью предопределено прошлым». Вместе с тем некоторые леворадикальные публицисты привлекают ныне исторические построения национал-романтиков для нападков на марксистскую историографию, которая будто бы не понимает новаторства африканских историков, и на этом основании ставят знак равенства между глубоко научной критикой Диопа и его последователей со стороны марксистов и резкой негативной оценкой в буржуазной африканистике.

В конце 50-х годов оформляется и иной, более объективный подход к изучению африканского прошлого. На африканского историка, говорил на II конгрессе деятелей африканской культуры в Риме (1959) нигерийский ученый С.Биобаку, ложится большая ответственность: образ прошлого не должен искажаться кривым зеркалом слепого национализма; не идеализация истории, а ее научное познание – вот его главная задача. Подобные же мысли развивал другой ученый из Нигерии, М.Ачуфузи, получивший профессиональную подготовку в ГДР; он подчеркнул вклад марксистской историографии в правдивое освещение прошлого африканских народов.

Этапным событием в становлении национальной исторической науки в странах Африки явилось выделение африканистики в качестве самостоятельной отрасли науки на XXV Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. Примечательно, что отпочкование африканистики от востоковедения произошло в Москве по предложению двух выдающихся ученых – И.И. Потехина, одного из зачинателей марксистского изучения истории африканских народов, и американского историка и этнографа М.Херсковица (о нем мы будем говорить в § 4).

Итак, национальная историография как современная наука возникла в странах Тропической Африки накануне «года Африки», т.е. 1960 года, когда стали независимыми 17 африканских стран. Об этом свидетельствуют не только научные труды названных выше профессиональных историков, но и появление во многих странах Тропической Африки сети научно-исследовательских учреждений, прежде всего университетов. Вот несколько данных: в 1945 г. в этом регионе не было ни одного университета, в 1950 г. их было всего 5, в 1960 г. – уже 17 университетов.

С 1960 г. до конца 80-х годов африканская историография в своем развитии прошла два этапа.

На начальном этапе (60-е – начало 70-х годов) она формируется в обстановке ликвидации колониального угнетения, создания незави-

симых государств, поиска модели социально-политического развития, борьбы за достижение независимости в экономической и культурной областях. Это период институционализации исторической науки: происходит «африканизация» научных учреждений, создаются новые, расширяются масштабы исследований, появляются национальные кадры профессиональных историков. В научных публикациях подвергается резкой критике ряд положений буржуазной историографии. Главное место занимает переоценка уже известных фактов с националистических, нередко — антиимпериалистических позиций. В методологическом плане африканские историки, не порывая с господствующими буржуазными концепциями, отвергают европоцентризм и в большинстве своем развивают теорию «исключительности» исторического пути Африканского континента. Идеологи национально-освободительного движения провозглашают необходимость «переписать» историю африканских народов, очистив ее от фальсификаций колонизаторов, подчеркивают пропагандистский, прикладной характер историографии.

Среди лидеров национально-освободительного движения в первые годы независимости господствовало мнение о преувеличенных возможностях истории в решении насущных социально-экономических и культурных проблем. Наиболее четко эту мысль сформулировал вольтийский историк и общественный деятель Ж. Ки-Зербо, выдвинувший концепцию «История — основной рычаг», согласно которой африканской историографии отводилась решающая роль в духовной деколонизации общественного сознания африканцев, в деле воспитания патриотизма и понимания задач государственного строительства. Опыт прошлого должен был служить уже не пробуждению национального самосознания, а скорее его возбуждению и поддержанию на высоком уровне в условиях раскола единого антиколониального фронта. Переходное состояние африканского общества с его растущими межэтническими и межгосударственными противоречиями, углубление социальных противоречий и обострение классовой борьбы, наконец, действия внешних реакционных сил — все это ставило задачи консолидации в центр культурно-идеологической деятельности молодых независимых государств, правящих в них партий.

Высокое мнение о роли и месте исторических знаний в общественном сознании освободившихся стран Африки зачастую, особенно в конце 50-х — начале 60-х годов, принимало гипертрофированные формы, и тогда объективный анализ прошлого подменялся сочинением исторических мифологем с непосредственными прикладными политическими задачами. Политизация и крайняя актуализация приводили к тому, что призыв к национальной гордости превращался в проповедь национальной исключительности, а законное чувство патриотизма уступало место безудержному национализму. Химеры прошлого заслоняли понимание действительных проблем сегодняшнего дня, история из фактора развития превращалась в тормоз социального прогресса. Создавалась та ситуация, о которой В.И. Ленин неоднократно говорил: «Мертвый хватает живого». К.Маркс следующим образом описал фетишизацию прошлого:

«Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» (Т. 8. С. 119).

Только наиболее дальновидные идеологи национально-освободительного движения понимали, что бремя прошлого довлеет над сознанием архаично мыслящих широких масс и что идеалы нового общества следует искать в будущем, а не в прошлом. К таким выводам подходили Ф.Фанон, А.Кабрал, Э.Мондлане и в последние годы своей жизни К.Нкрума. Последняя глава известного сочинения Фанона «Черная кожа, белые маски» написана в идейном ключе взятых в качестве эпиграфа глубоких мыслей Маркса: «Социальная революция... может черпать свою позицию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины» (Там же. С. 122).

В середине 70-х годов наступил новый этап в развитии африканской исторической науки. Это время углубления национальных революций, когда освободительная борьба стала все более приобретать антифеодалную и антикапиталистическую направленность. Обострение классовых антагонизмов сопровождается более четким размежеванием различных политических сил и идеологических течений. В таких условиях происходят серьезные перемены в исторической науке: во всех странах Тропической Африки создаются университеты и другие исследовательские учреждения, которые расширяют тематику и масштаб своей работы; публикуются первые обобщающие труды, синтезирующие накопленные знания; оформляются теоретико-методологические направления, течения и школы. Важным событием этого второго современного этапа явилось формирование национальной историографии в освободившихся от колониального ига Анголе, Мозамбике, Зимбабве; новая, подлинно научная история формируется в революционной Эфиопии.

Теоретико-философские основания. Новый период африканской историографии, начавшийся в 70-е годы, связан прежде всего с изменением социальных функций африканской исторической науки, которая из идеологического оружия в антиколониальной борьбе все более превращается в средство национальной консолидации и важный фактор воспитания масс; направление этого воспитания зависит от избранной той или иной страной политической ориентации. Укрепление национального единства в странах с пестрым этническим составом, борьба против трайбализма и сепаратизма, воспитание надэтнического патриотизма становятся важными задачами идейно-пропагандистской деятельности правящих политических партий и групп, в которой история играет существенную роль. Кроме того, всестороннее изучение прошлого и

настоящего африканских обществ становится необходимой предпосылкой успешного планирования социального и культурного развития.

Меняются и познавательные-гносеологические задачи историографии: цель реабилитации африканской истории, выдвинутая в качестве главной на раннем этапе (конец 50-х — 60-е годы), к началу 70-х годов была в основном достигнута. На большом фактическом материале были опровергнуты центральные положения колониальной буржуазной историографии о пассивности африканских народов, отсутствии у них истории, хамитская теория возникновения государственности и цивилизации в Тропической Африке.

Вместе с тем многие африканские историки пересматривают воззрения националистического толка на место и роль Африки в мировом историческом процессе, отвергают весьма распространенный прежде афроцентризм, пришедший на смену европоцентризму западной буржуазной историографии. Более объективно стала трактоваться сущность традиционной истории, ее принципиальное отличие от современной научной историографии.

Теоретико-философские основания национальной историографии могут быть поняты лишь учитывая позднее ее рождение, а затем ускоренное развитие. Остановимся подробнее на этом важном методологическом вопросе.

Национальная историография в странах Тропической Африки сформировалась гораздо позже, чем в других регионах мира, и является самой юной составной частью мировой исторической науки. В очень сжатые сроки (примерно 25 лет) она прошла путь, на который национальные историографии других стран и регионов затратили столетия. Не вдаваясь в детали объяснения этого явления, характерного не только для историографии, но также для философской и эстетической мысли, художественной литературы Африки, отметим, что оно обусловлено ускорением общественно-исторического процесса в современную эпоху. Становление национальной исторической науки происходило под непосредственным воздействием сложных и противоречивых явлений в мировой исторической науке, ее многовекового опыта, новейших методических приемов, острейшей борьбы теоретических направлений и течений. Перенос современной методологии и методики исторических исследований на африканскую почву нельзя рассматривать как механическое заимствование; африканские историки овладевали достижениями мировой науки опосредованно, стремясь творчески применить полученные знания к материалу африканской истории.

Быстрое развитие африканской историографии шло не только на основе усвоения новейших достижений более развитых историографий других регионов мира, но как бы повторяя их путь, только в ускоренном темпе. Происходило совмещение этапов развития, последовательно сменявших друг друга в эволюции других историографий, возникших в XVIII—XIX вв. и прошедших медленный путь созревания. Следствием такой полистадиальности современной африканской историографии

является ее идейно-теоретическая многослойность, полифоничность, одновременное сосуществование философских концепций, давно преодоленных в других историографиях, и самых новейших методологических направлений. В результате идейно-теоретическая палитра современной африканской историографии весьма богата. В ней можно вычленить и слой просветительской, самой ранней идеологии, и национал-романтизм, характерный для этапа ее формирования, и методологию позитивизма с преклонением перед фактом, и новейшие теоретические построения современной буржуазной исторической науки. Большое воздействие на общественную мысль африканских стран оказывает теория марксизма-ленинизма.

Возврат к давно отошедшим теоретико-философским системам наблюдался прежде в странах Азии и Латинской Америки и обусловлен асинхронностью развития научной мысли и общими закономерностями ее эволюции, с необходимостью повторяющей наиболее существенные стадии. Серьезное влияние на африканскую историческую мысль оказали идеи позитивизма и экзистенциализма.

Позитивистская методология, проникая в общественную мысль стран Азии и Латинской Америки, сыграла на определенном этапе прогрессивную роль в борьбе против мифологического мышления, схоластики и метафизики. Что же касается стран Тропической Африки, то сюда позитивизм стал проникать гораздо позже, и его последствия были более противоречивыми.

Позитивизм способствовал критике многих концепций национал-романтизма, построенных в большинстве своем на эмоциональном псевдопатриотическом пренебрежении к фактам, к доказательствам. Географическая и этнопсихологическая детерминированность исторических процессов тоже в определенной степени имеет под собой в качестве философского обоснования позитивизм. Строго говоря, позитивистские воззрения представляют собой лишь частное проявление многофакторной теории, ставшей ведущей идейно-теоретической концепцией в трактовке африканского прошлого. Обращение к многофакторной теории было в значительной степени стихийным; объяснение тому дал Г.В. Плеханов: «Та или другая разновидность такой теории... должна родиться всюду, где люди, интересующиеся общественными явлениями, переходят от простого их созерцания и описания к исследованию существующей между ними связи». Теория факторов, таким образом, возникает на определенной стадии обобщения и философского осмысления наблюдаемых фактов.

Вместе с тем сегодня позитивизм (а также его модификация — логический позитивизм, или неопозитивизм, проповедуемый школой К.Поппера) является в целом отжившим философским течением, не имеющим будущего в Африке. Его глубокий антиисторизм, отказ от признания существования общих закономерностей исторического развития, крайний релятивизм — все это не может привлечь надолго симпатии африканских ученых.

Экзистенциализм был чрезвычайно популярен в 50-е — начале 60-х годов среди идеологов национально-освободительного движения и первых африканских историков, главным образом в бывших французских колониях. Причину этого следует искать, видимо, не только в проповеди абсолютной ценности человеческой жизни и равноправия всех цивилизаций, но и в отдаленном сходстве между некоторыми положениями западной «философии существования» и традиционной африканской мыслью. В одном из выступлений на конгрессе африканистов в Дакаре говорилось: «Экзистенциализм — философия человека в самых элементарных ситуациях. В этом смысле африканская мысль и экзистенциализм имеют много сходства. Оба ставят в центр своего внимания человеческое существование и обращаются к человеку не как к объекту научного исследования, а как к личности, способной изменить этот мир». В признании равноценности всех человеческих цивилизаций экзистенциализм не оригинален; этот тезис был заимствован Ж.-П. Сартром у ученых-этнографов, сторонников доктрины культурного релятивизма.

Из многочисленных буржуазных концепций исторического развития наибольшее воздействие на молодую африканскую историографию оказал культурный релятивизм. Именно эта теория была преобладающей в учебных заведениях Франции, Англии и США в 50-е годы, когда там учились первые африканские историки. Африканцев в культурном релятивизме привлекали прежде всего прогрессивные черты этой теории: антирасизм, уважение к культуре всех народов, «отказ от высокомерно-самовозвеличения европейцев и американцев как носителей якобы абсолютных культурных ценностей и непогрешимых судей в этих вопросах» (С.А. Токарев).

Лишь много лет спустя отдельные представители африканской теоретической мысли осознали глубокую двойственность теории культурного релятивизма, заметили его консервативную сторону. Сказались, очевидно, и внутренняя эволюция самой теории, и изменение социально-политической обстановки в Африке.

Распространение позитивизма и культурного релятивизма привело африканскую историографию к «культу факта», к описательности, к методологическому нигилизму. Отказ от занятия четких идейно-теоретических позиций, фактографичность африканской историографии объясняются, конечно, не только воздействием западных концепций; главная причина такого положения лежит в неразвитости общественных отношений в Тропической Африке, в молодости научного мышления.

Отдельные ученые признают необходимость теоретических обобщений; так, В.Мудимбе пишет: «Невозможно достичь определенного уровня истины без теории». Но многие африканские историки стремятся не афишировать свои мировоззренческие позиции; идейно-политическое содержание их воззрений маскируется националистической фразеологией. Немало и таких, которые пытаются стоять на равном расстоянии и от марксизма, и от западных буржуазных теорий.

Классификация методологических течений и школ. Современный период в развитии национальной историографии Тропической Африки характеризуется идейно-политическим размежеванием и оформлением нескольких теоретико-методологических течений и школ. Научная классификация африканских историков представляет значительную трудность.

Приходится учитывать, во-первых, эклектизм мировоззрения и расплывчатость идейно-методологических позиций, а во-вторых, отсутствие достаточной временной дистанции, необходимой для того, чтобы историографические оценки прошли проверку временем. Кроме того, систематизация теоретических направлений осложняется общей политической нестабильностью на Африканском континенте и резкими драматическими поворотами в судьбах африканских историков, играющих, как правило, активную роль в политической жизни своих стран; одни из них меняют министерские кабинеты на тюремные камеры, другие, напротив, получают высокие государственные посты, третьи подвергаются преследованиям и вынуждены эмигрировать. Наконец, изучение современной африканской историографии осложняется тем, что необходимые для анализа работы разбросаны по многочисленным журналам Европы и Северной Америки или же выпускаются местными издательствами небольшими тиражами, что делает их труднодоступными.

К оценке научного вклада отдельных историков мы стремились подходить дифференцированно, учитывая не только их философские и исторические взгляды, но и политическую деятельность. Кроме того, была принята во внимание некоторая условность классификации, подвижность границ между историографическими группировками. Таким образом, выделяемые нами методологические течения, направления и школы относительны; тем не менее классификация является необходимым этапом углубленного изучения современной африканской историографии. При ее проведении главными являются общественно-политические позиции и теоретические взгляды ученых, необходим анализ их концепций при рассмотрении основных проблем исторического прошлого.

Кроме комплексного, системного подхода необходима терминологическая чистота при употреблении таких историографических понятий, как «течение», «направление», «школа». К сожалению, в научной литературе эти категории часто применяются как синонимы, что приводит к путанице. Между тем Е.В. Гутнова в «Историографии истории средних веков» обосновала четкие определения терминов «течение», «направление», «школа», которые она рассматривает как связующие звенья между творчеством отдельных ученых и общим развитием историографического процесса.

Наиболее широким из этих понятий является «течение», которым обозначается обычно аморфная группа историков, объединенных самыми общими методологическими принципами. Более компактной историографической группировкой следует считать «направление», которое

объединяет ученых, более тесно связанных между собой единством методологии и, как правило, общей проблематикой. В составе течений и направлений могут формироваться историографические школы; критерием для отнесения того или иного ученого к «школе» служат единство методических приемов или же объединение по географическому принципу — совместная работа в одном научном центре с ярко выраженными индивидуальными чертами. В отдельную школу, видимо, следует выделять учеников и последователей крупного ученого, внесшего значительный вклад в разработку определенной научной проблемы.

В применении к историографии стран Тропической Африки можно утверждать о наличии с середины 70-х годов сформировавшихся идейно-теоретических течений, хотя их выделение из общего потока исторической литературы началось ранее. При этом были учтены многочисленные труды советских ученых об идеологических течениях как в развивающихся странах вообще, так и конкретно в странах Африки. Историографическая группировка, естественно, не может полностью совпадать с классификацией идеологических течений, так как историография, испытывая большое воздействие общественной мысли, тем не менее сохраняет свою относительную самостоятельность и несводима к идеологии.

Познакомимся более детально с главными методологическими течениями современной историографической мысли стран Африки к югу от Сахары. Прежде всего заметим, что направлений в том смысле, в каком определена эта категория Е.В. Гутновой, в африканской историографии нет; имеются лишь весьма широкие методологические течения и несколько школ.

К настоящему времени в Тропической Африке сложились три историографических течения: консервативное, либеральное и революционно-демократическое. В силу целого ряда причин (слабости пролетариата и его авангарда — марксистских рабочих партий, неразвитости общественных отношений, культурной отсталости) марксистская теоретическая мысль еще не оформилась в определенное течение, хотя ученые-марксисты имеются в некоторых странах этого региона (Нигерия, Сенегал). Леворадикальная идеология представлена главным образом трудами экономистов и социологов, но не историков.

Можно ли объединить научную мысль всей Тропической Африки (более 30 государств) или же вернее будет говорить о существовании многих «африканских историографий»: сенегальской, нигерийской, заирской, кенийской, ангольской и т.п.? Конечно, страноведческий подход необходим и плодотворен при углубленном изучении отдельных вопросов экономики, социальных отношений, культуры. Однако общие черты исторического прошлого, однотипность решаемых политических проблем, примерно одинаковый уровень развития, а также сравнительная быстрота обмена научной информацией позволяют предпочесть региональный подход. Несмотря на значительные страновые и языковые

различия, у историков Тропической Африки больше качеств, которые их объединяют, чем тех, что их разделяют. Дробление по страновому признаку разрывает единство целостного историко-культурного региона, для которого характерна общность исторических судеб населяющих его народов. Кроме того, следует учитывать, что нынешняя политическая карта региона установилась сравнительно недавно (80—100 лет назад), многие прежде единые народы и государственные образования оказались разделенными колониальными границами. Изучение прошлого в масштабах всего региона позволит восстановить этническое и политическое единство, нарушенное колониализмом.

Следует учитывать и то, что определяющей тенденцией развития африканской исторической мысли является размежевание ученых по идейно-теоретическим критериям независимо от государственных границ и официального языка, постепенное стирание различий, унаследованных от историографий бывших метрополий (английской, французской, португальской).

Рассмотрим теперь идейно-политические и исторические воззрения ведущих ученых названных выше методологических течений, познакомимся с их основными трудами.

Консервативное течение выражает мировоззрение верхушки традиционных общественных групп и наиболее реакционных слоев местной буржуазии, враждебно относящихся ко всем переменам на Африканском континенте. К нему следует отнести также представителей клерикальных (мусульманских и христианских) кругов. Историки этого течения защищают концепцию «африканской исключительности», идеализируют общественный строй и культуру Африки до колониальных захватов, отрицая наличие в ту эпоху классового расслоения и эксплуатации. Они находят опору в архаичном сознании довольно широких слоев населения, прежде всего крестьянства, мало затронутых современными социальными и культурными процессами. Консервативное течение можно назвать также неотрадиционалистским, поскольку его представители, с одной стороны, апологетически относятся к общественным порядкам традиционной доколониальной Африки, а с другой — недостаточно владеют современными методами познания прошлого, излишне доверчиво относятся к устной исторической традиции.

К этому течению относятся Бубу Хама, Амаду Ампате Ба, Алексис Кагаме, Энжелбер Мвенг, историк и социолог Кофи Бусиа, историки и религиоведы Джон Мбити и Чишику Чибангу, ряд историков Заира, Кении, Камеруна. Некоторые из них занимали высокие государственные посты в своих странах и активно выступали против прогрессивных преобразований. Так, Бубу Хама (1906—1982) занимал до военного переворота в 1974 г. второй пост в государственной иерархии Нигера, будучи официальным идеологом правившего проимпериалистического режима. Кофи Бусиа (1913—1978) возглавлял в Гане буржуазную оппозицию правительству Кваме Нкрумы, а позже, после его свержения, был премьер-министром (1969—1972), проводил курс на развитие капитализма в

стране и усиление ее зависимости от западных монополий. Чишику Чибангу, имеющий сан епископа католической церкви, в течение многих лет является ректором Национального университета Заира, усердно пропагандирует реакционные идеи «мобутизма». Сан епископа и ученую степень доктора теологии имел историк, философ и поэт из Руанды Алексис Кагаме (1912—1982).

Философской основой мировоззрения консервативных историков является идеализм; он проявляется в отказе от признания решающего воздействия материальных факторов на ход исторического процесса. Эти ученые пренебрегают проблемами социально-экономической истории и проявляют особый интерес к изучению традиционной культуры, идеологии, религии; духовная жизнь определяет, по их мнению, социальную структуру африканского общества, отличавшегося в доколониальные времена отсутствием классовых противоречий, солидарностью его членов и гуманизмом. Об этом писали и Бусиа, отрицавший феодальный характер ашантийского общества, и Бубу Хама в многочисленных работах о государстве Сонгай. Особенности исторического пути народов Африки ученые этого течения объясняют мистическими свойствами «африканской души», которая якобы не поддается объективному научному анализу.

Из общеметодологических проблем консервативные ученые с большим интересом относятся к проблеме исторического времени, стремясь опровергнуть установившееся в науке понимание его процесса как линейного и необратимого; такая трактовка будто бы является чисто европейской и не соответствует африканскому взгляду на прошлое. Кагаме, Мбити, Бубу Хама в своих работах повторяют, комментируют и объясняют традиционную точку зрения на время, свойственную мифологическому историзму донаучного мышления. Время, по мнению Кагаме, развивается по спирали, но оно необратимо: «Необратимость времени служит в некотором роде центральной осью, вокруг которой вращаются циклы, наподобие спирали, создающей впечатление открытого кольца». Мбити и Бубу Хама считают время африканской истории способным сжиматься и растягиваться, прошлое растворяется в настоящем, а будущее едва просматривается.

Неотрадиционалисты базируют свою концепцию времени главным образом на материале африканских языков и на многозначности различных семантических категорий прошлого, настоящего и будущего. Логическим итогом такого метода является вывод Мбити о том, что в языках банту будущее время вообще отсутствует, а мысль африканцев обращена в прошлое. Против мифологизации общественного сознания африканцев, прославления архаики выступили африканские историки других течений. Они с полным основанием утверждают, что мысль африканцев, как и других народов мира, устремлена в будущее.

В группе консервативных историков несколько особняком стоит камерунский историк, поэт и видный деятель культуры Энжелбер Мвенг (род. 1930). В данном случае, по-видимому, мы имеем дело с тем

пограничным случаем, когда одного ученого можно причислить сразу к двум методологическим течениям. С либерально-буржуазным течением его роднит следование позитивистской многофакторной теории (утверждение равного воздействия материальных и духовных факторов на исторический процесс), склонность к изучению преимущественно письменных источников. Мвенг поддерживает национал-романтическую концепцию Ш.А. Диопа о негро-африканском характере древнеегипетской цивилизации. Вместе с тем общие идейно-теоретические взгляды камерунского историка — философский идеализм и релятивизм, политическая и церковная деятельность дают основание поставить его в один ряд с представителями консервативной клерикальной историографии. Как и они, Мвенг идеализирует доколониальное прошлое Африки, преувеличивает вклад африканцев в мировую культуру, выступает с апологией христианской церкви на Африканском континенте.

Ученые консервативного течения ведут борьбу против марксизма с позиций «самобытности» и «африканской исключительности». Острые своей критики они направляют против философской основы марксизма — материализма, который якобы несовместим с «африканским образом мышления», по своей природе глубоко идеалистическим. Таким проповедником идеализма и традиционализма выступает профессор Дакарского университета Аласан Ндау в книге «Африканская мысль» (1983).

Не раз в теоретической мысли Тропической Африки предпринимались попытки создать особые концепции, пригодные только для африканских специфических условий, найти «третий» путь, отличный и от марксизма, и от буржуазной методологии. Такая попытка предпринята в книге камерунского историка Дика-Аква Нья Бонамбела «Проблемы африканской антропологии и истории» (1982). Решаемые автором проблемы не выходят за рамки вопросов, обсуждавшихся в африканской историографии с самого ее рождения; он, например, повторяет и поддерживает националистический тезис о цивилизаторской миссии фараоновского Египта, население которого якобы полностью состояло из негроидов. Оригинальным в этой книге является открытие нового, «чисто африканского» метода исторического познания, названного автором «мулонги». При ближайшем ознакомлении сказывается, что перед нами какая-то геометрическая разновидность африканизированного структурализма, искусственная конструкция из вертикальных, горизонтальных и вогнутых линий познания. «Новая методология» или, как ее еще называет автор, «архитектурный метод», на поверку оказывается беспредметной словесной игрой, не имеющей никакой научной ценности. Таковы итоги теоретических исканий тех историков, которые пытаются соединить новейшие направления буржуазной науки с традиционной мудростью африканских предков.

Апология мусульманской религии проходит красной нитью через все публикации и выступления малийца Амаду Ампате Ба (род. 1901), одного из старейших историков Черной Африки. Ба, по его собственно-

му определению, «воинствующий верующий мусульманин». Ему свойственно стремление примирить науку с религиозной верой, представить ислам особой формой идеологии. В его главном труде, посвященном истории государства фульбе Масина (1956), а также в других публикациях абсолютизируется устная историческая традиция, что сближает Ба с другим историком-неотрадиционалистом, изучающим прошлое сонгаев, Бубу Хама.

Новое поколение консервативных историков исламского направления представляет Ибрахим Сулейман из университета Зариа на севере Нигерии. Он опубликовал две книги о восстании фульбе под руководством Османа дан Фодио и создании халифата Сокото (1986). Первая книга вышла под заглавием «Революция в истории», вторая — «Исламское государство и вызов истории». Автор безудержно восхваляет участников событий, которым «помогал Аллах в их борьбе за возрождение ислама»; победа восставших — это, по мнению автора, «триумф благочестия, моральной чистоты и знания над невежеством, беззаконием, коррупцией». Насильственная исламизация населения и укрепление феодальных отношений в Северной Нигерии в начале XIX в. представлены как социальная и моральная революция, уроки которой важны для мусульман всего мира. Сулейман призывает к изучению истории с «исламской точки зрения», а заканчивает вторую книгу славословием в честь ислама и цитатой из Корана. Социальные идеалы автора находятся в далеком прошлом; только возврат к «чистому исламу» способен решить все противоречия современности, считает он.

Либерально-буржуазное течение, отражающее идеологию национальной буржуазии, преобладает в историографии тех стран Тропической Африки, которые развиваются по капиталистическому пути. Оно объединяет большую группу ученых, находящихся под влиянием националистических и реформистских концепций буржуазной общественной мысли, а также различных вариантов «африканского социализма». Неудивительно поэтому, что либеральные историки получили официальное признание в таких странах, как Сенегал, Нигерия, Кения, Камерун, Заир, Кот-Дивуар и др. Среди крупных ученых либерального течения выделяется Ж.Ки-Зербо, Б.Огот, А.Боахен, А.Мазруи, С.М. Сиссоко, а также представители нигерийской исторической школы — К.О. Дике, С.Биобаку, А.Алжайи, Дж.Анене (1931–1968), Э.Алагоа, Т.Тамуно, О.Икиме, А.Афигбо, Э.Аянделе. Многие из них получили образование и подготовили докторские диссертации в университетах Западной Европы, что самым непосредственным образом отразилось на их мировоззрении.

Идейно-теоретические взгляды ученых этого течения выяснить не просто, так как они крайне редко высказываются по общим методологическим вопросам, причем это делается, как правило, вполне осознанно. Именно проповедь фактографии и «бестеорийности» является первой характерной чертой методологии историков-либералов; она вытекает из позитивистского преклонения перед фактом. Только факты, все относящиеся к теме факты и никакого философствования — вот в чем, по

мнению Б.Фонлона, состоит научный подход к истории. А преподаватель университета Найроби У.Очиенг прямо признается, что из различных методологий ему ближе всего позитивизм, и приводит знаменитые слова Ранке, правда, не называя его, о том, что задача историка — «просто показать, как это было». Содержащийся в трудах африканских историков обширный фактический материал не всегда в достаточной мере осмыслен и обобщен. Не удивительно поэтому, что при знакомстве с научными работами многих из них невольно вспоминаются слова Вольтера: «Читатель подавлен громадой мелочей».

Ученые либерального течения отвергают материалистический монизм и следуют концепции множественности факторов исторического процесса. Уже в середине 50-х годов XX в. в первых выступлениях африканских историков в слегка завуалированной форме критиковался «экономический монизм» в объяснении последствий европейской колонизации Африки. В частности, этим настойчиво занимался К.О. Дике (1917—1983). Но по иронии судьбы случилось так, что десятилетие спустя он сам был обвинен в «монокаузальном» объяснении исторических событий: другой нигерийский ученый, профессор университета города Нсукка А.Афигбо в статье «Монокаузальность и африканская историография» критикует Дике за упрощенческий, односторонний подход к оценке итогов торговли европейцев с африканцами в Западной Африке. Экономический фактор, утверждает Афигбо, был лишь одним из многих, а при изучении африканского прошлого все факторы в равной степени важны. Именно такие положения, хотя и редко высказываемые вслух, составляют методологическую основу научных трудов историков-либералов. Следует добавить, что нападки Афигбо не имеют под собой серьезных оснований. Книга Дике «Торговля и политика в Дельте Нигера в 1830—1885 гг.» (1956), ознаменовавшая рождение исторической науки в Нигерии, хотя и посвящена торгово-экономическим проблемам, написана с позиций теоретического плюрализма, и ни о какой «монокаузальности» (т.е. монизме) речь идти не может.

Эмпиризм и плюрализм либеральной историографии сочетаются с отказом от признания детерминированности исторических событий и явлений, преувеличением фактора случайности, утверждениями о «бессмысленности» истории. Показательны в этом отношении рассуждения, с которыми выступил руководитель исторического отделения Ибанданского университета Текена Тамуно. Он отрицает возможность познания общих закономерностей исторического процесса и предлагает считать отдельный факт самодовлеющей основой истории. Против детерминизма он высказывается следующим образом: «Мысль о неизбежности исторических событий оставляет меня равнодушным». Далее Тамуно продолжает: «Я готов видеть в цепи сложных событий элемент случайности. Я избегаю принимать монокаузальную интерпретацию событий, поскольку мультикаузальный подход мне кажется более верным... Мои изыскания убедили меня в том, что историки стремятся внести искусственный порядок в события, которые в момент их свершения хаотичны».

Он также высказывается против признания решающей роли народных масс в эпохальных событиях прошлого.

Нетрудно заметить, что в этом довольно сумбурном перечислении нигерийский ученый повторяет многие положения новейшей немарксистской методологии истории Запада: индивидуализирующий метод познания взят у неокантианства, а вывод о «бессмысленности» истории перекликается с подобными утверждениями неопозитивиста К.Поппера, влиятельного английского философа 60-х годов. Тамуно, кроме того, прямо объявляет себя сторонником многофакторной теории, столь распространенной у западных историков, выступающих против марксистского монизма.

Среди историков либерального течения Жозеф Ки-Зербо (род. 1922) из Буркина-Фасо (ныне он в эмиграции) составляет в определенном смысле исключение: в отличие от других он проявляет склонность к широким теоретическим обобщениям, интересуется вопросами методологии африканской истории. Эта его особенность отразилась в книге «История Черной Африки» (1972) и в первом томе подготовленной ЮНЕСКО «Всеобщей истории Африки» (1980), где Ки-Зербо – редактор тома, автор введения и заключения. В его теоретических воззрениях явно чувствуется влияние французской школы «Анналов» с ее концепцией «глобальной», или «тотальной», истории. Это проявляется в требовании не ограничиваться лишь политической, «событийной» историей, а исследовать социально-экономические структуры, духовную и материальную культуру, для чего необходимо использовать всю совокупность источников и данных различных научных дисциплин. «Наша история Африки, – пишет Ки-Зербо, – не должна быть чрезмерно описательной... Основное внимание должно быть уделено цивилизациям, институтам, структурам, средствам и методам сельскохозяйственного производства и металлургии, искусствам и ремеслам, сети торговых путей, а также концепциям и организациям власти, религии и религиозно-философской мысли, проблеме государственных и догосударственных образований, средствам модернизации и т.д.»

Чтобы успешно изучать прошлое Африки, нужно, по мнению Ки-Зербо, руководствоваться следующими основными принципами: 1) применять междисциплинарный подход; 2) учитывать африканское представление о времени; 3) рассматривать африканскую историю изнутри; 4) изучать историю всех народов континента. Особый акцент делается им на использование данных различных наук для освещения наиболее удаленных периодов африканской истории. Свойственная позитивистской историографии абсолютизация роли источников проявляется в том, что методология понимается не как теоретические принципы исторического познания, а всего лишь как совокупность разнообразных методов исследования. Данные археологии и лингвистики, антропологии и этнографии, устные и письменные источники – все это должно использоваться для освещения прошлого Африки. В «Истории Черной Африки» Ки-Зербо прямо заявляет себя сторонником «тотальной истории», кото-

рая, по его словам, является самой прогрессивной школой в современной историографии, открывающей богатые возможности для изучения прошлого. Затем он приводит, слегка перефразировав, известные слова М.Блока о том, что все, к чему притронулся человек, становится историческим источником.

В объяснении движущих сил исторического процесса Ки-Зербо, как и другие африканские историки умеренно-либерального течения, является последовательным сторонником многофакторной концепции с некоторым креном в сторону географического детерминизма. Роль географического фактора — и в этом Ки-Зербо прав — проявилась особенно сильно на ранних этапах африканской истории. Изоляция континента была одной из главных причин замедленного развития Африки; неблагоприятная экологическая обстановка «не позволяла достигнуть порога демографической концентрации, что почти всегда служило одной из предпосылок важных качественных сдвигов в социальной, политической и экономической сферах».

Ки-Зербо не утверждает, что природно-географический фактор был определяющим во все эпохи существования человека в Африке. В равной степени важным был другой фактор — производственная деятельность людей. Об этом он пишет достаточно подробно в заключении к первому тому «Всеобщей истории Африки». Именно в слабом развитии производительных сил он видит одну из причин отставания народов Тропической Африки и сохранения у них архаичных общественных институтов. Однако взаимоотношение между экономическим базисом и социально-политической надстройкой Ки-Зербо трактует идеалистически: не базис в конечном счете определяет развитие надстройки, а сам он зависит от уровня общественных отношений. Ки-Зербо пишет: «Поскольку общественная структура не менялась в течение по крайней мере пятисот лет, то, невзирая на рост народонаселения, производительные силы находились в состоянии застоя». Значит, изменение общественной структуры ведет к развитию производительных сил и производственных отношений, а не наоборот.

Вообще же понять точку зрения этого ученого, как и ряда других историков либерального течения, довольно трудно, так как его выводы часто уклончивы, сформулированы в туманных, абстрактных выражениях.

Таким образом, анализ теоретических воззрений Т.Тамуно, Ж.Ки-Зербо и других позволяет утверждать, что для либеральной африканской историографии характерны философский идеализм и позитивистское преклонение перед источниками. Вместе с тем многие либеральные историки пытаются проследить влияние экономических факторов на эволюцию политических систем традиционного общества, часто с антиимпериалистических позиций раскрывают последствия колониального господства, показывают борьбу африканцев против колонизаторов. Течение это весьма неоднородно, в нем прослеживается как правое —

близкое к консерваторам — крыло, так и левое, по ряду позиций сближающееся с национальными демократами.

Революционно-демократическое течение. По мере углубления революционных процессов в странах Тропической Африки растет научный авторитет ученых, изучающих прошлое с позиции интересов трудящихся масс. Эти историки составляют революционно-демократическое течение, развивающееся в сторону научного социализма, оно может быть названо историографией социалистической ориентации. Возникновение такого методологического течения характерно для многих развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, прежде всего тех, где еще нет пролетарских коммунистических партий и оформленных марксистских течений в общественных науках. Прогрессивная историческая мысль в этих странах постепенно обращается к материалистическому объяснению факторов исторического процесса. И.Д. Ковальченко с полным основанием пишет об этих странах: «Здесь все более широко распространяется марксистско-ленинское учение о закономерной смене формаций, о необходимости уничтожения эксплуатации человека человеком. Западные концепции общественного развития отнюдь не занимают там доминирующего положения, хотя, конечно, они всячески пытаются при поддержке американских и европейских университетов, научных учреждений, фондов, отдельных идеологов играть заметную идеологическую и пропагандистскую роль. Подобная ситуация в исторической мысли связана, безусловно, с общей исторической ситуацией в развивающихся странах, с насущной для них необходимостью найти пути ускоренного социально-экономического развития...»

Справедливость этих слов подтверждается ходом развития прогрессивной африканской историографии. Уже первые работы, написанные с революционно-демократических позиций, в той или иной степени испытывали воздействие марксистской методологии. Хотя на этом этапе (в конце 50-х и в 60-е годы) еще не существовало особого течения исторической мысли, отдельные ученые уже начинали изучение прошлого Африки с отказа от догм и стереотипов буржуазной африканистики. Это нигериец Модалим Ачуфузи, ангольцы Америку Боавида и Энрике Абраншиш. Их объединяет активное участие в национально-освободительной борьбе, а их обращение к прошлому было политически обусловлено тем, что исторические знания и представления были острым идеологическим оружием в антиколониальной борьбе. Эти авторы делали более или менее удачные попытки материалистической интерпретации движущих сил исторического процесса, стремились показать решающую роль народных масс.

Показательна судьба А.Боавиды и его книги о португальском колониализме в Анголе. Имея медицинское образование, Боавида принимал участие в партизанском движении в рядах МПЛА и погиб в 1968 г. в бою с португальскими карателями. Его книга написана в эмиграции, издана вначале нелегально на французском языке, затем переведена на португальский язык и выпущена в Бразилии. Предисловие ко второму,

ангольскому, изданию написал один из руководителей МПЛА Карлуш Роша.

Иной жизненный путь у М.Ачуфузи: он получил историческое образование в ГДР, специализировался под руководством известного ученого В.Маркова. На рубеже 50–60-х годов Ачуфузи был, пожалуй, единственным африканским историком, имевшим солидные познания в области марксистской теории общественного развития. На Конгрессе африканских писателей и деятелей культуры в Риме (1959) он выступил с яркой речью, в которой смело защищал марксистскую интерпретацию прошлого Африки, критиковал буржуазную неокOLONIALISTскую историографию.

Он опубликовал ряд научных работ, однако, вернувшись в Нигерию, прекратил исследовательскую деятельность. Это, несомненно, большая потеря для прогрессивной африканской науки.

Ангольский историк Э.Абраншиш родился в Лиссабоне, в возрасте 15 лет уехал в Анголу, где вступил в ряды МПЛА и активно участвовал в освободительной антиколониальной войне. Несколько лет провел в эмиграции, по поручению партии основал в Алжире Центр ангольских исследований, издавший для политического просвещения бойцов партизанских отрядов несколько научно-популярных книг, в том числе «Историю Анголы». «История», впервые опубликованная в 1965 г., затем неоднократно переиздавалась и стала основным учебным пособием в школах и вузах независимой Анголы. После провозглашения Народной Республики Анголы Э.Абраншиш возглавлял службу музеев, работал научным сотрудником.

Как течение идейно-теоретической мысли африканская историография социалистической ориентации оформляется во второй половине 70-х годов. Представители этого течения стремятся изучать прошлое с позиций интересов трудящихся масс.

Новый этап национально-освободительного движения — переход от освобождения национального к освобождению социальному — характеризуется обострением классово-борьбы, распадом единого антиколониального фронта, размежеванием политических сил и идеологических течений. Выбор многими африканскими народами социалистического пути развития становится реальностью. И естественно поэтому, что историки революционно-демократического направления составляют большинство в странах социалистической ориентации — Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Конго, Бенине, Гвинее-Бисау, растут их ряды в Танзании, на Мадагаскаре. Прогрессивные ученые появляются и в странах, развивающихся по капиталистическому пути (Нигерия, Сенегал, Кения); здесь они нередко подвергаются гонениям и политическим репрессиям.

Для представителей историографии социалистической ориентации характерна идейная эволюция от идеализма и многофакторной теории к материализму и монизму. Этот переход, разумеется, непростой, подчас драматически противоречивый, сопровождающийся внутренней борьбой

и возвратом на прежние позиции, ибо от признания марксизма на словах до овладения его методологией лежит долгий путь. Усвоение марксизма нередко идет по частям: ученые развивающихся стран воспринимают лишь наиболее актуальные, по их мнению, положения марксистского учения об обществе. При анализе мировоззрения обществоведов африканских стран обнаруживается эклектическое соединение разнородных категорий. Некоторые ученые воспринимают марксистскую методологию доктринерски, в виде готовых формул и лозунгов, а не как постоянно развивающееся учение, дающее ключ к изучению общества и его преобразованию.

Результаты идейной эволюции африканских историков не всегда можно увидеть сегодня. Важнее определить главное направление изменения взглядов того или иного ученого, понять причины его колебаний, временных отступлений и отклонений. Тем не менее уже сейчас можно утверждать, что генеральной тенденцией роста большой группы африканских историков является постепенное овладение ими марксистским учением о развитии человеческого общества. Причем марксизм проникает во все общественные науки — историю и философию, социологию и политэкономия. Вследствие же слабой дифференциации и присущего ранним стадиям развития науки энциклопедизма не всегда можно определить узкую специальность африканских ученых — историки часто пишут философские трактаты, а философы и экономисты — исторические труды.

После этих предварительных замечаний обратимся к анализу конкретных работ, которые могут быть отнесены к историографии социалистической ориентации. Рассмотрим вначале отношения африканских авторов к основным марксистским категориям исторического познания.

Некоторые африканские историки, разделяя многие марксистские положения, не высказываются определенно о своем отношении к диалектическому материализму. Другие же (их становится все больше) прямо заявляют, что их подход к изучению прошлого и настоящего народов Африки основывается на методологии марксизма. Конголезский ученый С.Гома-Футу, автор работы по истории своей страны, указывает, что теоретической базой исследования является исторический материализм. Такой подход позволяет понять логику исторического процесса, говорит он, открыть его основные законы, раскрыть взаимосвязь факторов общественного развития. Только исторический материализм дает возможность не просто описать события прошлого, но и глубоко проникнуть в первопричины социальных явлений, выделить главные движущие силы исторического процесса.

Безвременно скончавшийся мозамбикский историк А.Ногеира да Кошта (1951–1979) в книге по средневековой истории страны (переведенной на русский язык) пишет, что в его работе диалектический материализм выступает как инструмент научного познания, а ганский ученый К.К. Прах заявил, что марксизм является единственной критической наукой об обществе и ни один ученый не может избежать влияния диалекти-

ческого материализма. Э.Абраншиш в последней своей книге призывает изучать историю Африки на подлинно научной основе — основе научного социализма.

Танзанийские ученые Арнольд Тему и Бонавенчур Сваи, работающие ныне в университете города Зария (Нигерия), в историографической работе, одной из первых в Африке (1981), пишут о глубоком кризисе современной африканской историографии. Основу этого кризиса, идет ли речь об ученых в странах Запада или в самой Африке, они видят в господстве философского идеализма. Тему и Сваи отмечают, что в понимании буржуазных историков идея предшествует материи, мысль — бытию. По этой причине главное внимание уделяется ими изучению идеологических и организационных аспектов государственной надстройки, различных общественных движений, но не их социальному содержанию. Происходит «миниатюризация» истории — «появляются педантически детализированные исследования, у которых нет никакой общей перспективы». Кризис буржуазной историографии проявляется в том, что народ рассматривается как аморфная масса, как простая сумма индивидов; наличие классов в африканском обществе и их роль игнорируются.

Кризис не ограничивается лишь историей или другими социальными науками, его корни глубже — это кризис всего общества. Он обусловлен, по убеждению авторов, «общим кризисом зрелого капитализма», разложением «общества потребления». Что же касается конкретно африканских условий, то проявление кризиса ученые видят в тяжелом экономическом положении освободившихся стран, политической нестабильности, господстве насилия и беззакония. В таких условиях оптимизм, распространенный в африканской общественной мысли в первые годы независимости, иссяк, идея прогресса уступила место понятию «история без смысла»: «На смену золотому веку консенсуса пришел железный век всеобщего отрицания». Авторы считают, что чувство беспомощности и растерянности охватило не только буржуазных историков Африки; оно типично для господствующих социальных групп, интересы которых эти историки объективно отражают.

Выход из создавшегося положения состоит, по мнению Тему и Сваи, в написании африканской истории с позиций материализма, и этот материализм не может быть никаким иным, как диалектическим. Такое заключение авторов книги особенно важно сейчас, когда в африканской общественной мысли усилились нападки на марксистскую методологию, которую обвиняют в «европоцентризме», «негибкости», «прямолинейном экономическом детерминизме» и т.п. Так, заирский ученый и писатель В.Мудимбе, повторяя мысли западных марксологов, приписывает Марксу «этноцентризм», что якобы видно по тем характеристикам, которые он дал восточным обществам. Экономист и историк из Дакара Самир Амин пытается противопоставить две концепции исторического процесса — догматическую, которая идет от Энгельса к «советскому диамату», и творческую, представителем которой будто бы является он

сам. Такие же претензии на «творческое» прочтение марксизма, а по сути — его левацкое искажение, высказывает ганзанийский социолог и историк Исса Шивджи.

Историки социалистической ориентации в своей научной и общественной деятельности последовательно выступают против империализма и местной реакции, признают наличие классов и классовой борьбы в африканском обществе, приближаются к пониманию марксистской теории социально-экономических формаций. Они отмечают решающую роль народных масс в истории и отвергают элитарность буржуазной историографии.

Об этом свидетельствуют труды кенийского историка Э.Атиено-Одиамбо, сенегальца П.Дианя, конголезца Т.Обенги, бенинца П.Хунтонджи, ангольца Э.Абраншиша. Первый из них, например, пишет, что теоретические принципы его исторических воззрений определяются материалистическим пониманием истории, данным К.Марксом в статье «К критике политической экономии» и Ф.Энгельсом в известном письме И.Блоху от 21.IX. 1890 г. О своем стремлении анализировать прошлое африканских народов в свете марксизма говорит Т.Обенга. Общая концепция истории Анголы, изложенная в книге Э.Абраншиша, исходит из последовательной смены общественных формаций — первобытнообщинного строя, рабства, патриархального феодализма; отмечается некоторое сходство социального строя доколониальной Анголы с обществами восточного типа, причем делается ссылка на К.Маркса. Марксизм должен не только объяснить прошлое, но и быть оружием изменения мира. «Быть марксистом... — пишет П.Хунтонджи, — это означает мыслить по Марксу, анализировать в свете его теории определенные исторические ситуации с тем, чтобы затем изменить их революционным путем».

Однако наряду с правильными выводами у историков революционно-демократического течения встречаются и ошибочные положения, вызванные влиянием мелкобуржуазных концепций или же недостаточно глубоким проникновением в суть изучаемых явлений. В частности, иногда неоправданно большое значение придается уравнительным тенденциям традиционной общины, преувеличивается демократизм африканского доколониального общества. Так, например, подобные ошибки характерны для статьи «О традиционной демократии» П.Дианя, занимающего по многим вопросам близкие к марксизму позиции. В работах других авторов излишне акцентируется влияние географических и психологических факторов в африканской истории.

Трудности, с которыми встречается историография социалистической ориентации, вызваны не только ее молодостью и неопытностью. Следует учитывать и фактор, на который в свое время обращал внимание В.И. Ленин: быстрое развитие революционного процесса, пробуждение общественного интереса к марксизму неизбежно сопровождается шатаниями в области теории, повторением старых ошибок, временным возвратом к устаревшим взглядам (См.: Т. 20. С. 65). Отсюда та методологическая пестрота, которая бросается в глаза при знакомстве с идей-

ными взглядами этой группы историков, различная степень их приближения к марксистской теории, переплетение марксистских, леворадикальных и иногда — буржуазных концепций.

Идейные споры разгорелись с новой силой в начале 80-годов, когда «консервативная волна», зародившись в тиши кабинетов политиков и идеологов Запада, докатилась до берегов Африканского континента.

Одним из направлений идеологической борьбы является искажение и прямая фальсификация истории Африки. ЮСИА — главный идеологический центр США — регулярно проводит в различных странах пропагандистские мероприятия под названием «месячника истории чернокожих народов». Подобная акция была проведена в марте 1985 г. в Нигерии; местная прогрессивная печать назвала ее «очередным грубым империалистическим обманом». Отмечая усилия буржуазной идеологии в этом направлении, профессор Камерунского университета Марсиен Това несколько лет назад писал: «Запад систематически фальсифицирует историю и культуру угнетенных народов с целью оправдать этот гнет... Подобная фальсификация представляет собой грубое нарушение научной объективности». Резко протестует против экономической и культурной экспансии американского империализма в Африку преподаватель Калабарского университета Д.Оффiong. С критикой «культурного империализма» выступают и ученые весьма умеренных политических взглядов.

Насколько острые формы может принять идейная борьба по проблемам далекого прошлого Африки, свидетельствует статья министра образования и культуры Зимбабве, известного археолога П.С. Гарлейка. Еще в прошлом веке Сесиль Родс, один из столпов британского империализма, безапелляционно относил создание археологического комплекса Великого Зимбабве к «творениям» белого человека. Много позже, в годы расистского режима Яна Смита (1962—1979) честных ученых-археологов, неопровержимо доказавших автохтонное происхождение цивилизации Зимбабве, обвиняли в том, что они «предатели и агенты международного заговора». Расисты у власти ввели строгий контроль за сообщениями о результатах раскопок, цензуру учебной и научной литературы по древней истории страны.

Идейно-теоретическая борьба приводит к размежеванию методологических позиций на крупных форумах африканских ученых-обществоведов. Это проявилось, в частности, на IV Международном конгрессе африканистов в Киншасе, на конференции по вопросам методологии африканской истории, проводившейся в рамках проекта ЮНЕСКО «Всеобщая история Африки». На последней конференции, например, были подвергнуты аргументированной критике положения кенийского ученого А.Мазруи, защищавшего умеренно-буржуазную концепцию новейшего времени в истории Африканского континента.

Рост марксистских тенденций в контексте углубления революционного процесса приводит к сближению позиций в левом лагере афри-

канской теоретической мысли. Процесс этот трудноуловим в силу политической неустойчивости и идейного эклектизма отдельных ученых. Но несомненен переход на марксистские позиции революционных демократов, отказ ряда левых радикалов от ошибочных положений и сближение их с революционными демократами.

Овладение учеными-историками марксистской методологией анализа общественных явлений особенно успешно идет в странах социалистической ориентации – Эфиопии, Конго, Анголе, Мозамбике, где действуют марксистско-ленинские партии авангардного типа. В Эфиопии с 1980 г. издается научно-теоретический журнал «Мескерем». В каждом номере в качестве эпиграфа помещаются слова В.И. Ленина: «Без революционной теории не может быть и революционного движения». В журнале регулярно публикуются статьи по вопросам марксистской философии, культуры, образования, обсуждаются проблемы современного этапа революционного процесса в Африке и в мире. Часто печатаются материалы на историческую тематику; журнал, по существу, создает марксистскую концепцию истории Эфиопии с древнейших времен. С позиций учения о социально-экономических формациях написана статья об особенностях эфиопского феодализма (1981). Хотя в журнале все материалы даются без подписи, есть основания полагать, что эта статья принадлежит видному историку Таддэсу Тамрату – по этой теме он выступал на Всесоюзной конференции в Москве в 1979 г. В Эфиопии начиная с 1977/78 учебного года во всех высших учебных заведениях введено преподавание марксизма-ленинизма как обязательной дисциплины.

Произошли глубокие перемены в преподавании истории в Зимбабве, где от учителей требуется «использовать марксизм как оружие анализа при преподавании зимбабвийской истории». Среди рекомендуемых трудов находятся сочинения Маркса и Энгельса. Учитель должен донести до учеников понятия о классах и классовой борьбе, об эксплуатации человека человеком и ее причинах, о роли масс и личности в истории. Был издан популярный учебник научного социализма (1985), в котором разъяснялись основные категории марксистского понимания развития человеческого общества. Во введении к нему подчеркивалось, что революции не происходят сами по себе, их делают люди, а для этого им нужно знать законы, которые управляют историческим процессом.

На идейную платформу социалистической ориентации становятся лучшие представители леворадикальной общественной мысли. В развивающихся странах грань между революционными демократами и левыми радикалами в политике ясна, в области же теоретических знаний ее определить труднее. Некоторые авторы, которые прежде принадлежали к леворадикальному направлению, могут быть сегодня отнесены к революционно-демократическому.

Так, упомянутая книга А.Тему и Б.Свай свидетельствует о переходе ее авторов на новые позиции. Об этом же говорят последние книги

угандийского ученого и политического деятеля Д.В. Набудере. В них не только решительно разоблачается колониализм и неоколониализм, но и дается аргументированная критика недавних единомышленников — И.Шивджи и М.Мамдани. Работы Набудере, как и книга Тему и Сваи, получили положительную оценку в журнале южноафриканских коммунистов.

Переход на позиции революционного демократизма характерен для ряда видных историков Тропической Африки, выступавших прежде с леворадикальной идейной платформы. В эту группу входят Абдулай Ли и Уолтер Родней. Один из первых профессиональных историков Тропической Африки сенегалец Ли (род. 1919) выступил в книге «Африканские массы и условия человеческого существования» (1956) с пропагандой идей мелкобуржуазного радикализма.

В одной из его работ «Возникновение неоколониализма в Сенегале» (1981) заметен отказ от псевдореволюционных, националистических тезисов; по основным вопросам развития Африки в современную эпоху он разделяет взгляды революционных демократов. Проживший короткую, но яркую жизнь, У.Родней (1942—1980), по происхождению негр из Гайаны, после окончания университета на Ямайке и защиты докторской диссертации в Лондоне преподавал в 1966—1974 гг. на историческом отделении университета в Дар-эс-Саламе. Первая его книга «История Верхнегвинейского побережья в 1545—1800 гг.» (1970) несет еще следы влияния леворадикальных воззрений. В последних его публикациях и выступлениях преобладают революционно-демократические идеи, автор хорошо знаком с трудами классиков научного коммунизма.

С защитой марксистской методологии выступил в своей последней работе сенегальский ученый Бабакар Син (1983). Он аргументированно отвергает мнение тех африканских идеологов и ученых (Ньерере, Сенгор, Ш.А. Дион), которые считают, что марксизм не может отразить специфику африканской действительности. Напротив, утверждает Син, именно марксистская теория является наиболее эффективным инструментом познания прошлого и настоящего Африки. Он пишет: «Марксизм как наука о преобразовании общества, хотя и возник в Европе, так же не является чуждым Африке, как, например, биология или кибернетика». Но марксизм не только теория познания, это одновременно наука о преобразовании общества.

Сближение с марксистскими воззрениями видно в трудах нигерийских ученых, например, в книге декана факультета общественных наук университета в Порт-Харкоте Клода Аке «Политическая экономия Африки» (1982, рус. перевод 1985), которая, несмотря на свое заглавие, в сущности, является исторической работой. Одной из лучших по новейшей истории Нигерии является книга Эдди Мадунагу (1982).

Влияние марксизма сегодня проявляется в трудах ученых, ранее стоявших весьма далеко от него. Приведем два примера. Кенийский историк В.Очиенг в статье 1971 г. прямо признавал, что из различных методологий ему ближе всего позитивизм. В вышедшей спустя пять лет

работе он уже отрицательно высказывается о фактографии и о тех буржуазных ученых, которые «верят в историю ради истории и проповедуют мысль о том, что науке нужны только факты, больше фактов». Судя по приведенной цитате, прогресс во взглядах Очигенга невелик, но если принять во внимание вред, который приносит молодой африканской историографии теоретический нигилизм, станет понятна важность отказа от позитивистской методологии и поисков новых путей.

Знаменательна и эволюция нигерийского ученого Икенса Нзимино, выпустившего в 1972 г. историко-социологическое исследование о политических системах народа игбо. Богатый фактический материал трактовался Икенса Нзимино с либерально-буржуазных позиций. Спустя десять лет он публикует статью, где весьма основательно обосновывает применимость к африканской действительности учения К.Маркса и В.И. Ленина. В работе дана критика функционального подхода М.Вебера и его африканского последователя Эскора Тойо, который запутал проблему классов и классовой структуры африканских обществ. Затем Нзимино пишет, что ныне «африканские государства находятся в сфере действия законов капиталистической экономики со всеми ее пороками». Автор не скрывает, что его симпатии на стороне социализма.

Было бы, однако, ошибочным думать, что идейная эволюция африканских историков – это, образно говоря, улица с односторонним движением. Все сложнее: подход к марксизму одних ученых сопровождается отходом от него других; после научных работ, в той или иной степени отражающих диалектико-материалистические воззрения, происходит возврат к, казалось бы, преодоленным буржуазным концепциям. Сенегальский историк Пате Диань в 1967 г. опубликовал книгу, которая обратила на себя внимание не только стремлением глубже проникнуть в социополитические структуры доколониального африканского общества, но и новым методологическим подходом; советские ученые отмечали близость многих исходных положений к марксизму. В следующей работе «О традиционной демократии» (1975) Диань неоправданно большое значение придает уравнивающим тенденциям традиционной общины, преувеличивает демократизм африканского доколониального общества. В следующей же книге (1981) марксистские положения полностью исчезли, встречаются нападки на «официальную марксистско-ленинскую идеологию», как пренебрежительно выражается автор. Диань солидаризируется с известными националистическими тезисами о негро-фараоновском Египте, который-де изобрел точные науки, открыл философию, цивилизовал весь остальной мир и т.п.

Теоретическая путаница усилилась и в работе конголезского историка Теофиля Обенги, автора многих интересных книг и статей. В книге «За новую историю» (1980), претендующей на философское осмысление исторического процесса и в какой-то степени подводящей историографический итог изучению истории Африки, Обенга неоднократно говорит о своей верности марксистской методологии, о вере в социалистическое будущее африканских народов. Но эти слова остаются риторическими

приемами, так как автор находится в плену теоретического эклектизма, где преобладают идеи Римского клуба и своеобразного «культуризма», поскольку культура рассматривается как самодовлеющая система, оторванная от материального производства. Не базисные факторы — производительные силы и производственные отношения — определяют поступательный ход исторического процесса, а экологический детерминизм, развитие духовной сферы — таковы основные идеи этой работы Обенги.

Знакомство с революционно-демократическим течением позволяет прийти к следующему выводу. Укрепление историографии социалистической ориентации, ее внутренняя консолидация стали ведущей тенденцией развития африканской исторической науки в 80-е годы. Этот процесс идет параллельно со становлением марксистской политической и философской мысли. Прогрессивные социально-политические сдвиги на Африканском континенте, соединение марксистской теории с освободительным движением стали стимулом творческого роста историков, ориентирующихся на будущее.

* * *

Представители трех историографических течений Тропической Африки по-разному трактуют основные этапы прошлого Африканского континента. Среди наиболее важных проблем, обсуждаемых в трудах африканских историков, следует назвать следующие: общественный строй доколониальной Африки, колониализм и его последствия, выбор пути развития после достижения независимости. Остановимся более подробно на идейно-теоретической борьбе по этим вопросам.

Дискуссия об общественном строе доколониальной Африки. С самого своего зарождения африканская историография проявляла особый интерес к ранним периодам национальной истории. В центре внимания первых африканских историков стояли этногенетические проблемы — «откуда есть пошла» та или иная земля, каков общественный строй, обычаи и нравы ее обитателей. Этот интерес был вызван не только ростом национального самосознания, но и подогревался достижениями исторической науки, в особенности сенсационными открытиями археологов в Восточной Африке. Следует учитывать и то, что в кругах идеологов освободительного движения 50-х — начала 60-х годов господствовало идеализированное представление о доколониальной Африке, где в отличие от современности якобы царили мир, порядок и социальное согласие; это самым непосредственным образом влияло на проблематику научных изысканий африканских историков.

Тезис о том, что именно Африка была прародиной человека, стал одним из главных постулатов африканской исторической науки. Африка, утверждает Ки-Зербо, стала не только колыбелью человека и его сознания, но и родиной начальных технических усовершенствований,

которые позволили ему отделиться от природы и утвердиться над нею. По мнению историка, если плоскогорья Восточной Африки имели определенные преимущества в эпоху палеолита, то в неолите ведущая роль переходит к населению Сахары. Гордость за Африку, где впервые сформировался человек, звучит в первом томе «Всеобщей истории Африки»: «В Африке найдены все звенья цепи, связывающие нас с наиболее древними гоминидами». Это дает основание некоторым авторам делать выводы о мессианской роли Африки в эволюции человечества. Не случайно, наверное, одна из книг Ш.А. Диопа заканчивается следующей многозначительной фразой «Мир будущего, по всей вероятности, будет пропитан африканским оптимизмом».

В силу ряда причин, связанных со спецификой археологии (необходимость сложного оборудования, больших финансовых затрат и т.п.), изыскания на территории Кении, Танзании и Эфиопии проводились иностранными экспедициями, в которых африканцы, за редкими исключениями, участия не принимали. Однако африканские историки внимательно следят за раскопками и чутко реагируют на археологические открытия, особенно на те, которые касаются приоритета Африки или указывают на расовые признаки первых обитателей континента. Новые данные очень быстро включаются в концептуальные построения о наиболее ранних периодах Африки, что проявилось, в частности, в трудах Ш.А. Диопа.

Если африканская историческая наука не смогла выступить самостоятельно по вопросу о происхождении человека, то она усиленно разрабатывает проблему одной из первых мировых цивилизаций — египетской. Уже 30 лет длится упорная дискуссия, начатая публикациями сенегальского историка Ш.А. Диопа, который стал основателем небольшой научной школы. Бесспорному факту, что Египет — часть Африки и что египетская цивилизация по своему происхождению африканская, сторонники Диопа, по существу, пытаются придать расовый оттенок, толкуя односторонне некоторые данные о наличии негроидного антропологического типа среди обитателей долины Нила. Конечно, можно понять гордость, с которой Ки-Зербо пишет: «Египетская цивилизация далека от того, чтобы быть неким чудом; это закономерный итог ведущей роли Африки в течение трехсот тысячелетий начальной истории человечества». Вместе с тем абсолютизация этого тезиса неизбежно ведет к серьезным методологическим и фактическим ошибкам националистического толка. Ведь афроцентризм не менее опасен для исторической науки, чем давно опровергнутый европоцентризм.

Именно Ш.А. Диоп был первым среди африканских историков, кто пытался, во-первых, создать общую концепцию исторического развития Африки, поставив проблему общественного строя доколониальной эпохи, во-вторых, установить связи египетской цивилизации с негроафриканской культурой.

Укажем на главное в его концепции: противопоставление двух историко-культурных зон человечества, отличающихся расовыми и пси-

хическими чертами их жителей. Старую оппозицию «Запад — Восток» Диоп заменил новым географическим направлением «Север — Юг». Южная зона, включающая Эфиопию, Египет, Черную Африку, — это царство матриархата, социального равновесия и коллективизма. Что же касается древнеегипетской цивилизации, то она, по утверждению Диопа, была творением негро-африканцев, которые, таким образом, оплодотворили мировую культуру.

Мы уже упоминали, что первые публикации Диопа сыграли роль манифеста националистической африканской историографии; в научном плане они вызвали серьезные возражения как со стороны буржуазных специалистов в области египтологии и африканистики, так и ученых-марксистов. Диопа обвиняли в пренебрежении к общепринятым методам научного доказательства, слабости аргументации, теоретическом эклектизме и тенденциозном подборе аргументов. Крупный французский египтолог Ж.Леклан показал связь воззрений Диопа с целым направлением буржуазной историографии, еще с 20-х годов распространявшим диффузионистские идеи о прямых этнических и культурных связях Древнего Египта и Черной Африки. Речь идет о давно опровергнутой наукой концепции «панъегиптизма», с которой выступали английские ученые Эллиот-Смит и Перри.

Хотя за прошедшее с тех пор время Ш.А. Диоп пережил определенную идейную эволюцию, лишь в одном вопросе он остался непреклонен: древнеегипетская цивилизация — творение негро-африканских народов. «Первые люди на земле с этнической точки зрения были однородно негроидными... — утверждал он на Международном симпозиуме в Каире в 1974 г. — Население Египта в додинастическую эпоху было полностью негроидным, за исключением небольших вкраплений светлокожих кочевых элементов... Иконографические данные утверждают, что правители Египта имели более выраженные негроидные черты, чем сегодняшние сенегальцы».

Концепция Диопа нашла поддержку в работах конголезского историка Т.Обенги, пытающегося подкрепить ее лингвистическим материалом, поскольку Обенга — единственный из ученых Тропической Африки, получивший специальное египтологическое образование. В 70-е годы он опубликовал несколько книг и статей, где ввел понятие «негро-египетского языка», на котором якобы говорили в фараоновском Египте и который впоследствии стал родоначальником языков семьи банту. Он считает доказанным, что древнеегипетский, коптский и современные негро-африканские языки происходят от общего додиалектного прото-языка. Однако приводимые им доводы — общие для трех языков слова (всего он насчитал девять слов), именные классы, категории рода, отрицательные морфемы и др. — не кажутся достаточными для доказательства этой гипотезы. Оставляя в стороне лингвистический аспект проблемы, о котором отрицательно уже высказались специалисты-египтологи, следует остановиться на методологической ошибке конголезского историка.

Главный методологический недостаток концепции Обенги коренится в смешении категорий разных наук и различных уровней познания — расы и языка, языка и истории. Можно напомнить, что столь почитаемый им основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр в одном из последних разделов «Курса общей лингвистики», показав несводимость языковых и расовых характеристик народов, рекомендовал очень осторожный подход к использованию лингвистических данных в качестве исторического источника. Другой видный ученый — Д.А. Ольдерогге предупреждал против смешения совершенно различных принципов расы и языка. Именно в нарушении этих важных положений и коренится основной теоретический изъян взглядов конголезского ученого, не говоря о фактической стороне его аргументации.

Среди немногочисленных сторонников «негрского» Египта, которых можно назвать условно «школой Диопа», в 70-е годы наблюдается своеобразное разделение труда. В качестве доказательств привлекаются три группы источников: Ш.А. Диоп по преимуществу оперирует данными физической антропологии, Т.Обенга — лингвистики, в то время как Э.Мвенг предпочитает свидетельства древних писателей.

Хотя Э.Мвенг никогда прямо не признавал себя сторонником, а тем более учеником Диопа, его работы фактически развивают те же исходные тезисы, только на иной источниковой базе. В докторской диссертации, которая была без изменений опубликована в виде отдельной монографии (1971), он подверг критическому анализу свидетельства об Африке античных авторов: историков — Геродота, Диодора, Ксенофонта, Полибия, Страбона, драматургов — Эсхила, Софокла, Аристофана и др. Сама по себе эта работа представляет ценный свод первоисточников. Выводы, к которым пришел Мвенг, он подытожил в выступлении на симпозиуме в Дакаре: негры — самые древние из людей, они создатели цивилизации и культуры. Древний Египет был колонией негров, основанной Осирисом; все основные составные части современной цивилизации — политическая организация общества, религиозные культы, письменность, искусства — все открыто неграми. Положения Мвенга несколько отличаются от выводов Диопа: если тот считал, что колыбелью цивилизации был Египет, то Мвенг отдает предпочтение Эфиопии, откуда пришли негры и заселили затем всю долину Нила. Правда, камерунский историк пишет о сложности взаимных влияний древних народов, предупреждает против упрощения, говорит о необходимости дальнейших исследований. Однако свою точку зрения он изложил вполне однозначно и ее близость с концепцией Диопа не вызывает сомнений.

Мвенг идет даже дальше: если ранее утверждалось, что негроиды цивилизовали Африку и Европу, то, согласно Мвенгу, их влияние распространялось и на Новый Свет. На конференции в Дакаре «Негритюд и Латинская Америка» (1974) Мвенг громогласно заявил, что может с помощью надежных источников в руках доказать присутствие африканских негров в Центральной Америке еще во II тысячелетии до н.э., т.е. по меньшей мере за тысячу лет до Колумба. Он добавил, что якобы имеют-

ся разнообразные свидетельства, среди которых — предметы искусства, керамика, данные языка.

Другие африканские ученые, затрагивающие самые ранние периоды истории Африканского континента, к проблеме расового состава населения Древнего Египта и его общественного строя подходят весьма острожно.

Характерна в этом отношении позиция Ки-Зербо: хотя в общем он склоняется к признанию тезиса о том, что цивилизация Древнего Египта создана народами негроидной расы, он тут же высказывает правильную мысль о том, что нельзя смешивать расу и культуру, говорит о гибридном расовом типе населения.

Если дискуссия об истоках африканской цивилизации затронула лишь часть историков континента, то родственная проблема — общественный строй доколониальной Африки — никого не оставила равнодушным. Здесь более зримы границы между различными методологическими течениями.

Поражает многоголосица в ответах на вопрос об общественном строе доколониальной Африки — от бесклассовости, рабовладения и феодализма до особых формаций: данничества, азиатского или африканского способов производства. Следует учесть и то, что специальных работ по этой теме написано очень мало, а выводы и замечания рассеяны по многочисленным публикациям.

Полифоничность современной историографии обусловлена прежде всего сложностью и противоречивостью самого предмета исследования. Ведь народы Тропической Африки ко времени европейской колонизации находились на разных ступенях общественного развития: многие из них имели высокоорганизованные государства, другие — разнообразные потестарные формы власти, третьи продолжали жить общинно-родовым строем.

В начальный период африканской историографии всеобщим было признание отсутствия в доколониальные времена эксплуатации и классовой борьбы. Объясняется это, видимо, не столько недостаточным уровнем знаний о прошлом, сколько политическими императивами — необходимостью сохранения и укрепления политического единства, сложившегося в ходе национально-освободительной борьбы. Не удивительно поэтому, что тезис о бесклассовости традиционного общества в равной степени признавали такие разные политические деятели, как Сенгор, Нкрума, Ньерере. Нкрума, к примеру, в первом издании книги «Философия сознательности» (1964) подчеркивал, что африканское традиционное общество было эгалитарным, земля и средства производства принадлежали всему коллективу. Идеологию такого общества Нкрума называет «коммунализмом» и считает, что благодаря ему переход к социализму может произойти без революции.

Постепенно Нкрума пересматривает свои взгляды под влиянием реальностей политической борьбы в Гане и во всей Африке, а также в результате собственной теоретической работы, лучшего знакомства

с марксистской литературой, специальными историческими и социологическими трудами. «Все имеющиеся источники показывают, — писал он в статье, опубликованной в 1966 г., — что африканское общество не было ни бесклассовым, ни лишенным социальной иерархии. Феодализм существовал в некоторых частях Африки до ее колонизации, а он приводит к глубокой эксплуататорской социальной стратификации, основанной на земельной собственности». В книге «Классовая борьба» (1970) Нкрума прямо признает неверным мнение об отсутствии социальных классов в Африке и считает вполне применимой к ней пятичленную формулу смены общественных формаций. Что же касается общественной структуры Африки кануна европейского завоевания, то он говорит, что в этот период «африканские народы проходили через высшую стадию общинного строя, которой были присущи распад племенной демократии, возникновение феодальных отношений, наследственных племенных вожеств и монархических систем».

Взгляды Нкрумы в общем характерны для современной историографии социалистической ориентации. Можно говорить о том, что ее представители усвоили, правда, с различной степенью глубины, марксистское положение о смене общественно-экономических формаций как естественном историческом процессе, характерном для человеческих обществ в различных частях мира, и пришли к выводу, что Африка не является исключением из этого правила. Общим для историков этого течения стало признание эксплуатации в доколониальной Африке, наличия классов и классовой борьбы в различных формах, отсутствия подлинной демократии. Об этом пишут Т.Обенга, П.Диань, Э.Атиено-Одхиамбо, Таддэс Тамрат, Калиду Дем и др. Что же касается конкретных выводов, то они весьма различны, порой противоречивы, а иногда ошибочны.

Вот, например, ход рассуждений Т.Обенги: он, казалось бы, вполне одобрительно относится к пяти общественно-экономическим формациям, однако тут же добавляет, что формационная теория была разработана на историческом опыте народов Европы и Средиземноморья и поэтому не применима к всем обществам мира. Он пишет, что у народности мбоши есть эксплуатация человека человеком, но сохраняется коллективная собственность на землю. «Правящий класс» (это понятие автор почему-то берет в кавычки) получает вознаграждение за выполнение определенных функций по руководству обществом, но не потому, что контролирует производство.

Тенденция к отрыву политических функций от хозяйственных при анализе традиционных обществ проявляется в работах не только Обенги, но и других историков. Так, П.Диань в монографии 1967 г. вполне резонно писал о тесной взаимосвязи политических систем и социальных факторов. Однако десять лет спустя он стал утверждать, что экономика и политика, несмотря на их связи, независимы друг от друга: «Этот факт коренным образом отличает африканскую модель от европейских и азиатских режимов, идет ли речь об индоевропейском рабовладении,

феодализме или об азиатском способе производства. Негро-африканская традиция в отличие от других цивилизаций не связывает обладание властью с обладанием средствами производства».

Африканскому колониальному обществу, по мнению Дианя, присуща экономическая демократия. В аграрных обществах, где изобилие земли, производимые продукты и рабы стали товаром очень поздно, государство не играло почти никакой экономической роли. Отсюда вывод: в доколониальной Африке социально-экономические конфликты и антагонизмы, борьба классов занимают сравнительно малое место. Происходившие же политические перевороты, говорит Диань, носили характер консервативных революций, так как в результате власть одной олигархической группировки сменялась властью другой, без существенных изменений.

Таким образом, в данном случае можно констатировать переход историка прогрессивных воззрений по важному вопросу на позиции либерально-буржуазной историографии, где господствует концепция «африканской исключительности». Она стремится объяснить закономерности развития традиционного африканского общества прежде всего особенностями семейно-родственных, клановых и кастовых отношений, игнорируя социальные противоречия и классовую борьбу.

Новым явлением в историографии доколониального прошлого Африки явилась теория данничества как особой докапиталистической формации, характерной для периферийных обществ. Эту теорию развивают некоторые леворадикальные экономисты и социологи. Среди них особенно активен известный ученый египетского происхождения Самир Амин, с 1970 г. работающий в Дакаре. Данничество, по Амину, — это сочетание аграрной общинной экономики (с присущим ей низким уровнем прибавочного продукта) и политического аппарата для изъятия дани, которая рассматривается как особая форма эксплуатации. Как полагает Амин, данничество выражает постоянное противоречие между общиной и отрицающим ее государством, между крестьянством и правящей аристократией. В чистом виде, впрочем, данничества не существовало; по мнению Амина, оно в качестве доминирующего уклада переплеталось с элементами рабовладения и феодализма.

Характерными для Амина являются его высказывания против общих закономерностей исторического процесса, против «линейного» развития и неизбежной смены общественно-экономических формаций. Он считает, что рабовладельческий и феодальный способы производства были в истории не правилом, а исключением. Амин полагает, что нет необходимой связи между юридическим статусом индивида — свободный это или раб — и формами его эксплуатации; нельзя, говорит он, смешивать отношения господства с отношениями эксплуатации — они совпадают только при капитализме. Амин, таким образом, искусственно дробит на составные элементы, существующие сами по себе, без взаимных связей и зависимостей, то единое целое, что составляет понятие общественно-экономической формации.

Теорию рабовладельческого строя в традиционном африканском обществе разделяют немногие ученые. К ним можно отнести Маджмута Диопа и Амаду Дьенга из Сенегала, гвинейца М.С. Балде. Первый из них в 50-е — начале 60-х годов пытался с марксистских позиций рассмотреть социологические проблемы современной Африки, позже в двухтомной монографии обратился к изучению истории социальных классов в Западной Африке (1971—1972). Догматическое, нетворческое понимание марксистской методологии не позволило сенегальскому автору отличить видимость общественных явлений от их сущности: из факта численного преобладания различных сервильных групп населения, объединяемых общим понятием «раб», он сделал вывод о рабовладельческой формационной принадлежности обществ этого региона. Причем, как считает Диоп, рабовладение на территории Мали существовало вплоть до конца XIX в. и лишь в Сенегале намечался переход к феодализму. Вместе с тем он признает возможным применить для характеристики доколониальной Африки понятие азиатского способа производства, но не как особой формации, а как одного из вариантов общего процесса перехода от первобытного общества к феодальному.

Сторонником рабовладельческой формации, по существу, представляет М.С. Балде, в обширной статье подвергший анализу социальный строй жителей нагорья Фута-Джаллон после его завоевания фульбе. Он приводит многочисленные фактические данные о числе рабов, их этнической принадлежности, юридическом статусе и формах эксплуатации. Балде, как и многие другие исследователи, признает крайнюю сложность определения действительного положения зависимого населения: рабы или крепостные? Хотя он склоняется к мнению, что это были рабы, но считает, что часть из них может быть отнесена скорее к категории крепостных, чем к собственно рабам. Нельзя не привести следующий факт, свидетельствующий о трудности разрешения проблемы рабства в доколониальной Африке: другой исследователь, изучая тот же район Фута-Джаллона, пришел к выводу, что эксплуатируемое сельское население, называемое обычно рабами, на самом деле должно быть отнесено к сословию крепостных. Они были экономически независимыми от своих господ, жили в отдельных поселениях, вели свое хозяйство и владели собственностью; только земля, которую они обрабатывали, не принадлежала им, поэтому они несли ряд повинностей в пользу землевладельцев-феодалов.

Проблему рабства в доколониальных обществах Тропической Африки активно обсуждают нигерийские ученые, и начало разработке этой тематики было положено еще в первой работе К.О. Дике. Много интересных сведений о положении различных категорий несвободных в Дельте Нигера приводят современные историки. К.Нуачукву-Огеденгбе и В.Ученду опубликовали свои статьи в сборнике «Рабство в Африке» (1977), который стал серьезным вкладом в изучение этой проблемы и получил положительную оценку в марксистской критике. Основное внимание авторы уделяют изучению социальной мобильности рабов и меха-

низмов их интеграции в систему родственных отношений (семьи, рода) рабовладельца. Показаны формы эксплуатации труда рабов, их участие в экономической и религиозной жизни общества. «Рабство было многоликим феноменом, результатом действия различных факторов», — пишет Нуачукву-Огеденгбе.

Общий вывод сформулировал В.Ученду: в стране игбо, несмотря на большое количество несвободных, рабство все же не было основой хозяйства. К такому же заключению приходит профессор университета в Нсукке И.Нзимири, изучавший политический строй городов-государств Дельты Нигера (1972). Вместе с тем нельзя не отметить, что названные выше ученые не дают ответа на вопрос о социально-экономическом строе изучаемых обществ, они говорят о том, что им не было рабство. Проблема феодализма или какого-либо его варианта даже не ставится.

На теоретические изыскания африканских историков, особенно молодого поколения, немалое воздействие оказывают дискуссии среди французских и английских африканистов, признающих марксизм или близких к нему: М.Годелье, Э.Террз, Ж.Сюрэ-Каналья, К.Кокри-Видрович, К.Меясу, Дж.Гуди, А.Уилкса. Предположения некоторых из них об азиатском (Сюрэ-Каналь) или специфически африканском (Кокри-Видрович) способах производства, о рабовладении (Меясу) или гибриде данничества с рабовладением (Уилкс) живо обсуждаются в кругах африканских историков и находят среди них как сторонников, так и противников. Не остаются они равнодушными и к развернувшейся дискуссии о характере рабства в доколониальной Африке, в которую в последние годы оказались вовлеченными представители западной историографии, этнографии и антропологии.

В 70-е годы в африканской историографии произошел определенный сдвиг в сторону признания глубокой социальной дифференциации в традиционном обществе доколониальной эпохи, наличия в нем классовых антагонизмов и эксплуатации. Если в работах Ш.А. Диопа, опубликованных в 1959–1960 гг., утверждалась «исключительность» африканских обществ с их иерархическими кастами, где нет места эксплуатации низших высшими, где существовало-де социальное равновесие и не было места классовой борьбе и революции, то в 70-е годы концепция бесклассовости и консенсуса в доколониальную эпоху находит все меньше защитников. Знаменем времени можно считать особую главу «Социальные классы» в монографии М.Глеле о доколониальной Дагомее (1974). Остановимся несколько подробнее на анализе этой по-своему интересной книги.

М.Глеле отвергает вывод о рабовладельческом строе Дагомеи, к которому пришли его предшественники М.Херскович, К.Поланьи и А.Акинджогбин, и присоединяется к мнению Сюрэ-Каналья о делении общества на два класса: господствующий — родовая, военная и служилая аристократия, и эксплуатируемый — трудящееся крестьянство, которое включало как свободных людей, так и различные категории зависимого населения: рабов, пленников, данников, крепостных. Автор, впрочем,

непоследователен, так как в другом месте говорит о трех классах дагомейского общества — аристократии, свободных и рабов. Такая противоречивость, видимо, объясняется несколько вольным употреблением слова «класс», что присуще и другим африканским авторам; этим термином они обозначают и классы, и сословия, и социо-профессиональные группы.

На вопрос о том, была ли доколониальная Дагомей рабовладельческим государством, Глеле отвечает вполне определенно: нет, поскольку производство не основывалось исключительно на рабском труде. Хотя рабов в Дагомее насчитывалось очень много, их функции были весьма разнообразны: их использовали как домашних слуг, иногда — как жрецов или же для ритуальных жертвоприношений. Многие рабы находились, по существу, на положении крепостных: они жили в особых поселках, где обрабатывали земли короля. Благодаря их труду, а также труду зависимых крестьян (глези), были созданы и содержались плантации масличной пальмы в районах Абомея и Виды. Наконец, значительное число рабов продавалось европейским торговцам и вывозилось в Америку. Из приводимых Глеле фактов и обобщений создается впечатление, что доколониальное дагомейское общество представляло собой какой-то вариант феодализма, хотя сам автор нигде не упоминает этот термин.

Среди современных африканских историков становится все больше сторонников концепции феодального или раннефеодального социального строя доколониального общества. К такому выводу, например, приходит С.М. Сиссоко в книге о Сонгайском государстве XV—XVI вв. (1975), хотя тоже избегает самого термина «феодализм». Вместе с тем он прямо признает существование крупной земельной собственности, обрабатываемой прикрепленными к земле невольниками. Хотя социально-экономическим вопросам уделено мало внимания (сельскому хозяйству посвящено менее трех страниц, животноводству — всего одна), выводы автора вполне определены.

Особенности феодализма в Эфиопии, его эволюция в средние века и в новое время показаны в трудах эфиопских историков Таддэсэ Тамрата и Тешомэ Кэбэдэ, в частности, в их докладах на VII Международном конгрессе по эфиопским исследованиям (1982).

Историки консервативного течения, как уже отмечалось, придерживаются мнения о бесклассовости африканского доколониального общества и о царившей в нем социальной гармонии. Эти взгляды разделяют Бубу Хама, А.А. Ба, К.Бусиа. Что же касается А.Кагаме, живущего в стране, где феодальные порядки достигли большего развития и сохранялись до недавних пор, то он занимает противоречивую позицию. Он признает, с одной стороны, что в Руанде существовали отдельные формы феодальных отношений, в частности так называемая система пастушеского крепостничества — бухаке. С другой стороны, он уверяет, что политическая организация государства не была феодальной, так как абсолютную монархию якобы невозможно совместить с феодализмом. Вместе с тем у него встречается и правильное, с нашей точки зрения,

утверждение о том, что с приходом бельгийских колонизаторов в Руанду крепостнические отношения развились и укрепились. Молодые руандийские ученые Ж.Рвабукумба, В.Мудандаизи и С.Себазони без всяких оговорок относят традиционное руандийское общество к феодальному типу.

Много ценных сведений о предколониальных социальных отношениях в соседней с Руандой стране Бурунди, населенной родственными народами, приводит Эмиль Мвороха. В его монографии (1977) показано переплетение экономических и внеэкономических форм эксплуатации крестьянства и скотоводов-пастухов, различные способы сбора дани с подневольного населения крупными феодалами.

Многие историки либерально-буржуазного течения, признавая классовую дифференциацию доколониального африканского общества, специально на этой проблеме на останавливаются или же очень осторожно ее обходят. Такая уклончивость особенно характерна для нигерийской исторической школы, и в этом отношении показательны публикации А.Э. Афигбо, А.Аджайн, С.Акинтойе, Э.Исичен, О.Олорунтимехина.

Близкий к ним по своим идейно-теоретическим воззрениям Ж.Ки-Зербо чаще высказывается по общим проблемам африканской истории, но понять его мнение о социальных структурах доколониальной Африки нелегко. В главе об общественном строе Древнего Египта, Куша и Мероэ в «Истории Черной Африки» он обходит вопрос о рабовладельческом характере древнеегипетского государства; ничего не говорит о его классовом составе, кроме того, что это было общество «строго иерархичное». Несколько дальше, пытаясь объяснить его малоподвижность, историк утверждает, что в нем отсутствовала эксплуатация и эксплуататорские классы. Ки-Зербо указывает на специфику африканского средневековья, где столетиями сохранялась многоукладность в экономике и как результат многослойность социальных отношений. О Сонгайской державе он говорит, что феодализм в ней не сложился в развитую систему, а переплетался с рабовладением и общинно-родовыми отношениями. С этим выводом можно было бы согласиться, если бы Ки-Зербо не утверждал: «Главной или даже единственной движущей силой социально-экономического развития была большая патриархальная семья». Здесь проявилась присущая многим африканским историкам тенденция абсолютизировать семейно-родственные отношения и умалять более важные экономические и социальные факторы исторического процесса.

Ки-Зербо повторил свои основные положения и даже отчасти усугубил ошибочную трактовку некоторых вопросов в первом томе «Всеобщей истории Африки» ЮНЕСКО. Основные тезисы его концепции сводятся к тому, что в доколониальной Африке не было частной собственности на землю, а производство прибавочного продукта сверх потребностей традиционных обществ было незначительным, поэтому отсутствовала и эксплуатация. Большая часть налогов и податей, собираемых правителями государств и вождями потестарных обществ, вновь распределялась

среди непосредственных производителей в виде благотворительных раздач. Не было не только рабства и феодализма в том смысле, как они понимаются за Западе, но даже их африканских разновидностей. Последний тезис Ки-Зербо звучит с неподдельной гордостью: хотя общественные структуры Африки не менялись по крайней мере на протяжении пятисот лет до самой европейской колонизации, зато африканцы «достигли чрезвычайно высокого расцвета искусства и совершенствования человеческих отношений».

Между тем в некоторых, правда, весьма редких научных трудах африканских историков показана ожесточенная классовая борьба эксплуатируемых масс против своих угнетателей, развенчивается ложный тезис об «экономической демократии», «всеобщем благоденствии» и «довольстве» в доколониальные времена. Первым затронул проблему классовой борьбы в традиционном обществе, как это ни странно, историк очень умеренных политических воззрений К.О. Дике. В своей книге «Торговля и политика в Дельте Нигера» (1956) он уделил внимание восстаниям рабов в городах Дельты Нигера — Бонни и Калабаре в 1850—1875 гг. Он подчеркивал, что в Калабаре рабы восстали против всех рабовладельцев, против правящего класса. «Это была прямая схватка между рабовладельцами и рабами», — писал нигерийский историк.

О различных формах борьбы рабов против своих угнетателей на гвинейском Фута-Джаллоне рассказывает М.С. Балде. Приводимые им факты жестокой эксплуатации рабов, лишенных всяких прав и рассматриваемых владельцами в качестве «движимого имущества», опровергает апологетические построения некоторых историков, африканцев и неафриканцев, об особой «мягкости» рабства в традиционном обществе.

Завершая рассмотрение наиболее важных проблем истории доколониальной Африки в современной африканской историографии, следует остановиться на так называемом хамитском вопросе. Как известно, существование в Африке больших государств с развитыми социально-политическими институтами являлось предметом законной гордости африканцев в период освободительной борьбы. Однако в буржуазной историографии тогда господствовала точка зрения, согласно которой большинство этих государств, особенно расположенных в Восточной и Экваториальной Африке, не были созданы местными народами языковой семьи банту. Считалось, что они появились в результате завоевания этих районов кочевыми нилотскими племенами, относимыми лингвистами к хамитской языковой группе; причем из-за смешения языковых, расовых и культурных признаков делались выводы о расовой неполноценности и исторической пассивности народов банту.

В опровержение хамитской теории определенный вклад внесли и африканские историки — Б.Огот, У.Очиенг, И.Кимамбо. Первый из них, выступая на международном семинаре в Дакаре (1961), подверг резкой критике утверждения ряда английских африканистов о том, что в страны Междозерья, населенные земледельцами-банту, государст-

венное устройство было привнесено кочевыми завоевателями — хами-тами. Он показал, что эти выводы были сделаны на основании ошибоч-ной интерпретации устной традиции и языковых данных. Критику и опровержение хамитской теории продолжил И.Кимамбо в «Истории Тан-зании» (1969). Э.Камухагире показал, что отношения между скотовода-ми и земледельцами, которые рассматривались лишь как постоянная вражда, на самом деле были гораздо сложнее, что им свойственна диа-лектика сближения — отталкивания, вражды — добрососедства, насиль-ственных захватов — торгового обмена. На подобных же позициях стоит бурундийский ученый Э.Мвороха.

В разработке проблемы государствообразования в странах Восточ-ной Африки в доколониальные времена первое место по-прежнему при-надлежит Б.Оготу; он провел всесторонний анализ исторических, этно-графических и иных источников. На конференции историков в Дар-эс-Саламе (1965) его доклад представлял собой основательное исследова-ние взаимоотношений скотоводов и земледельцев. Нет необходимости подробно останавливаться на развернутой аргументации кенийского историка, однако подытожим его выводы: не отрицая определенного значения внешнего фактора в процессе государствообразования в Вос-точной Африке, он утверждает, что политические институты здесь были созданы в результате взаимодействия двух групп населения — пришель-цев и коренных жителей. Кстати, заметим, что вывод о диалектике внутренних и внешних факторов подтверждается на материале истории государств Западной Африки, где в качестве главного внешнего фактора выступала европейская торговля, и прежде всего работорговля. Дискус-сия о хамитской теории в 70-е годы утихла, поскольку ее защитников становилось все меньше.

Идеализация далекого прошлого в различной степени присуща большинству ученых Тропической Африки. С апологией африканского рабства мы встречаемся в работах А.Аджайи и О.Олорунтимехина, Ж.Ки-Зербо, П.Дианя. Доколониальное общество игбо было подлинной демократией, пишет Э.Исичеи; в африканском обществе царила эконо-мическая демократия, утверждает П.Диань, коллективизм и материаль-ная солидарность, вторит Ш.А. Диоп; земля принадлежала народу, не было феодализма, заявляет Квамена-По. М.Глеле говорит о политичес-ком консенсусе, об отсутствии произвола, о том, что народ поддерживал правящую аристократию. Подобные заявления делают многие историки различных стран и методологических течений.

Идеологические и психологические причины идеализации далекого прошлого хорошо известны: по контрасту с нынешними экономически-ми трудностями, ухудшением материального положения широких народ-ных масс возникают мифы о «добром старом времени». Как реакция на обострение социальных противоречий и рост классовой борьбы, крова-вые перевороты и междоусобные войны появляется ностальгия по патриархальной идиллии, якобы царствовавшей в доколониальные, доиндустриальные времена. Это не только бессознательная эмоцио-

нальная тяга, обусловленная социальной психологией масс, но и результат сознательной их мистификации идеологическим аппаратом правящей буржуазно-традиционалистской элиты.

Апологетам старины дал хороший ответ Нкрума: говоря о том, что угнетение человека человеком и торговля рабами в Африке существовали задолго до европейского проникновения, он заключил свою мысль следующими словами: «Правда состоит в том, что и до колонизации, принявшей широкий размах только в XIX в., африканцы были готовы продать за 30 сребреников своих соплеменников и даже членов своей собственной семьи. Колониализм, конечно, заслуживает проклятия, но ему ни в коем случае не предшествовал африканский золотой век».

Колониализм и антиколониальная борьба в работах африканских историков. Проклятие по адресу европейского колониализма, повинного во всех бедах современной Африки, было главным эмоциональным элементом идеологии национально-освободительного движения. Это определило и отношение к колониализму африканских историков, которые прямо признают: «Мы не можем освещать только с академической точки зрения такой феномен, последствия которого ощущаем ежедневно на наших улицах, заводах, стройках, полях, в конторах». Поэтому нет, пожалуй, другой проблемы африканской истории, где бы так остро сталкивались две противоположные тенденции — антиколониальная и неоколониалистическая, апологетическая.

Становление национальной африканской историографии идет в упорной борьбе против западной буржуазной трактовки проблем колониализма и антиколониальных движений. Концепции буржуазной историографии именно в этом вопросе подвергаются наиболее острой критике со стороны африканских историков различных идейно-теоретических течений. В оценке последствий колониализма они разделились на две группы: с одной стороны, большинство ученых, показывающих неисчислимыя беды, которые принесла африканским народам эпоха колониализма, с другой — небольшая группа историков, подверженных влиянию апологетических неоколониалистских концепций, пытающихся приукрасить историю колониальных захватов, распространить мифы о «благоденствиях» европейских колонизаторов.

Уже история первых контактов европейцев с Африкой и последовавшая вскоре после этого торговля черными рабами вызывает большие споры в современной науке. «Нет другого сюжета африканской истории, о котором было бы так много написано и который был бы так плохо известен, как торговля рабами между Африкой и Америкой», — с полным основанием говорил ганский историк Кваме Дааку. Дискуссия по этой проблеме была вызвана выступлением ряда англо-американских историков — Дж. Д. Фейджа, Ф. Картина, Л. Ганна, пытавшихся в своих книгах и статьях пересмотреть установившиеся взгляды на отрицательные результаты торговли невольниками и приуменьшить ее катастрофические последствия для Африки.

Их первым тезисом было утверждение о том, что рабство и работорговля в африканских обществах существовали исконно, поэтому, мол, европейские колонизаторы не принесли ничего нового. Войны и захват рабов, считает Фейдж, не только не нанесли африканцам никакого урона, но, напротив, имели положительные последствия для развития африканской государственности, так как «служили мобилизации труда для политических и экономических нужд государства», способствовали консолидации и этнической интеграции; войны разрушили лишь те общества и этнические группы, которые не создали политических организаций (так называемые сегментарные общества).

Ф.Картин путем сложных расчетов на основе разрозненных статистических данных стремился доказать, что атлантическая работорговля не превышала естественного прироста населения и, таким образом, демографический урон для Африки был незначительным. Европейской работорговле противопоставляется торговля невольниками, организованная арабскими купцами: через Атлантический океан, считает Картин, было вывезено всего около 10 млн. африканцев, зато арабы продали в Северную Африку и на Ближний Восток в два с половиной — три раза больше. Такого же мнения придерживается Фейдж: для африканцев особенно разрушительные последствия имела арабская работорговля в Восточной и Центральной Африке.

Против искажения действительной роли европейской работорговли и ее оправдания выступили африканские историки Б.Огот, А.Акинджогбин, К.Архин, Д.Иникори, Мбай Гей, Г.Узоигве, А.Батили, М.Нвулия, К.Дааку и др. Их взгляды разделял прогрессивный историк У.Родней. В ряде публикаций он аргументированно опроверг мнение, что в работорговле виноваты прежде всего сами африканцы; рабство не доминировало в африканском обществе, утверждал Родней, а под общим термином «раб» следует понимать различные категории зависимого населения. Для большинства африканских народов торговля людьми была новым явлением и находилась в прямой связи с приходом европейских колонизаторов. Б.Огот и М.Нвулия показали, что, хотя арабские работорговцы продавали африканских невольников еще с VII в., эта торговля приобрела большой размах только в XIX в. в связи с развитием плантационного хозяйства на Занзибаре и других островах Индийского океана. Арабская работорговля никогда не имела столь огромного размаха и не влекла таких разрушений, как вывоз европейскими работорговцами невольников в Америку.

На большом фактическом материале, приводя многочисленные конкретные данные и примеры, африканские историки показали, как превращение колонизаторами Африканского континента «в заповедное поле охоты на чернокожих» влияло на рост производительных сил Европы и первоначальное накопление капитала. Они вскрыли те катастрофические последствия, которые работорговля принесла Африке: междоусобные войны, обезлюдение огромных территорий, экономическую разруху, упадок местного производства, консервацию отживших соци-

альных институтов и архаичных норм морали. Д.Иникори, профессор университета им. Ахмаду Белло (город Зариа, Нигерия), отмечает еще одно очень важное обстоятельство: продолжительная торговля рабами препятствовала установлению нормальных торговых и иных контактов Африки с остальным миром.

Относительно точной цифры вывезенных из Африки рабов К.Дааку с полным основанием говорит, что ее узнать никогда не удастся, а Г.Узоигве утверждает, что приводимые крайние цифры — 160 млн. и 10 млн. — одинаково неверны, и на эту тему спорить бессмысленно. Дело, конечно, не в цифрах, которые установить невозможно, а в социальных и экономических итогах первой стадии освоения европейскими колонизаторами Африки, которая в XIX в. сменяется эпохой систематической колонизации и территориального раздела между капиталистическими державами.

Большой интерес проявляют африканские историки к теоретическим вопросам колонизации и колониализма, стремятся понять те изменения, которые внесло колониальное состояние во все области общественной и духовной жизни народов Африки. И в этом вопросе, как и в вопросе о работорговле, им приходится сталкиваться с апологетическими доктринами западной науки.

Кагаме — единственный, пожалуй, африканский историк, который, отделив колониализм от колонизации, приходит к следующему выводу: «Я не верю, что можно найти в Африке хотя бы одного человека, даже крайнего националиста, который бы не хотел, чтобы его страна не была колонизованной, и предпочел, чтобы она находилась в том же состоянии, в котором была при наших далеких предках». Признание Кагаме цивилизаторских результатов европейской колонизации, впрочем, не должно сильно удивлять, учитывая его связи с католической верхушкой Ватикана, колониальным бельгийским режимом и его консервативное мировоззрение.

Как бы на вопрос о том, что такое колонизация, четкий ответ дает Бакари Траоре: «Колонизация — это господство одновременно экономическое, социальное и культурное».

Под этими заявлениями могут, по-видимому, подписаться подавляющее большинство современных африканских историков. Их взгляды, однако, расходятся, когда речь заходит о том, какие именно изменения принес Африке колониализм, насколько они были глубокими. Споры идут и о том, была ли колониальная эпоха лишь кратковременным эпизодом африканской истории, не нарушившим ее преемственности, или же она повлекла за собой глубокие потрясения, настоящую деформацию общественных структур.

Первую точку зрения разделяют Аде Аджайи и — в известной мере — ряд других нигерийских историков: Т.Тамуно, А.Афигбо, О.Олорунтимехин. На конференции историков в Дар-эс-Саламе в 1965 г. Аджайи выдвинул концепцию преемственности африканской истории в колониальную эпоху. Он выступил против преувеличенного представления

о месте колониализма в жизни африканских народов; колониализм, полагает Аджайи, — это «всего лишь эпизод в непрерывном течении африканской истории»; его последствия гораздо менее значительны, чем внутренние события африканской истории: миграции, войны, возникновение новых государств. В другом месте он пишет, что главным революционизирующим фактором стран Западной Африки в XIX в. было воздействие ислама.

Таким образом, естественное и обоснованное стремление показать историческую активность африканцев — «африканские инициативы» — при абсолютизации этого фактора приводит к недооценке колониализма. Кроме того, Аджайи меняет ацент при рассмотрении вопроса о реакции африканцев на колониализм: не сопротивление иностранному вторжению ставится в центр исследования, а различные формы и методы приспособления африканцев к новым условиям, поведение социальных групп, шедших на сотрудничество с колонизаторами; весь этот комплекс новых проблем получил название «политики выживания». Коллаборационизм становится вполне respectable сюжетом научных исследований наравне с движением сопротивления.

Логика науки и политики такова, что некоторые либерально-буржуазные историки, хотя бы они этого или нет, объективно склоняются если не к прямой апологетике, то во всяком случае к приукрашиванию колониализма. Такой вывод подтверждается и оценками самого Аджайи — в своей ранней работе он весьма положительно оценивал деятельность англичан в Африке, — и анализом монографии Тамуно «Эволюция Нигерийского государства» (1972).

В своей книге Тамуно призывает оценивать последствия и итоги колониализма «без эмоциональных обертонов» и утверждает: «Несмотря на некоторые отрицательные аспекты британского колониализма в эту эпоху, Британия сделала позитивный вклад в развитие Нигерийского государства». Этот вклад автор видит прежде всего в факте объединения различных владений в единую территорию, получившую название Нигерии; понятно, что колониальная администрация поступала так исключительно в собственных интересах, не заботясь нисколько о самих африканцах. Тамуно особо выделяет слова о «феноменальном прогрессе» в развитии сельского хозяйства, производства и торговли в конце XIX — начале XX в., что будто бы явилось результатом деятельности колониальных властей.

Во введении к своей работе Тамуно критикует книгу другого нигерийского историка, Дж.Анене, где дается более уравновешенная оценка итогов английской колонизации. Анене, например, указывает, что главная цель колониальной экспансии — «приобретение территорий для выгодной экономической эксплуатации». Колонизаторам важнее всего был захват новых земель, они не обращали внимания на природные, политические и этнические факторы. Анене подчеркивает, что границы между владениями европейские захватчики определяли за спиной африканских народов в зависимости от собственной силы.

Главным методологическим недостатком взглядов Аджайи и поддерживающих его ученых является, по нашему мнению, противопоставление внутренних и внешних факторов африканской истории, неумение рассматривать их в диалектическом взаимодействии. Абсолютизация внутренних движущих сил из желания более выпукло высветить «африканские инициативы» объясняется националистическими побуждениями, приводит к недооценке колониализма и в конечном счете к его реабилитации.

Подобно Анене, большинство африканских историков, как либерального течения, так и революционно-демократического течения, признают глубину и значимость последствий колониализма. Они рассматривают колониальную эпоху не как случайный эпизод, а как определенный этап африканской истории различной временной протяженности — для Мозамбика в пятьсот лет, для многих других стран Западной и Восточной Африки — в сто и менее лет. Несмотря на сравнительно небольшую длительность, этот этап по своей социальной насыщенности и динамизму, близким и дальним последствиям не имеет себе равного в истории всего континента. Африканские историки, таким образом, приближаются к пониманию колониализма как особого типа социального развития, который был назван Д.А. Ольдерогге «колониальным обществом». Такой подход свойствен прежде всего представителям историографии социалистической ориентации, стремящимся отойти от многофакторной теории. С позиций материалистического монизма они видят главный итог колониальной эпохи во включении Африки в мировую систему капиталистического экономического развития и возникновении в ней «колониального капитализма».

В этом отношении характерны взгляды кенийца Э.Атиено-Одхиамбо, изложенные в специальной работе «Проблема колониальной эпохи» (1974). В своем анализе колониализма автор стремится исходить из марксистского понимания соотношения экономического базиса и политико-идеологической надстройки. Вместе с тем он подвергает обоснованной критике апологетическую трактовку колониального режима и националистические воззрения. Основной вывод кенийского историка сформулирован следующим образом: «Самая главная ударная сила, действовавшая в кенийском обществе последние 70 лет, была внешняя, и она проявилась в проникновении мировой капиталистической системы... Именно она в конечном счете определяла экономические и политические инициативы африканцев». Результатом действия этой внешней силы, носителем которой был колониализм, явилось возникновение зависимой экономики, которая, в свою очередь, определила остальные изменения.

Важность включения Африки в мировую капиталистическую экономику признают и некоторые ученые умеренных взглядов. Так, М.Овусу в предисловии к сборнику «Колониализм и изменения» (1975) пишет, что колониализм — «это тотальный и глубокий феномен, повлекший многогранные изменения во всех сферах жизни народов Африки». Правда, перечисляя эти изменения, автор впадает в апологетику и пре-

увеличивает некоторые положительные моменты, среди которых называет революцию в духовной области, демократизацию общественной жизни, более рациональную организацию всего общества и т.п. Но наибольшее возражение вызывает такой тезис: колониализм принес якобы «более высокий и разнообразный уровень жизни всего населения». Ошибочность подобного утверждения очевидна.

Много пишет по проблемам колониализма ганский историк А.Боахен. В заключении ко второму тому издания «Колониализм в Африке», призванном подытожить период 1914—1960 гг., он отмечает, что колониализм принес существенные изменения — «бросил Африку на путь развития, который коренным образом отличается от прежнего». Словно полемизируя с Аджайи, он утверждает: «Колониальная эпоха — сравнительно короткий отрезок времени, но по своим последствиям колониализм был самым глубоким внешним фактором из всех, когда-либо влиявших на африканскую историю». Вместе с тем Боахен отмечает неравномерность воздействия колониализма на различные районы Африканского континента.

Боахен, как и многие другие африканские историки, пытался взвесить на невидимых весах результаты колониализма, подсчитать сальдо положительных и отрицательных итогов. «Первый и самый очевидный продукт колониализма, оставивший неизгладимый след, — появление независимых государств Африки. Все они обязаны своими национальными границами деятельности колониальных держав в XIX в. Эти границы не испытывали никаких изменений после падения колониализма, не предвидятся они и в обозримом будущем». Этот же «продукт колониализма» автор, не без своеобразной диалектики, признает первым и главным отрицательным итогом, так как границы государств были намечены колонизаторами произвольно, без учета этнических и культурных линий раздела; отсюда гетерогенность новых политических образований, перед которыми стоит сложная задача национально-государственной консолидации.

В целом можно сказать, что африканская историография за годы своего существования прошла путь от однозначного осуждения колониализма в общих фразах к более дифференцированной его оценке, медленно приближаясь к пониманию глубоко двойственного, противоречивого воздействия мирового капитализма на общества стран Азии и Африки, о котором писал К.Маркс. Постепенно высвечиваются новые аспекты проблемы, вводятся в оборот свежие источники, а в теоретическом плане заметна поляризация характеристик и оценок, обусловленная дальнейшей дифференциацией течений и школ.

Не остались в стороне африканские историки при обсуждении проблем империалистического раздела континента. Как раз в годы становления африканской историографии острую дискуссию вызвала теория «периферийно ориентированного», или «неформального», империализма. Она была выдвинута в совместной работе известных английских экономистов Р.Робинсона и Д.Галлагера «Африка и викторианцы»

(1961). Главным объектом атак апологетов британского колониализма была ленинская концепция империализма, поскольку они пытались опровергнуть положение об экономических первопричинах территориального раздела Африки между капиталистическими странами. В противовес был выдвинут геополитический тезис о том, что главным побуждением к захватам Англией африканских земель было стремление обезопасить морские пути в Индию, а также защитить оккупированный в 1882 г. Египет от покушений других империалистических держав. Авторы тщились доказать, что государственные деятели Англии конца XIX в. — Солсбери, Чемберлен, Родс — перешли к политике колониальных захватов помимо своих желаний, под влиянием «националистических кризисов» в Африке (имеется в виду прежде всего национальное движение в Египте и Судане) и в связи с ростом межимпериалистических противоречий в самой Европе.

Аргументированное опровержение концепции Робинсона и Галлагера дал бывший преподаватель университета Макерере в Уганде Г.Узоигве в книге «Британия и завоевание Африки: век Солсбери» (1974). С фактами в руках он доказывает, что подписанные английским премьер-министром Солсбери соглашения с Германией о разделе сфер влияния в Восточной Африке не имели никакого отношения к египетскому вопросу. Узоигве опроверг тезис о том, что англичане захватили Восточную Африку, чтобы обеспечить господство над источниками Нила. Уганда, пишет он, была оккупирована не для того, чтобы оградить с юга английские позиции в Египте, как утверждали Робинсон и Галлагер: премьер-министр Солсбери никогда не придавал особого значения восточноафриканскому региону, так как морской путь через Суэцкий канал стоял у него на втором плане; главное внимание он уделял коммуникациям вокруг Африки. Вывод Г.Узоигве ясен: «Солсбери был холодным и решительным сторонником колониальной экспансии».

Узоигве дает характеристику политической и экономической ситуации в самой Англии и показывает внутренние социальные импульсы, толкавшие правящий класс на усиление колониальных захватов. В противовес буржуазным ученым автор подчеркивает, что именно социально-экономические факторы, а не военные или престижные соображения были первенствующими в колониальном разделе Африканского континента. Это положение раскрывается на конкретных фактах во многих трудах африканских историков.

Критика буржуазной неоколониалистской историографии является постоянным компонентом многих трудов африканских авторов. Кроме приведенных выше примеров, упомянем критический разбор положений буржуазной историографии, данный А.Афигбо. Б.Огот подверг сокрушительной критике книгу американских авторов «Бремя империи», которую он назвал «массивной апологией колониализма». Он указал в качестве одного из главных методологических пороков на то, что авторы отвергают все теории империализма, в которых колониализм каким-либо образом связан с капитализмом. Огот считает их атаку на ленин-

скую теорию империализма совершенно нелепой и несостоятельной, а на утверждение о том, что колониальные государства выполнили «гигантскую полезную работу» в интересах цивилизации, кенийский историк отвечает: «Факты, однако, говорят, что не колониализм как таковой дал хорошие результаты, а контакты между различными народами и культурами». Нигерийский ученый Баде Онимоде в книге по экономической истории (1982) приводит знаменитые слова Маркса о двойственной миссии британского владычества в Индии и на этой основе пытается дать диалектическую оценку последствий колониализма для стран Африки.

Не имея возможности более подробно остановиться на других аспектах весьма широкой и многогранной проблемы колониализма в современной африканской историографии, перейдем к теме антиколониального движения. Хотя сопротивление африканских народов колониальному проникновению на ранних этапах, получившее в литературе не вполне адекватное наименование «первичного» сопротивления, затрагивалось во многих публикациях, специальных обобщающих работ по этой проблеме до сих пор нет.

Начало изучению ранних этапов сопротивления положил старейшина африканских историков К.О. Дике в книге «Торговля и политика в Дельте Нигера». Работа выполнена на широкой источниковой базе: использованы архивы министерства иностранных дел и британского колониального ведомства, впервые вводятся в научный оборот архивы нигерийских городов Бонни, Калабара, Опобо. Дике аргументированно опровергает тезис буржуазной английской историографии о якобы пассивном отношении африканцев к британскому колониальному проникновению. В его работе показано, что местное население с оружием в руках встречало незваных пришельцев. Только к концу XIX в. англичанам удалось окончательно укрепиться в стране игбо, причем содействие им оказывали местные феодальные правители, подкупленные английскими торговцами.

Тема сопротивления европейской экспансии затрагивается в книгах и статьях О.Икиме, О.Олорунтимехина, А.Боахена, С.Нвабары, С.Акинтойе, Р.Афолалу. Обширный материал по этой теме содержится в книгах О.Икиме «Британское завоевание Нигерии» (1977) и Дж.Асиембу «Нигерия и ее британские захватчики» (1984). Созревание сил антиколониального движения в Замбии показано в книге Г.Меебело «Реакция на колониализм» (1971). Пишут на эту тему и традиционалисты, не поднимающиеся выше хроникального перечисления событий.

Отдельные африканские историки начинают понимать, что возникновение национально-освободительных движений — это сложный процесс созревания рожденных колониализмом внутренних противоречий, имеющих всеобщий характер и охватывающих все стороны жизни подневольных народов. Так, П.Афолалу, соглашаясь с мыслью К.Маркса о последствиях британского владычества в Индии, утверждает, что африканский национализм развивался вместе с появлением капиталисти-

ческих отношений и был неизбежным результатом империализма. Главной предпосылкой пробуждения Африки, пишет Ки-Зербо, явились глубокие противоречия в недрах колониальной системы империализма и созревание внутренних освободительных сил. «Колониализм вследствие присущей ему динамичной диалектики подготовил свою собственную гибель» — к такому выводу приходит автор. Он указывает и на внешние влияния, в частности, высоко оценивает последовательный антиколониализм Советского Союза, его помощь борцам против колониального гнета.

В современной африканской историографии растет внимание к истории рабочего и профсоюзного движения. Среди движущих сил антиколониального движения историки называют молодой африканский пролетариат и его организации. Так, Ки-Зербо считает, что, хотя профсоюзное движение в Тропической Африке встречалось с необычайными трудностями, рабочие не ограничивались экономическими требованиями, а смело выступали против основной причины угнетения и отсталости — колониального режима. Зарождению рабочего и профсоюзного движения в Сенегале посвящена серия содержательных статей Ибадера Тиамы, вошедших затем в его докторскую диссертацию (1983). О рабочем движении в различных странах региона в колониальные времена рассказывают книги и статьи С.Нвабары, К.Джанмохамеда, Семи-Би Зана, И.Баба-саны, М.Диопа. В них показаны первые классовые бои африканского пролетариата, созревание его самосознания, превращение класса «в себя» в класс «для себя».

Исследования по истории классовой борьбы перебрасывают в историографии мост к изучению проблем постколониальной Африки. Примечательно в этой связи признание Л.Гбабго: «Ошибочно думать, что национально-освободительная борьба отменяет классовую и идеологическую борьбу. Разные классы могут на основе общей программы, в составе единого фронта бороться за освобождение. Классовая борьба внутри народа ослаблена, но не исчезает. После освобождения общее направление этой борьбы зависит от класса, на который пала историческая ответственность руководить ею».

История Тропической Африки периода независимости. Насыщенная острейшей политической борьбой, социальными и культурными переменами эпоха независимости все больше привлекает внимание африканских ученых-обществоведов, в том числе историков. Вместе с тем следует подчеркнуть, что большинство публикуемых книг и статей о независимой Африке написано политическими деятелями, экономистами и социологами, а также журналистами. Вся эта литература носит остро полемический характер: бурные споры о недавнем прошлом сопровождаются дискуссиями о путях развития, об идеалах будущего общественного развития. Большинство авторов приходит к верному выводу о том, что, получив в 1960 г. формальную независимость, страны Тропической Африки по-прежнему тысячами нитей связаны с бывшими метрополиями, с мировым капитализмом, продолжают эксплуатироваться неколко-

ниальными методами. Борьба за «вторую независимость» становится центральной задачей африканских стран на современном этапе развития.

Постколониальный период развития Тропической Африки нашел свое отражение в книгах известного историка Ж.Ки-Зербо «История Черной Африки» (1972) и профессора университета Ифе (Нигерия) С.Акинтоие о проблемах истории Африки в XX в. (1976). Ки-Зербо попыток первым десятилетие независимого развития; его выводы лежат в русле умеренно-либеральной концепции исторического процесса. Эйфория первых лет после освобождения от колониального гнета прошла, стали видны проблемы, которые не были разрешены на путях капиталистического развития – экономическая и культурная отсталость, политическая нестабильность, зависимость от мирового империализма. Историк не предлагает, однако, радикальных путей преодоления этих трудностей, его общественным идеалом является многопартийная буржуазная демократия западного типа, проводящая социал-реформистскую политику в интересах сохранения классового мира и укрепления национального единства.

С.Акинтоие среди главных проблем, вставших перед независимыми африканскими государствами, называет государственно-политическое строительство, преодоление этнических противоречий в многонациональных странах, экономический рост, вмешательство армии в политическую жизнь. За 15 лет независимости (к 1976 г.) жизненный уровень африканцев оставался самым низким в мире, Акинтоие приводит цифры о доходе на душу населения по континентам мира и приходит к выводу, что Африка является самым бедным из них. Все африканские страны, пишет он далее, ввозят почти 100 % необходимых им товаров и значительную часть продовольствия. Острыми остаются межэтнические отношения во многих странах Африки, их многонациональный состав – прямое следствие колониализма. Акинтоие приводит такие факты: в Нигерии проживает более 250 этнических групп, в Танзании – 120, в Замбии – более 70. Между ними часто происходят острые столкновения, которые иногда доходят до открытой войны. Наконец, характерной чертой независимой Африки стали военные перевороты, главной причиной которых, по мнению нигерийского историка, является народное недовольство и провал гражданской администрации.

В книге Акинтоие даются краткие очерки постколониальной истории 15 африканских государств, среди которых Гана, Нигерия, Заир, Сенегал, Эфиопия, Кения. В каждом из этих очерков автор отмечает особенности исторического развития страны в 60-е – первой половине 70-х годов, перечисляет важнейшие события в политической и экономической жизни. Книга Акинтоие отличается от многих других научных и публицистических трудов по современной истории Тропической Африки тем, что в ней не даются рецепты выхода из создавшегося тяжелого положения. Путь некапиталистического развития сам С.Акинтоие не приемлет.

Как образец либеральной трактовки новейшей истории Африки можно рассматривать книгу Эдема Коджо, видного государственного деятеля Того, бывшего в 1978—1983 гг. генеральным секретарем Организации африканского единства. Она носит многозначительное заглавие «...И завтра Африка» (1985), которое можно понимать как попытку обрисовать контуры Африки будущего. Прогнозы Коджо строит на весьма критическом анализе настоящего положения вещей. Все корни нынешних бед африканцев, говорит автор, следует искать в историческом прошлом: «...Африка должна размышлять над уроками истории». Главный виновник отсталости континента — это, конечно, колониализм, но не только.

Коджо с большой силой разоблачает некомпетентность, невежественность и эгоизм правящих элит, пришедших к власти в годы независимости.

Нынешние политические режимы в большинстве стран — это, по выражению автора, «невежественный деспотизм». Примеров достаточно много: кровавые, антинародные диктатуры Иди Амина (Уганда), Бокассy (ЦАР), Масиаса Нгемы (Экваториальная Гвинея), Секу Туре (Гвинея) и др.

Между тем, пишет далее Коджо, Африка имеет все условия стать процветающей, для чего следует прежде всего выйти из состояния неподвижности. Позитивная программа Коджо, однако, не выходит за рамки умеренных буржуазных реформ, мало затрагивающих основы капиталистического социально-экономического строя.

Представители революционно-демократической и марксистской мысли не только вскрывают глубокие противоречия современного этапа истории Тропической Африки, но и стремятся показать выход из кризиса на путях некапиталистического развития. В 80-е годы вышел ряд исторических и политологических («политология — это история современности», отметил Йоламу Баронго) трудов нигерийских авторов. В Нигерии, как известно, достигла высокого уровня развития научно-теоретическая мысль, действует марксистская партия. Среди авторов, стремящихся с позиций диалектического материализма анализировать проблемы Нигерии и всей Африки, отличаются Клод Аке, Эдди Мадунагу, Икенна Нзими́ро, Баде Онимоде, Оквудиба Нноли. Новейшая история Нигерии освещается в книге «Установление и падение второй республики 1979—1984 гг.», авторами которой являются преподаватели университета Ифе Тойин Фалола и Джулиус Ихонвбере (1985). Они пытаются дать анализ классовой структуры общества, найти скрытые формы протеста широких народных масс против капиталистической системы. Острейшую политическую борьбу в стране, хроническую нестабильность и частые военные перевороты авторы объясняют борьбой различных фракций местной буржуазии. Сущность внутренней слабости Нигерийского государства после 1960 г. авторы обосновывают исходя из положения Грамши о классовой гегемонии на уровне государственных структур и на уровне гражданского общества. Неоколониализм является главной при-

чиной осталости Африки, ее спасение лежит на путях социалистического развития.

Находящиеся в эмиграции представители прогрессивной общественной мысли стран Тропической Африки, где у власти проимпериалистические режимы, с большой убедительностью вскрывают союз местной реакции с неокOLONИализмом. Это касается главным образом Заира и Кении.

В статье «Государство и классовая борьба в Заире» Нзонгола Нта-лажа (1984), один из редакторов «Журнала африканских марксистов», пишет, что самая богатая страна Африканского континента находится ныне в состоянии полной экономической разрухи. НеокOLONИальное государство служит эгоистическим интересам правящего класса во главе с диктатором Мобуту. В вышедшей ранее анонимной книге «Заир: досье реколонизации» (1978) собран большой фактический материал, разоблачающий культ личности Мобуту, его внутреннюю и внешнюю политику, реакционный неотрадиционализм и национализм, возведенные в государственную идеологию. Мутеба Тшитенге в книге «Заир: борьба за вторую независимость» (1985) пишет, что за 25 лет формальной политической независимости, без глубоких социально-экономических преобразований, в Заире утвердился неокOLONИальный режим, который блокировал развитие страны, обрек ее население на голод и нищету. Подобная же разоблачительная литература публикуется и о Кении, правители которой следуют курсом неокOLONИализма, жестоко подавляя политическую оппозицию. Из последних публикаций об этой стране назовем анонимную работу «Независимая Кения», напечатанную в 1984 г. в Лондоне.

Среди новейших работ по истории стран социалистической ориентации своим высоким научным уровнем выделяются две: бенинца Коови Уедако и ученого из Гвинеи-Бисау Карлуша Лопиша. Обе книги, как отмечают их авторы, написаны с позиций диалектического материализма и имеют целью рассмотреть всесторонне проблемы некапиталистического пути развития, его достижения и трудности, средства ускорения общественного прогресса. Изучение этих проблем имеет исключительную важность, учитывая, что ряд стран в Африке сошли с пути социалистической ориентации из-за реакционных военных переворотов (Гана, Мали) или же в результате перерождения правящей верхушки (Египет, Сомали, Гвинея).

Падение прогрессивных режимов, а также замедление революционных преобразований в странах, не принявших научный социализм (Танзания, Алжир, Мадагаскар), ставит перед учеными-обществоведами задачу углубленного изучения всего комплекса политических и экономических проблем, связанных с соориентацией.

Книга Уедако «Капитализм и социализм в Африке» (издана в Москве на рус. языке) принадлежит выпускнику Университета дружбы народов им. П.Лумумбы и представляет собой публикацию докторской диссертации — первой, защищенной в СССР. Автор убедительно показал,

что социалистическая ориентация является альтернативой капиталистическому пути; она выступает в качестве объективной закономерности общественного развития стран Африки. Целая глава книги посвящена теоретическим основам некапиталистического пути развития, где автор анализирует методологические установки Маркса, Энгельса, Ленина, а также советскую историографию проблемы. С позиций исторической правды автор вскрывает трудности и многочисленные ошибки руководителей африканских стран социализации, разрыв между словом и делом, между революционными лозунгами и реальной политикой, боязнь активности народных масс, упование на командно-административные методы управления.

Большой ущерб многим странам нанес «культ вождей» — Кваме Нкрумы, Модибо Кейты, Секу Туре. Автор приходит к следующему выводу: «Противоречия и ошибки в деятельности революционно-демократического руководства вполне объяснимы и преодолимы. Социалистическая ориентация остается генеральной линией развития для освободившихся стран Африки».

Книга К.Лопиша, директора Национального института научных исследований Гвинеи-Бисау, также представляет собой доработанный текст диссертации, защищенной в Женевском университете. Она называется «Исторический переход Гвинеи-Бисау от движения за национальное освобождение к государству» (1987). Автор указывает, что избранную проблему он будет исследовать на «базе марксистской мысли, обогащенной А.Кабралом», основателем партии и государства. В центре внимания автора — тема государственного строительства в Гвинеи-Бисау, переход от антиколониальной вооруженной борьбы к мирной деятельности, диалектика отношений между правящей партией и государством, способы укрепления политической власти и недопущения государственного переворота. В меньшей степени автор анализирует возникновение новых социально-экономических структур, социальные антагонизмы.

Центральная проблема переживаемого периода, по мнению Лопиша, это переход от колониальной администрации к государству «нового типа», от традиционного общества к обществу современному, от классового мира к борьбе классов. В своих обобщениях автор опирается на мысли Маркса, Энгельса, Ленина и Грамши, но с одобрением цитирует и слова известного леворадикального ученого Самира Амина. В целом в книге Лопиша теория и практика социалистической ориентации не нашли достаточно глубокого анализа.

О современном этапе истории Африки пишут немало ученые и публицисты леворадикальной ориентации. Это прежде всего названный выше Самир Амин, не признающий концепцию социализации, а также Исса Шивджи и Махмуд Мамдани. Утопическую программу строительства социализма в Африке выдвинул один из руководителей восстания на Занзибаре Абдул Рахман Бабу. Его книга «Африканский социализм или социалистическая Африка?» (1981) наполнена крикливой революци-

онной фразеологией, путаными рассуждениями о марксизме и социализме, левацкими нападками на африканские страны социориентации. Критика его часто лишена аргументов, а позитивная программа неосуществима. Эти пороки характерны для леворадикальной идеологии.

Немало выходит в Африке книг с защитой существующих порядков. Одной из первых была работа известного консервативного историка Бубу Хама «Великие проблемы независимой Африки» (1974). Она написана как предупреждение молодому поколению, которое-де перестало почитать и слушать старших, заражено глетворным материализмом и атеизмом. В защиту вчерашнего дня автор пытается использовать исторические уроки. Он, например, считает, что иностранные идеологии сегодня так же опасны, как и в прошлом, когда стали главной причиной гибели великих империй средневекового Судана. Бубу Хама выступает с прямой апологией африканского традиционного общества, построенного, по его словам, на бесклассовых принципах идеализма и гуманизма.

К литературе консерваторов-неотрадиционалистов близки биографические книги, восхваляющие «вождей» независимых стран Африки. Напрасно в подобных писаниях искать анализ основных процессов и событий бурной истории африканских стран после 1960 г.; в них все приглажено, многие факты замалчиваются, другие же подаются в фальсифицированном виде, достижения безудержно преувеличены, а об ошибках и поражениях вовсе не упоминается. Характерны в этом отношении книги С.К. Кейты о Секу Туре (1977), С.О. Мезу о Сенгоре (1968). В таком же апологетическом ключе написана книга Г. Лизетта по истории правящей в Республике Кот-Дивуар партии Африканское демократическое движение — РДА (1983). Однако речь идет не столько о деятельности партии, сколько о ее лидере, бессменном президенте страны Ф.Уфуэ-Буањи, представленном в тоге непогрешимого вождя, апостола и мудреца. Автор о своем герое пишет в таких выражениях: «У него настойчивость апостола и спокойная прочность кремня... Мир его признал мудрейшим среди мудрых, потому что его политический разум и решительность соединились с братством, щедростью и сочувствием к страданию других». Подобные раболепные комплименты рассыпаны по многим страницам этой по-своему характерной книги, потому что подобные издаются едва ли не в каждой африканской стране. Научная ценность такой литературы, разумеется, невелика, но она служит указателем политической и идеологической ситуации. Только после свержения подобных «вождей» появляется поток разоблачительной литературы. За четверть века независимости в странах Тропической Африки произошло более 60 военных переворотов. 69 глав государств или правительств были устранены насильственным путем, 21 из них был убит или казнен. Нужно, однако, критически относиться и к разоблачительным публикациям, в которых достаточно много измышлений (например, поток клеветы, обрушившийся на Кваме Нкруму после его свержения с поста президента Ганы в 1966 г.).

В целом объем научной и публицистической литературы по периоду независимого существования стран Тропической Африки растет лавиноподобно. Эти книги и статьи, как правило, тенденциозны, они написаны с позиций различных классов, социальных слоев и политических организаций и требуют строго научного, объективного и критического анализа.

3. Идейная борьба в исторической науке Южной Африки

Усиление консервативных и реакционных тенденций. Чтобы лучше понять состояние исторической науки после второй мировой войны в странах Юга Африки, следует напомнить о тех глубоких политических переменах, которые самым непосредственным образом повлияли на развитие общественной мысли, науки и культуры. С одной стороны, усиливается освободительное движение против английского и португальского колониального угнетения в обеих Родезиях, Бечуаналенде, Анголе, Мозамбике. Особый размах приобретает борьба небелого населения ЮАС за создание демократического многорасового государства. С другой стороны, усиливаются консервативные, реакционные тенденции, которые становятся господствующими в ЮАС с 1948 г., когда к власти приходит Националистическая партия, провозгласившая апартеид государственной политикой.

Из реакционного, расистского течения буржуазной политической мысли апартеид стал практикой, охватившей все стороны жизни — не только политику, но и экономику, культуру, образование, социальную сферу, межэтнические отношения. В создании идеологии апартеида, этого доведенного до крайности расизма, участвовали, как мы помним, ученые консервативного направления — этнографы, историки, социологи. В качестве непосредственного политического требования оно было впервые выдвинуто в 1943 г. и направлено против всех групп небелого населения страны, но главным образом против черного большинства.

Само слово «апертеид» (или «апартхеид») на языке африкаанс означает «обособление», «разделение». В основе идеологии и политики апартеида лежит антинаучный тезис о расовом превосходстве белых и о недопустимости расово-этнического смешения. Каждая раса и этническая группа должна развиваться обособленно, в собственных территориальных границах, со своими традициями, языком, культурой и т.д. При более глубоком рассмотрении апартеида можно увидеть прочные социальные первопричины, которые тщательно скрываются его сторонниками: в эгоистических интересах верхушки буржуазии система апартеида должна снабжать монополии дешевой и бесправной рабочей силой из коренного населения. Не догмы Библии лежат в основе разделения рас и этносов в ЮАС, а грубые материальные интересы господствующей элиты.

После прихода националистов к власти была принята целая серия законов, имевшая целью лишить небелое население страны всех остатков политических прав, подавить его сопротивление. Уже в 1949 г. был принят закон «Об университетском образовании», по которому все небелое население лишалось права совместного с белыми обучения в университетах. В следующем году вышел закон «О подавлении коммунизма» — была запрещена Коммунистическая партия Южной Африки, выступающая за создание демократического, многонационального государства, резко протестовавшая против система апартеида. Позже были ликвидированы Африканский национальный конгресс, многие другие прогрессивные организации белого, черного и цветного населения; их лидеры были брошены в тюрьмы, лишены политических прав или вынуждены были эмигрировать. Репрессиям подверглись и либеральные деятели, выступавшие против расизма.

В ответ на протесты мировой общественности, робкую критику со стороны английского правительства расисты в 1961 г. провозгласили полное отделение от Великобритании и создание независимой Южно-Африканской Республики (ЮАР). После этого террор усилился, страна превратилась в полицейское государство полуфашистского типа. Практический расизм нашел свое законченное выражение в законе «О развитии самоуправления банту» (1959), который предусматривал создание резерватов для черного населения по этническому признаку (так называемые бантустаны). В 1976–1981 гг. в ЮАР было создано 10 бантустанов, из которых четыре получили фиктивную независимость. Африканцы насильственно переселены на самые бесплодные, полупустынные земли, где они лишены средств к существованию; собственно говоря, бантустаны и задуманы как резервуары дешевой рабочей силы. Кроме того, в бантустанах консервируются отсталые обычаи и традиции, во главе их поставлены продажные вожди, ведущие жестокую борьбу против всего нового, прогрессивного.

В подобных крайне сложных и противоречивых условиях развивается историческая наука ЮАР. Начавшаяся в 20–30-е годы перегруппировка идейно-теоретических течений завершилась к 70-м годам. Новая классификация немарксистской историографии включает следующие течения: консервативное, либеральное, радикальное. Оформляются марксистское и революционно-демократическое течения, грань между которыми часто провести невозможно, поскольку общеполитические позиции и требования их представителей идентичны. Это тем более трудно сделать, что революционные демократы постоянно эволюционируют, овладевая методом диалектико-материалистического познания прошлого.

Консервативное течение. В послевоенные годы консервативная историография получает официальное признание в ЮАР, пользуется мощной поддержкой государственного аппарата, средств массовой пропаганды. Идеология апартеида содержит большой исторический компонент, консервативные ученые-обществоведы призваны доказать, что система

апартеида является будто бы логическим итогом всей истории Южной Африки, закономерным завершением многовековой борьбы белых (прежде всего — африканеров) за создание преград против поглощения «нижней» расой. Ученые консервативного толка занимают господствующее положение в исторической науке, но их авторитет в мировой историографии невысок. Их работы за рубежом ЮАР публикуются крайне редко, их репутация ученых прислужников расизма вызывает всеобщее презрение.

Основная масса исторической литературы консервативных авторов, как и прежде, печатается на языке африкаанс. Однако следует отказаться от распространенного заблуждения, что африканеры — реакционеры и расисты. Это утверждение не было верным прежде, еще меньше оснований оно имеет в современную эпоху. Поэтому ошибочно называть консервативную историографию африканерской. С консервативных позиций выходили исторические труды и англоюжноафриканцев, и англичан, работавших в других странах Юга Африки. Наиболее характерным примером являются исследования работавшего в Лусаке (Северная Родезия) Льюиса Ганна. С 1950 г. он был научным сотрудником Института Родса—Ливингстона, опубликовал книгу, восславлявшую деятельность английских колонизаторов (1958), затем — статью, в которой с консервативных позиций обрушился на либеральную трактовку истории Южной Африки.

В первые послевоенные годы в ЮАС вышли две двухтомные истории англо-бурской войны 1899—1902 гг. (авторы — Герт Шольц и Йохан Брейтенбах). Написанные, очевидно, еще в годы второй мировой войны, они отражают прежние весьма острые антианглийские настроения африканеров. Новая же тенденция консолидации белых, африканеров и англоюжноафриканцев, перед лицом черного большинства, ставшего врагом «номер один», воплотилась в коллективной «Истории Южной Африки» в 2 томах (1951). В ее подготовке приняли участие 25 ученых консервативного направления, в том числе П. ван дер Мерве, Д. Кругер, Й. А. Вийд, Альбертус Гейер, А. Й. ван дер Вальт. Первый том, который носит красноречивое заглавие «Белый человек в Южной Африке», посвящен политической истории и повествует об отношениях буров с местными жителями и англичанами от середины XVII в. до 1939 г. Общая идея этой части — проповедь солидарности белых, конфликты между которыми в прошлом были взаимно пагубны. Главным же противником «белой, христианской цивилизации» якобы всегда оставались африканцы-банту и вообще все небелые. Второй том не дает цельного хронологического изложения материала, а содержит статьи по отдельным вопросам: экономическое развитие страны, конституционная история, отношение с местным населением, культура и образование африканеров. В целом этот труд отличается фактографичностью, он описателен и повторяет известные теоретические штампы прежней литературы.

Все основные положения консервативной прорасистской историографии сконцентрированы в книге «500 лет истории Южной Африки»

(1969), подготовленной группой авторов, во главе которой был африканерский ученый Кристофел Мюллер (она вышла на английском языке). Собственно говоря, это не история Южной Африки, а история европейцев в этой стране, потому что начальной точкой отсчета взята дата появления португальцев у южной оконечности материка. Отсюда вместо обычных 300 лет господства белых появилась цифра 500. Показательно и распределение текста: об африканцах говорится лишь на двадцати страницах в приложении, общий же объем книги превышает полтысячи страниц.

Главный тезис этой книги, который впервые сформулирован прямо, без обычной лицемерной маскировки, несложен: племена банту пришли на земли Южной Африки одновременно с европейцами, они не имеют исторических прав на эти территории. На протяжении веков белые, несмотря на различия, составляли единый народ, а коренное население состоит из десяти различных наций и еще большего числа племен, между которыми очень мало общего. Эти псевдонаучные рассуждения нужны авторам для того, чтобы вопреки очевидному доказать, что белые составляют в ЮАР большинство населения, а чернокожие разделены на множество национальных меньшинств.

Этот же тезис пытается обосновать Н.Й. Роди, ученик крайнего консерватора Кронье, в книге «Апартеид и расовое партнерство», вышедшей в том же 1969 г. Еще раньше он в соавторстве выпустил книгу «Апартеид. Социально-историческое изложение происхождения и развития идеи апартеида» (1960). Эта работа является грубой фальсификацией истории страны в угоду находящимся у власти расистам и националистам. В ней утверждается извечность идеи апартеида с тех далеких времен, когда первые европейцы высадились на Мысе Доброй Надежды. Вместе с тем авторы не скрывают, что полное разделение населения страны по признаку цвета кожи имеет целью увековечить политическое и экономическое господство белых над загнанными в бантустаны черными.

Тезис о том, что белые составляют большинство населения ЮАР, превратился в один из главных политических мифов, который всячески поддерживается расистской верхушкой и пропагандируется консервативной историографией. На эту тему пишутся научные трактаты, монографии, печатается множество публицистических статей в журналах и газетах. Для доказательства этого лживого утверждения всячески извращаются исторические, этнографические, лингвистические и демографические факты. Чернокожее население ЮАР разделено на 10 особых «наций», различия между которыми преувеличиваются до фантастических размеров. Так, один из главных идеологов апартеида Питер Бота, занимающий с 1948 г. высокие государственные посты, а с 1980 г. по 1989 г. — президент ЮАР, утверждал, что разница между зулусами и коса такая же большая, как между французами и немцами. Неопровержимые же данные лингвистики говорят о том, что это близкородственные народы, говорящие на языках группы нгуни, которые имеют 70 % общего словарного запаса и легко понимаются представителями обоих

народов. Кроме того, у них общее историческое прошлое, очень близкая культура. Раздробленность африканцев-банту на множество этнических групп не имеет под собой никаких оснований. Ученые делят банту ЮАР на две группы: нгуни (зулу, ндебеле, или северные зулу, коса и свази) и сото (северные сото-педи, западные сото-тсвана и южные). Сото составляют одну, и очень близкую, языковую семью, а разница, в сущности, проявляется лишь на уровне диалектов.

Так же не выдерживает научной критики утверждение расистов о том, что белые составляют в ЮАР «большинство». Их удельный вес в населении всегда был невелик и постоянно сокращается из-за более высокого демографического прироста небелого населения. По данным на середину 1987 г., общая численность африканцев и цветных составляла 30 млн., или же 86 % всего населения. На долю белых, таким образом, остается только 14 %. О каком большинстве можно говорить, тем более если учитывать, что белые этнически и языково разделены на африканеров и англоюжноафриканцев, противоречия между которыми остаются довольно значительными.

В 60–70-е годы в ряды ведущих историков-африканеров выдвинулся Флорис Альбертус Ярсфельт (род. 1922). Его научная биография позволяет понять эволюцию южноафриканской историографии, ее идеи и противоречия. В 1946 г. он окончил университет Претории, докторскую диссертацию защитил в Гронингенском университете (Голландия), затем преподавал в университете Южной Африки. С 1973 г. он руководит здесь историческим отделением. Ярсфельт, по данным биографического справочника ЮАР за 1985 г., автор 40 книг и 300 статей. Он один из немногих южноафриканских историков, которые интересуются общими проблемами исторического познания (этой теме посвящена его книга «Исторические разыскания», 1974 г.); он также автор или соавтор учебников для средней школы на африкаанс и английском языках (все опубликованы в 1974 г.). Отметим любопытный эпизод из биографии Ярсфельта – в 1979 г. во время научной конференции он подвергался нападению группы бурских экстремистов за крамольные высказывания по спорным вопросам исторического прошлого.

Идейно-политические воззрения Ярсфельта можно охарактеризовать как умеренно-консервативные, близкие к официальной идеологии. Вместе с тем в своих трудах он отмежевывается от крайних расистских и реакционных концепций, стремясь придать официальной науке ЮАР более респектабельный вид в глазах мировой общественности. Его работы отличаются солидной источниковой базой, нарочитой беспристрастностью в оценках, что присуще буржуазному объективизму. Вместе с тем мы не найдем у него и осуждения апартеида, расовой дискриминации и других отвратительных явлений политического режима ЮАР. Одним словом, консервативное мировоззрение Ярсфельта носит рафинированный характер, оно тщательно замаскировано. Хотя он много пишет о больших переменах, которые произошли в мире за

последние десятилетия, вынуждающие к пересмотру «африканерского взгляда на историю», такая переоценка мало заметна в его деятельности.

Прежде всего Ярсфельт продолжает линию своих старших коллег, консерваторов 40–50-х годов, на приглушение англо-бурского антагонизма XIX — начала XX вв. Он настойчиво пропагандирует теорию консенсуса, т.е. общности интересов белого населения ЮАР в условиях нарастания национально-освободительного движения всех небелых народов, составляющих огромное большинство. Старая концепция вражды, прямо пишет историк, уже не отвечает требованиям сегодняшнего момента. Пришла пора, завершает эту мысль Ярсфельт, признать позитивный вклад англичан в развитие Южной Африки и, следовательно, прекратить «историографическую войну» между двумя родственными нациями.

К подобным выводам Ярсфельт пришел не сразу. В одной из первых своих книг, которая называлась «Пробуждение африканерского национализма. 1868–1881 гг.» (1961), он занимал более агрессивную позицию по отношению к англичанам. Национализм буров, пишет он, возник в результате британской политики угнетения и несправедливости. Ярсфельт пространно излагает мысли националистов, но чувствуется, что он с ними вполне согласен. Примечательны его рассуждения о социальной функции истории в бурском обществе: «История — это сам народ, и кто говорит неуважительно о прошлом, виноват в святотатстве... История должна оправдывать и защищать существование нации... Историописание есть оборонительное искусство — нация защищает себя от атак и лжи враждебной стороны». Книга заканчивается следующим красноречивым признанием: «Битва за прошлое есть битва за настоящее. Именно этим объясняется такой интерес и такое ревнивое отношение к истории со стороны бурских националистов в последние годы». Ярсфельт, таким образом, разделяет мнение о грубо утилитарном, пропагандистском использовании исторических знаний и представлений, чтобы подкрепить идеологию апартеида.

В 70–80-е годы консервативная историография ЮАР переживает глубокий идейно-теоретический кризис, непосредственно связанный с тем тупиком, куда завели внутреннюю и внешнюю политику ЮАР ее правители. Первый симптом надвигающейся опасности прозвучал в сборнике статей «Переосмысление нашей истории» (1963). Среди его участников был Ярсфельт, который писал: «Старые мерки, с которыми мы, африканеры, подходим к истории, в настоящее время кажутся неподходящими, вследствие чего прежний исторический образ выглядит устаревшим и непригодным... Новый образ должен занять место старого. При этом меняются не сами факты, меняется наша оценка фактов».

Позже стали подвергаться пересмотру, правда, весьма робкому, некоторые избитые стереотипы консервативной историографии. К. Мюллер выпустил обширную работу о начале Великого трека (1974), которая построена на солидной основе архивных изысканий. За 15 лет,

прошедших с выхода предыдущего коллективного труда под его редакцией, произошла определенная эволюция взглядов автора, отказавшегося от ряда прежних утверждений. Кончается изоляция истории Южной Африки от событий в остальном мире, что прежде было отличительной чертой южноафриканских историков-консерваторов. Новый подход характерен для книги Г Шольца «Вторая война за независимость в связи с мировыми событиями» (1975).

Еще один признак кризиса консервативного течения проявился в признании отдельных ошибок и слабостей буров в прошлом, в дегероизации их лидеров, в переоценке некоторых событий, подававшихся прежде как образцовые. В 1973 г. вышла книга молодого историка Й.А. Хесе об антибританском мятеже буров в 1815 г. в районе Слагтерсnek. Она пролила свет на противоречия в бурском обществе начала XIX в., а также на отношения различных слоев населения с английской колониальной администрацией. Историк показал, что большинство влиятельных буров приграничных райнов оказало поддержку властям при разгроме мятежа и именно из них впоследствии выдвинулись лидеры Великого трека. Вместе с тем в книге показано, что главари мятежа — члены семьи Бецуйденхутов не были героическими фигурами, как их изображали прежние бурские историки. Теперь Хесе прямо признает, что это была «фальшивая нота в истории нашей нации». Подобным же образом другой историк Б.Й. Либенберг в опубликованной в 1977 г. биографии Преториуса подверг критическому анализу его деятельность как «непогрешимого, великого вождя» треккеров.

Более решительный разрыв с консервативной историографической традицией изображать мятежников 1815 г. в качестве «героев Слагтерснека» совершил молодой историк Герман Гильоме в статьях 1979 и 1981 гг. Будучи выпускником самого консервативного в ЮАР Стелленбосского университета, он стал острым критиком консервативной историографии. Правда, его докторская диссертация о первой английской оккупации Капской колонии в 1795–1803 гг. (опубликована на языке африкаанс в 1975 г.) написана в довольно традиционном стиле. Однако он совершил быструю идейную эволюцию, о чем свидетельствуют названные выше статьи.

В этих статьях Гильоме показал, что мятеж 1815 г., как и ряд предыдущих, был главным образом результатом социальных конфликтов, возникших в бурском обществе в период его перехода от системы «открытой» границы к «закрытой». Тогда английские колониальные власти, обеспокоенные нерегулярным поступлением налогов, стали препятствовать свободному передвижению буров на новые земли. Кроме того, англичане стали регламентировать отношения буров с рабами и слугами. Классовое разделение бурского общества зашло далеко, пишет Гильоме, оно проявилось в том, что богатые бурские землевладельцы поддержали англичан во время разгрома мятежа.

На конкретном примере трактовки одного из событий начала XIX в. мы видим, какие изменения происходят в консервативной историогра-

фии ЮАР. Исторический миф о «великом народном восстании» превращается в «фальшивую ноту», великие мифические герои (Преториус, Крюгер) допускали массу серьезных ошибок, англичане не были такими злодеями, как их прежде изображали. Однако нельзя и преувеличивать происходящие перемены. Они не настолько велики, чтобы изменить принципиальные идейно-политические установки ученых консервативного течения. Тем более что в школьной историографии эти изменения не заметны.

Основные стереотипы консервативной мысли свили прочное гнездо в учебниках по истории для средней школы, которые находятся под неослабным полицейским надзором и идеологическим контролем расистов. Возьмем, например, «Новую иллюстрированную историю» для 8-го класса, выпущенную в 1974 г. Ее автор Ярсефельт оправдывает пропуски, введенные колонизаторами в начале прошлого века, и намекает, что они необходимы и в наше время. Он представляет треккеров в образе героев, «цель которых была покорить пространство» и единственным путеводителем которых была Библия; он внушает школьникам, что иностранцы, критикующие расизм в ЮАР, никогда не смогут понять проблем Южной Африки. В учебнике, наконец, постоянно противопоставляются «цивилизованные» народы «нецивилизованным», причем рассуждения на эту тему сдобрены немалой порцией расистских предрассудков.

Автор другого учебника истории для 10-го класса К.И. Жубер (1979) восхваляет политический и культурный национализм африканеров, высказывает поддержку расовой сегрегации, пугает детей призраком коммунизма. В учебнике для 7-го класса (1978) другой автор с одобрением отзывается о внутренней и внешней политике Гитлера.

Либеральное течение. В конце 40-х — 50-х годах в условиях массивного наступления реакции и господства консервативной общественно-политической мысли, что связано с установлением в стране режима апартеида, либеральная историография переживает тяжелый период. Крупные ученые, выступавшие с протестом против расизма и политической реакции, подвергались гонениям, изгонялись из университетов; другие, не желавшие сотрудничать с расистами, были вынуждены эмигрировать. Либеральная историографическая традиция в этот период сохранялась благодаря переизданию ставших классическими трудов ученых 20–30-х годов — Уокера, Макмиллана, де Кивита, Маккроуна и др.

Постепенно набирает силу новое поколение либеральных историков, среди которых наибольшим авторитетом пользовались Леонард Томпсон и Моника Вильсон. Их научные биографии схожи: оба уроженцы Южной Африки, после второй мировой войны были профессорами Кейптаунского университета, оба вынуждены были эмигрировать после 1960 г. Томпсон вначале преподавал в Калифорнийском университете, а с 1968 г. он профессор одного из самых престижных вузов США — Йельского университета. М. Вильсон до своей кончины в 1982 г. работала в Школе восточных и африканских исследований при Лондонском университете.

Томпсон (род. 1916), по праву считается старейшиной и лидером южноафриканской либеральной историографии. Его первые научные труды — монография «Освобождение цветных рабов в Капской колонии» (1949) и статья «Иммиграция индийцев в Наталь» (1952). За ними последовали книги общего характера: «Объединение Южной Африки, 1902—1910 гг.», опубликованная к 50-летию юбилею создания ЮАС, и «Политика в ЮАР» (1966). В первой автор анализирует расово-этнические отношения после завершения англо-бурской войны, поиски компромисса между бурами и англичанами за спиной черного большинства населения. Буржуазная ограниченность Томпсона проявляется в том, что он не уделяет должного внимания социально-экономическим факторам, а корни конфликта ищет в юридических просчетах британской администрации, которая будто бы искренне стремилась помочь африканцам достичь «высот европейской цивилизации».

Следует, однако, сказать, что как Томпсон, так и Моника Вильсон к местному африканскому населению относились доброжелательно. Они много сделали для опровержения реакционно-консервативных тезисов, имевших целью умалить вклад африканцев-банту в историю Южной Африки. В статье «Ранняя история Транскея и Цискея» (1959) М. Вильсон одной из первых подвергла аргументированной критике утверждение консервативной историографии о том, что народы банту, двигаясь на юг, перешли Лимпопо будто бы в то же время, когда голландцы основали поселение на Мысе Доброй Надежды. Она проанализировала процесс заселения юго-восточного побережья Африки, используя данные археологии, устные исторические традиции, а также дневники португальских путешественников, терпевших в XV—XVI вв. кораблекрушения у этих берегов. Именно португальцы были первыми европейцами, которые засвидетельствовали проживание племен банту на просторах Южной Африки задолго до прихода голландцев.

В активе либеральных историков ЮАР — вышедший в 1969 г. сборник статей «Африканские общества в Южной Африке». Открывается он работой Томпсона «Забытый фактор в южноафриканской истории», которая задает тон всей книге. До недавних пор, пишет Томпсон, историки преимущественно занимались изучением деятельности белого населения, а историю местных народов или вовсе игнорировали или описывали очень бегло. То, что нам известно, добыто не историками, а этнографами, которые «не могут дать описание исторического процесса в конкретных обществах коренного населения банту». Восполнить именно этот пробел — задача подготовленной под руководством Томпсона книги. Нельзя сказать, что эта цель достигнута в полной мере (социально-экономические отношения освещены отрывочно), но книга обогатила наши знания о доколониальных африканских обществах. «Забытому фактору истории» посвящена книга Л. Томпсона «Проживший жизнь в двух мирах» (1972), представляющая собой биографию короля Мошеша (1786—1870), создавшего государство сото, которое под названием Лесото существует в Южной Африке поныне. Кстати сказать, южноафриканские

коммунисты, как настоящие интернационалисты, отметили 200-летие со дня рождения этого выдающегося государственного деятеля.

Возвращаясь к творчеству Л.Томпсона, следует отметить его труды по истории исторической науки в Южной Африке. После двух историографических статей (1961, 1966) он выпустил книги «Граница в истории. Северная Америка и Южная Африка» (в соавторстве, 1982) и «Политическая мифология апартеида» (1985). В них на большом фактическом материале дана развернутая критика основных концепций консервативной историографии, показаны ее истоки и утилитарный, пропагандистский характер, ее использование для оправдания апартеида, расизма и национализма. Либеральная критика консервативной научно-теоретической и политической мысли ЮАР носит, разумеется, ограниченный характер, поскольку автор не вскрывает социальные корни апартеида, не показывает, какие классы и общественные группы заинтересованы в его сохранении. Симпатии к черным африканцам у Томпсона, как и у других либералов, носят абстрактную форму и не переросли в активную поддержку патриотов в их борьбе против господства расистов.

В книге «Граница в истории» дается сравнительный анализ колонизации европейцами территории Северной Америки и Южной Африки. Хотя оба явления были порождены одинаковыми причинами и имели много общего, пишет Л.Томпсон, разница между ними была глубокой, и ее уяснение поможет лучше понять специфику южноафриканской истории. Эти особенности, по мысли автора, сводятся к следующим пунктам: а) к концу XIX в., когда границы были окончательно закрыты и установилась гегемония белых, индейцы в США составляли менее 0,5 % населения, в то время как в Южной Африке народы банту по-прежнему составляли огромное большинство; б) белые поселенцы в Северной Америке редко применяли труд коренных жителей, в Южной же Африке с самого начала вся экономика (сельское хозяйство и позже промышленность) зависела от труда африканцев; в) до 1870 г. Южная Африка была мало связана с мировым рынком, а США играли значительную роль в развитии мировой капиталистической экономики. Этих отличий, видимо, можно найти и больше; тем не менее суждения Л.Томпсона действительно интересны, они в немалой степени опровергают распространенные в историографии крайние взгляды. Одни, например, писали об исключительности, уникальности исторического пути Южной Африки и таким образом невольно лили воду на мельницу расистов, другие же считали чуть не идентичными условия развития ЮАР и США, делая из этого далеко идущие выводы.

Ограниченность либерального мировоззрения хорошо видна при анализе творчества видного историка Леопольда Маркарда (род. 1897), африканера по происхождению. Получив историческое образование в Оксфордском университете, он затем в течение многих лет работал школьным учителем. Его первая книга «Бремя черного человека» вышла под псевдонимом в 1943 г. В 50–60-е годы Маркард опубликовал ряд книг: «История Южной Африки», «Народы и политика

в Южной Африке», «Либерализм в Южной Африке», занимал должность президента Института расовых отношений — ведущего центра либеральной обществоведческой науки ЮАР. Наиболее популярной из его работ стала «История Южной Африки», впервые вышедшая в 1955 г., а затем несколько раз переизданная. Источниковая база этой книги, надо прямо признать, бедна: это, в сущности, компиляция из трудов Уокера, Макмиллана, де Кивита. Тем не менее умеренно-либеральные взгляды автора в условиях господства расистского мракобесия вызвали, очевидно, большой интерес к книге со стороны всех противников апартеида. Центральная идея книги Маркарда, которая пронизывает всю историю страны, это расовый конфликт между белыми и черными. Автор пишет: «В Южной Африке прошлое входит в настоящее сильнее, чем в любой другой стране, потому что главная проблема сегодня та же, что и вчера, — отношения между различными этническими группами, проживающими здесь». Кончается книга благими пожеланиями об установлении сотрудничества рас. Это обычная для южноафриканских либералов критика одиозных сторон апартеида, но без покушения на основы общественного строя, без предложений о расширении демократии; утопически звучит требование о моральном самоусовершенствовании: «...стражем гражданских свобод должно стать сознание людей».

Основные положения южноафриканской либеральной историографии получили наиболее полное изложение в крупном коллективном труде «Оксфордская история Южной Африки», первый том которой вышел в 1969 г. (переиздан в 1982 г. с обширным историографическим введением), а второй том — в 1971 г. Эта итоговая работа была подготовлена группой авторов под руководством Л.Томпсона и М.Вильсон. Предисловие к первому тому начинается со следующего утверждения, имеющего глубокий концептуальный смысл: «Настоящая работа вытекает из нашей веры в то, что центральной темой южноафриканской истории является взаимодействие (interaction) народов различного происхождения, отличающихся друг от друга языком, техническим уровнем, идеологией и социальными системами, которые встретились на земле Юга Африки». До сих пор, считают авторы, в историографии преобладали «групповые пристрастия», причем главным образом повествовалось о делах европейцев. «Прошлое же других жителей Южной Африки почти не изучалось; они рассматриваются лишь как создающие те или иные проблемы для белых». Намерение представить историю всех этнических групп страны, конечно, похвально, однако стремление показать «взаимодействие» и «сотрудничество» приводит к смазыванию глубоких конфликтов, этнических и социальных, которые пронизывают все прошлое в ЮАР.

Положительным моментом в «Оксфордской истории» является осуждение апартеида, который, как прямо пишет один из авторов, поставил страну в состояние международной изоляции и покрыл ее позором. В другом месте говорится об исторической обреченности политики последовательного разделения и изолированного развития двух

расовых групп ЮАР. Создаваемые в качестве отдельных «национальных очагов» бантустаны лишены реальных условий самостоятельного существования; это, в сущности, новый тип колониального государства. В целом, несмотря на либерально-буржуазную методологическую ограниченность, «Оксфордская история Южной Африки» является серьезным научным трудом, не потерявшим своего значения до наших дней.

Период послевоенного развития не прошел для историков-либералов без серьезных потерь. Усиление в стране идейно-политической борьбы привело к тому, что отдельные нестойкие либералы переметнулись в консервативный лагерь, с одной стороны, а с другой — от либералов ушли на более решительные, радикальные позиции некоторые молодые ученые. Й.Марэ, стоявший в конце 30-х годов на платформе либеральной методологии, в последней своей работе «Падение республики Крюгера» (1961) по многим спорным вопросам солидаризировался с консерваторами. Слевых позиций стали критиковать либеральную концепцию ученик де Кивита в Кейптаунском университете М.Легассик, а также Ш.Маркс, С.Трапидо и другие ученые, сплотившиеся в 70-е годы в новое историографическое течение — леворадикальное. Тем не менее, несмотря на внутреннюю дифференциацию, либеральная южноафриканская историография сохраняет свое влияние в исторической науке ЮАР, ее труды отличаются высоким академическим уровнем и пользуются большим авторитетом в мировом сообществе историков.

Леворадикальное течение. Впервые левые радикалы выступили сплоченной группой в 1972 г., когда четверо из них — Шула Маркс, Мартин Легассик, Антони Этмор и Стенли Трапидо подвергли резкой критике «Оксфордскую историю Южной Африки». В том же году был открыт Институт африканских исследований при Витватерсрандском университете в Йоханнесбурге, ставший центром радикальной общественной мысли ЮАР. Левые радикалы пишут не только работы по истории, но еще больше по смежным наукам — социологии, политэкономии, политологии. Однако нас будут интересовать главным образом их исторические взгляды.

Прежде чем анализировать идейно-теоретические основания левого радикализма в ЮАР, исторические труды этого направления, познакомимся вкратце с биографиями его ведущих представителей. Шула Маркс (род. 1936) — уроженка ЮАР, здесь же получила высшее историческое образование, в Лондонском университете под руководством английских либеральных африканистов Джона Фейджа и Роланда Оливера подготовила докторскую диссертацию о восстании зулусов в начале XX в., во главе которого стоял вождь Бомбатта (опубликована в 1970 г.). Работа выполнена на основе тщательного изучения большого круга разнообразных источников, в том числе воспоминаний принцессы Магого, дочери последнего верховного вождя зулусов Динузулу. Новизна исследования Ш.Маркс состоит в показе внутренней дифференциации зулусского общества, на которое восстание подействовало как «мощный прожектор», по словам автора, позволивший ясно увидеть различные группы, по-раз-

ному относившиеся к колонизаторам. Интересны соображения историка об уроках этого неудавшегося восстания: для белых оно означало необходимость сплочения на расовой основе и ускорило объединение английских провинций и бурских республик в единое государство; черным же оно показало невозможность освободиться от колониального ига с оружием в руках, необходимость перейти к новым, политическим методам борьбы — создать массовую организацию всего коренного населения. И она была вскоре создана в лице Африканского национального конгресса (1912). В общих своих подходах к теме, однако, автор не выходит за рамки либерального объяснения исторического процесса.

Вскоре в мировоззрении Шулы Маркс произошли существенные изменения; ее остальные исследования 70—80-х годов написаны с позиций решительного разрыва с либеральной историографической традицией. Она эмигрировала из ЮАР в знак протеста против политики апартеида, преподавала в Школе восточных и африканских исследователей, а затем заняла пост директора Института по изучению стран содружества в Оксфорде (1986). Главной темой ее многочисленных трудов по-прежнему остается история Южной Африки.

Другой лидер южноафриканских историков-радикалов Мартин Легассик (род. 1940), после учебы в ЮАР уехал в США, где в Калифорнийском университете защитил диссертацию о деятельности миссионеров среди африканских племен в конце XVIII — первой половине XIX в. Принимал участие в революционной организации АНК, из которой был исключен в 1979 г. за левацкие ошибки. В настоящее время преподает социологию в Варвикском университете (город Ковентри, Англия). Легассик был первым среди южноафриканских историков, кто еще в 1970 г. стал критиковать либеральный тезис о том, что расизм белых возник в XVIII в. Он доказал, что ранние расовые предрассудки европейцев в корне отличны от систематического и открытого расизма второй половины XIX в., связанного с промышленным капитализмом и имевшим прежде всего социальную направленность. Это положение позже стало разрабатываться во многих историко-социологических трудах ученых-радикалов.

Леворадикальное течение научно-теоретической мысли ЮАР сформировалась под влиянием как внутренних причин (глубокий политический кризис всего общества, подъем революционного движения, неудовлетворенность либерально-реформистской трактовкой событий прошлого и настоящего), так и факторов внешнего порядка. Среди них и проникновение в мировую историческую африканистику марксистской методологии, и такие факторы, как социологическая теория «зависимого развития», радикальная историография США по проблемам расовых отношений и рабовладению (в особенности труды Юджина Дженовезе), французская школа «Анналов». Южноафриканские историки-радикалы часто провозглашают свою верность марксизму: в нашей книге используются марксистские категории, пишут Ш.Маркс и А.Этмор; книга написана с точки зрения исторического материализма, пишет Ч. ван Онселен;

мы подходим к нашей теме с позиций исторического материализма, утверждает Б.Бошцולי. Она же, выражая благодарность своему научному руководителю Легассику, утверждает, что он «имеет огромные познания в марксизме». Подобных высказываний у историков этого течения множество.

Несомненно, эти признания искренни, и марксизм благотворно влияет на творчество левых радикалов ЮАР. Однако марксизм они рассматривают только как более эффективный, чем другие, метод научного познания прошлого. К тому же труды классиков марксизма они редко читают в качестве первоисточников, чаще — в интерпретации западноевропейских «неомарксистов» Альтюссера и Пуланцаса, неотроцкиста Мандела, других буржуазных и левореформистских теоретиков. От Альтюссера радикалы позаимствовали некоторые положения его «научного структуралистического марксизма» для разработки, как они выражаются, «глобальной альтернативной концепции общественного развития ЮАР». Под влиянием же Пуланцаса стали уделять больше внимания борьбе между различными фракциями буржуазии, чем борьбе коренного населения страны против колонизаторов.

Исходным положением в исторических воззрениях радикалов является примат социальных отношений над расово-этническими. Они отказались от объяснения специфики истории ЮАР в категориях расово-этнического антагонизма и стремятся изучать перемены в материальном базисе общества, в экономических и классовых противоречиях. Апартеид не есть пережиток расизма XVIII в., вступивший в конфликт с законами «истории и экономики», как считали либералы; он есть логическое следствие развития монополистического капитализма. В условиях Южной Африки дешевую рабочую силу как прежде, так и теперь можно получить лишь методами прямого политического насилия. Расовое угнетение и политическое бесправие африканцев есть главное средство для того, чтобы обеспечить промышленность и сельское хозяйство дешевой и послушной рабочей силой. Поэтому, говорят радикальные историки, постоянное ужесточение расового и политического угнетения черного населения за последние сто лет не только не противоречит, а вполне соответствует задачам роста капиталистической экономики ЮАР.

С этих позиций радикалы пересматривают либеральную концепцию южноафриканской истории, прежде всего объяснение отношений между черными и белыми на различных этапах национальной истории. Пограничные столкновения буров с племенами банту не стали, как думают либералы, источником нынешнего расизма. До открытия алмазов и золота буры были, конечно, грубы и жестоки, но их отношение к африканцам существенно отличается от расизма, возникшего в условиях быстрой капиталистической индустриализации конца XIX в. Что касается коренного населения, то установление английского господства на Юге Африки, знакомство с английской экономикой и культурой не привели к его дезориентации, как утверждали либералы. Напротив, африканцы отнеслись в целом положительно к новым экономическим отношениям,

увеличив посевы и производство продуктов питания, показав, что они способны приспособиться к товарно-денежным отношениям. Положительно отнеслись они и к деятельности миссионеров.

Однако по мере развития промышленного капитализма ситуация на Юге Африки изменилась коренным образом. Капитал не мог терпеть ни экономической независимости черных африканцев, ни их конкуренции на рынке. Последовавшие события соответствовали потребностям капитализма. Расистские законы конца XIX в. были приняты по настоянию предпринимателей, таких как Сесиль Родс; их цель — принудить африканцев покинуть свои земли и пойти на горнодобывающие предприятия или фермы европейцев. Земельный закон 1913 г. не состоял в том, чтобы защищать собственность белых фермеров, он должен был лишить африканцев земли и превратить их в батраков. Выборы 1948 г. не представляли собой попытку повернуть вспять часы истории, победа на них националистов показала экономическую силу африканеров. Либералы ошибаются, когда твердят о неизбежности конфликта между экономическим развитием и расовой сегрегацией. Напротив, усиление расизма, апартеид способствовали небывалому подъему экономики ЮАР за счет беспощадной эксплуатации многомиллионных масс африканских рабочих и батраков. Поэтому леворадикальные историки и социологи приходят к выводу: история Южной Африки должна изучаться только на анализе развития социально-экономических и классовых отношений, расовые и этнические факторы играют подчиненную роль.

Такова несколько упрощенная схема рассуждений радикалов о специфике истории Южной Африки, изложенная в историографических статьях Шулы Маркс (1981, 1986), в специальной монографии Гарисона Райта «Время настоящего» (1977), где подробно излагается полемика радикалов и либералов об истории Южной Африки. Эти тезисы раскрываются на конкретном историческом материале многочисленных публикаций ученых этого течения — в коллективных сборниках, монографиях, статьях, диссертациях.

Познакомимся с наиболее важными историческими трудами, написанными с леворадикальных позиций. Это прежде всего три коллективные монографии об основных этапах южноафриканской истории. Первая из них называется «Возникновение южноафриканского общества» (1979) и охватывает период от высадки голландцев в 1652 г. до начала систематического заселения региона английскими переселенцами в 1820 г. Другими словами, в этой книге рассматривается время голландского господства на южном побережье Африканского континента. Проблема сформулирована в следующих словах: «Триста лет назад Капская колония была бедной, слабо заселенной территорией, и она никого не интересовала, кроме самих жителей, а также соседние племена и редких путешественников. Со временем здесь возникло многослойное общество, построившее современную ЮАР — богатое, густонаселенное государство, вызывающее огромный интерес во всем мире». Как это произошло, с каких исходных позиций начиналось развитие — на эти вопросы авторы стремятся ответить по-новому.

Новизна подхода, по их собственным словам, состоит в изучении разрозненных явлений в комплексе, как общей взаимосвязанной системы, имя которой — колониальное общество. Другая новация заключается в стремлении поставить в центр исследования действия масс, а не отдельных личностей — губернаторов, важных чиновников, знаменитых путешественников или племенных вождей, как в прежней исторической литературе. Авторы, наконец, отвергают либеральную концепцию «первоначальной гармонии» и «взаимодействия» коренного населения и белых переселенцев. Бурские республики, говорится в статье М.Легассика, были основаны не на свободном фермерском хозяйстве, а на классовом господстве крупных землевладельцев над менее зажиточными белыми, но главным образом — на эксплуатации местного африканского населения, как койсанов, так и банту. Интересны мысли Г.Гильоме о социальном и географическом определении такой важной историко-социологической категории, как «граница». Граница — это не линия раздела двух этнических групп, говорит он, а конфликтное пространство, силовое поле, где идет борьба за материальные ценности — землю и воду.

Основной вывод книги левых радикалов о ранней истории Южной Африки опровергает стереотипы консервативной и либеральной историографии. Он заключается в том, что буры и местные племена конфликтовали не на расовой почве; они были экономическими соперниками, между которыми шла борьба за землю, скот и рабочую силу или, говоря более упрощенно, классовая борьба, которая дополнялась и обострялась расовыми предрассудками. Между расой и классом леворадикальные историки отдают первенство последнему: социально-классовый конфликт составляет центральный нерв южноафриканской истории.

Эта же идея пронизывает следующую коллективную работу «Экономика и общество доиндустриальной Южной Африки» (1980), представляющую собой сборник статей, подготовленных в семинаре аспирантов Лондонского университета под руководством Ш.Маркс и А.Этмора. Главная тема книги — социальные изменения в африканских обществах в первые три четверти XIX в. Третья часть коллективной трилогии посвящена периоду 1870—1930 гг. и повествует о последствиях промышленной революции (1982). Менее чем за 50 лет, пишется во введении, над просторами Юга Африки пронеслась волна ураганной силы, которая смела все прежние социально-политические организации: африканские вождества, бурские республики, английские колонии. К югу от Лимпопо возникло единое капиталистическое государство, где господствует белое меньшинство. Произошли огромные политические и социально-экономические изменения, среди которых экспроприация крестьянства, стремительная урбанизация, индустриализация в горнодобывающих районах Трансвааля.

И вновь, уже на другом фактическом материале, авторы обсуждают проблему соотношения между расой и классом. Они приходят к выводу, что расизм возник именно в ходе промышленной революции, ибо был необходим для накопления капитала, безудержной эксплуатации моло-

лого пролетариата, сделав возможным его раскол по расовому признаку и укрепив над ним свою власть.

Проблема социальных и идеологических последствий промышленного переворота стоит в центре двухтомного исследования пролетариата индустриального района Витватерсранда в 1886–1914 гг., автором которого является Чарлз ван Онселен (1982). Перед этим он опубликовал содержательную работу об условиях труда африканских горняков на шахтах Южной Родезии в первой трети XX в. (1976). Если в этой книге он прослеживает формирование молодого пролетариата и созревание его классового сознания, то в новой книге он обращается главным образом к люмпен-пролетариату, пауперам и деклассированным элементам, находящимся «на самом дне». Автор изучает политику господствующего класса в рабочем вопросе, разработку им особого механизма духовного закабаления рабочих, в частности меры по стимулированию алкоголизма. Любопытно, что автор проводит аналогию с политикой русского царизма по спаиванию рабочего класса; он приходит к выводу, что продажа алкоголя в Южной Африке, как и в царской России, была «значительным источником первоначального накопления капитала».

Однако в целом Ч. ван Онселен не смог подняться до серьезных теоретических обобщений, да и тематика его работы стоит в стороне от магистрального направления истории рабочего класса. Не является творческой удачей и книга автора леворадикального толка, преподавателя Витватерсрандского университета Белинды Боццоли «Политическая сущность правящего класса: капитализм и идеология в Южной Африке, 1890–1933 гг.» (1981). Хотя Боццоли объявляет, что подходит к изучению взятой темы с позиций исторического материализма, а в качестве эпиграфа взяты слова Грамши, работа перегружена абстрактными многословными рассуждениями в духе «структурального неомарксизма». Круг обсуждаемых проблем обычен для левых радикалов: диалектика отношений между расой и капиталом, политикой и идеологией, правящим классом и государством. Но ни фактический материал (он скуден, так как источниковая база работы узка), ни выводы автора не добавляют ничего принципиально нового о правящем классе и его идеологии в конце XIX – первой трети XX в. Впрочем, подобных публикаций левых радикалов, где за громкими революционными фразами и цитатами из работ классиков марксизма или их интерпретаторов скрывается теоретическая пустота, по материалам ЮАР выходит немало. В качестве еще одного примера можно привести книгу Х. Джаффе «История Африки» (1985). Хотя автор принадлежит к одной из небелых организаций, борющейся против апартеида, и применяет марксистскую терминологию, в его работе много ошибок и натяжек. Журнал южноафриканских коммунистов, поместивший рецензию на эту книгу (1986, № 106), отмечает, что автор нередко искажает положения марксизма, выступает с нападениями на ЮАКП и АНК, обвиняет партию коммунистов в расизме и т.п.

Можно констатировать, что история южноафриканского пролетариата и рабочего движения не является сильной стороной леворадикальной

историографии, хотя именно к этой тематике ее представители проявляют большой интерес. В Витватерсрандском университете в 1976 г. была впервые проведена конференция по истории рабочего класса, стал выходить специальный журнал. Такие научные встречи стали здесь проводиться регулярно. В 1983 г., например, обсуждалась тема «Классы, общество и конфликт: перспективы развития».

Более успешно, чем рабочее движение, изучают леворадикальные историки прошлое коренных народов. Можно назвать книги Джеффа Ги «Разгром королевства зулусов» (1979), Ричарда Эльфика о древнейшем населении юга континента койсанской языковой семьи (1978), преподавателя Натальского университета Питера Мейлама «История африканских народов Южной Африки от раннего железного века до 1970-х годов» (1986), а также монографию Ш.Маркс.

Книга Мейлама в отличие от других работ радикалов, направленных главным образом против либеральных концепций, наносит серьезный удар по консервативной историографии. Она подводит итог научному разоблачению расистских стереотипов, взятых на вооружение идеологами апартеида. Во-первых, отвергается взгляд на историю Южной Африки как историю белых поселенцев, где коренное население представлено лишь в виде враждебного фона. Читателем подобных исторических трудов, справедливо замечает автор, прошлое страны воспринимается как серия непрерывных конфликтов и расовой вражды. Во-вторых, окончательно похоронен миф о «пустой земле» (так называется статья Ш.Маркс, на которую ссылается автор). Земля, куда пришли в середине XVII в. голландцы, не была ничейной, пустой. Археологические раскопки, радиоуглеродная датировка позволили неопровержимо доказать, что чернокожие африканцы заселили юг континента на 1400 лет раньше европейцев. Именно они — подлинные хозяева этих земель. В-третьих, опровергнут стереотип консерваторов о том, что африканские общества лишены динамизма, что они на протяжении тысячелетий пребывали в состоянии застоя, самоизоляции и непрерывной вражды между племенами. Наконец, Мейлам отвергает утверждение апологетов расизма о том, что черные африканцы не составляют в ЮАР большинства, ибо разделены на множество народностей и племен, между которыми существуют глубокие различия. Этот антинаучный тезис является идеологической опорой политики «разделяй и властвуй», с полным основанием пишет автор, поэтому этническая рознь между африканцами всячески раздувается, она инспирируется сверху. Особенно провоцируют расисты национальный шовинизм самого крупного африканского народа — зулусов.

Именно этой драматической теме посвящена новая работа Ш.Маркс «Противоречия зависимости в Южной Африке. Класс, национализм и государство в Натале» (1986). В книге изучаются истоки этнического национализма (трибализма) зулусов и те социальные группы, на которые он опирается (традиционная верхушка — потомки вождей, придворных, военных предводителей). В созданных расистским государством

бантустанах происходит реанимация консерватизма, реакционных традиций. Колониализм и трибализм, справедливо утверждает автор, питают и поддерживают друг друга. Это положение раскрывается на конкретном примере деятельности вождя Бутелези, главы бантустана Квазулу. «Политический жонглер», руководитель реакционной националистической организации «Инката», крупный собственник, Бутелези активно сотрудничает с расистами, особенно в проведении жестокого террора против патриотических сил ЮАР. Заканчивает свою книгу Ш.Маркс предупреждением об опасности Бутелези и его организации. Это предвидение сбылось — не прошло и года после выхода книги, как террор раскольников усилился: в провинции Наталь в 1987 г. происходили кровопролитные нападения боевиков «Инкаты» на представителей других этнических групп, патриотов АНК и Объединенного демократического фронта. Так история и современность столкнулись в жестокой схватке на земле ЮАР.

Заслуги леворадикальных историков велики не только в правдивом освещении расово-этнических проблем, истории коренных чернокожих народов страны, но и в разоблачении истории и идеологии апартеида. Среди лучших работ на эту тему следует назвать книгу, которую написал Дан О'Мира, находящийся в эмиграции член АНК, преподаватель университета в Дар-эс-Саламе. Она называется «Народный капитализм», причем это слово дано на языке африкаанс, хотя книга написана на английском, и носит подзаголовок «Класс, капитал и идеология в развитии африканерского национализма в 1934—1948 гг.» (опубликована в Йоханнесбурге в 1983 г.). В ней с прогрессивных, близких к революционно-демократическим, позиций анализируются исторические, социальные и политические корни апартеида на этапе его формирования как целостной системы. Слово «народный капитализм» автор не случайно выделил: он показал фальшивый характер этой пропагандистской уловки африканерских националистов, пытавшихся обмануть этим лозунгом массы населения и обеспечить расистам победу на выборах 1948 г. Решительный противник апартеида, Дан О'Мира вносит своими научными работами вклад в разоблачение его реакционной идеологии.

«Центральным итогом южноафриканской истории является политическая гегемония африканерского национализма; эта гегемония чревата тяжкими последствиями для будущего нашей страны», — такими взволнованными словами начинается двухтомная работа по истории африканерской политической мысли, авторами которой являются профессор Стелленбосского университета Андре дю Тойт и Герман Гильоме, о котором мы упоминали выше. Авторы решили ответить на важный вопрос, который они сформулировали следующим образом: «Руководствуется ли правящая группа ЮАР строгими идеологическими установками и психологией «осажденной крепости» или же более прагматическими соображениями классовых и этнических интересов?» Чтобы раскрыть эту проблему, авторы приводят многочисленные документы и разнообразные материалы, целиком или в отрывках и дают к ним пространственные ком-

ментарии. Поэтому их книга носит подзаголовок «Анализы и документы»; именно как свод фактического материала она и полезна. Что же касается ответа на поставленный вопрос, то авторская мысль теряется в многословии и внутренних противоречиях, хотя они склонны считать, что именно классовые интересы верхушки африканерской буржуазии привели к превращению ЮАР в полицейско-расистское государство.

Более прямой ответ о происхождении апартеида дан в статье А. дю Тойта «Нет избранных народов. Миф о кальвинистском происхождении африканерского национализма и расистской идеологии» (1983). На основе анализа широкого круга источников автор опровергает устоявшееся мнение о том, что корни крайнего национализма и расизма буров уходят в глубь веков и обусловлены будто бы протестантской системой ценностей. Автор доказывает, что «кальвинистская парадигма» (распространенная концепция) с ее главными идейными стереотипами, заимствованными из Библии («избранный народ», «божественное предначертание», «обетованная земля»), позднего происхождения и отсутствовала в общественном сознании буров вплоть до середины XIX в.

А. дю Тойт критикует основные положения африканерской историографии и возлагает на нее ответственность за создание и распространение социальных мифов, оправдывающих апертеид и национализм африканеров. Он приходит к выводу, что путем безудержной политизации истории правящая элита ЮАР фабрикует ложные концепции, используемые в качестве идейно-теоретической основы своей реакционной внутренней и внешней политики.

В заключение можно сказать, что леворадикальная историография, несмотря на свою методологическую ограниченность, внесла немалый вклад в развитие исторической науки ЮАР, в борьбу за правдивое освещение прошлого всех народов, населяющих эту страну.

Марксистское и революционно-демократическое течение. Близость и частичное совпадение идейно-теоретических взглядов и политических позиций представителей этих течений в конкретных условиях ЮАР делают невозможным их разграничение. Они представляют прогрессивное, демократическое и революционное крыло южноафриканской общественной мысли. Ученые этих историографических течений являются, как правило, членами патриотических, освободительных организаций, главным образом ЮАКП и АНК, стремятся к правдивому освещению истории, борются за демократическую многорасовую Южную Африку.

В первые послевоенные годы марксистскую концепцию истории Южной Африки развивали в своих трудах Л.Формэн и Э.Ру, видные деятели коммунистической партии и талантливые публицисты. Лайонел Формэн (1927–1959) учился юриспруденции в Кейптаунском и Витватерсрандском университетах, затем был редактором прогрессивной газеты. Он собирал исторические источники, изучал в архивах документы, в том числе крайне редкие первые газеты на африканских языках, намереваясь написать правдивую историю своей страны. Однако прежде-

временная кончина помешала осуществлению этих планов. При жизни Формэн опубликовал брошюру «Главы из истории марша к свободе» (1959); позже вышла другая историческая работа «Черные и белые в южноафриканской истории» (1960) и две статьи. В этих трудах давалась марксистская трактовка важных проблем истории Южной Африки: расовых отношений, социальных последствий промышленного переворота XIX в., созревания рабочего и национально-освободительного движения. Эти же вопросы обсуждались в книгах Эдуарда Ру (1903–1966) «История борьбы черного человека за свободу в Южной Африке» (1949, 2-е изд. 1964) и «С.П. Бантинг. Политическая биография» (1944).

Марксисты много внимания уделяли традициям сопротивления африканцев колониальным захватам и грабегам. Первое вооруженное сопротивление народа коса в 1779 г. в официальной историографии получило название «первая кафрская война». Л.Формэн пишет: «В действительности это было не что иное, как крупномасштабный грабег скота, во время которого ни один грабитель белый не был убит, но было очень много невинных жертв среди черных». Все десять «кафрских войн» были походами против местного населения, во время которых у коса захватывался скот, уничтожались посеы, людей уводили в рабство. В итоге за 100 лет белые захватили самые плодородные земли, а коренные жители были вытеснены на территорию полупустынь или в горы.

Л.Формэн внес вклад в правдивое освещение такого важного события в истории Южной Африки, как Великий трек. Он пишет, что среди главных причин переселения буров на север было то, что англичане отменили рабство; буры «покидали Капскую колонию со своими рабами, часть которых уводили в цепях». Не идеалы свободы, как об этом твердит официальная пропаганда, вели треккеров на новые земли за тысячи километров, а грубые материальные интересы, стремление сохранить отжившую систему рабского труда.

Большое влияние на формирование марксистской концепции истории ЮАР имела принятая в 1962 г. программа ЮАКП «Путь к свободе», содержащая большой исторический раздел. Здесь подчеркивается решимость коммунистов бороться за правдивое освещение прошлого: «Правящие классы белых и особенно лидеры националистической партии сфабриковали версию о прошлом и настоящем нашей страны... В соответствии с этой версией первые белые переселенцы мирно пришли в фактически незанятую страну. Африканцы — их изображают как дикарей, не имевших ни культуры, ни каких-либо достижений, ни истории, — представлены в виде пришельцев, которые появились на этой территории почти одновременно с белыми, напали на белых и вели против них агрессивные войны». Эта версия, говорится в документе, насквозь фальшива. Далее в программе коммунистов выдвинута имеющая большое теоретическое значение концепция особого характера колониализма в Южной Африке, определены перспективы революционного движения всех рас и народов страны.

Если Ру и Формэн лишь намечали основные направления и общие оценки марксистского понимания истории Южной Африки, то в 60–70-е годы появились солидные научные труды, где публицистика отходит на второй план. Среди них наиболее документированными являются книги Джека и Рей Саймонс, Майкла Хармеля, Гована Мбеки, Брайена Бантинга. Джек (род. 1907) и его жена Рей (род. 1914) Саймонс вынуждены были покинуть ЮАР, они поселились в Замбии, продолжая свою преподавательскую деятельность и борьбу против апартеида. Они опубликовали книгу «Классовые и расовые проблемы в Южной Африке в 1850–1959 гг.» (1969), в которой более верно, чем у левых радикалов, выявлена диалектика класса и расы в истории страны за последние сто лет. Майкл Хармель (1915–1974), по профессии экономист, окончил университет им. Родса, был одним из основателей и редакторов журнала ЮАКП. Под псевдонимом А.Лерумо издал книгу «50 огненных лет» (1971, рус. перевод 1973), в которой прослежен героический путь южноафриканских коммунистов. Первые главы книги носят исторический характер: в первой говорится о колониальном завоевании Южной Африки, во второй освещается период быстрого индустриального развития страны после открытия алмазов и золота. И хотя автор не проводил собственных архивных разысканий и фактический материал большей частью почерпнул в «Оксфордской истории», книга дает правдивую картину прошлого страны. Особый интерес представляют последние главы книги, где освещается антиколониальная борьба, пролетарское и коммунистическое движение. Брайен Бантинг (род. 1920), сын одного из основателей компартии, окончил Витватерсрандский университет, вынужден был эмигрировать и живет ныне в Англии. Его книга «Становление южноафриканского рейха» (1964, рус. перевод 1965) является обвинительным актом реакционной верхушке ЮАР, превратившей страну в тюрьму народов. Другая книга Бантинга описывает жизнь руководителя южноафриканских коммунистов Мозеса Котане (1975, рус. перевод 1979).

Особую научную ценность представляет книга «Крестьянское восстание в Южной Африке» (1964), автор которой Гован Мбеки (род. 1910) прожил яркую, насыщенную жизнь. По происхождению коса, он окончил университет в Форт-Хейре, с 30-х годов активно участвует в национально-освободительном движении, позже стал одним из руководителей АНК. В 1963 г. вместе с группой патриотов Мбеки был приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в ноябре 1987 г. Его книга посвящена теме, которая, несмотря на большую важность, специально не изучалась в южноафриканской историографии. Революционные, освободительные традиции крестьянства, его история и нынешние социальные проблемы раскрываются в книге Мбеки, можно сказать, впервые. Он показал, как методично и неуклонно африканское крестьянство лишалось плодородной земли, изгонялось в полупустынные и безводные степи, как оно превращалось в дешевую рабочую силу.

Много места в книге Мбеки уделено сопротивлению крестьян политике обезземеливания и бесправия. Южноафриканские крестьяне, пишет

автор, имеют долгую историю борьбы против угнетения: «Они испытали на себе силу оружия белых, полицейские дубинки, тюрьмы без суда и следствия, лишение гражданских прав, выселение в дикие места». Автор подробно исследует вспышки крестьянских восстаний в 1946—1962 гг. в разных местах страны. Вместе с тем он показывает слабость крестьянского движения, необходимость оказания ему помощи со стороны организованного политического сопротивления.

Параллельно с марксистским течением развивается революционно-демократическая историография, представляющая главным образом точку зрения коренного населения. Значение истории в освободительной борьбе хорошо выразил один из руководителей молодежного движения, студент Натальского университета Стив Бико, погибший в тюрьме в 1977 г.: «История чернокожих в этой стране — нечто раздирающее душу, чего нельзя нигде найти. Она представлена как длинная цепь поражений коренного населения...» История, которую нам преподают в школе, говорит он далее, это прямая фальсификация прошлого. «Мы должны переписать историю, показать в ней наших героев, которые возглавили сопротивление белым захватчикам. Было бы наивным ожидать, когда наши угнетатели напишут беспристрастную историю». Африканцы, как мы знаем, начали писать свою историю давно, но историография местного населения развивалась с большим трудом. Только в 1952 г., когда африканеры шумно отмечали 300-летие высадки голландцев на крайнем юге континента, вышли три книги по истории, написанные с антиколониальных позиций коренными жителями.

Носифо Маджеке в книге о миссионерах пишет: «Подлинная история Южной Африки — это история постоянного захвата земли и скота европейскими пришельцами; они разгромили местные народы, превратили их в своих рабов». Колонизаторам помогали миссионеры. Под псевдонимом Мнгуни (что означает «настоящий нгуни») вышла в 3 томах история Южной Африки с подзаголовком «Прошлое глазами угнетенного большинства». Автор так сформулировал цель своей книги: «Задача этой истории — показать процесс, в результате которого неевропейское население Южной Африки было порабощено, подвергнуто сегрегации, лишено имущества и политических прав. Я написал ее с целью объяснить всем угнетенным, как можно изменить нынешнее положение и превратить нашу страну в общество, ради которого стоит жить». Первый том посвящен племенной жизни и рабству, второй том повествует о захвате земли и африканцев, третий носит заглавие «Колониальный фашизм». Эта книга вышла нелегально и распространялась подпольно среди членов освободительных организаций.

Книгу «Три столетия несправедливости» написал известный общественный деятель, историк и публицист С.Молема. В отличие от его первой работы, вышедшей еще в 1920 г., в которой повторялись стереотипы колониальной историографии, у новой само заглавие говорило о содержании. В ней перечислялись все злодеяния колонизаторов по отношению к коренному населению Юга Африки, выражалась надежда на освобождение черного большинства от власти националистов и расистов.

Большое влияние на пробуждение исторического самосознания африканцев ЮАР оказали два выдающихся деятеля АНК – Альберт Лутули (1898–1967), получивший Нобелевскую премию мира в 1960 г., и Нельсон Мандела (род. 1918), осужденный расистами на пожизненное тюремное заключение. Лутули, по национальности зулус, в педагогическом колледже изучал историю и литературу, затем остался в нем работать преподавателем (1921–1935). Он изложил свое понимание прошлого африканцев, пути выхода из тупиков апартеида в книге «Отпусти мой народ» (1962), в значительной степени автобиографической. Мандела родился в семье вождя племени тембу, учился сначала в университете города Форт-Хейр, откуда был исключен за революционную деятельность. Позже, преодолевая большие трудности, окончил заочно Витватерсрандский университет с дипломом юриста. Его увлечение отечественной историей началось в детстве, когда он слушал рассказы старейшин: «Они рассказывали о добрых старых временах до прихода белого человека. Наш народ жил тогда мирно под демократическим правлением своего короля и его советников и свободно передвигался по всей стране... Старейшины рассказывали нам о борьбе за свободу, о том, как сражались наши предки, защищая свою страну». Мандела – автор трех сборников статей и выступлений, среди них «Нет легкого пути к свободе» (рус. перевод 1968) и «Моя жизнь – борьба» (1978). Опубликована также книга его жены Винни Манделы (1984, рус. перевод 1986), в котором в качестве эпиграфа к одной из глав взяты слова, как нельзя ярче характеризующие отношение черных к собственной истории: «Пришел белый человек, в одной руке у него была Библия, в другой – винтовка. Он дал черному Библию и отнял у него землю».

Одним из видных ученых-марксистов Южной Африки в 70–80-е годы является Бернارد Магубане (род. 1930). Он окончил Натальский университет, защитил докторскую диссертацию в Калифорнийском университете. В 1967–1970 гг. вместе с Дж. и Р. Саймонсами преподавал в университете Замбии, где испытал их идейное воздействие. В последние годы он профессор одного из вузов США. Среди работ Магубане выделяют две: «Политическая экономия расы и класса в Южной Африке» (1979) и «Политика в области истории в Южной Африке» (1982), написанная по предложению специального комитета ООН. Содержание первой книги, в сущности, не соответствует заглавию: перед нами социально-экономическая история ЮАР, исследованная на базе, как подчеркивает сам автор, марксистской методологии. Он широко привлекает теоретические положения Маркса и Ленина, труды советских авторов. Другая книга носит историографический характер; это популярное изложение основных постулатов буржуазной, главным образом консервативной, историографии и их опровержение. В этой брошюре читатель находит марксистскую трактовку дискуссионных проблем южноафриканской истории.

В целом, подводя итоги развития марксистской и революционно-демократической историографии ЮАР, следует заметить, что ее главные

представители вынуждены работать в эмиграции. В научных центрах ЮАР прогрессивные ученые не имеют возможности трудиться; лишь в последние годы несколько молодых африканцев опубликовали статьи в сборниках, издаваемых левыми радикалами. Это Тед Матсетела, М.Нкадименг, их политическое лицо определить затруднительно. Причины отставания научной мысли черного большинства страны известны: это прямое следствие угнетения и эксплуатации, тяжелого состояния образования и культуры в условиях апартеида. Студенты в ЮАР составляют всего 0,04 % черного населения; это один из самых низких показателей в мире.

Не в ЮАР, богатейшей стране Африки, развивается историография коренных народов ее Юга, а в соседних независимых государствах, где при весьма скромных материальных возможностях имеются условия для свободного развития образования, культуры, науки. Речь идет о таких странах, как Лесото, Зимбабве, Замбия, Ботсвана. Следует учитывать и то, что во всех странах Южной Африки проживают родственные народы и что их прошлое близко соприкасалось на протяжении многих веков. Поэтому исторические труды, выходящие, как правило, на английском языке, вызывают интерес во всех странах региона. Возьмем, например, университет Лесото, до 1975 г. входивший в объединенный университет Ботсваны, Лесото и Свазиленда. Здесь успешно трудится группа ученых, изучающих прошлое не только своей страны, но и всего Юга Африки. Главой отделения истории является известный поэт Л.Мачобане, его коллеги — Э.Машингаидзе, Мосеби Дамане, уроженец ЮАР Джефф Ги. Интересную работу по истории страны опубликовал У.М. Тсотси (1981). Студентам читаются, кроме общих, следующие спецкурсы: «Историография и методология», «История современной России». К сожалению, труды историков Лесото, как и других стран Южной Африки, редко попадают в наши библиотеки.

К концу 80-х годов нашего столетия идейно-теоретическая борьба в южноафриканской историографии достигла своего апогея. Консервативно-расистское истолкование исторического прошлого, характерное для официальной науки ЮАР, подвергается аргументированной критике историкам различных течений. Рушатся мифы, придуманные в качестве обоснования апартеида. Волнения происходят в цитадели консервативной науки — Стелленбосском университете, группа профессоров которого опубликовала (март 1987) протест против апартеида, расизма, потребовала создания в ЮАР подлинных демократических институтов — многопартийного парламента, независимой юридической системы, проведение свободных выборов.

Борьба южноафриканских патриотов, черных и белых, за свободу и справедливость, против угнетения и бесправия усиливается с каждым годом. Она ставит перед собой благородную цель — построить в ЮАР единое, демократическое, нерасовое государство. Бесчеловечная система апартеида исторически обречена. Вместе с нею исчезнут фальшивые исторические мифы, распространяемые официальной историографией и пропагандой.

4. Историография африканской истории в Западной Европе и США

Развитие зарубежной африканистики в послевоенные годы шло под глубоким воздействием происходивших на Африканском континенте коренных изменений — распада колониальных империй и возникновения молодых самостоятельных государств. Роль и место Африки в мировой экономике и международных отношениях постоянно возрастают. Все эти процессы в значительной степени стимулируют исследования прошлого и настоящего африканских народов. Происходит настоящий бум научных и научно-популярных публикаций об Африке, крупнейшие газеты и журналы ежедневно сообщают о событиях в Африке на первых полосах.

В конце 50-х — начале 60-х годов во многих странах создаются научно-исследовательские центры африканистики, быстро растет число специалистов, выходят новые научные журналы. Современный период в истории африканистики характеризуется ее институционализацией в качестве особой комплексной отрасли знания, что стало возможным в результате двуединого процесса — дифференциации и интеграции мировой науки. Именно на этой основе оформилась африканистика, выделившись из востоковедения, со своим единым объектом познания — прошлым и настоящим Африки; выполнение этой задачи требует интеграции различных наук — истории, этнографии, географии, природоведения, языкознания, литературоведения и др.

Выделение африканистики как особой дисциплины произошло на XXV Международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в 1960 г. в Москве. По предложению двух выдающихся ученых И.И. Потехина (СССР) и М.Херсковица (США) было решено впредь проводить международные научные встречи африканистов отдельно от специалистов по проблемам Азии. Африканистика обособилась от востоковедения и приобрела таким образом самостоятельный статус, оставшись в то же время комплексной наукой и имея внутренние самостоятельные единицы (египтология, эфиопистика, бантуистика). Уже в 1962 г. в Аккре, столице независимой Ганы, состоялся мировой конгресс африканистов, который продемонстрировал зрелость молодой — и в то же время очень древней — науки об Африке. С тех пор прошло уж пять международных конгрессов африканских исследований (последний в Ибадане, декабрь 1985 г.), на которых происходит смотр достижений и анализ проблем мировой африканистики.

Ее развитие в последние десятилетия идет вширь, охватывая новые страны и континенты, и вглубь. Важнейшим моментом развития африканистики вширь является возникновение самостоятельной национальной науки в самих странах Африки, что имеет не только важное научное, но и большое общественное и политическое значение. Что же касается развития зарубежной африканистики вглубь, то это проявилось в разнообразии тематики исследований: больше внимания уделяется современным

социально-экономическим проблемам, вопросам международных отношений, начато систематическое изучение истории и языков многих народов глубинных областей Африки, не вызывавших прежде интереса ученых.

Усовершенствуются методы исследования: в практику африканистики все шире входит применение данных антропологии и археологии, этнографии и лингвистики, датировка с помощью новейших приборов, конкретно-социологические опросы, системный подход, моделирование социальных процессов с использованием ЭВМ и др. Наконец, в зарубежной африканистике усиливается идейно-теоретическая борьба различных течений, направлений, школ при активном воздействии на нее со стороны методологии марксизма.

Новым в мировой африканистике является осуществление международных проектов с участием ученых различных стран и политических воззрений. Таким стал выпуск под эгидой ЮНЕСКО «Всеобщей истории Африки» в 8 томах. В подготовке этого издания участвовали как ученые различных стран Африки, так и африканисты из СССР, Франции, Англии, США, ЧССР, Канады, Италии и многих других стран. «Всеобщая история Африки» — яркий пример сотрудничества представителей мировой африканистики в благородном деле познания прошлого и настоящего Африканского континента.

Теперь рассмотрим развитие историографии истории Африки отдельно в странах Западной Европы и США.

Во Франции после второй мировой войны изучение прошлого и настоящего Африки получило солидную материальную и организационную базу. В Парижском университете была открыта кафедра истории колонизации, которую занял видный специалист по истории Северной Африки Ш.А. Жюльен. Позже были основаны еще три кафедры, изучавшие страны Черной Африки: средневековой истории, новой и новейшей истории, социологии (1961). В Париже в эти же годы были открыты два центра африканских исследований, а в Бордо — центр по изучению Черной Африки. С 1960 г. стал выходить журнал «Кайе д'этуод африкен». На юге Франции, в городе Экс-ан-Прованс, начал действовать Средиземноморский институт, проводящий комплексное изучение стран Северной Африки; в этом же городе в 1966 г. был открыт крупнейший архив, куда были свезены 900 т документов из бывших французских колоний Африки и других континентов. В 1988 г. сюда из Парижа переведены материалы Отдела заморских стран Национального архива Франции.

В области археологии и древнейшей истории Африки крупными достижениями отличились ученые, начавшие свои исследования в странах Северной и Западной Африки еще в 30-е годы. Археологические изыскания в суданской зоне проводил Теодор Моно, древнюю и средневековую историю изучал Раймон Мони, итоги его многолетней работы подведены в обобщающем труде «Темные столетия Черной Африки. История и археология» (1970); древнейшую историю Сахары исследовал Анри Лот. Публикации последнего о наскальной живописи автохтонного населения

области Тассили изданы на многих языках, в том числе на русском. Наскальные изображения Южной Африки изучал Анри Брейль (1877–1961). Крупный археолог, теоретические установки которого, однако, были ошибочны: он стремился соединить науку с религией.

Начиная с 1960 г. французские археологи с привлечением преподавателей и студентов Дакарского университета ведут раскопки на юге Мавритании, где были расположены важные торговые города средневековой Ганы (Аудагост и др.). Руководил этими исследованиями Жан Девис (род. 1923), прошедший в Африке около 20 лет. После возвращения во Францию Девис стал профессором Парижского университета, а в 1977 г. сменил Р.Мони на посту директора Центра африканских исследований. Его перу принадлежит ряд статей по средневековой истории Западной Африки; он принял участие в подготовке многотомного издания «Образ негра в западном искусстве» (1979).

Во французской исторической африканистике до начала 70-х годов довольно сильным оставалось неокOLONИАЛИСТСКОЕ, консервативное течение. Оно было представлено, главным образом, трудами ученых, которые занимали прежде высокие посты в колониальной администрации. Это Робер Делавиньет и Юбер Дешан; последний является автором двухтомной «Всеобщей истории Черной Африки и Мадагаскара» (1970). К ним примыкает Робер Корневэн, автор ряда страноведческих работ по истории отдельных стран: Дагомеи (1965), Конго (1966), Того (1969). Он же автор общей работы по истории Африки (1964), выдержавшей несколько изданий. Эти ученые приняли участие в подготовке многотомной работы «Колониализм в Африке», изданной Гуверовским институтом в США и имевшей целью апологетическое оправдание раздела Африки, колониальной эксплуатации ее народов.

Особое место среди французских африканистов консервативного толка в первые послевоенные годы занимал Эжен Гернье, издавший несколько книг, восхвалявших французский колониализм. В 1952 г. он выпустил книгу «Вклад Африки в мысль человечества». В ней автор причудливо смешал идеи «панъегиптизма» Перри и Эллиот-Смита с хамитской теорией для безудержного восхваления Африки как колыбели человеческой цивилизации, наук и искусств. Причем Гернье часто обращается как к авторитету к основателю расизма Гобино. Апология Африки и «африканской души» нужна для того, чтобы доказать их принадлежность к «атлантическому, западному сообществу», как пишет Гернье в заключение. Призыв к соединению Африки и Западной Европы имел в те годы, без всякого сомнения, вполне ясные реакционные мотивы.

Ведущим французским африканистом консервативного направления на протяжении послевоенных десятилетий оставался Анри Брюнсви́г (1904–1986). Ученый родился в Эльзасе, учился у крупнейших французских историков М.Блока и Л.Февра в Страсбургском университете. Как писал о нем выдающийся историк Ф.Бродель в сборнике, посвященном Брюнсви́гу (1982), учеба у таких учителей дала возможность овладеть методологией «глобальной истории». Однако, продолжает Бродель,

историк Африки должен начать сначала: собрать источники, изучить архивы, установить непреложные факты и только затем приступить к обобщению материала. Работы Брюнсвига поэтому мало имеют общего с трудами сторонников школы «Анналов»; они продолжают традиционную линию французской буржуазной историографии, где главное — описание отдельных событий и политических деятелей. Показной объективизм Брюнсвига скрывает его консервативные воззрения: апологетическое изображение истории французского колониализма, восхваление его «цивилизаторской» миссии, стремление доказать нежизнеспособность молодых самостоятельных государств Африки.

В ряде статей Брюнсви́г обсуждает проблему возникновения национальной африканской историографии. Он утверждает, что чернокожие никогда не имели истории, потому что в ней не нуждались. В этой же статье (1962) он пишет об исторической пассивности африканцев: «Они ничего не дали миру, кроме «живого товара», они открыли мир лишь в качестве рабов». Основные труды Брюнсви́га посвящены истории колониализма: «Французская колонизация» (1949), «Немецкая экспансия за моря от XV в. до наших дней» (1957), «Мифы и реальности французского колониального империализма в 1871–1914 гг.» (1960). Квинтэссенция его воззрений изложена в книге «Развитие Черной Африки от XIX в. до наших дней» (1963). В ее начале автор пространно рассуждает о том, почему «африканцы не имеют и, вне всякого сомнения, никогда не будут иметь историю, как у большинства других народов». Отвечая на этот вопрос, он отмечает три особенности народов Тропической Африки, проявившиеся на протяжении тысячелетий: отсутствие письменности (а история может существовать только на основе письменных документов), географическая изоляция и, наконец, бедность природными ресурсами, в результате чего процветала торговля людьми. По утверждению Брюнсви́га, виновны в работорговле в равной мере и европейцы и африканцы. Встреча с европейскими колонизаторами в конце XVIII в., пишет далее историк, означала для чернокожих подлинную «революцию». Затем следует пространное описание «благодетелей» европейцев, которые за небольшими исключениями делали все, чтобы приобщить туземцев к «высшей» цивилизации. Экономические и политические первопричины колониальной экспансии Брюнсви́г замалчивает, как и нещадную эксплуатацию африканцев. Нет в его работе и анализа причин и движущих сил национально-освободительной борьбы.

Концепция Брюнсви́га, как и других представителей консервативного, неоколониалистского крыла французской африканистики, встречала отпор со стороны ученых других направлений, в том числе умеренно-буржуазного, которое численно преобладает. К нему можно отнести специалистов по истории колониализма в Северной Африке, профессора Тулузского университета Ксавье Яконо и директора Средиземноморского института Ж.Л. Мьежа. Последний является автором фундаментального исследования в 4 томах «Марокко и Европа (1830–1894 гг.)» (1961–1963), а также книг «Итальянский колониальный империализм

с 1870 г. до наших дней» (1968), «Европейская колониальная экспансия и деколонизация с 1870 г. до наших дней» (1973). Историю стран Магриба изучают маститые ученые Ш.Р. Ажерон и Жак Берк. Из работ, опубликованных Берком, можно составить целую библиотеку по арабистике. Он родился в Алжире в 1910 г., много лет провел в странах Магриба, Ближнего Востока, в Египте. Первые труды, появившиеся еще в довоенное время, были посвящены прошлому Алжира. Затем последовали книги по истории Египта, Марокко, всего Магриба; среди наиболее значительных следует назвать «Арабы вчера и сегодня» (1960), «Египет: империализм и революции» (1967), в которой раскрывается история Египта между двумя революциями 1882 и 1952 гг., книги о прошлом стран Магриба. Среди них своим богатством выделяется «Магриб между мировыми войнами» (1962), в которой дана широкая картина социальной жизни Марокко, Алжира и Туниса. Другая книга посвящена жизни и деятельности марокканского историка XVII в. аль-Юси (1958). Научные исследования Берка отличаются исключительно богатым фактическим материалом, почерпнутым в архивах, средневековых рукописях, редких изданиях местных семейных хроник. Много информации взято из устных источников, личных наблюдений автора. Важно подчеркнуть и то, что его огромная эрудиция сочетается с живым стилем изложения; этим объясняется то, что некоторые книги Берка выдержали по несколько изданий и переведены на многие языки.

Тематика научных изысканий французского ученого весьма разнообразна, но предпочтение он отдает социальной и культурной истории, хотя в книге о Египте преобладает рассказ о политической жизни. Берк охотно пишет о событиях и явлениях последних четырех столетий, но особой его симпатией пользуется век XVII, сложное время для стран Магриба, из которого произрастают, по его мнению, корни многих феноменов новейшей эпохи. Характерна в этом отношении одна из его последних работ под заглавием «Улемы, основатели государств и повстанцы Магриба в XVII в.» (1982). В этой книге, написанной, как обычно, на обширной и разнообразной источниковой базе, Берк стремится установить причины политической нестабильности в странах Магриба, находившихся под верховной властью султана в далеком Стамбуле, а также показать роль мусульманского духовенства во всех этих событиях.

Пристальное внимание автора вызывает социальная стратификация магрибского общества, классовые противоречия, периферийное положение Магриба по отношению к капиталистическим странам Западной Европы. История Магриба рассматривается в контексте событий и явлений всех стран Средиземноморского бассейна.

Французская историческая африканистика издавна испытывает особый интерес к странам Тропической Африки, ставшим объектом колониальной экспансии и вошедшим затем в обширную колониальную империю. Из большого количества публикаций своим высоким научным уровнем выделяются труды профессора Парижского университета Ива

Персона (1925–1982), проведшего в Африке на административной и научной работе более двадцати лет. Им написана обширная трехтомная работа о возникшем в 70-х годах XIX в. в верховьях Нигера государстве Васулу и его правителе Самори, возглавившем позже сопротивление французским колонизаторам (1968–1975). Этот труд выполнен на базе устных исторических источников (автором было опрошено 861 человек, помнивший о событиях прошлого), а также архивов Сенегала, Ганы, Кот-Дивуара, Франции и Англии. Работа Персона поражает обилием фактического материала, который, к сожалению, не всегда достаточно глубоко проанализирован. Перед нами образец «событийной» истории, где подробнейшим образом описаны многочисленные политические и военные мероприятия Самори, с большой степенью достоверности установлены даты событий, их участники и т.п.

Общая трактовка событий, однако, вызывает возражения. Возникновение государства Васулу и его борьбу за независимость автор считает «социальной и религиозной революцией», проходившей под руководством торговцев-диула, которых автор рассматривает как носителей капиталистических отношений. Социальная революция, говорит Персон, сопровождалась «священной войной» мусульман против языческих племен.

Приводимый во втором томе фактический материал о внутренней организации государства Самори, в сущности, противоречит авторской концепции: перед нами предстает полуфеодальное общество с сильными элементами общинно-родовых и рабовладельческих отношений. Ничего буржуазно-капиталистического в нем нет, за исключением довольно развитых торгово-денежных связей. Много места уделяет Персон борьбе покоренных народов против угнетения со стороны теократической монархии Самори, однако антиколониальная война против французов показана как безнадежное дело.

Социальные и политические изменения в африканских обществах при их столкновении с французским колониализмом показаны в трудах видного социолога Жоржа Баландые, книге нынешнего директора Центра африканских исследований Сорбонны Клод-Элен Перро о народе ании в Кот-Дивуаре, где она проводила многолетние полевые исследования.

Этой же проблеме посвящены публикации выходца из Заира, профессора Высшей школы социальных наук Эликии Мбокото. Среди наиболее значительных исторических трудов этого автора книга «Черные и белые в Экваториальной Африке» о проникновении французов на территорию Габона в XIX в. (1981) и книга по истории Африки XX в. (1980). Жак Марсей анализирует особенности французского колониализма, роль государства и различных фракций буржуазии (1984).

Крупным специалистом по истории стран Великих Озер (Руанда, Бурунди) и бельгийскому колониализму зарекомендовал себя Жан-Пьер Кретьен.

С умеренно-либеральных идейно-политических позиций изучает историю португальского колониализма, национально-освободительное движение в Анголе и Мозамбике профессор университета в Бордо Рене Пелисье. Его обширная двухтомная диссертация посвящена антиколониальной борьбе в Анголе на протяжении более столетия — с 1845 по 1961 г. (1976). Для ее написания автор привлек разнообразные источники, многие из которых хранились в секретных архивах португальской колониальной администрации и полиции. Фактографическая сторона работы очень богата, чего нельзя сказать о ее теоретической глубине. Такое же противоречие между обширной эмпирической базой и довольно бедными теоретическими обобщениями характерно и для другой работы Пелисье, тоже в двух томах, посвященной антиколониальной борьбе народов Мозамбика в 1854—1918 гг. (1984). Во введении к книге автор прямо предупреждает читателя, что в книге он найдет только «факты, которые каждый может интерпретировать, как ему угодно». Несмотря на нарочитую фактографичность, характерную для французской буржуазной африканистики, Пелисье разделяет концепцию о том, что захват колоний в империалистическую эпоху не имел будто бы под собой экономических оснований. Эта точка зрения, как мы знаем, была выдвинута в книге английских авторов Робинсона и Галлагера и давно опровергнута в многочисленных трудах ученых различных направлений.

Большой вклад в изучение прошлого и настоящего народов Африки внесли ученые-марксисты. Марксистское течение во французской африканистике, пожалуй, самое сильное сравнительно с другими странами Западной Европы и США. Прежде всего выделяется марксистская школа в этнографии, работающая на африканском фактическом материале, традиционном для этой науки во Франции (К.Меясу, Э.Террэ, П.Ф. Рей, Ж.Копанс), лишь М.Годелье оперирует материалом народов других континентов. Влияние этих ученых в мировой науке видно из того, что выпущенный Центром по изучению Африки в Голландии сборник (1985) поместил о них две историографические статьи. Ведущим является Клод Меясу (род. 1925), автор ряда крупных работ об общественных отношениях доколониальной Африки, среди них сборник статей «Рабство в доколониальной Африке» (1975) и «Женщины, зернохранилища и капиталы» (1975); в них он выдвинул понятие «домашнего способа производства», вызвавшие серьезные возражения других ученых-марксистов.

Что касается непосредственно истории, то в первые послевоенные десятилетия прошлое Африки исследовали П.Буато, И.Лакост, Ж.Сюрэ-Каналь. Пьер Буато, (1911—1980), по образованию агроном, принимал активное участие в антиколониальном движении на Мадагаскаре. После возвращения во Францию выпустил книгу «Вклад в изучение истории мальгашской нации» (1958, 2-е изд. 1982; рус. перевод 1961), где с марксистских позиций излагает прошлое Мадагаскара с древнейших времен. Подобно ему долгое время работал в Алжире коммунист Ив Лакост, совместно с другими опубликовавший книгу «Проштое и насто-

ящее Алжира» (1960). Большой интерес представляет его книга о знаменитом Ибн Хальдуне (1966), где, однако, воззрения средневекового историка осовремениваются и его вклад оценивается недостаточно объективно.

Крупным историком-марксистом зарекомендовал себя Жан Сюрэ-Каналь (род. 1921), прошедший на преподавательской работе в Африке много лет (Сенегал, Гвинея, Алжир). Его фундаментальный трехтомный труд по истории Западной и Центральной Африки (1958—1972) несколько раз переиздавался целиком и отдельными томами (рус. перевод первого тома 1961). Член Французской компартии с 1939 г., Сюрэ-Каналь был в 1967—1972 гг. членом ее ЦК; он твердо отстаивает марксистскую методологию по самым спорным теоретическим проблемам социальной истории Африки. Многочисленные журнальные статьи ученого изданы в сборнике «Очерки африканской истории» (1980). Здесь Сюрэ-Каналь отвечает на ряд вопросов: в чем состояли экономические интересы французского империализма и каковы были методы эксплуатации колоний? была ли независимость африканским странам дарована или же завоевана ими в борьбе? На дискуссионный вопрос об общественном строе народов Тропической Африки в доколониальные времена Сюрэ-Каналь отвечает, что он был африканским вариантом азиатского способа производства, который он называет рентным (или данничеством).

Примерно таких же взглядов придерживается другой видный историк марксистского направления, профессор VII Парижского университета Катрин Кокри-Видрович (род. 1935). Ее докторская диссертация была посвящена изучению форм и методов эксплуатации Конго посредством предоставления концессий торговым компаниям в 1898—1930 гг. (опубликована 1972). В работе на большом фактическом материале опровергаются тезисы колониалистской историографии об «отсутствии» экономических мотивов захвата колоний и о том, что метрополия больше вкладывала в развитие своих колоний средств, чем получала с них доходов. Разоблачение французского колониализма является центральной темой книги «Черная Африка от 1800 г. до наших дней» (1974), написанной совместно с А.Монио. В последние годы Кокри-Видрович изучает предпосылки краха французской колониальной империи, индустриализацию в африканских странах, воздействие на них мирового экономического кризиса 1929 г. По этим проблемам опубликован ряд статей.

Последняя книга Кокри-Видрович подводит итоги ее многолетним трудам и в то же время свидетельствует об отходе с прежних идейных позиций. Ее заглавие можно перевести примерно следующим образом: «Черная Африка: постоянство и изменения» (1985); в ней дан общий очерк истории Тропической Африки с X в. до современности. Основное внимание автор уделяет социальным отношениям и демографии, а для новейшего периода — национально-освободительной борьбе. В книге, однако, отсутствуют четкие марксистские характеристики обществен-

ного строя доколониальной Африки, классов и классовой борьбы, движущих сил антиколониального движения, оценок французского неоколониализма. Общие выводы по ряду теоретических вопросов вписываются в умеренно-либеральную концепцию исторического прошлого, кое-где одобренную положениями, почерпнутыми у неомарксистов и левых радикалов.

Французская историческая африканистика, как мы видим, на пороге 90-х годов развивается в условиях острых идейных столкновений. Ее теоретическая палитра многоцветна, а борьба идет не только между сторонниками буржуазного и диалектико-материалистического мировоззрения. Серьезные расхождения, дискуссии и споры происходят и внутри каждого методологического течения: консервативного, либерального, марксистского. Кроме того, следует учитывать переход отдельных ученых на другие философские платформы.

В Англии послевоенное развитие африканистики шло под знаком ускорившейся ликвидации Британской колониальной империи. Хотя раньше независимость завоевали колонии в Азии (Индия, Пакистан, Бирма), ни для кого не возникали сомнения в том, что за ними вскоре последуют африканские страны. В таких условиях английская африканистика, стремясь сохранить свои позиции в общественной и научной мысли молодых независимых государств Африки, на рубеже 50–60-х годов совершила серьезную перегруппировку своих сил. С одной стороны, укрепились ее научно-организационная структура, расширилась подготовка кадров. С другой стороны, быстро потеряли свой прежний авторитет и сошли на нет теоретические концепции, взятые на вооружение колониальной администрацией, прежде всего функционализм. Наконец, сказалось проникновение в английскую науку об Африке передовых идей, марксистской методологии. Возникло и укрепилось демократическое направление.

Как и в предыдущий период, главными научно-исследовательскими центрами Англии в области африканистики оставались университеты; ведущие позиции, как и прежде, занимала Школа восточных и африканских исследований при Лондонском университете. При Бирмингемском университете был создан Центр по изучению Западной Африки (1963). Продолжало действовать Королевское африканское общество, объединявшее в конце 80-х годов около тысячи членов. Были созданы новые общества: Ассоциация африканских исследований (1963), Арабский исследовательский центр (1979) и Ассоциация по изучению Магриба (1981). С 1960 г. Кембриджский университет стал выпускать «Джурнал оф Африкан хистори», ставший вскоре одним из наиболее авторитетных специализированных журналов в мире.

Умеренно-либеральное течение английской исторической африканистики на протяжении многих лет (60–70-е) возглавляли ученые Роланд Оливер и Джон Доннели Фейдж, выпускники Кембриджского университета, первые редакторы названного выше журнала по африканской истории (1960–1973). Во время войны Фейдж (род. 1921) в течение

пяти лет служил в Южной и Восточной Африке; после защиты диссертации по истории Южной Родезии он вернулся в Африку, где в течение десяти лет (1949–1959) преподавал в Гане. В это время он подготовил и опубликовал «Введение в историю Западной Африки» (1955), «Атлас африканской истории» (1958), «Гана: историческая интерпретация» (1959). После возвращения в Англию он несколько лет работал в Школе восточных и африканских исследований, а в 1963 г. стал директором Центра по изучению Западной Африки в Бирмингеме.

Жизненный путь Оливера более спокоен; младше своего постоянно соавтора Фейджа на два года и будучи по преимуществу кабинетным ученым, Оливер всю жизнь проработал в Лондонской школе восточных и африканских исследований. Первые его самостоятельные труды посвящены колониальным захватам, затем он стал специализироваться по средневековой истории Африки.

С 1960 г. начинается его тесное сотрудничество с Фейджем в издании журнала африканской истории, затем выходит их совместная работа «Краткая история Африки» (1962), выдержавшая множество изданий и переведенная на 10 языков.

Многолетнее тесное сотрудничество Фейджа и Оливера дало основание коллегам назвать их в шутку «сиамскими близнецами британской африканистики». Главный их совместный труд — это монументальная «Кембриджская история Африки» в 8 томах, выпуск которой занял 11 лет (1975–1986). Хотя каждый том имеет своего собственного редактора, издание выходило под общим руководством Оливера и Фейджа, которые придали ему общее умеренно-либеральное мировоззренческое направление.

Концепция африканской истории претерпела определенную эволюцию в сторону отказа от хамитской теории, которую «близнецы» разделяли в «Краткой истории Африки», и признания «африканских инициатив», исторической активности и самостоятельности народов Тропической и Южной Африки. Оливер и Фейдж добились высокого академического уровня «Кембриджской истории», внешне беспристрастного, спокойного стиля изложения. Вместе с тем нельзя не признать, что она страдает определенным англоцентризмом; периодизация африканской истории, особенно в новое и новейшее время, дана исходя из важности событий для Англии или Британской империи, но не для Африки. Так, границей между VII и VIII томами взят 1942 год, видимо, потому, что именно тогда в Северной Африке происходило сражение, которому буржуазная историография отводит решающую роль в ходе второй мировой войны. То же самое можно сказать и о границе между IV и V томами: в качестве отправной точки новой эпохи взят 1790 год, когда были достигнуты первые успехи в борьбе за запрещение работорговли, создана колония освобожденных рабов в Сьерра-Леоне, английские войска высадились на Мыс Доброй Надежды.

В 70-е годы Фейдж оказался в центре дискуссии, охватившей африканистов многих стран и продолжающейся поныне. В 1969 г. он опубли-

ковал статью, в которой пытался доказать, что Африка в XVIII в. потеряла 4 млн. человека за счет работорговли, но это якобы не превышало ее естественного демографического роста и не принесло ей особого ущерба. В последующих публикациях (1975, 1980) он развивал этот тезис, приводя все новые соображения о том, что торговля африканцами, в сущности, мало затронула общественные институты континента и в конечном счете ничего страшного в ней не было. Апологетический характер концепции Фейджа, заниженные цифры работорговли, отказ от признания ее глубоких разрушительных последствий для Африканского континента вызвали поток публикаций с протестами и опровержениями.

Другая многолетняя дискуссия в зарубежной африканистике была вызвана книгой также английских авторов Рональда Робинсона и Джона Галлагера «Африка и викторианцы» (1961, переиздана в дополненном виде 1981). Эта работа, по существу, явилась неприкрытой атакой на ленинское учение об империализме, в особенности на четвертый признак империализма — территориальный раздел мира. Авторы пытаются разделить понятия «капитализм» и «империализм», доказать их историческую и логическую несовместимость. Они стремятся опровергнуть положение об экономических первопричинах территориального раздела Африки между капиталистическими державами. Один из новейших пропагандистов концепции Робинсона и Галлагера, выступая в авторитетном на Западе журнале «История и теория» (1982), утверждает, что марксисты, отстаивая теорию экономического империализма, ставят торговлю впереди политики, капитализм впереди завоевания, телегу впереди лошади.

В острый идейный спор о колониальном разделе Африки, его близких и отдаленных последствиях, о сущности империализма включились не только английские африканисты, но также ученые других стран Западной Европы, США, Африки. С критикой антиленинской концепции «стратегического» империализма выступил, среди других, профессор Мичиганского университета, уроженец Ганы Годфри Узоигве в книге «Британия и завоевание Африки» (1974). На конкретных фактах, почерпнутых из документальных и архивных источников, он опроверг выводы Робинсона и Галлагера, показав целенаправленный характер английской колониальной экспансии и ее экономические пружины.

На рубеже 70–80-х годов в английской буржуазной африканистике усилилась критика марксистской методологии, неприменимой будто бы к африканским реальностям. В книге по истории Нигерии профессор Ливерпульского университета Дж. Д. Пиль, являющийся одновременно редактором издаваемого Международным африканским институтом журнала «Африка», выступает с резкой критикой французских марксистов. Он приходит к следующему выводу: исторический материализм не способен дать адекватные категории для анализа изучаемого им предмета; ключ к пониманию изменений африканского общества дает не марксистская концепция классов, а заимствованное у Макса Вебера понятие сословий. С подобными же положениями неоднократно высту-

пал профессор Стирлингского университета в Шотландии Робин Лоу, выдвинувшийся в последние годы в качестве ведущего ученого умеренно-либеральной английской африканистики.

«Консервативная волна» в общественной мысли капиталистических стран начала 80-х годов усилила апологетику колониализма и неоколониализма. Участились нападки на марксистскую трактовку территориального раздела мира и предимпериалистическую эпоху. Вновь и вновь подвергается критике буржуазных историков, экономистов, социологов ленинское учение об империализме.

Центр по изучению истории европейской экспансии при Лейденском университете (Голландия) выпустил четыре сборника статей, в которых делается попытка полной ревизии истории мирового колониализма и его социально-политических последствий. В первом выпуске «Экспансия и реакция» (1978) участвуют видные французские и английские историки Ф.Бродель, Ж.Л. Мьеж, А.Брюнсвиг, Р.Робинсон. В предисловии к книге говорится: читатель, окончив ее, к своему удивлению убедится в том, что никакой европейской экспансии (так авторы стыдливо называют колониальные захваты) в Африке вовсе не было; в небольшой степени ее можно обнаружить лишь в Китае и Индии. И даже если колониальные захваты и случались кое-где, то они якобы были неосознанными и бесконтрольными. Далее говорится: «Этот процесс не совершался руками европейцев, а их глаза его не предвидели». В Африке, как и в Индии, среди местного населения будто бы господствовало стремление к сотрудничеству с колонизаторами, а не к сопротивлению.

Тезис о «бессознательности» и «бесконтрольности» экспансии в работах буржуазных ученых дополняется утверждениями о «полезности» колониализма, что, в сущности, лишь повторяет на новый лад давно опровергнутый миф о цивилизаторской миссии европейцев среди небелых народов. Так, известный английский историк, специалист по истории колониализма Д.Фильдхауз стремится доказать, что включение их стран в колониальные империи было полезным для народов Западной Африки, Конго, Индии, ибо колониализм внес порядок в жизнь этих народов и тем самым предотвратил анархию в международных отношениях, подготовил отсталые общества к модернизации и интегрировал их в международные экономические связи. Главный же пафос его книги «Колониализм, 1870–1945 гг.» (1981) состоит в опровержении марксистов, которые утверждают, что сегодняшняя бедность стран Африки и Азии — это следствие колониализма. Здесь мы видим прием извращения марксизма, который нередко применяют буржуазные ученые; они упрощают и огрубляют его отдельные положения, чтобы затем легче было их опровергнуть.

Попытка оправдать английскую колониальную экспансию в Западной Африке предпринята в книге Мэри Маккарти (1983), где утверждается, что решения по этим вопросам не принимались в Лондоне. Захват англичанами территории Золотого Берега, пишет автор, был результатом спонтанного соглашения на месте между английскими властями

и вождями африканских племен. Африканцы много выиграли от установления английской власти.

Прямая апология колониализма в последние годы сменилась тенденцией к эклектическому смешению различных точек зрения. Так, преподаватель Манчестерского университета Дж. Маккензи в книге «Раздел Африки и европейский империализм в XIX в.» (1983) пишет, что все объяснения причин колониального раздела континента неудовлетворительны. Единственный выход из создавшегося тупика автор видит в «конвергенции», т.е. соединении различных теорий, каждая из которых содержит лишь «долю истины», а взятые вместе они могут дать полную картину изучаемого явления. Такой же методологический плюрализм защищает Форбс Мунро из Глазговского университета в книге «Британия в Тропической Африке. 1880—1960 гг. Экономические отношения и влияние» (1984). Эта новейшая тенденция объяснения колониализма свидетельствует прежде всего о крахе антиленинских концепций империализма и попытках выйти из теоретического кризиса за счет эклектического смешения различных концепций.

Демократическое крыло английской африканистики представлено трудами ряда крупных ученых, наиболее плодовитым из которых является Бэзил Дейвидсон (Дэвидсон) (род. 1914). Его творческая биография характерна для лучших представителей западной интеллигенции, которые, не переходя полностью на позиции марксизма, защищают передовые идеалы интернационализма, социализма и демократии. В годы второй мировой войны Дейвидсон был офицером связи с югославскими партизанами (1943—1944), и первая его книга «Партизанские картинки» (1946) посвящена освободительной антифашистской борьбе на Балканах.

С 1945 г. Дейвидсон, будучи корреспондентом ряда английских газет, побывал во многих странах Африки, написал несколько десятков научных, научно-популярных и публицистических книг, главным образом об освободительном антиколониальном движении в португальских колониях (Анголе, Гвинее-Бисау, Мозамбике) и на Юге Африки. Его книги переведены на многие языки мира, в том числе три — на русский язык: «Новое открытие Древней Африки» (1952), «Черная мать» (1964) (об истории работорговли), «Африканцы. Введение в историю культуры» (1975). Дейвидсон является автором учебников по истории для средней и высшей школы англоязычных стран Африки: «Африка: история континента» (1972), «Африка в современной истории» (1978), «Восточная и Центральная Африка до конца XIX в.» (1974), «История Западной Африки» (1978). Две последние книги написаны в соавторстве с африканцами, учителями истории.

Не будучи профессиональным историком и не занимая должностей в академической науке Великобритании, Дейвидсон свободен от многих условностей и традиций, делающих публикации по истории Африки сухими, скучными, малодоступными широким читательским массам. Его книги и статьи написаны ярко, увлекательно, в них читатель находит

правдивую информацию из первых рук, интересные характеристики политических деятелей, живой рассказ о прошлом и настоящем, проникнутый искренней симпатией к африканским народам. Дейвидсон — замечательный популяризатор науки об Африке, талантливо пропагандирующий достижения истории, этнографии, социологии с прогрессивных позиций критики колониализма, расизма и неоколониализма.

Высоко оценивая вклад Дейвидсона в мировую африканистику, надо иметь в виду, что он, как правило, не проводит самостоятельного изучения источников по тем или иным проблемам; фактологическая база его публикаций представлена заимствованиями из трудов других ученых. Его работы содержат отдельные обобщения, которые недостаточно подкреплены эмпирическим материалом; его смелые прогнозы не всегда обоснованы. Наконец, Дейвидсон недостаточно критически оценивает деятельность африканских лидеров на современном этапе, давая некоторым из них субъективные характеристики, которые не подтвердились дальнейшим развитием революционного процесса.

Представителями прогрессивной английской африканистики являются также Томас Ходжкин, Джек Уоддис, этнограф Джек Гуди; в Англии работает ряд южноафриканских ученых во главе с Шулой Маркс (их деятельность рассмотрена в § 3 настоящей главы). Т.Ходжкин (1910—1982) вступил в ряды Компартии Великобритании еще в 1937 г., в предвоенные годы принимал активное участие в международном антиимпериалистическом движении. В послевоенные годы работал в Оксфордском университете, где заведовал заочным отделением и совершал частые поездки в страны Африки. По его инициативе были созданы университеты в Гане, где он в 1962—1965 гг. был директором Института африканских исследований, а также в Нигерии и Судане.

Первая книга Ходжкина «Национализм в колониальной Африке» (1956) вскрывает формы империалистической эксплуатации африканских народов, показывает корни и движущие силы освободительного антиколониального движения. Другая книга посвящена африканским политическим партиям (1961). Наиболее важной и ценной работой Ходжкина, выдержавшей два издания (1960, 1975), является сборник документов и отрывков из других источников по истории Нигерии под названием «Нигерийские перспективы». Заглавие точно отражает дух этой книги: повествуя о прошлом, она устремлена в будущее. Подбором материалов, комментариями и введением автор как бы говорит о том, что народу Нигерии, освободившемуся от колониального ига, предназначено славное будущее. Не случайно, что изданный к 60-летию юбилею ученого сборник статей назван по аналогии «Африканские перспективы» (1970). Еще один сборник историко-социологических статей в честь Ходжкина издал его ученик Кристофер Аллен, преподаватель Эдинбургского университета (1982).

Прогрессивный английский африканист постоянно интересовался героической борьбой вьетнамского народа против империализма. В оксфордском журнале Ходжкин опубликовал сравнительно-истори-

ческую статью о революционных традициях народов Западной Африки и Вьетнама (1975), найдя много общего в столь отдаленных регионах. А в 1981 г. вышла книга, целиком посвященная истории освободительного движения во Вьетнаме.

Крупным английским ученым, с марксистских позиций изучавшим проблемы прошлого и современности Африки, был Джек Уоддис (1916–1986), один из видных идеологов Компартии Великобритании. В конце 50-х – начале 60-х годов он выпустил ряд книг по африканским проблемам: «Африка. Лев пробуждается» и «Африка. Причины взрыва» (обе вышли в рус. переводе в 1962 г.), «Африка. Путь будущего развития» (рус. перевод 1964). В сущности, это трилогия, в которой автор изображает Африку в прошлом, настоящем и будущем. Несмотря на некоторые упрощенные и облегченные представления, обусловленные главным образом общими недостатками марксистской африканистики того времени, книги Уоддиса дают правдивую картину африканского прошлого, выделяют основные движущие силы освободительного движения, нащупывают перспективы развития молодых независимых государств Африканского континента. Пройденный с тех пор исторический путь оказался более трудным и извилистым, чем предполагал Уоддис, но основное направление он определил верно. Эти его труды не потеряли своего значения до наших дней. Они распространялись не только в Англии, но и в бывших английских колониях Африки, куда доносили основные положения марксистской трактовки злободневных проблем прошлого и настоящего.

Определенный интерес для африканистов представляет и его книга «Новые теории революции» (1972, рус. перевод 1975), которая выходит за рамки его прежних исследований. Новый труд Уоддиса посвящен анализу воззрений трех идеологов левого радикализма, имевших в 60-е годы широкое распространение в зоне национально-освободительных революций, – Фанона, Дебре и Маркузе. Первая часть книги составляет обстоятельный, критический разбор теоретического наследия Франца Фанона (1925–1961), активного деятеля Алжирской революции, автора знаменитых книг «Проклятьем заклейменные» и «Черная кожа, белая маска». Взгляды Фанона были подхвачены и усвоены, а иногда и неправильно поняты идеологами африканской революционной демократии, пришедшей к власти в ряде стран. Именно поэтому Уоддис, отдавая дань уважения Фанону, показывает ошибочность его понимания роли рабочего класса в современном революционном процессе. Фанон, как известно, отрицал революционность пролетариата, считая, что он занимает привилегированное положение и «обуржуазился». Преувеличивает он значение крестьянства, насилия, расового фактора и др. По всем этим актуальным проблемам Уоддис высказывает аргументированное мнение марксиста-африканиста.

Под серьезным влиянием методологии диалектического материализма сформировались научные воззрения Джека Гуди, крупнейшего

современного этнографа Англии, возглавляющего отделение социальной антропологии Кембриджского университета. Проведя в молодости полевые изыскания на севере Ганы и опубликовав на эту тему несколько историко-этнографических работ, Гуди затем перешел к изучению общих проблем этнографии и социологии, сохраняя при этом приверженность к фактическому материалу, собранному в Африке. Основные его труды «Письменность в традиционных обществах» (1975) и «Доместикация дикой мысли» (1977) среди многих важных вопросов обсуждают проблему соотношения между устной и письменной формами культуры, что для африканистики имеет особое значение.

Говоря об английских историках-африканистах, близких к марксизму, нельзя не упомянуть группу эмигрантов из Южной Африки, преподающих в английских университетах. Однако они сохраняют самые тесные связи с родиной, и, хотя формально являются представителями современной английской африканистики, более правильно будет отнести их деятельность к национальной науке ЮАР и рассмотреть их труды в соответствующем разделе.

На левом фланге немарксистской английской африканистики стоит известный историк Теренс Рейнджер, возглавлявший ряд лет на рубеже 60—70-х годов историческое отделение университета в Дар-эс-Саламе. Ныне он профессор Манчестерского университета, автор трудов по истории стран Восточной и Южной Африки, национально-освободительной борьбе. Из последних его публикаций назовем статью о расистской идеологии в ЮАР, напечатанную в сборнике «Расизм и колониализм» (1982), а также изданную совместно с Дж.Пилем книгу «Прошлое и настоящее Зимбабве» (1983).

К демократическому крылу английской науки об Африке следует отнести крупнейшего специалиста по истории Эфиопии Ричарда Панкхерста. Он является представителем целой семейной династии ученых-эфиопистов: его мать Сильвия Панкхерст (1882—1960) организовала в 30-е годы широкое движение солидарности с Эфиопией, подвергшейся агрессии итальянского фашизма. С 1956 г. она жила в Аддис-Абебе, где издавала научный журнал «Этиопия обсервер». Сын Ричард, проведя большую часть своей жизни в Эфиопии, стал энциклопедически подготовленным эфиопистом; наибольшую ценность представляют его труды по экономической истории страны «Введение в экономическую историю Эфиопии» (1961), «Государство и земля в эфиопской истории» (1966), «Экономическая история Эфиопии» (1966). Его жена Рита и их сын Алула также стали известными знатоками прошлого и настоящего Эфиопии. Вся семья Панкхерстов пользуется в Эфиопии большим авторитетом и любовью; в свою очередь они выступают в поддержку прогрессивных перемен в стране, передали в дар эфиопскому народу ценнейшие рукописи, предметы культа и произведения искусства, собранные их семьей за многие десятилетия.

В конце 80-х годов современная английская историческая африканистика, как и африканистика Франции и США, стала испытывать опре-

деленные трудности, причем не только теоретического плана. Английские ученые справедливо жалуются на то, что правительство консерваторов плохо финансирует центры африканистики в университетах Лондона, Эдинбурга, Бирмингема и Манчестера. Сокращается число студентов и аспирантов, изучающих Африку. Одновременно сокращаются штаты преподавателей, так как не занимают вакансии ушедших на пенсию из Эдинбургского университета крупных африканистов Джорджа Шепперсона и Кристофера Файфа. «Новые должности так же редки, как снегопад в Киншасе», — горько пошутил один английский африканист. Такая ситуация, разумеется, не способствует благоприятному развитию английской науки об Африке.

Развитие африканистики в ФРГ в послевоенные годы шло под знаком медленного преодоления последствий фашизма, нанесшего страшный урон немецкой науке и культуре. Много позже, чем в других западноевропейских странах, возобновили свою деятельность научно-исследовательские центры африканистики. Из числа предвоенных сохранился и продолжает свою деятельность только один — Институт морфологии культуры им. Л.Фробениуса при университете во Франкфурте-на-Майне; все остальные были заново созданы в условиях раздела Германии на два государства. Начали функционировать Германское общество африканистов в Бонне (1956), научные институты в Мюнхене (1961) и Гамбурге (1963). Позже при университете в Майнце был открыт Институт этнологии и африканских исследований.

Преодоление тяжелого прошлого шло и в идейно-теоретической среде западногерманской африканистики. Особенности ее развития отчетливо проявились в первое послевоенное десятилетие. Идейно-политическим и географическим парадоксом этого времени можно с полным правом считать первый большой труд по истории Африки, опубликованный в Кёльне в 1952 г. Уникальность этого случая состоит в том, что автором труда был проживавший в другой части Германии, в ГДР, крупный довоенный африканист Дидрих Вестерман (1875—1956), известный прежде как этнограф и языковед. Вся трагедия немецкой нации отразилась в его биографии.

Начав свое знакомство с Африкой еще в 1900 г. в качестве миссионера в Того, он затем стал преподавать африканские языки в Берлинском университете, редактировать журнал «Колониале рундшау», поддерживавшего колониальную экспансию германского империализма. После первой мировой войны он продолжал преподавательскую деятельность, требуя возвращения Германии потерянных колоний в Африке. С 1926 г. Вестерман стал руководить созданным в Лондоне Международным институтом африканских исследований, редактировал выпускаемый им журнал «Африка».

В предвоенные и военные годы позиции Вестермана были крайне противоречивы: осторожно отвергая расизм и не запятнав себя принадлежностью к нацистской партии, он тем не менее поддерживал своим большим научным авторитетом колониальные устремления фашистов.

После окончания войны он остался в столице ГДР и заведовал кафедрой африканистики Берлинского университета вплоть до ухода на пенсию в 1950 г.

И вот спустя два года в ФРГ выходит его книга «История Африки» с подзаголовком «Государственные образования южнее Сахары», которая положила начало консервативному течению в западногерманской исторической африканистике. Для исторических воззрений Вестермана характерно признание, с одной стороны, хамитской теории, утверждавшей пассивность негроидных народов, утверждение о том, что «история Африки — это история ее завоевания и открытия чужеземцами», главным образом европейцами. С другой стороны, он хорошо знает устные исторические традиции народов Западной Африки, арабские и европейские источники средневековья. Поэтому книга «История Африки», и это признают марксистские критики, полезна как довольно полный свод фактического материала о доколониальных государствах Тропической Африки (Судана, Междозерья). Слабее изображена история южной части Африканского континента: так, очень мало сказано о Мономотапе. Книга страдает описательностью, фактографичностью, социальные и экономические факторы исторического процесса совершенно не затронуты.

Консервативно-реакционные взгляды Вестермана открыто высказаны в заключении к его книге. Оно начинается следующими словами: «Африканцы не внесли ни материального, ни духовного вклада в мировую культуру. Они всегда только воспринимали, ничего не давая». За этим утверждением следовало восхваление европейского колониализма. Линию Вестермана на апологию колониальных захватов, прежде всего германского империализма, продолжали в ФРГ в 60-е годы Кунц Дитмер, Отто Цирер, автор двухтомной общей истории, и патриарх буржуазной историографии Герхард Риттер (скончался в 1967). С этих же позиций, правда, несколько более завуалированных, писал Вархольд Драшер.

Влияние консервативного течения уже в 60-е годы не было преобладающим, позже оно еще более сократилось. Как и в других странах Западной Европы, в ФРГ официальную поддержку и наибольший вес имеют ученые умеренно-либеральных взглядов. Одним из видных представителей этого течения является Франц Аншпренгер, автор книги о возникновении политических партий во французских колониях Тропической Африки (1961). Эта проблема исследуется с методологических позиций концепций «модернизации» и «элиты», модных в современной немарксистской политологии. В других публикациях этого автора ощущается влияние идей социал-реформизма. Историю Южной Африки изучают Фреймут Дуве и Ганс Детлер Лас, представители Гамбургской школы западногерманской африканистики. К ней же принадлежит Гельмут Блей, автор солидной работы о германском колониализме в Юго-Западной Африке (1968, англ. перевод 1971).

Демократическое крыло африканистики ФРГ представлено трудами профессора Гамбургского университета Иммануила Гейсса, испытывав-

шего некоторое влияние марксистской методологии. Наиболее основательным трудом из всего им напечатанного является книга по истории panaфриканизма как составной части антиколониального движения (1968, англ. перевод 1974). Работа выполнена на широкой источниковой базе, много неопубликованных документов и неизвестных фактов автор впервые вводит в научный оборот. Менее удачной является его другая книга «Афро-американцы» (1969), где Гейсс, в сущности, не сказал ничего нового по сравнению с тем, о чем писали негритянские историки США в своих многочисленных публикациях.

Близок к Гейссу по своему подходу к проблемам колониализма и деколонизации Рудольф фон Альбертини, швейцарец по происхождению, много лет преподававший в Гейдельбергском университете (ФРГ). Его обширная монография «Деколонизация» (1966) посвящена дискуссиям в политической мысли стран-метрополий после первой мировой войны и вплоть до 1960 г. о будущем их колоний. Она дает представление об идейной и политической борьбе в правящих кругах империалистических стран, столкновениях интересов и программ по одной из острейших проблем современной истории. Новизна избранной темы, основательность ее разработки сделали книгу Альбертини ценным научным трудом.

Институт им. Фробениуса во Франкфурте занимается, как и прежде, преимущественно этнографическим изучением Африки, все чаще привлекая к этому молодых ученых-африканцев. Его директором являлся многие годы видный эфиопист Эйке Хаберланд, автор серьезного научного труда «Исследования об эфиопской царской власти» (1965).

В США африканистика в послевоенные годы, особенно начиная с 1960 г., развивалась быстрыми темпами. Первая программа африканских исследований стала осуществляться с 1948 г. по инициативе М.Херсковица в Северо-Западном университете (город Эванстон). Позже подобные же программы были разработаны в Бостонском, Висконсинском, Индианском, Калифорнийском (город Лос-Анджелес), Балтиморском им. Джонса Гопкинса университетах.

Такое внимание к прошлому и в особенности к настоящему Африканского континента не было случайным. Оно обусловлено причинами общего характера — возрастанием роли африканских стран в мировой экономике и международных отношениях, происходящими в них прогрессивными политическими, социально-экономическими и культурными переменами. Среди других причин быстрого развития американской африканистики следует назвать и возросший интерес значительной части негритянского населения США к их далекому прошлому и к своей прародине — Африке.

Стремительно росло число ученых-африканистов: к концу 70-х годов только историей народов Африканского континента занималось около 600 ученых, в то время как в середине 50-х годов их было немногим более десяти. В настоящее время Ассоциация африканских исследований насчитывает более 2 тыс. членов, причем следует учесть, что еще в 1969 г. она раскололась и из нее выделилось более радикальное крыло,

образовавшее Ассоциацию по изучению, африканского наследия. Работы американских африканистов публикуются более чем в ста журналах.

Расширились географические масштабы и хронологические рамки исследований по истории Африки, стали применяться математические методы в русле «новой экономической истории», широко используются собранные во время продолжительных экспедиций устные традиции африканских народов. Эти новые тенденции в американской историографии истории Африки мы рассмотрим в творчестве виднейших современных историков США в хронологическом порядке изучаемых ими проблем.

В области древней истории Африки солидные научные исследования опубликовал профессор негритянского Говардского университета (город Вашингтон) Фрэнк Сноуден Младший. Прекрасный знаток античности, древнегреческого и латинского языков, он изучает образ чернокожих африканцев в литературе и искусстве Греции и Рима. В книге «Черные в древности» (1970) он собрал и проанализировал большой иконографический материал: картины, росписи на вазах, барельефы, всевозможные скульптуры и статуэтки, на которых изображены африканцы. Автор доказывает, что как древние египтяне, так и греки и римляне относились к неграм без всякой предубежденности и антипатии. Новая книга Сноудена «Представления древних о чернокожих» (1983) продолжает эту тему, только уже на материале изучения литературных текстов древних авторов (Геродот, Аристотель, Лукреций, Овидий, Плиний, Птолемей и многие другие). В книге показано, что расовая дискриминация чернокожих африканцев возникла сравнительно недавно и что в древности слово «эфиоп» не имело никакого предосудительного оттенка. Напротив, у многих писателей древности встречаются высказывания с высокой оценкой физических и моральных качеств чернокожих.

Доколониальная история народов Тропической Африки, социальные изменения, происшедшие после начала европейской колонизации, изучаются в многочисленных трудах крупных ученых Филипа Картина и Яна Вансины, представителей умеренно-либерального течения американской африканистики.

Ф.Картин, профессор университета им. Джонса Гопкинса в Балтиморе, выпустил ряд общих трудов по истории Африки, которые не отличаются принципиально от других публикаций подобного рода, выходящих в странах Западной Европы и США. Это замечание касается таких книг, как «Африка и африканцы» (1971), «Африканская история» (1978). Однако в одной спорной области Картин выступил со своей собственной концепцией, которая отличается своей разработанностью и большим фактическим материалом, приводимом для ее подкрепления. Речь идет о многолетней дискуссии в зарубежной исторической африканистике по вопросу о работорговле в Африке.

Картин совместно с английским африканистом Дж.Д.Фейджем разработал апологетическую концепцию истории вывоза рабов из Африки в Америку, согласно которой работорговля не превышала демогра-

фического роста населения и поэтому якобы не затронула существенно социальных институтов африканцев. Первые работы Картина, выполненные в русле модной в США «новой экономической истории» с применением количественных методов обработки статистических данных, были опубликованы в 1969 г. Затем последовала обстоятельная двухтомная книга «Экономические изменения в доколониальной Африке» (1975), где главным образом изучалась работорговля в районе Сенегамбии, на западном побережье Африки.

Несмотря на серьезные возражения со стороны многих ученых-африканистов различной идейно-теоретической ориентации, Картин продолжает упорно защищать свою точку зрения и в трудах, вышедших в 80-е годы. В одном из них он рассматривает работорговлю в широком контексте обмена культурными ценностями между континентами и народами (1984), преуменьшая ее катастрофические последствия для Африки. В статье «Африка в мировой истории», опубликованной в сборнике «Африка и Запад: наследие колониальных империй» (1986), Картин отрицает значение работорговли в индустриализации и первоначальном накоплении капитала в Европе. Обеление раннего этапа колониализма в работах Картина направлено, таким образом, против марксистского понимания последствий торговли рабами как для самой Африки, так и для судеб буржуазно-капиталистических отношений в Европе и Северной Америке.

Среди сторонников концепции Картина наиболее активно выступают доцент Вирджинского университета Джозеф Миллер и профессор Йоркского университета в Канаде Поль Лавджой. Первый из них, например, стараясь подкрепить мысли Картина, выдвинул тезис, что природно-экологические катастрофы в Африке (засухи, болезни, голод) оказали более сильное воздействие на сокращение народонаселения и привели к большим социальным последствиям, чем работорговля. Перу Миллера, кстати сказать, принадлежит книга «Короли и сородичи» о ранних государствах народа мбунду в Анголе (1976, рус. перевод 1984).

Профессор Висконсинского университета (город Мэдисон) Ян Вансина, по происхождению бельгиец, получил мировую известность своими многочисленными трудами по доколониальной истории народов бассейна Конго (нынешние Заир, Конго, Руанда, Бурунди). Здесь он проводил многолетние полевые исследования, собирая устную историческую традицию, которая стала, по существу, главным источником его научных трудов. Вансина первым в зарубежной историографии разработал научную методику сбора, обработки и интерпретации устных источников в книге «Об устной традиции» (1961), переведенной на многие языки. В доработанном виде, дополненная новыми идеями и фактами, эта книга вновь опубликована под названием «Устная традиция как история» (1985).

Не менее важное место в творчестве Вансины занимают его конкретно-исторические труды, среди наиболее значительных следует назвать «Развитие королевства Руанда от основания до 1900 г.» (1962), «Коро-

левство Тио в Нижнем Конго 1880—1892 гг.» (1973), «Королевства саванны» (1966), «Дети Воота. История народа куба» (1978). Последняя работа является, можно сказать без преувеличения, лучшей из всех многочисленных публикаций автора. Это итог его 25-летней работы по изучению небольшого народа, создавшего в XVI в. раннегосударственное образование Бушонго, существовавшее до начала XX в. на территории современного Заира.

Для реконструкции прошлого куба Вансина привлекает разнообразные источники, главным из которых стали устные исторические традиции, как собранные самим автором (всего около 500), так и записанные европейскими этнографами задолго до него. В этом районе, в частности, работала в 1905 г. экспедиция во главе с Фробениусом. Однако здесь никогда не проводились археологические исследования, поэтому целый класс важных источников, свидетельствующих о материальной культуре куба, отсутствует. Своеобразие источниковой базы привело к тому, что Вансина описывает в основном не события прошлого, а лишь тенденции развития и структурные изменения; мало или почти ничего не говорится об исторических личностях, мотивах их поведения. В результате история куба представлена как следствие действия почти механических сил, без людей и без хронологической арматуры, поскольку датировка событий и явлений в традиционной устной истории крайне затруднительна.

История государства Бушонго, как считает Вансина, может быть разделена на три периода: древний (или протокуба), период вождей и период королей. Глубокие изменения, связанные с миграцией и приспособлением к новым природным условиям, произошли во второй период. Последняя эпоха — «век королей» — продолжалась около трех столетий. Хотя автор недостаточно четко излагает свои выводы о социально-экономических отношениях в этом государстве, он отмечает, что в обществе куба «социальная стратификация достигла довольно высокого уровня... более, чем где-либо в Центральной Африке». В общих рассуждениях автора заметно влияние идей школы «Анналов» и ее руководителя Броделя: стремление дать «глобальное» изображение прошлого и найти долгодействующие факторы медленных, почти незаметных изменений.

Влияние Броделя ощущается и в работах других американских историков-африканистов, исследующих проблемы доколониального прошлого Африки. Это касается книг молодых ученых Роберта Хармса о народах Центрального Заира (1981) и Джона Торнтон о событиях в Королевстве Конго во второй половине XVII — начале XVIII в. (1983). Хотя Д. Торнтон является учеником Вансины, он избрал в качестве источника своего исследования письменные сообщения португальцев и полностью отказался от использования устных традиций. Хармс руководит программой по изучению Южной Африки при Йельском университете; издал книгу о воздействии природного фактора на социальную историю Экваториальной Африки (1987).

Изучение истории стран Северной Африки не получило в США большого развития; интерес к этому региону носит главным образом праг-

матический характер, поэтому на первый план выдвинулись вопросы современности, политики и экономики новейшего времени. Тем не менее можно назвать несколько имен видных ученых-арабистов, создавших основательные труды, в той или иной степени относящиеся к народам Северной Африки. Это прежде всего Густав Эдмунд фон Грюнебаум (1909–1972), который родился в Вене, где окончил университет и преподавал в нем до 1938 г., после чего эмигрировал в США. Преподавал в университетах Нью-Йорка, Чикаго, затем был директором Центра по изучению Ближнего Востока в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес). Кстати заметим, что это не единственный иностранный ученый, внесший значительный вклад в развитие американской африканистики. В этом же университете работает видный бельгийский африканист Жак Маке (его книга «Цивилизации Африки южнее Сахары» вышла в русском переводе в 1974 г.); выше мы называли его соотечественника Я.Вансину. В Йельском университете работает виднейший специалист по истории Южной Африки, уроженец ЮАР Леонард Томпсон; во многих научных центрах США можно встретить ученых африканского происхождения (Б.Обичере, В.Ученду, Б.Магубане, Г.Узоигве, М.Овусу и др.).

Г.Э. фон Грюнебаум является ученым мирового значения, автором более 300 публикаций по истории культуры арабских стран, в том числе Египта. Его фундаментальный труд «Основные черты арабо-мусульманской культуры» переведен на русский язык (1981). Здесь среди многих других проблем интересны глубокие мысли автора о возникновении и развитии историографии, о наиболее видных представителях эпохи средневековья. Другая важная историческая работа этого автора называется «Современный ислам. Поиски культурной самобытности» (1962).

История средневековой культуры арабов стала главным объектом изучения другого крупного ученого, профессора Йельского университета Франца Розенталя (род. 1914). Среди его многочисленных трудов внимание привлекает книга «История мусульманской историографии» (1952, 2-е изд. 1968), признанная в рецензии советского автора «выдающимся трудом» по историографии средневековья. Хронологические рамки работы, X–XV вв., состоит она из трех частей. Вначале дан общий обзор развития арабо-мусульманского историописания, затем следует перевод текстов средневековых авторов по теории и истории исторической литературы и, наконец, арабский текст этих произведений. Из других его трудов следует назвать исследование о концепции знания в средневековом исламе под названием «Торжество знания» (рус. перевод 1978).

В отличие от предыдущего ученого, Дейвид Гордон, профессор Американского университета в Бейруте, пишет о новейшей истории стран Магриба. В книгах «Конец французского Алжира» (1966) и «Французское наследие в Северной Африке» (1962) он исследует ход антиколониальной борьбы в Северной Африке, не внося особых изменений в известную либерально-буржуазную интерпретацию событий. Более интересный является его работа «Самоопределение и история в третьем

мире» (1971), в которой сделана попытка дать широкую картину возникновения национальных историографий в освободившихся странах главным образом Северной Африки, вскрыть социальную функцию исторических знаний. История в этих странах, утверждает Гордон, играет в основном роль политической мифологии, она обслуживает потребности пропаганды, научная же история находится в эмбриональном состоянии. Это первый период, когда преобладает, по мнению автора, мифотворчество и этноцентрическое самопознание, но в будущем национальная историческая наука пойдет по пути Запада, продолжая его эллинистические и христианские традиции. Прогноз американского ученого, как мы знаем, оказался ошибочным.

Старейшиной американских африканистов и наиболее авторитетным ученым и в последние годы вплоть до своей кончины (1963) оставался М.Херскович. Он уже не проводил полевые исследования непосредственно в Африке; на основе обобщения результатов своих прежних экспедиций, а также обширного круга источников Херскович выпустил ряд книг теоретического плана, обогативших мировую африканистику. Во-первых, он продолжил изучение общих проблем этнографической науки в книгах «Экономическая антропология» (1952) и «Культурная антропология» (1948, 2-е изд. 1960). В них он обосновал теорию культурного релятивизма, сердцевинной которой является отказ от европоцентризма и признание равноценности всех народов мира — больших и малых, развитых и отсталых. Мы не имеем права, отмечал Херскович, выдавать наши европейско-американские моральные понятия за абсолютные ценности: они относительны, релятивны. Антропология (этнография), заключает автор, учит уважительному отношению к культуре каждого народа. В этих положениях заметно здоровое, прогрессивное ядро культурного релятивизма, направленного против расизма, этноцентризма и колониализма. Вместе с тем его логика такова, что оправдывает все традиции и пережитки старины, в том числе самые ретроградные, консервативные и жестокие. Концепция культурного релятивизма взята сегодня на вооружение силами реакции, идеализирующими старину и препятствующими проникновению в Африку перодовой науки, искусства.

Во-вторых, Херскович продолжил свои работы непосредственно по африканской тематике, опубликовав книги «Миф о негритянском прошлом» (1958) и «Человеческий фактор в меняющейся Африке» (1958, 2-е изд. 1962). Особенно интересна последняя работа, само название которой созвучно современным дискуссиям в нашей стране и за рубежом о роли «человеческого фактора» в социальных преобразованиях. Среди других проблем Херскович рассматривает роль истории в социальной психологии новой Африки. На протяжении долгого времени, пишет он, африканская история представляла собой историю европейской экспансии в Африке или, другими словами, африканская история была продолжением истории Европы. То, что ныне маятник качнулся в другую крайность, можно вполне понять. Далее автор обсуждает

некоторые важные вопросы становления национальной историографии: вклад Древнего Египта в мировую цивилизацию и его связь с Черной Африкой, значение устной традиции, общественный строй доколониальных африканских обществ. В последнем пункте Херскович, например, стоит на точке зрения отсутствия феодализма в Африке, хотя и не высказывается определенно, каким же был этот существовавший социальный строй.

Следует упомянуть и о том, что стараниями Херсковица Северо-Западный университет превратился в крупнейший центр африканистики США, где изучается история, этнография, языки, экономика, музыка и искусство, современные политические проблемы Африки. На отделении истории работают видные африканисты, англичане по происхождению, профессора Айвор Уилкс, знаток истории Ганы, и Джон Ханвик. Созданная при Херсковице в 1954 г. библиотека, которой было присвоено впоследствии имя ученого, превратилась в одно из самых богатых в мире собраний литературы, прессы и рукописей.

Если Северо-Западный университет продолжает либерально-буржуазные традиции М.Херсковица в африканистике США, то в 70–80-е годы в качестве оплота консервативной мысли выдвинулся Гуверовский институт при Стенфордском университете в штате Калифорния. Будучи одним из мировых центров антикоммунизма и советологии, Гуверовский институт войны, революции и мира (основан 1919) прежде не занимался проблемами Африканского континента. В середине 60-х годов здесь появились африканисты, которые стали выпускать почти ежегодно обширные монографии, а также многотомные издания по африканской тематике. Возглавляют эту группу Льюис Ганн и Питер Дигнен. Первый из них, англичанин по происхождению, в 50-х годах работал в Институте Родса–Ливингстона в Южной Родезии (Замбия), опубликовал историко-социологическую работу «Рождение плюрального общества» (1958). В нем он изучает социальные изменения, происходившие в африканских обществах Северной Родезии на рубеже XIX и XX вв. К изучению этой темы он подходит с общих позиций распространенной в английской буржуазной этнографии теории «единого социального поля», которая изощренными рассуждениями и подтасовкой фактов в конечном счете служила политике неокOLONИализма.

Ганн совместно с Дигненом выпустили книгу «Бремя империи» (1967), выдержавшую несколько изданий, в которой прямо утверждают, что колонизация Африки европейцами была «одним из наиболее эффективных двигателей распространения культуры, известных мировой истории». Несмотря на некоторые отрицательные моменты, она дала африканцам новую технологию, новые методы производства, привела к значительному увеличению богатства стран и народов.

О «благодетелях» колониализма американские консервативные историки пространно пишут в коллективном пятитомном труде «Колониализм в Африке, 1870–1960 гг.» (1969–1974), вышедшем под грифом Гуверовского института, в котором участвуют западноевропейские

историки. Редакторы всего издания Ганн и Дигнен не скрывают, что главная цель этой работы «переоценка» последствий колониализма для будущего развития Африки; в другом месте они утверждают, что приведенные в книге материалы якобы опровергают ленинские положения по колониальным проблемам. В целом детище Гуверовского института — это типичный образец неоколониалистской буржуазной историографии, его задача — обелить колониализм и оправдать политику неоколониализма.

Среди других трудов по истории Африки, написанных «гуверовским дуэтом», следует назвать серию книг о европейских губернаторах африканских колоний — английских (1978), бельгийских (1979), германских (1977) и обо всех вместе взятых, — под названием «Африканские проконсулы» (1979). Две книги посвящены современным проблемам Южной Африки: «Южная Африка: война, революция или мир?» (1978) и «Почему Южная Африка способна выжить?» (1981). В них даются рецепты расистам ЮАР, как покончить с национально-освободительным движением, критикуются правящие круги США за недостаточно твердую и последовательную помощь режиму Претории. Еще две книги вышли в 1981 г. под общим подзаголовком «Вызов западной безопасности» (о районах, которые считаются жизненно важными для монополий США — Африке к югу от Сахары, Ближнем Востоке и Северной Африке). В них авторы выступают за самые решительные меры, вплоть до военной интервенции, не только в случае, как они утверждают, «коммунистической агрессии», но и внутренних беспорядков. Одновременно Ганн и Дигнен требуют усилить «идеологическое наступление» против сил прогресса во всех странах Африки и Ближнего Востока. В одной из своих последних книг «Соединенные Штаты и Африка: история» (1984) они вновь ратуют за усиление экономической и военной помощи реакционным режимам в Африке, в том числе в ЮАР, чтобы противостоять революционному процессу.

Хотя в первой половине 80-х годов консервативное течение в американской африканистике, представленное работами как сотрудников Гуверовского института, так и других буржуазных ученых, усилилось, ему противостоит прогрессивно-демократическое течение, продолжающее лучшие традиции выдающихся африканистов США У. Дюбуа и К. Вудсона. К нему можно отнести названного выше Фрэнка Сноудена, одного из крупнейших знатоков африканской археологии Дж. Д. Кларка, ряд историков-негров. Джон Десмонд Кларк (род. 1916) в течение многих лет проводил раскопки в Африке, с 1961 г. работает профессором Калифорнийского университета (город Беркли), автор многих публикаций по древнейшей истории народов Африканского континента. Лучшая работа Кларка, подводящая итог его научной деятельности, получила заглавие «Доисторическая Африка» (1970, рус. перевод 1977), написана на основе материалистического понимания истории, подлинного уважения к африканским народам, признания их вклада в мировую цивилизацию.

Изучение истории Африки в Италии, как и прежде, сосредоточено главным образом в университетах Рима, Неаполя, Генуи, Бари, Павии, где имеются институты или кафедры, специализирующиеся по востоковедению. Итало-африканский институт в Риме издает влиятельный научно-политический журнал «Африка».

Италия, как мы помним, имеет давние традиции в изучении истории, этнографии, языков и литературы Эфиопии. Итальянская эфиопистика в 50–60-е годы продолжала изучение древней и средневековой истории Эфиопии в трудах маститых ученых К.Конти-Россини и Энрико Черулли. По инициативе последнего в Риме был созван первый международный конгресс эфиопистов (1959), где Черулли сделал основной доклад о главных проблемах изучения древней истории страны. На третий конгресс эфиопистов, состоявшийся в Аддис-Абебе (1966), Черулли не был приглашен по настоянию эфиопского правительства в связи с его активной поддержкой агрессии фашистов в 30-е годы.

В 70-е годы произошла смена поколений в итальянской африканистике, из науки ушли люди, запятнавшие себя в годы фашизма. Новое поколение ученых с особым интересом изучало «белые пятна» итальянского колониализма в Африке, в частности такие темы, как борьба передовой общественной мысли против колониальной экспансии, ее движущие силы, цели и методы, сопротивление эфиопского народа в годы войны 1936–1941 гг.

Наиболее крупные работы по этой тематике опубликовали Ромен Райнеро, Джулиано Прокаччи, Алессандро Триулци, Карло Дзаги. В книгах Райнеро «Итальянский антиколониализм в 1869–1896 гг.» (1971), Прокаччи «Международный социализм и война в Эфиопии» (1978), Дзаги «Африка в европейском сознании и итальянский империализм» (1973) на огромном фактическом материале опрокинуты утверждения консервативной историографии о «народном» характере итальянских завоеваний в Африке. В этих книгах показаны антиколониальные традиции итальянского народа, на которые опирались прогрессивные общественные силы и партии, хотя и не всегда последовательно, выступавшие против колониальных авантюр итальянского империализма. Другая важная проблема, поставленная в работах этих авторов, касается связи международного движения протеста против колониальных захватов Италии с антиколониальным движением внутри страны, возглавляемым коммунистами и социалистами.

Среди других работ итальянских африканистов следует отметить книги Р.Райнеро «Первые попытки колонизации и заселения Эритреи» (1960) и Альберто Сбакки «Итальянский колониализм в Эфиопии» (1980), а также книги и статьи профессоров Неапольского университета Алессандро Триулци, Римского университета Бернардо Бернарди и Пизанского университета Джанпаоло Калки-Новати. Л.Дель Пьяно является автором книги «Итальянское проникновение в Тунис. 1861–1881» (1964), которая приоткрывает завесу над темой, редко затрагивавшейся в итальянской историографии. Большой интерес для нас

представляет книга К.Дзаги «Русские в Эфиопии», где показаны попытки политического сближения между Россией и Эфиопией в конце XIX — начале XX в. Следует упомянуть также Теобальдо Филези, автора основательных историографических обзоров в римском журнале «Африка», и Франческо Габриели, ведущего специалиста по истории арабских стран.

Африканистика в **Португалии** имеет глубокие исторические корни, уходящие в описания первых мореплавателей вокруг Африки и путешественников, побывавших в «царстве священника Иоанна» — Эфиопии в XVI в. Другой источник зарождения португальской африканистики — это многочисленные документы, иногда очень ценные, которые были составлены миссионерами в странах, куда проникала первоначально португальская колонизация, — Анголе, Конго, Мозамбике. Все эти материалы, насчитывающие более 70 томов, были опубликованы в послевоенные годы Центром исторических исследований заморских стран, во главе которого до революции 1974 г. стоял видный историк консервативного толка Силва Регу.

Говоря об особенностях развития исторической африканистики в Португалии, следует иметь в виду несколько важных моментов. Во-первых, ни в одной европейской стране не издавалось так много исторических источников об Африке, как в Португалии. Заслуга в этом принадлежит неутомимому собирателю и издателю Антониу Бразу, начавшему в 1952 г. многотомное издание под заглавием «Монумента миссионариа африкана». В нем публикуются документы, хранящиеся в Историческом архиве заморских стран в Лиссабоне и в архиве Ватикана «Де пропаганда фиде». Все издание разделено на две серии: первая посвящена Центральной Африке, в 1982 г. вышел ее 14-й том, в котором помещены материалы конца XVII в., во второй серии (Западная Африка) пока напечатано 5 томов. Кроме того, Бразу опубликовал 5 томов (1966—1971) миссионерских донесений XIX в. из Анголы. Стараниями других португальских публикаторов выпущено 7 томов документов на английском и португальском языках под названием «Документы о португальцах в Мозамбике и Центральной Африке».

Во-вторых, португальская африканистика в течение почти 50 лет (1926—1974) развивалась в условиях фашистской диктатуры Салазара и его преемников. Изучение Африки было поставлено на службу португальскому колониализму, поэтому авторами большинства книг и статей были колониальные чиновники и офицеры. Характерной чертой португальской историографии этого периода было прославление ранних этапов колонизации Африки, примерно до середины XVII в. Так, одна из наиболее полных историй Анголы (в 4 томах) Ральфа Дельгаду завершается событиями 1737 г. В другой подобной работе (автор — Жозе Рибейру да Круш) периоду 1800—1940 гг. посвящена $\frac{1}{10}$ часть книги. Исторические работы об Анголе и Мозамбике, написанные капитанами, полковниками и генералами, невозможно перечислить.

В-третьих, работы профессиональных историков выполнены в соответствии с апологетической концепцией «лузо-тропикализма» (Лузита-

ния — древнее название Португалии). Ее центральным тезисом было утверждение об особых биологических и психологических качествах португальцев, благодаря которым они могут лучше других европейских наций приспособиться к жизни в тропических странах. В результате длительного взаимодействия местных элементов и португальской культуры возникает будто бы новая смешанная культура, более высокого уровня. В целом эта концепция стала идеологическим прикрытием и оправданием португальского колониализма, угнетавшего африканские народы в течение пяти столетий.

Ведущими португальскими историками, трактовавшими прошлое Африки с позиций «лузо-тропикализма», были в годы до революции 1974 г. Силва Регу и Александр Лобату. Первый из них писал в основном об истории Анголы, а также издал две книги по общим вопросам: «Заморские владения Португалии в XIX в.» (1966) и «Заморские владения Португалии в XVIII в.» (1970). Второй ученый специализировался по истории Мозамбика, среди его работ выделяются трехтомная «Португальская экспансия в Мозамбике» (1954—1960), охватывающая события XVI в., и двухтомная история города Лоуренсо-Маркиша (ныне — Мапуту) в XVIII в. (1949, 1960). Во всех указанных книгах в центре внимания авторов находятся португальцы; о коренных народах Мозамбика пишет Рита Феррейра в работах «Этноистория и традиционная история группы нгуни» (1974) и «Народы Мозамбика: история и культура» (1975).

После антифашистской революции 1974 г. в рядах португальских ученых-африканистов произошла серьезная перегруппировка: колониалистское течение, дискредитировав себя сотрудничеством с павшим режимом, потеряло авторитет, большое влияние приобрели ученые прогрессивных взглядов. Среди наиболее значительных трудов по истории Африки следует назвать книгу Арманду Каштру «Португальская колониальная система в Африке» (1978) и трехтомную работу П.Рамуша ди Алмейды «История португальского колониализма в Африке» (1978—1979). В них дан критический анализ специфики португальского колониализма, его разрушительных последствий не только для народов Африки, но и для самой Португалии, где консервировались отсталые экономические и социальные отношения.

* * *

Зарубежная африканистика в послевоенные годы развивалась не только вглубь, но и вширь, охватывая новые страны, в которых прежде прошлое и настоящее Африканского континента не изучалось. Определенных успехов достигла Япония, где при университете Киото функционирует научно-исследовательский институт по изучению истории, культуры и языков Тропической Африки; исследования в области этноистики развертываются в университетах Израиля. В Голландии при Лейденском университете, одном из старейших центров европейского востоковедения, открыто отделение по изучению Африки. В городе

Уппсале (Швеция) работает Скандинавский институт африканских исследований. Успешно развивается африканистика в Канаде, Испании. В Индии по предложению премьер-министра Джавахарлала Неру еще в 1955 г. была создана Школа международных исследований при Делийском университете, имевшая отделение по изучению проблем Африки. В 1970 г. она была передана в ведение нового университета им. Неру. Исследования в области африканистики ведутся также в университетах Бомбея, Калькутты и Хайдерабада.

Значительный вклад в мировую историографию истории Африки вносят ученые социалистических стран. Африканистика в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии — молодая отрасль научного знания. Особо следует отметить Центр африканских исследований (1962) при Варшавском университете, который возглавляет видный ученый-эфиопист С.Стрельцин. В ГДР сохранились и развиваются имеющие вековые корни демократические традиции немецкой африканистики. Прочные традиции в изучении истории работорговли между Африкой и Америкой, а также проблем синтеза культур на Кубе имеют кубинские историки (Ф.Ортис, Х.Л. Франко).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Произведения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина

- Маркс К.* Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 130–136.
- Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // Там же. Т. 9. С. 224–230.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1. Гл. 24 // Там же. Т. 23. С. 725–773.
- Энгельс Ф.* Положение Англии. Восемнадцатый век // Там же. Т. 1.
- Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. С. 210–216.
- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Там же. Т. 21. С. 314, 315.
- Ленин В.И.* Горючий материал в мировой политике // Там же. Т. 17. С. 174–183.
- Ленин В.И.* Пробуждение Африки // Там же. Т. 22. С. 145–146.
- Ленин В.И.* Отсталая Европа и передовая Азия // Там же. Т. 23. С. 166–167.
- Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Там же. Т. 27. С. 407–426.
- Ленин В.И.* Тетради по империализму // Там же. Т. 28.
- Ленин В.И.* О государстве // Там же. Т. 39. С. 64–84.
- Ленин В.И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока // Там же. Т. 39. С. 318–331.
- Ленин В.И.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам // Там же. Т. 41. С. 161–168.
- Ленин В.И.* II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам // Там же. Т. 41. С. 241–247.
- Ленин В.И.* Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики // Там же. Т. 44. С. 232–233.
- Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

Источники

- аль-Алим М.А.* Идейные бои. М., 1974.
- Аяш Ж.* Очерки марокканской истории. М., 1982.
- Геродот.* История в девяти книгах / Перевод и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972.

- Говорят африканские историки. М., 1977.
аль-Джабарти А. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962.
 История Африки: Хрестоматия. М., 1979.
Лев Африканский. Африка – третья часть света. Л., 1983.
Ногейра да Кошта А. Золото Мономотапы и португальские торговцы. М., 1984.
ар-Рафии А. Восстание 1919 г. в Египте. М., 1961.
 Суданские хроники. М., 1984.
Тураев Б.А. Абиссинские хроники. М.; Л., 1936.
 Эфиопские хроники XVI–XVII вв. М., 1984.
 Эфиопские хроники XVII–XVIII вв. М., 1989.
ал-Хаким И.А. Завоевание Египта, Магриба и Андалузии. М., 1985.
Хамруш А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте. Очерки истории. М., 1984.
аш-Шафии Ш.А. Развитие национально-освободительного движения в Египте. М., 1961.

Литература

- Африка: Энциклопедический справочник. М., 1986. Т. 1; 1987, Т. 2.
Бацеева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.
Бойко К.А. Арабская историческая литература в Египте. М., 1984.
Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов. // Очерки истории арабской культуры. М., 1982. С. 75–156.
Игнатенко А.А. Ибн Хальдун. М., 1980.
 Изучение Африки в России (дореволюц. период). М., 1977.
 Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985.
 Историческая наука в странах Африки. М., 1979.
Куббель Л.Е. Доколониальная Африка в трудах Ш.А. Диопа // Советская этнография. 1969. № 4.
Львова Э.С. Этнография Африки. М., 1984.
Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
Урсу Д.П. Современная историография стран Тропической Африки. М., 1983.
Abdesselem A. Les historiens tunisiens des XVII, XVIII et XIX siècles. P., 1973.
 African Historiographies. What History for Which Africa? / Ed. B. Jewsiewicki, D. Newbury. Beverly Hills – London, 1986.
 African Studies Since 1945. A Tribute to Basil Davidson / Ed. C. Fyfe. L., 1976.
Cahen C. L'historiographie arabe des origines au VII s. H. // Arabica. 1986. Т. XXXIII. No 2.
Cornevin M. L'apartheid: pouvoir et falsification historique. P., 1979.
Crabbs J. The Writing of History in Nineteenth Century Egypt. Cairo, 1984.
 Etudes africaines offertes à Henri Brunschwig. P., 1982.
Gabrieli F. Arab Historians of the Crusade. Berkeley – Los Angeles, 1988.
Gabrieli F. La storiografia arabo-islamica in Italia. Napoli, 1975.
Gordon F. Self-Determination and History in the Third World. Princeton University Press, 1971.
 Historiography of Southern Africa. P., 1980.

History in Black and White. An Analysis of South African School History Text-books. P., 1983.

Kapteijns L. African Historiography Written by Africans. The Nigerian Case. Leiden, 1977.

Khalidi T. Islamic Historiography. The Histories of Masudi. Albany, 1975.

Lewis B. British Contribution to Arabic Studies. L., 1941.

Little D. History and Historiography of the Mamluks. L., 1986.

Magubane B. The Politics of History in South Africa. N.Y., 1982.

Margoliouth D. Lectures on Arabic Historians. Calcutta, 1930.

Neal C. Writing «Independent» History. African Historiography, 1960 - 1980. Westport, 1985.

Oriental Studies in 60 years of Independent Poland. Warsaw, 1983.

Oumlil A. L'histoire et son discours. Essais sur la methodologie d'Ibn Khaldoun. Rabat, 1982.

Le processus d'éducation et d'historiographie en Afrique. P., 1986.

Raum J. Vorkoloniale phase in der Sudafrik Historiographie // Paideuma. 1976. No. 22. SS. 113-125.

Reid D. Indigenous Egyptology. The Decolonisation of a Profession // Journal of American Oriental Society. 1985. Vol. 105. No. 2. P. 233-246.

Rosenthal F. History of Muslim Historiography. 2nd ed. Leiden, 1968.

Studies in British Imperial History / Ed. G. Martell. Basingtone, 1986.

Temu A., Swai B. Historians and Africanist History: A Critique. Post-Colonial Historiography Examined. L., 1981.

Thompson L. The Political Mythology of Apartheid. New Haven, 1985.

Walraet M. Les études africaines dans le monde. Hier - aujourd'hui - demain. Bruxelles, 1971.

Wright H. The Burden of the Present. Liberal - Radical Controversy over Southern African History. Cape Town, 1977.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдаллах И.С. 171
Абдаллах бен Амр 21
Абдаллах бен Лахиа 21
Абд аль-Кадир 75
Абд аз-Захир 28–29
Абдель-Малек А. 171–172
Абдин А.Т. 177
Абдо М. 93–94, 96
Абраншиш Э. 200, 201, 204
Абу Хабиб 21
Авад Л. 91, 135, 171
Августин Блаженный 15, 144
Адаңдозан 62
Аджайн А. 196, 219, 221, 224–226
Адо И. 115
Ажерон Ш.Р. 265
Азикиви Н. 156
Аке К. 208, 232
Акига 157
Акинджогбин А. 217, 223
Акинтойе С. 219, 229, 231
Аккад А.М. 135–136
Акуффо Б. 157
Алагоа Э. 196
Алвариш Ф. 17
Александр Македонский 12
Аллен К. 274
Алпатов С.А. 37
Альберт Великий 16
Альбертини фон Р. 279
Альгюссер Л. 249
Амари М. 51
Амда Микаэль 44
Амда Сион 44–45
Амер И. 172
Амер М. 95, 174
Амин А. 129, 131, 133, 134, 136
Амин аль-Алим 171, 173
Амин Иди 232
Амин С. 203, 215, 240
Андрианампуйнимерина 70, 110
Андрианампунга 109
Андриандзани 70
Анене Дж. 196, 225
Анис М. 166
Аното Г. 123
Анненков П.В. 74
Аншпренгер Ф. 278
Аристотель 11, 280
Аристофан 11, 212
Арнольд С. 291
Архин К. 223
Асанте Д. 115
Асиегбу Дж. 229
Асис Жунниор А. 117
Атиено-Одхиамбо Э. 204, 214, 226
Аттар А. 175
Атыйя А.С. 168
Афигбо А. 196, 197, 219, 224, 228
Афолалу Р. 229
Ахмед М.С. 168
Ачуфузи М. 185, 200, 201
Ашраф Халил 28
Аяделе Э. 196
Аяш Ж. 183
Аяш С. 109
Ба А.А. 159, 193, 195–196, 218
Бабасана И. 230
Бабу А.Р. 234
Бадави А.А. 165
Бадави Ахмед 174
Бадави А.Р. 162–163
Бакр А.М. 174
Бакри 36
Балазури 21, 23, 25–26, 28, 96
Баландые Ж. 266
Балде М.С. 217, 220
Банна Х. 167
Бантинг Б. 257
Бантинг С.П. 256
Барави Р. 171, 173
Баронго Й. 232
Бартольд В.В. 24
Батили А. 223
Бахджат А. 92
Бахрей 58
Бажоми А. 164
Бейбарс 28
Бен Брахим А. 139
Бендауд М. 158
Бендиаб Т. 181, 182
Бенджедид Ш. 179
Бен Зейдан А.Р. 139
Белло М. 61
Бен Мансур А. 183
Бентам 130
Берк Ж. 265
Бернарди Б. 287
Беуиденхуты (семья) 242
Бешир М.О. 177
Бико С. 258
Бильонван Й. 152
Биобаку С. 184, 185, 196

Блайден Э. 114
Блей Г. 278
Блок М. 199, 263
Блох И. 204
Боавида А. 200
Боахен А. 196, 227, 229
Бойко К.А. 21
Бойс У. 68
Бокасса 232
Болотов В.В. 59
Бомбатта 247
Боннель де Мезьер 87
Борухович В.Г. 11
Бота К.Г. 151
Бота Л. 152
Бота П. 239
Боццолли Б. 249, 252
Бразиу А. 287
Брайант А. 66, 68, 154
Браунер Э. 221
Брейль А. 263
Брейтенбах Й. 238
Бродель Ф. 263, 272, 282
Брюгш Г. 129
Брюнсвиг А. 263–264, 272
Брюс Дж. 50
Буазиз Я. 181
Буато П. 267
Бубу Хама 159, 193, 194, 196, 218, 235
Бургиба Х. 177
Бусиа К. 193, 194, 218
Бутелези 254
Бэкон Р. 16

Вайян-Кутюрье П. 155
Вальт ван дер А.Й. 238
Вансина Я. 280–282, 283
Васильев А.М. 129, 164
Ваххаб Х.Х. 138
Вебер М. 208, 271
Вейль Г. 51
Вестерман Д. 277–278
Вийд Д. 238
Вильсон Г. 141
Вильсон (Хангер) М. 141, 243–244,
246
Вольгер 49, 89, 90, 95, 130, 134

Габра С. 174
Габриели Ф. 289
Галевн Ж. 85
Галлагер Дж. 227–228, 267, 271
Ганн Л. 222, 285–286
Ганнибал А.П. 50
Гарлейк П.С. 205
Гбагбо Л. 230
Гвиди И. 85, 96
Гетель З. 19, 39–40, 206
Гейер А. 238
Гейсс И. 278–279
Гелиодор 14
Герденер Г. 151
Гердер Й.Г. 49

Гернье Э. 263
Геродот 3, 6, 11, 212, 280
Герцог Дж.Б.152
Гете 180
Гзель С. 122
Ги Дж. 253, 260
Ги С. 153
Гибб Х. 52
Гильоме Г. 242, 254
Гиттани Г. 171
Глеле М. 217–218, 221
Глукман М. 121, 141
Гобино Ж.А. 82–83, 263
Гобсон Дж. 79
Годелье М. 217
Голенищев В.С. 174
Гома-Футу С. 202
Гомер 11
Гомотока 157
Гонейм М.З. 174
Горбаль Ш. 130, 134–135
Гордон Д. 283–284
Горький М. 137
Готье Э.Ф. 123
Грамши А. 185, 232, 234, 252
Графт-Джонсон Дж. 185
Грегуар 49
Григорий абба 47–48
Гриоль М. 124, 128
Грюнебаум фон Г.Э. 283
Гуди Дж. 111, 217, 274, 275–276
Гутнова Е.В. 191, 192
Гюго В. 134

Дааку К. 222, 223, 224
Давидсон А.Б. 8
Дадье Б. 159
Данква Дж. 157
Дауля И.С. 163
Делавиньет Р. 263
Дебре Р. 275
Девет К. 152
Девис Ж. 263
Дейвидсон Б. 273–274
Делафос М. 87, 116, 156
Дельгаду Р. 288
Дель Пьяно Л. 287
Дем К. 214
Демокрит 12
Дешан Ю. 122, 263
Джабаву Д. 106, 154
Джабаву Дж. 106
Джабарти 53–56, 91, 92, 96
Джаит Х. 179
Джанмохамед К. 230
Джаффе Х. 252
Джентлул А.К. 179
Дженовезе Ю. 248
Джирджис Ф. 168
Джовио П. 17
Джонсон Д. 114
Джонсон С. 115–116
Джордж Дж.О. 115

Джосер 174
Джума И. 133
Джунди А. 169–170
Дзаги К. 287–288
Диань М. 158
Диань П. 204, 208, 214, 215, 221
Дигнен П. 285–286
Дидро 49
Дика-Аква Н.Б. 195
Дике К.О. 184, 196, 197, 216, 220, 229
Дилман А. 85
Дингаан 65, 154
Динузулу 247
Диодор 11, 212
Диоп М. 216, 230
Диоп Ш.А. 120, 184, 185, 195, 210–
212, 217, 221
Дитмер К. 278
Достоевский Ф.М. 137
Драшер В. 278
Дубе Дж. 106
Дуве Ф. 278
Дьенг А.А. 216
Дьяо Й. 116
Дюпон-Якуба М. 118

Жубер К.Й. 243
Жюльен Ш.А. 123, 262

Закария И. 171
Закария Ф. 171
Заглул С. 136, 167
Зара Якоб 45
Зейдан Дж. 93–95
Зийяда М.М. 130
Зимбе Б. 157
Зломо Р. 154

Ибн Абид Диаф 53
Ибн Батута 36, 96
Ибн Ийас 29, 32, 35–36, 96
Ибн аль-Мухтар 60–61
Ибн Тагриберди 29, 32, 34
Ибн Уфайр 21–23
Ибн аль-Хакам 22–23, 34, 95
Ибн Хальдун 29–32, 89, 91, 93, 95, 96,
112, 132, 134, 179, 268

Ибн Хишам 20
Ибн Шаддад 28
Иванов Н.А. 52
Икиме О. 196, 229
Инан М. 132, 134
Иникори Д. 223, 224
Исичен Э. 219, 221
Исократ 11
Ихонвбере Т. 231

Йенсен А. 125

Кабрал А. 187, 234
Кагаме А. 184, 193, 194, 218
Катгва А. 116, 157
Каддаш М. 180–181

Кадри А. 175
Калаун 28
Калле 69–71, 110
Калки-Новати Дж. 287
Камаль Л. 92, 129
Камиль М. 96–97
Камухагире Э. 221
Кананэш М. 181
Кане А. 118
Карамзин Н.М. 113
Карл XII 90
Карлейль 135
Картин Ф. 222–223, 280–281
Касем А.К. 168
Кати М. 60–61
Катрмер Э. 51, 95
Каутский К. 76
Каштаньозу ди М. 17–18
Каштру А. 289
Каэтане Л. 85
Квамена-По 221
Кейта М.М. 159
Кейта М. 234
Кейта С.К. 236
Кениата Дж. 155–156
Кетеку П. 115
Кетчвайо 65, 66
Кивитде К. 143, 148–150, 243, 246, 247
Ки-Зербо Ж. 184, 186, 196, 198–199,
209, 210, 213, 219–221, 230, 231
Кимамбо И. 220–221
Кинди 23, 91
Киплинг Р. 102
Киприан 114
Кити Г. 157
Клавдий 56
Кларк Дж. Д. 141, 286
Клозель Ф. 118
Ковальченко И.Д. 200
Ковильян П. 17
Коджо Э. 232
Кокри-Видрович К. 217, 268
Коленсо Дж. 66
Колумб 212
Конрад И.Н. 112
Константин Африканец 15
Конти-Россини К. 85, 126, 287
Копанс Ж. 267
Кори Дж.Э. 101, 142–143, 150
Корневэн Р. 263
Косма Индикоплов 13–14
Котане М. 257
Котляр Е.С. 43
Крайем М. 177–178
Краузе Г.А. 87
Краутер С. 114
Крачковский И.Ю. 25, 35, 44, 95, 133
Кретъен Ж.П. 266
Крист 48
Кронье Дж. 153, 239
Кругер Д. 238
Крымский А.Е. 92
Крюгер С.Й. 102, 243, 247

- Ксенофонт 212
 Куббель Л.Е. 9, 59
 Купер Х. 141
 Кутб С. 169
 Кутце 152
 Куюте М. 42
- Лавджой П. 281
 аль-Лайс 21–22
 Лакост И. 267
 Лангенховен К. 103
 Ларуи А. 183
 Лас Г.Д. 278
 Лаусон Т. 115
 Лашераф М. 180
 Лебна Денгель 56
 Лев Африканский 17–18, 36
 Левин З.И. 91
 Леви-Провансаль Э. 123
 Легассик М. 247–249. 251
 Лежери М.С. 178
 Лейн Э. 51
 Леклан Ж. 211
 Ленин В.И. 77–81, 173, 186, 204, 206,
 208, 234, 259
 Леопольд 78
 Ли Абдулай 184, 207
 Ли Мадина 60
 Либенберг Б.И. 242
 Ливингстон Д. 68
 Лизетт Г. 235
 Лики (семья) 7, 159
 Литман Э. 85, 96
 Лобату А. 289
 Любу Ж. 18
 Лопиш К. 233–234
 Посев А.Ф. 38, 42
 Лот А. 262
 Лотман Ю.М. 43
 Лоу Р. 272
 Лудольф Й. 47–48
 Лукреций 11, 280
 Луллий Р. 16–17
 Лутули А. 259
 Людовик XIII 48
 Людовик XIV 48
- Маари 134
 Магема Фузе 66
 Магого 247
 Магубане Б. 259, 283
 Мадани Т. 138
 Маджеке Н. 258
 Мадунагу Э. 207, 232
 Майнхоф К. 83
 Макгрегор Дж. 107
 Маке Ж. 283
 Мазрун А. 196, 205, 283
 Маккарти М. 272
 Маккензи Дж. 273
 Маккроун И.Д. 148, 243
 Макмиллан У. 145–147, 150, 243, 246
 Маколей 134
- Макризи 22, 23, 29, 32–35, 51, 53, 96
 Малан Д.Ф. 150
 Малан Я. 151
 Малиновский Б. 120–122, 141, 156
 Мамдани М. 207, 234
 Мандела В. 259
 Мандела Н. 259
 Манефон 6, 12
 Мариетт Ф. 84, 95
 Маркард Л. 245–246
 Марков В. 201
 Маркс К. 32, 72–75, 79, 81, 173, 186,
 187, 204, 206, 208, 227, 229, 234,
 259
 Маркс Ш. 247–248, 250, 251, 253–254,
 274
 Маркузе Г. 275
 Марсей Ж. 266
 Марз Й. 143, 147–148, 247
 Масаис Нгема 232
 Масперо Г. 84, 95
 Масуди 24, 26–28, 30, 95
 Матвеев В.В. 9
 Матсетела Т. 260
 Махерка Денгель 58
 Махдади И. 171
 Махди 76, 177
 Махсас А. 182
 Мачобане Л. 260
 Машингаидзе Э. 260
 Мбай Гей 223
 Мбеки Г. 257
 Мбити Дж. 193, 194
 Мбоколо Э. 266
 Мвент Э. 193, 194–195, 212
 Мвороха Э. 219, 221
 Медейрос де Ф. 15, 170
 Меебело Г. 229
 Мейлам П. 253
 Мезу О. 235
 Мерад А. 180
 Мерве ван дер П. 151, 238
 Меясу К. 217, 267
 Мили Мбарек 138
 Мили М. 180
 Миллер Дж. 281
 Мильтон 134
 Мина 56
 Мити Дж. 157
 Мкхайи С. 107
 Мнгуни 258
 Мобуту 233
 Молема С. 106–107, 258
 Мольер 134
 Мони Р. 124, 159, 262, 263
 Мондлане Э. 187
 Монно Л. 268
 Моно Т. 124, 158, 159, 262
 Монтей В. 159
 Монтей Ш. 87
 Монтескье 32, 49, 89, 95, 130
 Мосеби 260
 Мофоло Т. 107, 154

Мофат Р. 68
Мошеше 244
Мпанде 65, 154
Мсузеле 107
Мтамбокагвайи 107
Мубарак А. 91–92
Мубарак М.Х. 164
Мудандаизи В. 219
Мудимбе В. 190, 203
Мукаса Х. 157
Мунро Ф. 273
Мурси Ф. 171
Мустафа М. 174
Мустафа Ш. 170
Мутанабби 134
Мухаммед 19, 20, 24, 34, 90, 92, 94,
131, 134
Мухаммед Али 55, 75, 88, 90, 97, 134,
135
Мюллер К. 239, 241
Мъеж Ж.Л. 264, 272

Набудере Д.В. 207
Надури Р. 175
Налино К.А. 96, 126
Наполеон Бонапарт 89, 175
Насер Г.А. 162, 164
Насиф Э.Х. 167
Наххас М. 167
Нвабара С. 229, 230
Нвулия М. 223
Нгакамаче Н. 107
Ндамасе В.П. 154
Ндау А. 195
Неру Дж. 290
Нзимино И. 208, 217, 232
Нзонгола Н. 233
Нзулу А. 154
Нил К. 8
Нишше 135
Нкадименг М. 260
Нкрума К. 187, 193, 213, 214, 222,
224, 235
Нноди О. 232
Ногейра да Кошта А. 202
Нуачукву-Огеденгбе К. 216, 217
Ньерере Дж. 213

Обенга Т. 204, 208–209, 211–212, 214
Обичере Б. 289
Овидий 11, 280
Овусу М. 226, 283
Огот Б. 196, 220–221, 223, 228
Олар А. 129
Олас Б. 159
Оливер Р. 247, 269–270
Олорунгимехин О. 219, 221, 224, 229
Омари 34
О'Мира Д. 254
Онимоде Б. 229, 232
Онселен ван Ч. 248, 252
Опленд Дж. 65
Ортис Ф. 290

Осман 27
Осман дан Фоддио 61, 196
Оффiong Д. 205
Очиенг У. 197, 207, 208, 220

Паиш П. 18, 48
Панкхерст (семья) 276
Пелисье Р. 267
Перри У. 119, 211, 263
Перро К.Э. 266
Персон И. 265–266
Петр 148, 50, 90
Пиль Дж. Д. 271, 276
Пинар Э. 152
Пиотровский Б.Б. 8
Пифагор 12
Плааки С. 106
Платон 12
Плесси дю А.И. 151
Плеханов Г.В. 189
Плиний 11, 13, 280
Покок Э. 47
Поланья К. 217
Полибий 212
Поло Марко 16
Поплер К. 198
Потехин И.И. 185, 261
Праха К.К. 202
Преллер Г. 103, 150, 151, 152
Преториус А. 103, 151, 152
Преториус Ф. 85
Прингл Т. 68
Прокачки Дж. 287
Птолемей 280
Пушкин А.С. 50

Рабетрану 69, 110
Радама I 110
Радзауна 111
Радкшфф-Браун А.Р. 120–122
Райнандриампандри 110–111
Райнеро Р. 287
Райт Г. 250
Раламбу 70
Ралаймихуатра Э. 109
Ралаймунгу Ж. 155
Рамадан А. 166–167
Рамсес II 175
Рамуш ди Ахмейда П. 289
Ранавалуна I 108, 110
Раумбана 69, 108–111
Раффи А.Р. 137, 165–166, 177
Раффи М.С. 132
Рвабукумба Ж. 219
Рея П.Ф. 267
Рейнджер 276
Рейндорф К.К. 115
Рейц К. 103
Ретиф П. 103, 151
Рибейру да Круш Ж. 288
Рибен ван Я. 67
Ризк Д. 171
Риттер Г. 278

Риттер Э.А. 107
Рифаат М. 165
Ришелье 48
Робертсон В. 90
Робинсон Р. 227–228, 267, 271, 272
Роди Н.Й. 239
Родней У. 207, 223
Родс С. 78, 104, 205, 228, 250
Розенталь Ф. 24, 283
Росс Я. 103
Роша К. 201
Ру Э. 255–256
Рубусана У. 105
Рубинштейн Н.Л. 37
Руссо Ж.Ж. 49, 89, 95, 130, 131
Руш Ж. 159

Саадалах Б. 181
Сабри А. 133
Сабри М. 129, 134–135, 165, 177
Садат 164
Сади 60–61
Саид Р. 91, 167–168
Сайед Марсот А. 165
Саймонс Дж. 257, 259
Саймонс Р. 257, 259
Салазар 288
Салама Муса 129, 136–137
Салех А.А. 175
Самори 158, 264
Сарба Д. 114
Сартр Ж.П. 190
Саси де С. 50, 51, 95
Сахли М. 180
Сарца Денгель 56–58
Сбакски А. 287
Сваи Б. 8, 203, 206, 207
Себазони С. 219
Семе К.И. 106
Семи-Би Зан 230
Сенгор Ламин 155
Сенгор Л.С. 156, 213, 235
Сенека 11
Сибторпе А.Б. 114–115
Сигананда Ц. 107
Сидибе М. 157, 159
Силва Регу 288, 289
Сили Дж. 100
Син Б. 207
Сире Абба Ко 116
Сисниинь 56, 58
Сиссоко С.М. 196, 218
Сиссоко Ф.Д. 157
Слави 53
Смит А. 32
Смит Я. 205
Смэтс Я. 103
Смэтс Я.Х. 152
Сноуден Ф. 280, 286
Сога Дж.Г. 154
Сога Т. 105
Солон 12
Солсбери 228

Солт Г. 50
Соссюр де Ф. 212
Софокл 212
Спенсер 130
Стоу Дж. 107
Страбон 11, 212
Стрейдом И.Г. 150
Стрельцин С. 290
Струве В.В. 12
Стюарт Дж. 107–108
Сулейман И. 196
Сундиата 41–43, 112, 157
Суюти 22, 29, 32, 34–35, 96
Сюрэ-Каналь Ж. 217, 267–268

Табари 24, 28, 30, 95
Таддэсэ Тамрат 206, 214, 218
Такла Селласе 58
Талби М. 179
Тамуно Т. 196, 197, 198, 224, 225
Тараоре Х. 159
Тауфик М. 175
Тауфик аль-Хаким 129
Таха Хусейн 32, 129, 131–134, 135, 137
Тахтави 89–91, 95, 137
Тацит 13
Тегна М. 181
Тему А. 8, 203, 206, 207
Террэ Э. 217, 267
Тертуллиан 15, 114
Тешомэ Кэбэдэ 218
Тиам И.Д. 230
Тил Дж. М. 99–101, 142, 144
Тит Ливий 109
Тлили Б. 177–178
Това М. 205
Тойо Э. 208
Тойт дю А. 254–255
Тойт дю С.Я. 102–103
Тойт дю Я. 153
Токарев С.А. 4, 120, 190
Толстой Л. 137
Томпсон Л. 244–246, 283
Торнтон Дж. 282
Травеле М. 157
Траоре Б. 224
Трапидо С. 247
Триулци А. 287
Тсотси У.М. 270
Туполев Б.М. 8
Тураев Б.А. 9, 44, 45, 56–57
Туре А.С. 232, 234, 235
Тутанхамон 129, 175
Тутмос III 10
Тшитенге М. 233
Уан И.М. 159
Уедако К. 233
Удас О. 87
Узонгве Г. 223, 224, 228, 271, 283
Уилкс А. 217
Унканрэн Л. 155
Уоддис Дж. 274, 275

Уокер Э. 143–145, 149, 150, 243, 246
Уоллес-Джонсон Т. 155
Утченко С.Л. 39
Уфуэ-Буаньи Ф. 235
Ученду В. 216, 217, 289

Фавзи С. 177
Фавзи Х. 164
Файф К. 277
Фалес Милетский 12
Фалола Т. 232
Фанон Ф. 187, 275
Фарадж А.С. 170
Фарид М. 96–97, 167
аль-Фаси А. 182
Фахба М. 171
Фахми М. 165
Фахри А. 174
Февр Л. 263
Фейдж Дж. Д. 222, 223, 247, 269–271,
280
Фервурд Х. 150
Ферейра Р. 289
Филези Т. 288
Филип Дж. 68
Фильдхауз Д. 272
Фонлон Б. 197
Фонтиш Перейра Ж. 116
Форбс Ф. 40
Формэн Л. 255–257
Форстер Б. 150
Фортес М. 121
Франко Х.Л. 290
Фробениус Л. 86–87, 124–125, 128,
156, 282
Фуад М. 177
Фукидид 11
Фумагалли Дж. 81
Фуше Л. 143

Хабаша Л. 174
Хаберланд Э. 279
Хаддад Н. 167
Хаддад Т. 138
Хаджерес С. 182
Хакем А.А. 177
Хамруш А. 166
Ханафи Х. 171
Хантер М. (См. Вильсон М.)
Харакри 92, 137
Харби М. 182
Харбутли А.Х. 171
Хармель М. 257
Хасан А. 175
Хасан С. 174
Хасан II 182
Хасанейн Г.М. 172–173
Хатшепсут 10
Хейкал М.Х. 131, 134, 135
Хеопс 176
Херсковиц М. 128, 185, 217, 261, 279,
284, 285
Хесе Й.А. 242

Хернле А. 141, 143, 147–148
Хивер ван дер К. 152
Ходжкин Т. 274
Холден У. 68
Холи Лютфи 171
Холл Р. 101
Хортон Дж. 114
Хоул Х.М. 101
Хунтоджи П. 111, 113, 204
Хусейн А. 167, 169
Хусейн М. 172
Хусейн М.К. 163, 173

Цирер О. 278

Чака 65, 106, 107, 154
Чемберлен Дж. 78, 228
Черепнин Л.В. 37
Чернецов С.Б. 9, 56, 58
Черулли Э. 126, 287
Чингисхан 18
Чишику Чибангу 193, 194

Шампольон Ф. 50–51
Шапера А. 141
Шателен Э. 41
Шаффи бен Али 28
Шаффи Ш.А. 171, 172
Шаяль Г.Д. 165
Швейцер А. 87–88
Шекспир 134
Шептерсон Дж. 277
Шибейка М. 176
Шивджи И. 204, 207, 234
Шольц Г. 152, 238, 242
Шукейр Н. 176
Шукри М.А. 174

Эванс-Причард Э. 121–122, 128
Эзана 13
Элленбергер Д.Ф. 107
Эллиот-Смит Г. 119, 211, 263
Эльфик Р. 253
Энгельс Ф. 72–76, 79, 80, 81, 112,
173, 203, 204, 206, 234
Эсхил 212
Этмор А. 247–248, 251

аль-Юси 265
Юсуф-паша 53
Юта Я.К. 73

Яконо К. 264
Якуби 24–25, 28
Янсен Э. 151
Ярсфельт Ф.А. 240–241, 243
Ясу I 48

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Возникновение и развитие знаний о прошлом народов Африки в древности и средневековье	10
1. Сведения об Африке в древности	10
2. Европейское средневековье и Африка	15
3. Арабская историческая литература об Африке	18
4. Донаучная история в странах Африки к югу от Сахары	37
Глава 2. Историография африканской истории в эпоху колониальных захватов (XVII – середина XIX в.)	47
1. История Африки в странах Западной Европы	47
2. Упадок арабской историографии в Северной Африке	52
3. Историческая мысль народов Тропической и Южной Африки	56
Глава 3. Проблемы Африки в идейном наследии Маркса, Энгельса, Ленина	72
Глава 4. Изучение истории Африки в конце XIX – начале XX в.	82
1. Изучение прошлого африканских народов в Западной Европе	82
2. Зарождение исторической науки в Северной Африке	88
3. Зарождение научной историографии в Южной Африке	97
4. Преднаучный этап национальной историографии в Тропической Африке	111
Глава 5. Историография истории Африки в 1918–1945 гг.	119
1. Изучение африканской истории в странах Западной Европы и США	119
2. Антиколониальные идеи арабской историографии Северной Африки (1918–1945 гг.)	128
3. Идейная борьба в южноафриканской историографии (1918–1945 гг.)	139
4. Истоки и идеи национальной историографии в странах Тропической Африки	155

Глава 6. Современная историография истории Африки (1945–1985 гг.)	161
1. Основные достижения исторической науки стран Северной Африки	161
2. Формирование и развитие научной истории в странах Тропической Африки	183
3. Идеиная борьба в исторической науке Южной Африки	236
4. Историография африканской истории в Западной Европе и США	261
Рекомендуемая литература	291
Именной указатель	294

Учебное издание

Урсу Дмитрий Павлович

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ АФРИКИ

Редактор *Н.В. Павлова*
Младший редактор *С.А. Юшина*
Художник *Э.А. Марков*
Художественный редактор *Т.А. Коленкова*
Технический редактор *С.В. Талагаева*
Корректор *Н.А. Кравченко*
Оператор *Г.А. Шестакова*

ИБ № 8115

Изд. № Ист-63. Сдано в набор 11.08.89. Подп. в печать 12.02.90. А-02258. Формат 60x88¹/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Объем 18,62 усл. печ. л. 18,62 усл. кр.-отт. 21,70 уч.-изд. л. Тираж 6 700 экз. Зак. № 282.

Цена 1 руб.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Набрано на наборно-пишущих машинах издательства

Отпечатано в Московской типографии № 8 Госкомпечати СССР. 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

Урсу Д.П.

У 72 **Историография истории Африки: Учеб. пособие для студ. вузов по спец. «История».** – М.: Высш. шк., 1990. – 302 с.

ISBN 5-06-000580-1

В пособии рассматривается возникновение и развитие знаний о истории африканских народов в древности и средневековье, в эпоху колониальных захватов и в XIX – начале XX в. Специальные главы и параграфы посвящены проблемам африканской истории в идейном наследии К.Маркса и Ф.Энгельса, вкладу ученых Африки в изучение этого континента, современной историографии Африки.

у 0502000000(4309000000) – 189 **з – 90**
001(01) – 90

ББК 63.3(0)53
9(М)7

